

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 2 (26)

**САРАНСК
2013**

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрчёнков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин,
С. П. Бурланков, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, И. В. Зубов,
В. А. Каланов, А. М. Каторова, А. Н. Келина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, Н. Г. Юрчёнкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

А д р е с р е д а к ц и и:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304,
e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.</i> Развитие народонаселения России в 1990-е — 2000-й гг.	7
<i>Кильдюшкина И. Г., Кильдюшкина А. Ю.</i> Отражение перестроечных процессов на деятельности банков Мордовии	18
<i>Жулина М. А., Фирстов М. И., Нехаева Н. Е.</i> Аспекты формирования региональной программы развития туризма Республики Мордовия	35
<i>Малоземов С. И.</i> Аграрная политика постсоветской России: сценарий международных экспертов и региональные модели	44
<i>Кормишкина Л. А.</i> Развитие малого инновационного предпринимательства как проявление эффективной национальной инновационной системы	52

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

<i>Пронин А. С.</i> Конь в погребальном обряде финно-угров Поволжья VI — XIII вв.	62
<i>Зеленева Ю. А.</i> Мордва и другие народы лесостепного Поволжья перед монгольским нашествием	69
<i>Жаркова Л. М., Житаев В. Л.</i> Отношение населения мордовского края к вопросу об устройстве народных библиотек	82
<i>Лаптун А. В.</i> Развитие церковно-библиотечного дела в мордовском крае на рубеже XIX — XX вв. (На материале Пензенской епархии)	91
<i>Задкова Т. Ю.</i> Миграция как важнейший фактор демографических процессов в деревне середины 1950-х — первой половине 1960-х гг. (На материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	98
<i>Юрчёнков Р. В.</i> Творчество в Темлаге — Дубравлаге: постановка проблемы	108

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Маслова А. Ю., Мочалова Т. И.</i> Особенности проявления гендерного аспекта в русских говорах Республики Мордовия	115
<i>Осовский О. Е.</i> Литературоведческая проблематика в наследии С. И. Гессена	124

<i>Ручина Н. А.</i>	
К проблеме перевода стихотворного текста (На примере поэмы «Полые люди» Т. С. Элиота)	132
<i>Степин С. Н.</i>	
Концепция судьбы в лирике Константина Смородина	143
<i>Шеянова И. И.</i>	
Сказовые формы повествования и фольклорная стилизация в мордовской эпической поэзии (На примере поэмы «Эрьмезь» Я. Я. Кулдуркаева и романа в стихах «Покш ки лангсо умарина» А. Д. Куторкина)	150

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Гусева Т. М., Тараканова Н. Г.</i>	
Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в.: проблемы и перспективы изучения	160
<i>Пивцайкина О. А.</i>	
И. Д. Воронин — основоположник литературного краеведения Мордовии	165
<i>Синдянкин Н. Н.</i>	
Смысл как инвариант информационных структур в дискурсе русской культуры	170
<i>Панягин А. А.</i>	
Особенности коммуникативного поведения в процессе межкультурного делового общения	178

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буквы К, Л	189
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244
СОКРАЩЕНИЯ	250

CONTENTS

REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Lipatova L. N., Gradusova V. N., Fadeev V. Yu.</i> Development of the Population in Russia in the 1990s — 2000	7
<i>Kildyushkina I. G., Kildyushkina A. Yu.</i> Reflection of the Processes of Perestroika on the Activity of Banks of Mordovia	18
<i>Zhulina M. A., Firstov M. I., Nekhaeva M. I.</i> Aspects of the Formation of Regional Program for the Development of Tourism in the Republic of Mordovia	35
<i>Malozemov S. I.</i> Agrarian Policy of Post-Soviet Russia: Scenario of International Experts and Regional Models	44
<i>Kormishkina L. A.</i> Development of Small Innovation Enterprise as a Manifestation of the Effective National Innovation System	52

ARCHAEOLOGY AND HISTORY

<i>Pronin A. S.</i> A Horse in the Funeral Rite of the Finno-Ugrians of the Volga Region in the VI — the XIII Centuries	62
<i>Zelenev Yu. A.</i> The Mordvins and Other Peoples of the Forest-Steppe Volga Region before the Mongolian Invasion	69
<i>Zharkova L. M., Zhitaev V. L.</i> Attitude of the Population of the Mordovan Land to the Problem of Organization of Public Libraries	82
<i>Laptun A. V.</i> Development of Church Libraries in the Mordovian Region at the Turn of XIX — XX Centuries (On the Basis of the Penza Eparchy)	91
<i>Zadkova T. Yu.</i> Migration as the Main Factor of Demographic Processes in the Village in the Middle of 1950s — the Early 1960s (On Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)	98
<i>Yurchenkov R. V.</i> Creations in Temlag — Dubravlag: Formulation of the Problem	108

PHILOLOGY

<i>Maslova A. Yu., Mochalova T. I.</i> Peculiarities of Manifestation of Gender Aspect in Russian Dialects of the Republic of Mordovia	115
<i>Osovskiy O. E.</i> Problems of Literary Studies in the Heritage of S. I. Hessen	124

<i>Ruchina N. A.</i>	
To the Problem of Translation of a Poetic Text (By the Example of the Poem «The Hollow Men» by T. S. Eliot)	132
<i>Stepin S. N.</i>	
Conception of Destiny in Lyrics of Konstantin Smorodin	143
<i>Sheyanova I. I.</i>	
Tale Forms of Narration and Folklore Stylization in Mordovian Epic Poetry (By the Example of the Poem «Ermez» by Ya. Ya. Kuldurkaev and the Novel in Verse «Poksh ki langso umarina» by A. D. Kutorkin)	150

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Guseva T. M., Tarakanova N. G.</i>	
District Chief Towns of the Middle Volga Region in the Second-half of the XIX century: Problems and Prospects for Study	160
<i>Pivtsaykina O. A.</i>	
I. D. Voronin as a Founder of Literary Regional Studies of Mordovia	165
<i>Sindyankin N. N.</i>	
Meaning as an Invariant of Information Structures in the Discourse of Russian Culture	170
<i>Panyagin A. A.</i>	
Peculiarities of Communicative Behaviour in the Cross-Cultural Business Communication	178

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part K, JI	189
---	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	247
--	-----

ABBREVIATIONS	250
----------------------------	-----

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 314.122(470)

Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, В. Ю. Фадеев
L. N. Lipatova, V. N. Gradusova, V. Yu. Fadeev

РАЗВИТИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1990-е — 2000-й гг.

DEVELOPMENT OF THE POPULATION IN RUSSIA IN THE 1990s — 2000

Ключевые слова: население, депопуляция, рождаемость, смертность, сверхсмертность, продолжительность жизни, заболеваемость, миграция.

В статье на основе анализа показателей рождаемости, смертности, заболеваемости, продолжительности жизни и миграции населения выявляются основные тенденции демографического развития России в 1990-е — 2000-й гг.

Key words: population, depopulation, fertility, mortality, super-mortality, lifetime, morbidity, migration.

Main trends in the demographic development of Russia in the 1990s — 2000 are revealed in the article on the basis of the analysis of characteristics of fertility, mortality, morbidity, lifetime and migration.

В России 1990-е гг. отмечены серьезными изменениями в демографической ситуации. В первой половине 1990-х гг. началась депопуляция, характеризующаяся быстрыми темпами и значительной глубиной. В эти годы естественная убыль в России в десятки раз превышала аналогичный показатель в депопуляционных странах Европы. В отечественной истории этот период отмечен усилением внимания научной общественности к демографическим проблемам. Ученые, обеспокоенные нараставшим демографическим кризисом в России, говорили о вымирании народа, называя основными причинами этого нужду и социальный дискомфорт¹.

Демографические проблемы обсуждались на Всероссийской научной конференции «Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода» (1996 г.), заседании круглого стола Российского общества социологов и демографов (1998 г.), Российской научно-практической конференции «Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы» (1999 г.), научно-практической конференции «Демографическая ситуация: региональный аспект» (2000 г.) и др.

До конца 1991 г. население России продолжало увеличиваться, причем положительными были и естественный, и миграционный приросты. С 1992 г. начался обратный процесс — естественный прирост населения сменился убылью. Однако сальдо миграции, хотя и оставалось положительным, не превышало ее. В течение 1992 — 2000 гг. число жителей Российской Федерации уменьшилось на 3,5 млн чел., или 2,4 %. Особенно быстро это произошло за два последних года рассматриваемого периода: на 1,5 млн чел., или 1,0 % (табл. 1).

Такое развитие демографической ситуации во многом было исторически детерминировано. Так, до середины 1960-х гг. в России сохранялся высокий среднегодовой прирост населения: в 1951 — 1955 гг. — 1,9 млн чел., 1959 — 1960 гг. — 1,7 млн чел., в 1961 — 1965 гг. — 1,3 млн чел. (табл. 2).

Таблица 1

**Динамика численности населения
в 1990-е — 2000-й гг.**

Годы	Численность населения на конец года, тыс. чел.	Изменения за год			%
		Общий прирост (снижение), тыс. чел.	В том числе		
			естественный	миграционный	
1990	148 543	—	—	—	
1991	148 704	161	104	57	0,11
1992	148 673	-31	-207	176	-0,02
1993	148 366	-307	-737	430	-0,21
1994	148 306	-60	-870	810	-0,04
1995	147 976	-330	-832	502	-0,22
1996	147 502	-474	-818	344	-0,32
1997	147 105	-397	-750	353	-0,27
1998	146 693	-411	-696	285	-0,28
1999	145 924	-769	-925	156	-0,52
2000	145 184	-740	-954	214	-0,51

Составлена по: Демографическое будущее России. Саранск, 2000. С. 10, 37 ; Численность населения по регионам Российской Федерации : стат. сб. Саранск, 2001. С. 13.

Таблица 2

Изменение численности населения в 1950 — 80-е гг.

Годы	Численность населения на конец периода, тыс. чел.	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе		Среднегодовой прирост, %
			естественный	миграционный	
1951 — 1955	112 266	9 321	9 160	161	
1956 — 1960	120 766	8 500	9 515	-1 015	1,5
1961 — 1965	127 189	6 423	7 067	-644	1,1
1966 — 1970	130 704	3 515	4 180	-665	0,6
1971 — 1975	134 690	3 985	4 180	-195	0,6
1976 — 1980	139 028	4 337	3 730	607	0,6
1981 — 1985	143 835	4 808	3 939	869	0,7
1986 — 1990	148 543	4 707	3 649	1 058	0,7

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 10.

Рождаемость превышала смертность в 2,5 — 3,0 раза. Естественное движение населения с середины 1950-х гг. было единственным источником его роста. До середины 1970-х гг. сальдо миграции было отрицательным. Продолжительность

жизни россиян за 1961 — 1965 гг. заметно увеличилась. Женщины жили в среднем на 8,7 года дольше мужчин — соответственно 73,3 и 64,6 года (табл. 3).

Таблица 3

**Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения
в 1961 — 1989 гг., лет**

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины
1961 — 1962	68,7	63,8	72,4	68,7	63,8	72,5	68,6	63,4	72,3
1964 — 1965	69,6	64,6	73,3	69,4	64,7	73,0	69,4	63,8	73,5
1969 — 1970	68,8	63,1	73,4	68,9	63,6	73,3	68,2	62,1	73,2
1974 — 1975	68,6	62,8	73,4	69,1	63,8	73,5	66,8	59,7	72,8
1979 — 1980	67,5	61,4	73,0	68,0	62,3	73,1	66,0	59,3	72,4
1983 — 1984	67,9	62,0	73,3	68,4	62,9	73,4	66,1	59,4	72,7
1985 — 1986	69,2	63,8	73,9	69,6	64,4	74,0	67,8	61,7	73,5
1986 — 1987	70,1	64,9	74,5	70,3	65,4	74,4	69,1	63,2	74,4
1989	69,6	64,2	74,5	69,9	64,7	74,5	68,4	62,6	74,2

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 17.

Средняя продолжительность жизни городских мужчин была почти на год больше, чем сельских, и, напротив, женщины на селе жили дольше горожанок почти на полгода. В целом в первой половине 1960-х гг. продолжительность жизни городского населения была примерно на месяц больше, чем сельского, в середине 1960-х гг. эта разница составляла около полумесяца. В последующие годы это соотношение уже никогда не было настолько малым. В середине 1960-х гг. уровень продолжительности жизни населения России незначительно отличался от аналогичного показателя в таких странах, как Франция, Финляндия и США, где женщины жили в среднем 73,0 — 75,0 лет (в России — 73,3 года), мужчины — 65,0 — 68,0 лет (в России — 64,6 года)².

С середины 1960-х гг. демографическая картина резко изменилась. Среднегодовой прирост населения по сравнению с периодом 1950-х гг. сократился в более чем 2,5 раза. Заметно снизилась рождаемость и возросла смертность (табл. 4).

В начале 1980-х гг. руководство СССР, обеспокоенное нарастанием негативных тенденций в демографическом развитии государства, предприняло ряд мер по его регулированию. Были увеличены единовременные и ежемесячные пособия на каждого ребенка.

Таблица 4

**Показатели естественного движения
населения в 1950 — 80-е гг., ‰**

Годы	Коэффициент		
	рождаемости	смертности	естественного прироста
1950	26,9	10,1	16,8
1955	25,7	8,4	17,3
1960	23,2	7,4	15,8
1965	15,7	7,6	8,1
1970	14,6	8,7	5,9
1975	15,7	9,8	5,9
1980	15,9	11,0	4,9

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 12.

Сверх существовавших на тот момент дородового и послеродового отпусков был введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора, а позднее — трех лет. При рождении двоих детей подряд женщина имела право находиться дома с детьми более шести лет без ущерба для трудового стажа и будущей пенсии.

Положительные результаты не замедлили сказаться. Уже в 1983 г. число рождений заметно превысило уровень 1980 г.: 2,5 млн чел. против 2,2 млн чел., что в расчете на 1 тыс. чел. населения составило соответственно 17,5 и 15,9 % (табл. 5).

Второй подъем рождаемости пришелся на 1986 — 1987 гг. Однако с 1988 г. началось снижение абсолютных и относительных показателей рождаемости. В 1989 г. они уже были ниже уровня 1980 г. Эффект от мер активного стимулирования рождаемости не был продолжительным, вызвав так называемые демографические волны, характеризующиеся значительными колебаниями показателей рождаемости и затрудняющие управление социальной сферой.

В течение 1980-х гг. показатели смертности изменялись незначительно. К концу 1980-х гг. абсолютные значения смертности в России превышали уровень начала 1980-х гг., относительные показатели были меньше. В результате в 1980-х гг., за исключением 1989 г., показатели естественного прироста существенно превышали уровень 1980 г.

С начала 1980-х гг. продолжительность жизни людей динамично возрастала. В 1986 — 1987 гг. она впервые преодолела 70-летний рубеж, увеличившись на 2,6 года по сравнению с уровнем 1980 г. Однако уже в 1989 г. этот показатель уменьшился на более чем полгода. В целом за 1980-е гг. разрыв в продолжительности жизни между женщинами и мужчинами сократился до 10,3 года, горожанами и сельчанами — до 1,4 года. Население России продолжало стареть. Удельный вес старших возрастных групп увеличился с 13,6 % в 1979 г. до 15,3 % в 1989 г.³

К началу 1990-х гг. в России сформировалась сложная демографическая ситуация: естественный прирост населения неуклонно сокращался. В литературе тех лет демографический кризис трактовался в рамках закономерного завершения стадии демографического перехода в экономически развитых странах⁴.

Внешняя миграция не имела значительного влияния на динамику численности населения. Темпы прироста населения оставались высокими как при снижен-

Таблица 5
Естественное движение населения в 1980-е гг.

Годы	Число рождений		Число смертей		Естественный прирост	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1980	2 202,8	15,9	1 525,8	11,0	677,0	4,9
1981	2 236,6	16,0	1 524,8	10,9	712,3	5,1
1982	2 348,0	16,6	1 504,2	10,7	823,8	5,9
1983	2 478,3	17,5	1 564,0	11,1	914,3	6,4
1984	2 409,6	16,9	1 650,9	11,6	758,7	5,3
1985	2 375,1	16,6	1 625,3	11,3	749,8	5,3
1986	2 485,9	17,2	1 498,0	10,4	987,9	6,8
1987	2 500,0	17,2	1 531,6	10,5	968,4	6,7
1988	2 348,5	16,0	1 569,1	10,7	779,4	5,3
1989	2 160,5	14,6	1 583,7	10,7	576,8	3,9

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 29.

ных значениях сальдо миграции, так и при заметном увеличении миграционного прироста. Удельный вес механического прироста в общем увеличении численности населения России в 1976 — 1985 гг. составлял 14 — 18 %. Значение миграции несколько возросло в период перестройки — миграционный прирост обеспечивал 22 % от общего прироста населения (см. табл. 2).

Негативные последствия проводимых экономических реформ (падение уровня жизни населения, бедность, безработица, шок от радикальных преобразований, неумение отдельных категорий населения приспособиться к новым условиям жизни, неуверенность в завтрашнем дне) усугубили демографическую ситуацию, ускорив наступление и нарастание депопуляции.

В 2000 г. население сократилось во всех семи федеральных округах Российской Федерации и более всего — в Дальневосточном (почти на 1,0 %). Численность населения возросла лишь в 5 регионах: в республиках Северной Осетии — Алании и Дагестане (на 0,7 — 0,8 %), что отчасти было связано с событиями в соседней Чеченской Республике, а также в Тюменской (на 0,5 %), Белгородской (на 0,2 %) областях и г. Москве (на 0,1 %) — регионах, привлекательных для трудовых мигрантов⁵.

Особенностью демографического развития Российской Федерации в 1990-е гг. стало быстрое сокращение городского населения, причины которого заключались в естественной убыли и масштабных административно-территориальных преобразованиях (табл. 6).

Одновременно с уменьшением числа горожан возросла численность сельского населения (с 1995 г.), за 1991 — 1994 гг. увеличившаяся на 3,2 %. На это, кроме вышеупомянутых административно-территориальных преобразований, повлияла миграция. В результате за 1989 — 2000 гг. городское население России сократилось на 1,7 %, а сельское увеличилось на 1,0 %. Доля горожан в общей численности населения России уменьшилась с 73,9 % в 1991 г. до 72,9 % в 2000 г., соответственно возросла доля сельских жителей (см. табл. 6).

Начавшаяся в 1992 г. естественная убыль населения Российской Федерации в 1993 — 1999 гг. находилась на стабильно высоком уровне: 0,7 — 0,9 млн чел. в год, или 5 — 6 чел. в расчете на 1 тыс. чел. населения.

В 2000 г. этот показатель был очень высоким, приближаясь к 1 млн чел. (табл. 7). По сравнению с Германией, Бельгией и Австрией ежегодная естественная убыль в то время составляла 0,1 — 0,7 млн чел. на 1 тыс. чел.⁶

Таблица 6
Динамика численности населения
в 1959 — 2000 гг.

Годы	Все население, тыс. чел.	В том числе		Доля населения, %	
		городское	сельское	городского	сельского
1959	117 239,6	61 142,6	56 097,0	52,2	47,8
1970	129 941,2	80 631,4	49 309,8	62,1	37,9
1979	137 409,9	94 942,3	42 467,6	69,1	30,9
1989	147 021,9	107 959,0	39 062,9	73,4	26,6
2000	145 559,2	106 110,6	39 448,6	72,9	27,1

Составлена по: Приволжский федеральный округ (краткие итоги переписей населения) : стат. сб. Саранск, 2001. С. 9.

В 1991 г. естественная убыль населения отмечалась в 30 регионах Российской Федерации. В 1994 г. смертность превышала рождаемость уже в 69 краях, республиках и областях России. На 27 территориях естественные потери были больше миграционного прироста, что привело к сокращению населения.

В 2000 г. естественный прирост отмечался только в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Алтае, Тыве, Якутии, Таймырском и Эвенкийском (Красноярский край), Агинском Бурятском (Читинская область), Чукотском, Ненецком (Архангельская область) автономных округах, Тюменской области. В Псковской области превышение числа умерших над числом родившихся достигало 15 чел. на 1 тыс. жителей⁷.

Уменьшались как абсолютные, так и относительные показатели рождаемости. В течение 1990-х гг. число рождений упало почти на 40 %: в начале 1990-х гг. этот показатель составлял около 2 млн чел., к концу 1990-х — 1,2 млн чел., в среднем на одну женщину приходилось 1,2 — 1,3 рождения, а в ряде регионов Центральной России — около 1,0⁸.

Небольшое увеличение числа родившихся (примерно на 2,0 %) наблюдалось в 1994 и 1998 гг. по сравнению соответственно с 1993 и 1997 гг. В 2000 г. детей родилось на 4,2 % больше, чем в 1999 г. Соответствующий коэффициент увеличился с 8,3 до 8,7 ‰ (см. табл. 7).

Общий коэффициент рождаемости в течение 1990-х гг. уменьшился с 13,4 до 8,3 чел. на 1 тыс. чел. населения. В эти годы коренным образом изменилось репродуктивное поведение семей, ориентировавшихся преимущественно на одного ребенка или даже на жизнь без детей. В 2000 г. наиболее низкие показатели рождаемости отмечены в Смоленской, Тульской, Ленинградской областях и г. Санкт-Петербурге (6,8 чел. на 1 тыс. чел. населения), наиболее высокие — в Дагестане и Ингушетии (17,7 — 17,8 чел. на 1 тыс. чел. населения)⁹.

С начала 1990-х гг. смертность в России возросла почти на 30 %. Только за 1993 г. число смертей увеличилось на 18 %, что вместе с сократившейся рождаемостью (на 13 % за год) привело к трехкратному увеличению естественной убыли. Рост смертности затронул все возрастные группы населения России старше 5 лет. Особенно часто умирали мужчины в возрасте 30 — 44 лет, где смертность возросла в 1,7 — 1,8 раза, и 45 — 54 лет — в 1,6 раза; жен-

Таблица 7

**Компоненты естественного прироста населения
в 1990-е — 2000-й гг.**

Годы	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост	
	тыс. чел.	‰	тыс. чел.	‰	тыс. чел.	‰
1990	1 989	13,4	1 656	11,2	333	2,2
1991	1 795	12,1	1 691	11,4	104	0,7
1992	1 588	10,7	1 807	12,2	-220	-1,5
1993	1 379	9,4	2 129	14,5	-750	-5,1
1994	1 408	9,6	2 301	15,7	-893	-6,1
1995	1 364	9,3	2 204	15,0	-840	-5,7
1996	1 305	8,9	2 082	14,2	-778	-5,3
1997	1 260	8,6	2 016	13,8	-756	-5,2
1998	1 283	8,8	1 989	13,6	-705	-4,8
1999	1 216	8,3	2 140	14,7	-926	-6,4
2000	1 267	8,7	2 225	15,4	-958	-6,7

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 38 ; Основные демографические показатели по регионам Российской Федерации : стат. сб. Саранск, 2001. С. 12, 20.

щины в возрасте 25 — 44 лет — в 1,5 раза, среди 15 — 19-летних — на 40 % (см. табл. 7).

Специалисты отмечали, что сверхсмертность трудоспособного населения (особенно мужского), характерная для демографического развития России в 1990-е гг., не имеет аналогов в мировой демографической истории. В числе основных причин сверхсмертности мужчин в возрасте 20 — 45 лет были несчастные случаи, отравления и травмы.

С 1992 г. смертность в России превысила рождаемость. Общий коэффициент смертности за 1990-е гг. возрос с 11,2 до 14,7 чел на 1 тыс. чел. населения. В 2000 г. коэффициент этого показателя на 1 тыс. чел. в регионах Российской Федерации варьировался от 4,5 чел. (Ингушетия) до 22,0 чел. (Псковская область)¹⁰.

Высокой оставалась и младенческая смертность. Ее уровень в России образца 1990-х гг. в 2 — 4 раза превышал аналогичный показатель в экономически развитых странах. Из каждой тысячи родившихся в 2000 г. в Российской Федерации детей умерли 15 чел. (в 1999 г. — 17 чел.). В отдельных регионах этот показатель составлял 30 и более человек: в Республике Ингушетия — 34,4 чел. в 1999 г. и 33,0 чел. в 2000 г., в Республике Тыва соответственно 36,2 и 30,0 чел., в Эвенкийском АО — 40,3 чел. в 1999 г.¹¹ Среди причин детской смертности преобладали отклонения, возникшие в перинатальном периоде, врожденные аномалии, тесно связанные со здоровьем матери.

Уровень материнской смертности в России в 1990-е гг. также был значительно выше по сравнению с развитыми странами. Так, например, в 1998 г. в Российской Федерации из 100 тыс. рожениц умерли 49, в США и Франции — 13, Канаде — 7 чел.¹²

Эндогенная структура смертности, присущая России в 1990-е гг., кардинально отличалась от совокупности причин смертей жителей развитых стран. Так, к середине 1990-х гг. в 2,5 раза увеличилось количество смертей от отравления алкоголем и его суррогатами, превысив численность умерших от гипертонической болезни; количество убийств и самоубийств возросло в 1,5 раза, превысив число умерших от инфаркта миокарда. В России вероятность гибели от вышеназванных причин превышала аналогичный показатель в развитых странах среди мужчин в 4,5 раза, женщин — на 40 %¹³. В эти годы смертность от болезней органов пищеварения возросла в 1,6 раза, инфекционных и паразитарных — 1,7, туберкулеза — 2,0, психических расстройств — в 4,0 раза. Отмечались случаи и таких ранее забытых болезней, как дифтерия, оспа, сибирская язва и других особо опасных эпидемических заболеваний. Ученые-демографы с сожалением и обеспокоенностью отмечали, что 1990-е гг. по ситуации со смертностью во многом напоминали годы послевоенной разрухи.

Ни в одной из развитых стран мира, где доля пожилых людей в составе населения весьма высока, коэффициент смертности не превышает 12 — 13 ‰. В России в 1999 — 2000 гг. он составил 14,7 — 15,4 ‰ на 1 тыс. чел., в 1994 г. — 15,7 ‰. Только в 1999 г. число смертей увеличилось на 7,6 %, в 2000 г. — на 4,0 %. В течение 1999 — 2000 гг. коэффициент смертности вырос с 11,2 до 15,4 ‰. Такая ситуация, характеризующаяся как сверхсмертность, была вызвана массовым обнищанием населения, гражданскими конфликтами, резким

ростом заболеваемости. По данным Госкомстата Российской Федерации, только за счет сверхсмертности в 1990-е гг. Россия потеряла не менее 2,1 млн чел.¹⁴

Средняя продолжительность жизни россиян за 1990-е гг. сократилась на более чем 3 года, составив в 1999 г. 66,2 года (в 1994 г. опускалась до 64,0 года). Продолжительность жизни у мужчин снижалась быстрее, чем у женщин, разрыв между ними увеличился с 10,3 года в 1989 г. до 12,5 года в 1999 г. (табл. 8).

Таблица 8

Ожидаемая продолжительность жизни населения в 1990-е гг., лет

Годы	Все население			Городское			Сельское		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
1989	69,6	64,2	74,5	69,9	64,7	74,5	68,4	62,6	74,2
1990	69,2	63,8	74,3	69,6	64,4	74,3	67,9	62,0	73,9
1991	69,0	63,5	74,3	69,4	64,1	74,3	67,7	61,7	73,9
1992	67,9	62,0	73,7	68,2	62,5	73,8	66,9	60,7	73,4
1993	65,1	58,9	71,9	65,4	59,2	71,9	64,3	57,9	71,5
1994	64,0	57,6	71,2	64,2	57,9	71,3	63,2	56,7	70,8
1995	64,6	58,3	71,7	64,8	58,5	71,8	64,1	57,7	71,5
1996	65,9	59,7	72,5	66,3	60,2	72,7	64,7	58,4	71,8
1997	66,6	60,7	72,9	67,2	61,4	73,1	65,1	58,9	72,3
1998	67,0	61,3	72,9	67,5	61,8	73,1	65,8	59,9	72,3
1999	66,2	60,0	72,5	66,4	60,4	72,4	64,6	58,6	71,6
2000	65,3	59,0	72,2	65,6	59,4	72,4	64,2	58,0	71,5

Составлена по: Демографическое будущее России. С. 38 ; Демографический ежегодник Республики Мордовия : стат. сб. Саранск, 2001. С. 50 — 51.

В 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 59,0 лет, женщин — 72,2 года. По регионам средний по всему населению показатель колебался от 74,0 лет (Ингушетия) до 56,1 года (Республика Тыва)¹⁵.

В конце 1990-х гг. продолжительность жизни населения России была самой низкой за послевоенный период. В 2000 г. этот показатель еще уменьшился почти на год. Относительно высокой (более 67,5 года) ожидаемая продолжительность жизни отмечалась в республиках Северного Кавказа, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономном округах, Белгородской области, г. Москве, Ставропольском крае и Татарстане. Не доживали до 60,0 лет в Тыве (56,1 года), 60,0 с небольшим лет в среднем жили люди в Корякском АО¹⁶.

По средней продолжительности жизни Россия в рассматриваемый период занимала одно из последних мест в мире: 134-е — по продолжительности жизни мужчин, 100-е — женщин. Отставание России от наиболее развитых стран по продолжительности жизни мужчин во второй половине 1990-х гг. составляло 10,0 — 15,0 лет (по сравнению с 73,0 — 76,0 годами в европейских странах), женщин — 5,5 — 9,5 года (по сравнению с 78,0 — 82,0 годами). Такая же продолжительность жизни мужчин (58,0 — 61,0 год) отмечалась в Индонезии, Фиджах, Пакистане, Ботсване, Намибии, женщин (71,0 — 73,0 года) — на Сейшель-

ских островах, в Суринаме, Северной Корее, Колумбии, Марокко, Гондурасе и некоторых других странах¹⁷.

Значительное влияние на демографическое развитие страны оказывает состояние здоровья людей, которое в течение 1990-х гг. заметно ухудшилось. Произошел рост заболеваемости по основным болезням (табл. 9).

Специалисты констатировали существенный рост социально выраженных заболеваний большинства нозологических форм (особенно туберкулезом и сифилисом). Так, в 1996 г. на 100 тыс. россиян приходилось 75,1 случая заболевания туберкулезом. Этот показатель в группе стран с высоким уровнем гуманитарного развития был значительно меньше — 19,6 случая на 100 тыс. чел.¹⁸

Социальное нездоровье проявляется также в росте алкоголизма, наркомании, криминализации и особенно суицида. В 1989 — 1993 гг. в России на 100 тыс. чел.

приходилось 53 самоубийства среди мужчин и 12 — среди женщин. Это едва ли не самые высокие показатели в группе промышленно развитых стран (соответствующие показатели — 26 и 8 случаев)¹⁹.

Значительная часть населения России в 1990-е гг. жила в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и психосоматических расстройств. Особенно это сказалось на здоровье детей и молодежи. В этот период отмечалось активное «омоложение» всех болезней (физических, психических и социальных).

Отмечался рост болезней новорожденных с высоким риском летальности, каждый третий ребенок имел отклонения в здоровье. Главная причина этого заключалась в ухудшении здоровья матерей. Согласно статистике, за период 1990-х гг. в более чем 6 раз выросла заболеваемость беременных женщин анемией, на 40 % увеличилось число поздних токсикозов, резко сократилось число нормальных родов — до 31,8 % от общего числа (в отдельных регионах — до 25,0 %)²⁰.

Во второй половине 1990-х гг. общая заболеваемость детей до 14 лет выросла почти на 10 %. Половина подростков 15 — 17 лет страдала хроническими заболеваниями. Среди девочек-подростков участились гинекологические

Таблица 9

Заболеваемость населения по основным классам болезней в 1992 — 2000 гг., случаи на 1 тыс. чел. населения зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни

Показатель	1992	1996	2000
Все болезни	615,6	648,5	735,7
Из них:			
инфекционные и паразитарные новообразования	34,9	43,8	44,6
болезни нервной системы и органов чувств	5,9	7,0	8,5
болезни системы кровообращения	50,6	60,4	69,6
болезни органов дыхания	11,5	14,0	17,2
болезни органов пищеварения	289,7	266,6	319,5
болезни мочеполовой системы	31,2	34,0	32,5
врожденные аномалии	22,3	30,9	37,8
травмы и отравления	0,9	1,2	1,5
	82,9	85,5	86,8

Составлена по: Россия в цифрах : крат. стат. сб. М., 2001. С. 127 ; Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. М., 2001. С. 293 — 294.

заболевания, отрицательно влияющие на репродуктивную функцию; на это время приходится 10 % аборт, которые делались в возрасте до 19 лет²¹.

Брошенных детей, так называемых социальных сирот, в те годы в России было в 3 раза больше по сравнению с количеством истинных сирот после войны. По данным Генпрокуратуры Российской Федерации, в стране насчитывалось 2 млн беспризорников, 300 тыс. детей до 16 лет числились без вести пропавшими, 14 тыс. несовершеннолетних находились в СИЗО, 21 тыс. — в колониях²². Все это не могло не сказаться на количественных и качественных показателях рождаемости.

В первой половине 1990-х гг. динамику численности населения России определяла внешняя миграция. Ее сальдо, нараставшее к 1994 г. и снижавшееся с 1995 г., было положительным все десятилетие. В 1991 г. миграционный прирост обеспечил более трети (35,4 %) общего прироста, в 1992 г. — уменьшил сокращение численности населения на 85,0 %, в 1993 г. — на 58,0 %. В 1994 г. миграционный прирост почти компенсировал потери от естественного движения. В 1995 г. сальдо миграции на 60 % сократило убыль населения. С 1996 г. доминирующим фактором демографического развития России стало естественное движение населения. Компенсационные возможности миграции заметно уменьшились: в 1999 г. — 17 %, в 2000 г. — 22 % (см. табл. 1).

Наибольший коэффициент миграционного прироста отмечался в республиках Ингушетии и Северной Осетии — Алании, что связывалось с событиями в Чеченской Республике, а также в Белгородской (100 — 113 чел. на 10 тыс. чел. постоянного среднегодового населения), Ленинградской (71 — 78 чел.) областях и г. Москве (70 — 78 чел. на 10 тыс. чел. постоянного среднегодового населения). В составе мигрантов преобладали люди в наиболее дееспособном в социально-экономическом и репродуктивном отношении возрасте. В 1999 г. возрастная группа 20 — 49 лет составляла 51 % миграционного прироста²³.

Миграционная убыль, традиционно характерная для регионов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Европейского Севера, охватила еще ряд регионов: Мордовию, Калмыкию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию и Смоленскую область.

Мигранты прибывали в основном из республик бывшего СССР. Вместе с тем в 1990-е гг. начался активный приток мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, особенно Китая. Несмотря на это, демографы отмечали, что миграция в те годы не оказывала негативного влияния на демографическую картину России и регионов преимущественного заселения.

Эмиграция, уменьшившая численность российского населения за 1992 — 1999 гг. на 0,4 %, затронула его важнейшие качественные характеристики. В течение этого периода Россию покинули 50 тыс. ученых (математиков, физиков, химиков, биологов). По некоторым оценкам, эмиграция только научных работников ежегодно приносила нашей стране ущерб около 5 млрд дол.²⁴ «Утечка умов» из страны негативно сказывалась на ее трудовом потенциале.

Прогноз ученых-демографов был неутешительным: установившийся в России тип воспроизводства населения мог оказать блокирующее воздействие на социально-экономические преобразования; под вопросом стояло сохранение генофонда страны²⁵.

Таким образом, демографическое развитие России в 1990-е — 2000-й гг. очень быстро для такой огромной страны приобрело депопуляционный характер, при котором воспроизводство населения происходило на существенно суженной основе. С 1992 г. численность россиян неуклонно сокращалась, несмотря на миграционный прирост. До крайне низкого уровня упала рождаемость, а смертность, напротив, возросла. Продолжительность жизни населения в течение рассматриваемого периода также сократилась на несколько лет.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Воронин Ю.** Ориентиры выхода из экономического кризиса // *Экономист*. 2001. № 5. С. 13 ; **Ржаницына Л. С.** Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // Там же. № 4. С. 71.
- ² См.: *Население России. 1988 : стат. ежегодник*. М., 1989. С. 694 — 695.
- ³ См.: *Основные итоги Всероссийской переписи населения. 2002*. М., 2003. С. 9.
- ⁴ См.: *Воспроизводство населения СССР*. М., 1983 ; *Проблемы воспроизводства занятости населения*. М., 1984 ; **Урланис Б. Ц.** Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.
- ⁵ См.: *Россия в цифрах : крат. стат. сб.* М., 2001. С. 82.
- ⁶ См.: **Судоплатов А. П., Хорева О. Б.** Кризисные явления в демографическом развитии России и ее регионов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика*. 2001. № 4. С. 56.
- ⁷ См.: *Россия в цифрах*. С. 87.
- ⁸ См.: **Судоплатов А. П., Хорева О. Б.** Указ. соч. С. 57.
- ⁹ См.: *Россия в цифрах*. С. 81 — 90.
- ¹⁰ Там же. С. 92.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: **Судоплатов А. П., Хорева О. Б.** Указ. соч. С. 58.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 59.
- ¹⁵ См.: *Россия в цифрах*. С. 91 — 93.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: ПРООН : докл. о развитии человека. Нью-Йорк, 2001. С. 189.
- ¹⁸ См.: ПРООН : О развитии человек. потенциала в Рос. Федерации. М., 1999. С. 182.
- ¹⁹ Там же. С. 184.
- ²⁰ Там же. С. 187.
- ²¹ Там же. С. 188.
- ²² См.: *Социальные последствия рыночных реформ / под ред. Р. В. Рывкиной*. М., 1997. С. 129.
- ²³ См.: *Россия в цифрах*. С. 87.
- ²⁴ См.: **Дронов Р.** Подходы к обеспечению экономической безопасности // *Экономист*. 2001. № 2. С. 44.
- ²⁵ См.: **Ржаницына Л. С.** Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // *Экономист*. 2001. № 4. С. 71 ; **Судоплатов А. П., Хорева О. Б.** Указ. соч. С. 58.

Поступила 23.12.2012 г.

УДК 332.021.8(470.345)

И. Г. Кильдюшкина, А. Ю. Кильдюшкина
I. G. Kildyushkina, A. Yu. Kildyushkina

ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВ МОРДОВИИ

REFLECTION OF THE PROCESSES OF PERESTROIKA ON THE ACTIVITY OF BANKS OF MORDOVIA

Ключевые слова: банковская система, кредитные организации, структурная перестройка, планирование, банковское реформирование, кредитно-денежная политика, финансовое оздоровление экономики.

В статье анализируются структурные трансформации, отмеченные на первом этапе проведения банковской реформы в России со второй половины 1980-х — начала 90-х гг., наличие общих экономических предпосылок для реорганизации банковского дела в условиях дестабилизации регионального финансового рынка.

Key words: banking system, credit organizations, structural reconstruction, planning, banking reformation, monetary policy, financial improvement of the economy.

Structural transformations, noted during the first phase of the banking reform in Russia from the second half of the 1980s — the early 90s, as well as the presence of general economic preconditions for the reorganization of the banking business in the destabilization of the regional financial market are analyzed in the article.

Структурные трансформации, происходившие в российском обществе со второй половины 1980-х гг., требовали изменения сложившихся стереотипов. Успех начатых преобразований в банковской сфере, органично вплетенной в общий хозяйственный механизм вместе с бюджетным и налоговым режимами, ценообразованием, политикой цен и доходов, факторами внешней среды, зависел от умелой синхронизации действий звеньев экономической системы.

Если в социалистической системе при монополии Государственного банка СССР (Госбанк СССР) производство и товарообмен между предприятиями определялись Госпланом СССР, а выпуск продукции устанавливался по фиксированным ценам, то в условиях рынка платежная система призвала предприятия и частные лица к выполнению взаимных обязательств. При этом банки выполняли три основные функции: управление системой платежей развитой структурой коммерческих банков; направление сбережений населения к фирмам и предприятиям; регулирование коммерческими банками количества денег в обращении в рамках кредитно-денежной политики Центрального Банка России (ЦБР)¹. Несмотря на то что мировой опыт доказывал результативность централизации банковского управления при монополии Госбанка СССР, ее одноуровневость подверглась жесткому планированию «сверху». Установление новой централизованной системы в организации банковских институтов привело к их объединению. Децентрализация внесла беспорядок в экономические процессы: избыток денег в обращении

осложнил инфляционные проблемы, приведя к стокфляции, стагнации и спаду производства, а их недостаток затормозил рост экономики, подъем производства и обмен товаров и услуг.

До проведения в СССР банковской реформы 1987 — 1990 гг. в банковскую структуру входили: центральный госбанк с функциями эмиссионного центра, главного государственного кредитного, расчетного и кассового инструмента страны; госбанк, обслуживающий сферу капитального строительства; банк для внешней торговли. Банковское дело характеризовалось централизацией управления банками, расчетами и государственной валютной монополией с концентрацией в немногих кредитных учреждениях. Центральные государственные банки являлись универсальными кредитными институтами с функциями соподчиненных банков в экономически развитых странах². В соответствии со ст. 23 Закона МАССР «О бюджетных правах МАССР и местных Советов народных депутатов МАССР»³ на Совет министров (СМ) МАССР и Министерство финансов МАССР через министерства, государственные комитеты и ведомства, исполкомы районных и городских советов возлагались организация и исполнение Госбюджета МАССР. Данные структуры обеспечивали выполнение предусмотренных бюджетом доходов, экономное расходование бюджетом средств по целевому назначению производственных и финансовых планов. Кассовое исполнение Госбюджета МАССР курировалось Мордовской республиканской конторой Госбанка СССР и подведомственными отделениями.

Первый этап банковской реформы начался в июле 1987 г. с реорганизации Госбанка СССР, из состава которого были выведены государственные специализированные банки⁴. Новая система формировалась при изменении общей структуры управления народным хозяйством, состояла из 1 Госбанка СССР и 5 спецбанков — Внешэкономбанка СССР, Промстройбанка СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР и Сберегательного банка СССР, созданного на сетевой базе сберегательных касс. Каждый комплекс получал поддержку от спецбанка: Промстройбанк обслуживал строительство и промышленность, Агропромбанк — АПК, Жилсоцбанк — социальные отрасли. В 1988 г., кроме госбанков, возникли первые коммерческие банки, оформились их акционерная и кооперативно-коммерческая сети. Идея децентрализации выразилась в том, что вместо трех банков работали шесть госбанков и начали создаваться самостоятельные коммерческие кредитные учреждения.

Мордовским республиканским конторам Стройбанка, Госбанка СССР и финансовым органам вверялось право контроля, содействие становлению новых форм финансово-кредитных отношений. Под упрочением денежного обращения позиционировалось повышение роли местных советов и республиканской конторы Госбанка СССР. Перестроечные лозунги сказались на кредитном механизме: он стал громоздким, малоэффективным и во многом отошел от хозрасчетных принципов интенсификации производства. Предстояло восстанавливать срочность, возвратность, обеспечение банковских ссуд, перекрытие каналов поступления в оборот излишних денежных средств⁵.

Причины неудач проведения банковской реформы состояли в отсутствии ее общих экономических предпосылок. Принятие Закона СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» и постановлений о перестройке

управленческих структур не возвели экономику предприятия в «локомотив» выведения народного хозяйства на более высокий уровень. Его вступление в силу с 1 января 1988 г. означало новый этап в жизни производственных коллективов Мордовии, а основные положения (самоуправление, выборность руководителей, соответствие качества труда материальному вознаграждению) связывались с переходом предприятий на самофинансирование и самоокупаемость. Хозрасчетные коллективы сопровождали более высокие и стабильные успехи. По мнению генерального директора ПО «Светотехника» В. А. Левакина, на общем фоне практики производства любой ценой и бездумной траты государственных денег было положено начало работы по-новому, в том числе в обоснование нормативов затрат и укрепление связей между внутривозвратными подразделениями⁶.

Основные направления кредитно-финансовой перестройки сводились к расширению границ финансовой самостоятельности. В Мордовии создавались временные оргструктуры для оптимального сочетания отраслевого, территориального и межотраслевого управления на основе всесторонней демократизации и повышения роли коллективов. Применительно к вышеупомянутому закону были приняты постановления ЦК КПСС и СМ СССР о перестройке планирования, системы ценообразования, финансирования, материально-технического снабжения, работы банков, органов по труду и социальным вопросам, органов статистики, отраслевых министерств, республиканских и местных органов. Отказавшись от опеки предприятий, Госплан МАССР усилил стратегию планового руководства при формировании народнохозяйственных пропорций, улучшении структурной и инвестиционной политики. Теперь Госплан МАССР не контролировал, а организовывал выполнение плана. В целях координации работы финансовых, банковских, статистических и других экономических органов в СМ МАССР был образован экономический Совет.

На Министерство финансов МАССР возлагалось финансовое оздоровление экономики. Под перестройкой кредитно-финансового механизма понималось расходование средств за счет заработанных сумм. Улучшение работы банков началось с утверждения ее низовой сети и упрощения управления: районное звено при излишней централизации осталось бесправным, а наделенное правами республиканское звено не могло руководить процессами. К тому же планы предприятий (района) не сопровождалась расчетами в ресурсах и ответственностью за выполнение. Дисбаланс растущих планов и непокрываемых ресурсов, удобный контролирующим органам (Комитет народного контроля, банки, Контрольное ревизионное управление, госарбитраж и т. д.) держал верх над системой на принципах недоверия к кадрам. План был законом для «хозяйственников», но не для тех, кто формировал поставки сырья. Первый секретарь Zubovo-Полянского района КПСС Н. Е. Брагин пояснял, что оптимизация должна сводиться к передаче власти городским (районным) исполкомам, кадровому контролю обкомом КПСС и проверке по линии Госплана СССР. При таком подходе формировалась доступная структура управления в составе СМ и производственных отделов по отраслям, Госплана и единого Госнаба⁷.

При оценке сложившейся ситуации постоянные комиссии Верховного Совета (ВС) МАССР одобрили предложенное правительством сокращение управленче-

ского аппарата на более чем 25 % с годовым фондом заработной платы около 5 млн руб. Реорганизация банковской системы и механизма управления статистическими органами предусматривала обеспечение комплексного развития и повышение эффективности производства, искоренение старых принципов ведения дел, недостаточно сильного хозрасчета и затратности механизма управления, слабого проявления коммерческих инноваций и безынициативности предприятий. Несовершенство системы ценообразования и финансово-кредитного механизма не позволяли применять экономический регулятор потребления. Отдельные показатели производства и потребления в пятилетнем плане устанавливались директивно, допущенные диспропорции создавали дополнительную напряженность материально-технического снабжения и неуверенность в получении ресурсов без лимитов⁸.

Новый импульс политическим преобразованиям придали ноябрьский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС, внеочередная сессия ВС СССР, а также решения XXVIII областной и XIX Всесоюзной партийных конференций. Постадийное формирование госбюджета означало, что его выполнение законодательно относилось к компетенции исполнительной власти и обеспечивалось системой финансового механизма, находившегося в подчинении Министерства финансов, органов власти в регионах и Госбанком СССР. Однако разрушение централизации банков и образование разрозненной массы коммерческих банков с постановкой учета бюджетных средств осложнило получение оперативной информации о кассовых расходах и перечислениях средств по назначению, снизило контроль за движением сумм федерального бюджета⁹, вызвав создание Управления федерального казначейства Министерства финансов РФ по Республике Мордовия*.

Исходя из требований новой финансовой политики, бюджет Мордовии на 1989 г. строился на обеспечении проведения прогрессивных структурных сдвигов, завершении перевода общественного производства на полный хозрасчет. Необходимо отметить, что оздоровление финансов в отраслях проходило медленно. Напряженность выполнения доходной части бюджета наблюдалась в Ардатском, Атюрьевском, Атяшевском, Zubovo-Полянском и Кочкуровском районах. На предприятиях не проводилась экономия затрат на производство, снижались непроизводительные расходы и потери, слабо внедрялся хозрасчет в бригадах и звеньях (бумажная фабрика «Красная Роза», Ардатский светотехнический и Саранский инструментальный заводы, комбинаты медицинских препаратов

* В конце 1991 г. кардинальным образом изменилось бюджетное устройство страны: прекратил существование госбюджет, возникла бюджетная система, состоявшая из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, финансовые органы начали работать с бюджетами регионов и местными бюджетами. В соответствии с Указом Президента РФ № 1556 «О федеральном казначействе» от 8 декабря 1992 г. в России была образована единая централизованная система органов федерального казначейства, включавшая Главное Управление федерального казначейства Министерства финансов РФ и территориальные органы по республикам в составе РФ. На территории Мордовии в июне 1993 г. было организовано Управление федерального казначейства Министерства финансов РФ по Республике Мордовия для обслуживания исполнения федерального, республиканского и местных бюджетов по доходам и частичного исполнения республиканского бюджета по расходам.

«Биохимик» и Уметский деревообрабатывающий). Отставание от плановых заданий по выпуску товаров народного потребления (ТНП) допустили Саранская швейная и Ширингушская суконная фабрики. Критиковалась работа исполкомов Ардатовского, Атюрьевского, Старошайговского и Теньгушевского советов народных депутатов. Это вело к невыполнению плана розничного товарооборота и недопоступлению средств в бюджет¹⁰.

В 1989 г. для ликвидации дефицита Госбюджета МАССР устанавливалась мобилизация дополнительных финансовых ресурсов, или сокращение расходов на 16,9 млн руб. Возникновение дефицита объяснялось несбалансированностью экономики республики, ее дотационностью и пассивностью финансовой политики. По словам министра финансов МАССР Н. И. Лаврентьева, «многие крупные резервы попросту не используются... Для приведения их в действие не нужно дополнительных капитальных вложений, требуется лишь одно — хозяйское, рачительное отношение к народному добру»¹¹ или преодоление дисбаланса в расходовании средств без превалирования ведомственных амбиций и местнических интересов. Поскольку около 60 % бюджетных ресурсов исходило из материального производства, то для заинтересованности местных советов в работе объектов союзного и республиканского (РСФСР) подчинения в бюджете на 1990 г. предусматривалось поступление платежей от их доходов на 22,5 млн руб. и платежей предприятий промышленности, строительных организаций и других отраслей на 18,5 млн руб.

Важным критерием образования финансовых ресурсов предприятий являлось увеличение прибыли. В 1989 г. доходы предприятий по всем видам деятельности составили 51,8 млн руб., у торгующих организаций — 30,0 млн руб.; налог с оборота в доходах госбюджета — 337,7 млн руб. (14,5 % из них шло в Госбюджет МАССР). Приостановка сокращения размеров последнего платежа создавало возможность его роста за счет увеличения производства тканей, трикотажных изделий, телевизоров, нормально-осветительных ламп, люстр и подвесов, магнитофонов, изделий из пластмассы, велосипедов и других ТНП. Однако нерентабельность сдерживала их выпуск на непрофильных объектах. На саранском заводе «Центролит» из 38 выпускаемых изделий 31 являлось убыточным, на тепловозоремонтном из 8 — 4. Ряд ТНП были нерентабельны на заводах «Резинотехника», экскаваторном и инструментальном. С 1990 г. использовалось до 30 % прироста налога с оборота для поощрения коллективов за увеличение производства товаров легкой промышленности и создание специализированных мощностей по выпуску ТНП на непрофильных предприятиях. При переводе материальных отраслей на самофинансирование 264,7 млн руб. государственных бюджетных средств республики расходовалось на социальные отрасли и структурную перестройку. Налоговые и добровольные платежи от развития индивидуальной трудовой деятельности граждан и кооперативов (100,3 млн руб.) должны были улучшить финансовые взаимоотношения*. 83,0 % бюджета фокусировалось на решение проблем народного благосостояния.

* В Мордовии в 1989 г. было выдано 1 493 патента и регистрационных удостоверения на расширение индивидуального предпринимательства, насчитывалось 195 кооперативов в сфере производства товаров и оказания услуг населению.

Согласно решениям февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, важная роль отводилась реформе общеобразовательной и высшей школы, культуры и здравоохранения*. Финансировались дополнительные затраты на введение новых условий оплаты труда для работников социальной сферы, увеличение норм расходов на питание, медикаменты и мягкий инвентарь в больницах. Выплата пенсий и пособий производилась за счет средств государственного соцстрахования, членам колхозов — из средств централизованного союзного фонда соцобеспечения**. Вводились новые формы обслуживания на дому одиноких пенсионеров, содержания сетей домов-интернатов для престарелых и инвалидов, ускорялись темпы возведения индивидуального и кооперативного жилья***. Хозрасчетные фонды предприятий увязывали уровень и качество жизни каждого работника с его вкладом в общественное производство****. С повышением роли системы страхования выплата страховых сумм и возмещений составила 32 млн руб.¹²

Изменилось обеспечение отраслей материального производства. В 1989 г. на финансирование предприятий промышленности двойного подчинения за счет собственных средств, бюджетных ассигнований и кредитных ресурсов было направлено 9,7 млн руб. Предусмотренное в бюджете соотношение пропорций распределения прибыли между предприятиями и госбюджетом сократило встречные потоки финансовых ресурсов, создав возможность оперативного маневрирования собственными ресурсами. Работа отдельных предприятий местной промышленности позволила выполнить договора поставок и обеспечить значительный рост прибыли и платежей в бюджет. Однако при увеличении ассигнований и их экономии медленно реформировались социокультурные сферы. Проверки показывали частичное освоение выделяемых ресурсов, растрату финансовых и материальных ценностей в больницах, школах и интернатах.

В конце 1980-х гг. для стимулирования экономии АПК региона и укрепления социально-бытовых условий тружеников села в отраслях переработки из всех источников финансирования выделялось 303 млн руб. Уже с 1988 г. все предприятия отрасли работали на полном хозрасчете и самофинансировании. При расширении арендного подряда с меньшими затратами увеличивался выход продукции, но замедлялись процессы отдачи крупных материально-финансовых ресурсов. Колхозы и совхозы Ардатовского, Большеберезниковского и Старошайговского районов были нерентабельны. У многих хозяйств накопились долги, оплата труда превышала валовой доход. Несмотря на то что отсроченная задолженность АПК Мордовии Агропромбанку составила 523,5 млн руб., финансово-устойчивые хозяйства не торопились рассчитываться с банками¹³.

* В 1990 г. на образование и культуру в Мордовии было ассигновано 108,7 млн руб., в том числе на техническое переоснащение и компьютеризацию 5,6 млн руб.; на содержание учреждений здравоохранения и повышение качества медицинского обслуживания — 75,0 млн руб. (на 9,7 % выше уровня 1989 г.); расходы на соцобеспечение составили 11,5 млн руб. (на 42,0 % выше).

** В 1989 г. пенсии за счет всех источников финансирования получили 240 тыс. чел.

*** Для этих целей местные советы располагали бюджетными ассигнованиями в сумме 12,8 млн руб.

**** В 1989 г. в Фонд социального развития коллективы республики отчислили 47 млн руб.

Значительные финансовые вложения шли на реконструкцию сети автодорог. Согласно указу Президиума ВС СССР, отчисления с предприятий, колхозов и других организаций на эти цели были увеличены с 0,3 до 0,4 % от объема производства продукции и услуг. С 1 января 1989 г. повысилось налогообложение транспортных средств предприятий и населения. Разработка документа в республике инициировалась госпрограммой строительства и реконструкции дорог в Нечерноземье, в рамках которой в 1990 г. за счет всех источников финансирования было израсходовано 99,0 млн руб. Несмотря на выделение в 1989 г. в местные советы 35,5 млн руб. на финансирование капитальных вложений из госбюджета, улучшения финансовых показателей в строительстве не произошло. Перед Госстроем МАССР, банками, министерствами, ведомствами и исполкомами местных советов стояла задача ускорения ввода производственных мощностей и объектов социальной сферы, мобилизации отвлеченных на сверхплановые запасы оборудования материально-финансовых ресурсов. Например, на рационализацию системы управления расходовалось 7,6 млн руб. из бюджета республики 1989 г. Согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР об утверждении генеральных схем, экономия от сокращения штатов перечислялась в доход бюджета¹⁴. В результате упразднения численность административного корпуса сократилась почти на 2 тыс. чел., а служебных легковых авто — на $\frac{1}{3}$; в республиканский бюджет поступило 1 573 тыс. руб.¹⁵

Местные советы занимались решением хозяйственных и культурных проблем подведомственных территорий. Дефицит госбюджета, бюджетов городов и районов требовал изыскания средств на 11,8 млн руб. Расширение роли советов в вопросах экономической самостоятельности, укрепления материально-технической и финансовой базы позволило отчислить от прибыли предприятий союзного и федеративного подчинения в местные бюджеты 22,5 млн руб. Территориальное самоуправление устанавливало иные экономические отношения советов с предприятиями и населением — объединение материальных и финансовых ресурсов на коммерческой основе, создание совместных производств, целевых территориальных фондов за счет добровольных взносов. Завершение перевода предприятий материальных отраслей на прогрессивные формы работы в 1990 г. стабилизировало финансы, углубило хозрасчет, ликвидировало дисбаланс бюджета и нормализовало денежное обращение.

В меры финансового оздоровления входили ликвидация нерентабельных хозяйств и отказ от практики механического покрытия убытков. В республике ежегодно терялось свыше 36 млн руб., с убытками работало 133 объекта управления. Свыше 40 % предприятий ЖКХ были нерентабельны, много их отмечалось в территориальном объединении хлебопекарной и макаронной отрасли, местной промышленности, бытовом обслуживании, потребкооперации, автомобильном транспорте и объединении «Мордовагропромстрой». Принятие законов о государственном предприятии (объединении) и кооперации на некоторое время улучшило ситуацию*. Снижение фондоотдачи произошло на рузаевском заводе «Химмаш»,

* В промышленности накопленные запасы составили свыше 500 млн руб., из них 35 % от сверхустановленного норматива.

заводе «Медоборудование», бумажной фабрике «Красная Роза», Ширингушской суконной и Рузаевской швейно-трикотажной фабриках, сказалось на загрузке свободных площадей, повышении сменности, замене изношенного оборудования*. Инвестиционная политика формировалась в пользу создания совместных фондов взаимного кредитования, исключая опыт безвозмездного субсидирования отставших коллективов. Распространение второй модели хозрасчета на основе нормативного распределения дохода увязывало доходы с конечными результатами работы, стимулируя снижение издержек производства.

Финансовый механизм функционирования хозяйствующих субъектов в этот момент обогатился новым инструментом — выпуском двух видов акций (распространяемых среди своих работников и предназначенных для свободной продажи другим объектам управления), увеличив потенциал самофинансирования привлечением личных доходов трудящихся. От Министерства финансов и республиканских банков ожидали реализации постановления союзного правительства о выпуске ценных бумаг. Стабилизация денежного обращения предусматривала насыщение рынка потребительскими товарами, расширение сети платных услуг населению, ввод спецсистемы финансовых льгот. Однако многие исполкомы районных (городских) советов не занимались вопросами регулирования доходов населения. При увеличении выпуска денег в обращение в 1989 г. имелись ходатайства в СМ о дополнительном их выпуске Атюрьевским, Ковылкинским и Ромодановским исполкомами районных советов. Применяемые формы и методы оплаты труда не мотивировали внедрение научно обоснованных норм выработки, порождая «уровниловку». Отставание темпов роста производительности труда от заработка отмечалось на заводах «Биохимик», автосамосвалов и экскаваторном, ПО «Мордовцемент», домостроительном комбинате, ТПО хлебопекарной и макаронной промышленности и др.

По мнению профессора А. И. Сухарева, «Программа научно-технического прогресса, экономического и социального развития Мордовской АССР на период до 2010 года», разработанная Госпланом МАССР и учеными университета, ускорила работу республиканских служб. Однако арифметический подход в проектах дал низкую степень просматриваемости натуральных показателей плана с конкретной привязкой к районам, городам, селам и коллективам, требуя корректировки методологии и методики планирования для обеспечения комплексного и сбалансированного развития территорий, оптимального увеличения вклада Мордовии в народно-хозяйственный комплекс страны по продукции отраслей специализации. Эффективность реализации программы снижали диспропорции и несбалансированность экономики, отставание инфраструктуры от реальных потребностей производства и населения, неразвитость кооперации в строительстве, сферах обслуживания и торговле, образовании, культуре и других отраслях, ужесточение контроля за производством ТНП, пользующихся спросом. Развитие сферы услуг, социальная переориентация экономики и сокращение удельного веса госзаказа тормозило материально-техническое снабжение производства:

* На 1 октября 1989 г. свободные средства на счетах предприятий республики составили 201 млн руб., в 1990 г. отрасли располагали фондами на 160 млн руб.

уровень заключенных договоров на поставку продукции в другие регионы в промышленности составил менее 90 %, обеспеченность ресурсами и комплектацией — 70 %. В целом резюмировалось, что новая радикальная экономическая реформа должна подготовить экономику к поэтапному переходу на хозрасчет¹⁶.

Повышение плановых заданий по поставкам продукции не подтверждалось материальными ресурсами. Отсутствовала помощь по техническому снабжению со стороны, Мордовглавснаба, СМ, Госплана МАССР, вышестоящих органов, союзных министерств и ведомств. Для ликвидации товарного дефицита были организованы производства на предприятиях, но перерасход фонда заработной платы и убытки, покрываемые за счет основного производства, не давали увеличивать объемы и расширять ассортимент выпуска продукции*. Правомерность предложений о распространении на предприятиях производства ТНП в Законе о кооперации в части ценообразования соотносилась с покупательским спросом. Интерес в их насыщении сдерживался на уровне территорий — на рынке от общего их объема оставалось не более 15 — 17 %. Возникал вопрос об установлении стабильных нормативов поставок потребительских товаров в союзно-республиканский фонд и местную торговлю. Деятельность финансовых структур и создание спецбанков сочеталось с повышением аналитической работы, сокращением доли малоэффективных и поверхностных ревизий и проверок. Работникам банковских органов, экономических служб министерств и объединений предстояло овладеть современными методами менеджмента в развитии партнерских отношений с предприятиями для выявления возможностей роста денежных накоплений, усиления бережливости и экономии.

Нарекания вызывали работа предприятий и организаций ЖКХ, транспорта и связи, уровень культуры обслуживания населения. Председатель правления республиканского кооперативно-государственного объединения «Мордовагропромстрой» В. И. Федяшин сетовал на несвоевременность оплаты счетов поставщиков в погашении кредитов и убыточность¹⁷. Несбалансированность бюджета снижала успех реализации задач, связанных с выработкой финансовых взаимоотношений предприятий, хозяйственных органов с государством, а в условиях регионального хозрасчета — и республики с государством. С одной стороны, расширение прав министерств, ведомств и исполкомов местных советов позволило бюджетным учреждениям социальной сферы направить сэкономленные ассигнования на социальные нужды по укрупненным показателям. С другой стороны, за арифметическим наращиванием объемов производства упускалось качество, породившие иждивенчество, а именно: недостаток отдельных видов продуктов питания, обострение жилищной проблемы, дефицит ТНП и услуг, слабое развитие дорожной сети и недооценку роли финансовой политики. Несмотря на то что на преодоление остаточного принципа финансирования материальной базы социокультурных сфер в 1987 — 1989 гг. за счет всех источников было направлено порядка 531 млн руб.¹⁸, а из госбюджета республики на 1989 г., утверждено-

* На их нерентабельность указывали материалы республиканского управления статистики: в промышленности в среднем на 1 руб. товарной продукции приходилось 13 коп. заработка, по ТНП — 39 коп. (данные 10 месяцев 1988 г.).

го с дефицитом, — 16,9 млн руб., оказана финансовая помощь сельским и поселковым советам в сумме 2,4 млн руб., у людей появлялось чувство апатии.

В 1987 — 1989 гг. повышение темпов роста общеэкономических показателей привело к получению 1 830 млн руб. прибыли (за все годы 11-й пятилетки — 1 647 млн руб.). В 1988 г. прибыль составила 784 млн руб., но из-за недоиспользования резервов по ряду предприятий промышленности, строительства и транспорта было недополучено порядка 60 млн руб. Ухудшили обстановку сверхнормативные запасы товароматериальных ценностей в промышленности на 104 млн руб. и ежегодные непроизводительные расходы в сумме около 80 млн руб.¹⁹ Прирост вкладов населения за 1985 — 1988 гг. составил 324 млн руб., в 1989 г. в Сбербанке хранилось сбережений на 1 365 млн руб. Рост денежных поступлений увеличил темпы продаж государственных квартир, оборудования, строительных и других материалов. Однако несбалансированность товарооборота и товарных ресурсов привела к значительному выпуску денег в обращение. На фоне увеличения объемов товарооборота, предоставления населению платных услуг и роста производства ТНП СМ МАССР принял меры по выполнению местными плановыми, финансовыми, банковскими и другими контролирующими и инспектирующими органами кассового плана и уменьшению денежной эмиссии²⁰.

Таким образом, первые два перестроечных года реформ показали установку кредитного механизма на предотвращение затратного характера использования банковских ресурсов Мордовии, прекращение кредитования убытков и накопления сверхплановых запасов товароматериальных ценностей. Не выдавались платежные кредиты и кредиты на восполнение утраченных оборотных средств, исключалась эмиссия из кредитных ресурсов. По отчету начальника Мордовского республиканского управления Госбанка СССР В. Т. Филеткина, в 1988 г. кредиты сократились на 84 млн руб., или на 3,5 %, в первом полугодии 1989 г. — на 106 млн руб., или на 4,5 %. Объемы производства в промышленности увеличились на 4,3 %, животноводстве — 6,0; капвложения увеличились на 10,0 %, розничный товарооборот — 7,6, платные услуги — на 7,3 %. Ускорилась оборачиваемость кредита на 5,8 дня, за счет чего высвободилось 6 млн руб. кредитных ресурсов. Просроченная задолженность по ссудам банка сократилась на 16 млн руб. Вследствие недоиспользования производственных фондов, потерь от брака и бесхозяйственности, убытков и недополучения плановых накоплений взаимные неплатежи хозяйственных органов снизились на 17,0 %. Недостаток собственных оборотных средств исчислялся 7 млн руб. (без колхозов и совхозов), сверхнормативные запасы — 31 млн; на дебиторскую задолженность было выделено 56 млн руб.²¹

При реорганизации банковского дела имелось в виду, что Госбанк СССР станет главным держателем кредитных ресурсов, координатором и контролером работы спецбанков, организатором единой процентной политики денежного обращения, хозрасчета и т. д. Тем не менее появление сети отраслевых банков на местах не освободило систему от администрирования, отсутствовали эффективность работы с процентными ставками и выдача дешевых кредитов (одни зарабатывали деньги сами, на других они сыпались «манной небесной»), продолжалось кредитование убыточных предприятий под «липовые» операции. Незакрепленность статуса главного банка и неименение приводных механизмов осложнили существующие противоречия. Обеспечение процессов накопления денег вело к пассивной

миссии учетной роли вместо организации движения денежной массы. Монополия Госбанка СССР и Стройбанка СССР, замененная монополией вновь созданных банков, закрепила сферы влияния по ведомственному признаку*. Спецбанками создавались различные «эрзацы» (финансово-расчетные центры, отраслевые фонды развития и т. п.), ограждавшие предприятия от банкротства путем кредитных вливаний. Однако из-за роста числа убыточных предприятий, колхозов и суммы их убытков спецбанки в течение 1988 — 1989 гг. так и не смогли обеспечить повышения эффективности капвложений, увеличив тем самым количество вновь начатых строек и неустановленного оборудования.

В итоге предложения о том, какие банки должны работать, нужно ли создать единый территориальный банк и предоставить хозрасчетную независимость низовым учреждениям банка от вышестоящих контор были неэффективными. Не удавалось приостановить эмиссии денег и инфляционные процессы, темпы роста заработной платы опережали производительность труда, объемы производства и товарооборот**. Несмотря на разбалансированность рынка, дефицит и нормирование многих товаров, имелись неиспользованные резервы, зависевшие от перебоев в торговле товарами со складов и баз, закрытия магазинов, поиска и закупок недостающих товаров в других регионах. Согласно постановлению СМ МАССР от 17 мая 1989 г. «О кассовом плане Мордовской АССР на II квартал 1989 г.», повысился план по товарообороту, производству ТНП и платным услугам. Между тем учреждения торговли и Министерства путей сообщения, не выполнив задания за восемь месяцев 1989 г. на 12 млн руб., отчитывались за первоначальные цифры²². Это создавало двойственное положение, при котором не исполнялись резолюции правительства республики, решения СМ СССР и СМ РСФСР под прикрытием Закона о кооперации (хотя эти требования должны были сопровождаться адекватными полномочиями). Такая же ситуация складывалась и с заданиями по ТНП и платным услугам — не принятыми, но выполненными.

Указанные преобразования дополнялись переводом городов и районов на самоуправление. Права территорий не могли закрепляться без углубления реформы и усиления зависимости уровня жизни населения от результатов работы

* В частности, строгое вертикальное распределение ресурсов привело к излишним суммам кредитов (на 30 млн руб.) у Промстройбанка в I квартале 1988 г. и недостатку их на счету Агропромбанка на эту же сумму. Неразрешенность механизма переключения денежных средств из одной сферы в другую означала их передачу Промстройбанком в Чувашию, а позднее Агропромбанк получал недостающую сумму из центра.

** В первом полугодии 1989 г. не было вовлечено в товарооборот свыше 90 млн руб. доходов населения и платных услуг, на заработную плату выдано больше плана (по плану рост составлял 2,1 %, фактически — 6,6 %). За восемь месяцев 1989 г. кассовый план был недовыполнен на 21 млн руб. и допущена несвоевременная выплата заработной платы. За счет эмиссионного результата республика покрыла 17,0 % расходной части кассового плана. Приходную часть выполнили лишь Большеберезниковский, Зубово-Полянский, Ичалковский, Лямбирский и Старошайговский районы. Допустили сверхплановый выпуск денег в обращение Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Ковылкинский, Чамзинский, Краснослободский районы и г. Саранск. Главные претензии адресовались торговле и потребкооперации, недодавшим 16 млн руб.

хозяйств. В проекте бюджета республики на 1990 г. закладывалось внедрение отдельных элементов территориального самофинансирования с целью перевода г. Ковылкино и Ичалковского района в порядке эксперимента на новые принципы работы. Бюджеты городов и районов на 1990 г. были определены в общей сумме по доходам в 182,3 млн и расходам в 193,4 млн (превышение последних на 11,1 млн руб.). В условиях действовавшего ценообразования для компенсации доходов из республиканского бюджета МАССР выделялись субвенции бюджетам 12 районов на 24,4 млн руб.²³ Суть опыта заключалась в выработке механизма самозарабатывания средств с передачей на места части платежей из прибыли предприятий союзного и республиканского подчинения, а также части союзных и республиканских, средних и небольших предприятий. Подобные принципы могли быть реализованы при переходе на налоговые методы взаимоотношений предприятий с бюджетом, появлении мотивов формирования денежных ресурсов на развитие. Ситуация требовала привлечения заемных средств с финансовой отдачей и применением нетрадиционной мобилизации свободных финансовых ресурсов путем развития рынка ценных бумаг (облигаций, акций, векселей и др.)*. В задачу перестройки кредитной политики входил отказ от безвозмездной выдачи кредита, потерявшего свои функции при реализации общереспубликанских программ в РСФСР в 1990 г., когда предлагался выпуск республиканского Государственного внутреннего займа в 6,3 млрд руб. для распространения среди предприятий, организаций, банков, в том числе и в Мордовии.

Введение гибкой процентной политики в борьбе с инфляцией представляло новое направление работы финансовых и банковских органов в организации оборота, выпуске и размещении ценных бумаг, контроле обеспеченности, рекомендациях потенциальным вкладчикам, распространении этих форм привлечения средств предприятий и населения. В планах развития социокультурной сферы практиковалось привлечение средств предприятий, совхозов, колхозов и кооперативов на благоустройство и неотложные нужды территорий, оптимизацию работников республиканских и местных органов государственного аппарата и расходов на их содержание²⁴. Поскольку в республике недостаточно ликвидировались убыточные хозяйства, их финансирование с 1990 г. вошло в компетенцию СМ РСФСР, санкционировавшего работу постоянных комиссий ВС МАССР под руководством Госплана. Министерство финансов, Госплан, Госагропром, руководители и специалисты министерств и ведомств, предприятий и организаций регулировали эту ситуацию. Для ужесточения контроля Министерству финансов МАССР и республиканским управлениям спецбанков СССР представлялся анализ доходной и расходной частей бюджета с целью сокращения дисбаланса в развитии предприятий, оживления кооперативного движения и индивидуальных форм организации труда.

В 1988 — 1989 гг. важным фактором эволюции денежных операций в Мордовии являлся бартер. Хозяйственные связи сопровождали бартерные сделки, которые отражали совершенный товарообмен. Развитие этого процесса началось с

* Основой служило увеличение остатков средств фондов экономического стимулирования в 1987 — 1989 гг. в 3,1 раза у предприятий промышленности (порядка 106 млн руб.).

внешнеторговых операций. По некоторым оценкам, удельный вес товарообменных сделок в обороте предприятий за этот период достиг нескольких десятков процентов. Бартер широко вошел в оборот предприятий по оплате труда, при оказании услуг различным группам населения. Стихийно выделялись товары, используемые в оптовом обороте в качестве «денежного» эквивалента (стройматериалы, бумага, краска, потребительские товары и др.). Сфера обмена услугами и товарами между населением базировалась преимущественно на использовании ряда ходовых товаров в качестве денег, а рублевые расчеты дополняли бартерное содержание сделок.

В новых условиях возросла роль Госбюджета МАССР. После разработанного СМ МАССР комплекса неотложных мер по улучшению работы финансово-кредитной системы началась реализация политики финансового оздоровления. Задействованные резервы обеспечили сверхплановые поступления налога с оборота, платежей из прибыли в местные бюджеты и по ряду других источников. Однако структурную перестройку замедляли низкий рост накоплений отраслей группы «Б» в общем объеме производимой продукции, ежегодные непроизводительные расходы и потери (до 80 млн руб. ежегодно), ущерб от хищений, растрат и приписок, убытки 70 предприятий (на 21,8 млн руб.), снижение оборота собственных и кредитных ресурсов, расчетно-платежной дисциплины, углубление разбалансированности потребительского рынка*. Финансово-банковская бесконтрольность усиливала инфляцию, дефицит и социальную напряженность в обществе²⁵.

Указанные процессы синергировали развитие инициативы в мобилизации внутренних резервов предприятий городов и районов Мордовии. У многих из них сформировались крупные денежные ресурсы, не подлежавшие к использованию на производственные и социальные нужды. Вместе с тем появилась возможность их дополнительного привлечения на заемной основе с обратной финансовой отдачей. Выпущенные государством, предприятиями и организациями ценные бумаги по существу запретили безвозмездную выдачу кредита. Введение новой гибкой процентной политики снизило общий уровень инфляции. В условиях расширения прав союзных и автономных республик, городов и районов возникла необходимость оптимизации деятельности республиканских и местных органов государственного управления, расходы на содержание которого составляли 2,6 % от общего объема затрат бюджета²⁶. Однако принципиального изменения роли министерств, ведомств и среднего звена менеджмента не произошло. Медленно реализовывалась инвестиционная и техническая политика в отраслях управления, планирования и нормативов. Процесс формирования и исполнения бюджета по пути организации службы налоговых инспекций возлагался на Министерство финансов МАССР, а ответственность за механизм кредитования и укрепление денежного обращения — на учреждения банковской системы.

В целом выполнение названной программы проходило в тяжелых финансовых условиях: размер выплат денежных средств на оплату труда в промышленности опережал рост производительности труда на 12,5 %. На превышение пла-

* За десять месяцев 1989 г. доходы населения возросли на 10,2 %, расходы — на 9,8 %.

нового уровня эмиссии влияла деятельность кооперативов, усугубивших инфляцию обналичиванием перечисленных предприятиями безналичных средств. Министр финансов МССР В. И. Кедров связывал это с сокращением рабочей смены, трудовой недели и ростом безработицы. Однако, по данным статбюллетеня, за I квартал 1992 г. наблюдалось увеличение прибыли в 8,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 1991 г. Отдельные предприятия совершили скачок в десятки раз, но по показателям выпуска продукции в натуральном выражении оптимизм иссякал: вместо перевыполнения планов снижались объемы производства фактически по всем значениям. Цена росла быстрее, и это вело к парадоксу — выгоднее было производить меньше товаров по дорогой цене²⁷. Получение сверхприбыли, несвоевременность выплаты заработной платы, неплатежи по отгруженной продукции, заготовка сверхнормативных запасов сырья и материалов спровоцировали опустошение фонда предприятий. К тому же изменились цены на энергоносители и оплату труда. Банковский процент «съедал» сверхприбыли и прибыль от разницы в стоимости дешевого сырья. Однако товары не реализовывались — их цена не устраивала покупателя, а монополисты ее не снижали, придерживая товары для последующего перекрытия суммы сверхприбылью. Получив таким образом прибыль, производственники платили рабочим заработную плату и отправляли их в принудительный отпуск. Производить новые товары по высоким ценам на сырье и энергоносители становилось не выгодным, отчего лихорадило многие предприятия.

Статистические итоги того периода показывали, что нормализовать работу финансовой сферы так и не удалось. Отсутствие средств на счетах предприятий²⁸ привело к сокращению отчислений в госбюджет, уменьшило взаимозачет отраслей и городов между банками. Ходатайство Правительства МАССР перед Правительством РФ о проведении межрегионального, межреспубликанского зачета учитывало взаимные локальные долги и расчеты по неплатежному балансу. Финансовая политика России позволила избежать гиперинфляции и на некоторое время добиться управляемости финансов*. На средства федерального бюджета в республике содержались МВД (за исключением ГАИ), прокуратура, суды, вузы и ссузы, вкладывались значительные ассигнования в сельское хозяйство²⁹. Доходная часть бюджета на 1992 г. была рассчитана на свертывание производства, рост цен и зарплат. Основной налог на добавленную стоимость давал казне 6,6 млрд руб. (из них 20 % распоряжалась Мордовия), налог на прибыль с предприятий — 13 млрд руб. (из них в регионе оставалась «меньшая половина»), преобразующие Мордовию в республику-иждивенца³⁰.

При обсуждении проекта Программы (Основные направления) деятельности Правительства МССР на период стабилизации экономики ВС МССР отметил его декларативность, неполноту, отсутствие конкретных действий по достижению цели на перспективу и оценки возможностей региона в решении финансово-экономических и социальных проблем³¹, в том числе по проблемам снижения

* У частных производителей цены на мясо и молоко стали ниже (за счет отсутствия налога на дополнительную стоимость и накладных расходов) по сравнению с кооперативными предприятиями.

эмиссии, проведения политики в ценообразовании, финансах и кредитах, преодоления дефицита бюджета в сумме 203,3 млн руб.³² Как следствие, этот вариант был отклонен. В Открытом письме Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю ВС РФ Р. И. Хасбулатову³³, датированном руководителями коллективов и профсоюзным активом МССР от 10 июля 1992 г., выражалась озабоченность обострившейся ситуацией. Поток реформаторства опрокинул все расчеты коллективов и поставил их на грань банкротства, за несколько месяцев сделав нищими государственные советские предприятия-миллионеры³⁴.

Рост цен на материалы и запасные части, аренду помещений и электроэнергию привел к значительному удорожанию стоимости бытовых услуг. Сельхозпредприятия отбирали помещения бытового сервиса на селе, выделенные под комплексные приемные пункты. Ввиду отсутствия альтернативной службы быта коммерческим банкам рекомендовалось выдавать его предприятиям льготные кредиты и долгосрочные ссуды целевого назначения, ассоциации «Мордовсервис» были переданы права владельца на ряд зданий и складских помещений³⁵. При всех принятых мерах даже установление дотаций на животноводческую продукцию, реализуемую в госресурсы, не стабилизировало ни сельхозпроизводство³⁶, ни выпуск ТНП. Лаконичным аргументом стали цифры Мордовского республиканского управления статистики, перечеркнувшие оптимистические заверения политиков о скорой стабилизации. Ухудшилось положение на потребительском рынке с мясо-молочными продуктами, консервами, хлебом, хлебобулочными и кондитерскими изделиями (за исключением водки и ликеро-водочных изделий)³⁷. Императивом предупреждения последствий остановки производства Совет Госсобрания Республики Мордовия поручил правительству оформить целевые кредиты коммерческих банков в рамках инвестиционных проектов³⁸.

Таким образом, на первом этапе банковской реформы перед ведомствами банковской сферы Мордовии стояли ответственные финансовые задачи. Неподготовленность в ее проведении выражалась в доминировании централизации управления и ослаблении финансовой базы государства, сходимости спецбанков и министерств, неизменности содержания, стиля «банкотворчества» и безынициативности банков, снижении числа низовых звеньев банковского управления (отделений) и ростом управленческих структур (бывших контор) в среднем административном звене — республиканских (городских) управлениях, непроработке вопросов организации и недооценке роли банка в процессах трансформации и др. Сведение с большим дефицитом госбюджета страны в 1988 — 1990 гг. сказалось на кредите, давление на который существенно возросло. Несбалансированность доходов и расходов населения, опережение темпов роста денежной массы темпов роста товарооборота и оказываемых населению услуг вызвало инфляцию, девальвацию ссудного фонда и снижение эффективности его использования. За критикой реформы и стремлением к возврату прежней банковской системы клерки признавали свое слабое представление о формах делового партнерства. Попытка разделения эмиссионной и кредитной функций Госбанка СССР и образование коммерческих учреждений ликвидировали монополию государства на построение банковских структур по примеру дореволюционной России и западных стран. В кредитном механизме появились коммерческий кредит, новые формы обслуживания клиента, рыночные структуры и условия модернизации.

Несмотря на то что в период перестройки деятельность банков была обеспечена в организационном плане, коренных изменений в качественных показателях их работы не произошло. Зарождение инвестиционных, ипотечных и муниципальных банков проходило на фоне инфляции, кризиса системы платежей и отсутствия четкой государственной программы, форсировав разработку собственных программ развития сектора в субъектах РФ. Декларативный характер носили первые законодательные акты: законы «О Государственном банке СССР» и «О банках и банковской деятельности», принятые Государственной думой в 1990 г. (в новой уточненной редакции в 1995 и 1996 гг.). Последний закон закрепил принцип либерализации ведения банковского дела, усилив меры по обеспечению устойчивости системы. Вместе с тем еще не были приняты важные законы «Об обязательном страховании банковских вкладов граждан», «О банкротстве (несостоятельности) кредитных организаций», «О фондовом рынке» и др.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Абалкин Л. И.** Логика экономического роста. М., 2002. С. 51.
- ² См.: Экономика : учебник / под ред. А. И. Архипова, А. Н. Нестеренко, А. К. Большакова. М., 1999. С. 285 — 287.
- ³ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Вторая сессия (20 дек. 1985 г.) : стеногр. отчет. Саранск, 1986. С. 102 — 124.
- ⁴ См.: **Ведев А. Л., Лаврентьева И. В.** Российская банковская система в переходный период (1992 — 2002 гг.). М., 2003. С. 10.
- ⁵ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Пятая сессия (12 дек. 1986 г.). Саранск, 1987. С. 23 — 24, 26 — 27.
- ⁶ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Седьмая сессия (11 нояб. 1987 г.). Саранск, 1988. С. 97.
- ⁷ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Восьмая сессия (9 апр. 1988 г.). Саранск, 1988. С. 11 — 13, 23 — 24.
- ⁸ Там же. С. 36 — 37.
- ⁹ См.: Управлению федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации по Республике Мордовия — 10 лет. Саранск, 2002. С. 3 — 4, 11 — 12, 17.
- ¹⁰ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Десятая сессия (9 дек. 1988 г.). Саранск, 1989. С. 22 — 23.
- ¹¹ Там же. С. 24 — 25.
- ¹² Там же. С. 26 — 28.
- ¹³ Там же. С. 28 — 30.
- ¹⁴ См.: О Государственном бюджете СССР на 1989 год : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 дек. 1988 г. // Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Десятая сессия. С. 30 — 31.
- ¹⁵ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Десятая сессия. С. 30.
- ¹⁶ Там же. С. 36 — 39.
- ¹⁷ Там же. С. 40 — 41, 50 — 51.
- ¹⁸ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Внеочередная двенадцатая сессия (22 сент. 1989 г.). Саранск, 1990. С. 6 — 7.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 18, 86 — 93.
- ²¹ Там же. С. 77 — 80.
- ²² Там же.

²³ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Четырнадцатая сессия (7 дек. 1989 г.). Саранск, 1990. С. 33 — 35.

²⁴ См.: О задачах Советов народных депутатов Мордовской АССР по совершенствованию структуры управления народным хозяйством : постановление Верхов. Совета Мордов. АССР // Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Восьмая сессия. С. 93 — 97.

²⁵ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Четырнадцатая сессия. С. 5, 21 — 24, 27, 93 — 97, 86 — 93.

²⁶ Там же. С. 33 — 35, 38.

²⁷ См.: **Павлов Ю.** Жизнь денег : Шансы и финансы // Сов. Мордовия. 1992. 16 июня.

²⁸ См.: Вектор рынка : Социально-экон. положение Мордов. ССР в первом квартале 1992 г. // Там же.

²⁹ См.: **Павлов Ю.** Указ. соч.

³⁰ См.: **Калитина Н., Пыков А., Столяров А.** О политической меже и бюджетном дележе : Заметки с сессии Верхов. Совета МССР // Сов. Мордовия. 1992. 6 июня.

³¹ См.: О проекте Программы деятельности правительства Мордов. ССР на период стабилизации экономики : постановление Верхов. Совета Мордов. ССР от 5 июня 1992 г. // Там же. 21 июля.

³² См.: **Пыков А., Калитина Н., Столяров А.** Форум на страже кворума // Там же.

³³ См.: Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н., Председателю Верховного Совета Российской Федерации Хасбулатову Р. И. Открытое письмо руководителей трудовых коллективов предприятий и организаций, профсоюзного актива Мордов. ССР // Там же. 21 июля.

³⁴ См.: **Капустин Н.** Промзона без озона // Там же. 22 июля.

³⁵ См.: Быт или не быть // Сов. Мордовия. 1992. 31 июля ; О мерах по обеспечению функционирования предприятий бытового обслуживания населения : постановление Верхов. Совета Мордов. ССР об утверждении постановления Президиума Верхов. Совета Мордов. ССР // Ведомости Верхов. Совета Респ. Мордовия. Саранск, 1994. № 4 — 5. С. 68.

³⁶ См.: О дотациях на продукцию животноводства и птицеводства, реализуемую в госресурсы в июле-августе 1992 года : постановление Президиума Верхов. Совета Мордов. ССР от 17 июля 1992 г. // Сов. Мордовия. 1992. 25 июля.

³⁷ См.: **Владимиров В.** «Куплю скатерть-самобранку...» // Там же. 25 июля.

³⁸ См.: О мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий, находящихся в собственности Республики Мордовия : постановление Гос. Собрания Респ. Мордовия от 11 марта 1995 г. № 70—1 // Ведомости Верхов. Совета Респ. Мордовия. № 1 — 2. С. 67 — 68 ; О мерах по финансовому оздоровлению акционерного общества «Лайме» : постановление Гос. Собрания Респ. Мордовия от 12 июля 1995 года № 255—1 // Ведомости Гос. Собрания Респ. Мордовия. Саранск, 1995. № 3 — 4. С. 189 ; О прогнозе социально-экономического развития Республики Мордовия на 1995 год : постановление Гос. Собрания Респ. Мордовия от 30 марта 1995 года. № 88—1 // Ведомости Гос. Собрания Респ. Мордовия. № 1 — 2. С. 70.

Поступила 26.02.2013 г.

УДК 338.48(470.345)

М. А. Жулина, М. И. Фирстов, Н. Е. Нехаева
M. A. Zhulina, M. I. Firstov, N. E. Nekhaeva

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

ASPECTS OF THE FORMATION OF REGIONAL PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: туристская деятельность, программа развития туризма, туристские объекты, реализация программы, Республика Мордовия.

В статье подчеркивается необходимость развития туристской деятельности в регионах России, выявляются возможности развития туризма в Республике Мордовия, определяются проблемы и пути их решения, обосновываются принципы формирования региональной программы по развитию туризма.

Key words: tourist activity, the program for the development of tourism, tourist objects, the implementation of the program, the Republic of Mordovia.

The need for the development of tourist activities in the regions of Russia is emphasized in the article, as well as opportunities to develop the tourism in the Republic of Mordovia are revealed, problems and methods of their solution are determined and principles of the formation of regional program for the development of tourism are proved.

На протяжении нескольких лет все чаще говорится о необходимости развития туризма в России. Несмотря на существующие проблемы социально-экономического характера, связанные с отсталостью туристского сектора страны, известны значительные экономические и социальные преимущества, прогнозируемые при условии интенсивного развития внутреннего и въездного туризма. Тезисы о том, насколько велик потенциал туристского сектора Российской Федерации, не нуждаются в очередном обосновании.

Актуальным вопросом на сегодняшний день остается определение роли государства в развитии туристской инфраструктуры. Согласно распространенному мнению экспертов, в современных условиях интенсивное развитие внутреннего и въездного туризма невозможно без активной государственной поддержки. Это объясняется, прежде всего, жесткой конкуренцией со стороны других государств, которые задают высокие стандарты в сфере гостеприимства: для одной категории туристов — стандарты качества услуг, для другой — соотношения их качества и цены. При этом темпы глобализации и информатизации, рост мобильности населения, упрощение языковых и таможенных ограничений, характерные для XXI в., формируют благоприятную почву для усиления конкуренции со стороны иностранных туристских систем.

В такой ситуации верным решением стало формирование механизмов эффективной государственной поддержки туристского сектора России. Итогом затянувшихся поисков оптимального механизма явилась Федеральная целевая

программа (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 — 2018 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2011 г. № 644.

Согласно положениям данной программы, в течение 8 лет ее реализации на нужды отечественного туристского сектора планируется выделить 96 млрд руб. федеральных средств и привлечь более 200 млрд руб. частных инвестиций. Основная часть средств будет направлена на софинансирование инвестиционных проектов, сформированных в соответствии с кластерной системой. Туристско-рекреационный кластер определяется программой как «комплекс взаимосвязанных объектов рекреационной и культурной направленности — коллективных средств размещения, предприятий питания и сопутствующих сервисов, снабженных необходимой обеспечивающей инфраструктурой». Данные кластеры планируется создавать в регионах, отобранных «исходя из экономической целесообразности, наибольшей эффективности и результативности с точки зрения обеспечения достижения цели и решения задач Программы»¹, что означает неравномерное распределение федеральных дотаций среди регионов России.

Иными словами, на финансирование в рамках ФЦП могут рассчитывать территории, обладающие максимальным туристско-рекреационным потенциалом, а именно:

- регионы Северо-Западной части России, образующие «Серебряное кольцо России»;
- регионы Центрального федерального округа, в совокупности составляющие «Золотое кольцо России»;
- регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, объединенные в перспективное туристское направление «Юг России»;
- крупные города, расположенные на реках Волге и Каме, формирующие туристское направление «Большая Волга»;
- Республика Алтай и Алтайский край как регионы Сибири, обладающие наиболее богатым туристско-рекреационным потенциалом;
- восточные территории страны, объединяющие ресурсы Байкала, Приморья и Камчатки.

Исходя из характеристики туристского потенциала территории России, список регионов, включенных в ФЦП, является оправданным и вполне исчерпывающим. Можно предположить, что развитие туристского комплекса в перечисленных районах на ближайшее десятилетие будет во многом обусловлено реализацией мероприятий ФЦП и именно эти регионы станут центром притяжения основных туристских потоков в Российской Федерации.

Однако существует ряд регионов страны, который в связи с отсутствием в нем столь значимого (в сравнении с соседними областями) туристского потенциала не допускается к федеральному софинансированию. К таким регионам, в частности, относится и Республика Мордовия. Должно ли это означать, что в данных регионах туризм признан недееспособной отраслью экономики и его развитие становится необязательным для местного уровня власти?

Чтобы однозначно ответить на этот вопрос, необходимо в очередной раз вспомнить о специфичности туристской отрасли, о ее влиянии на общественные процессы подключенных территорий. «Феномен» туристской отрасли заключается в ши-

роком мультипликативном эффекте, достигаемом в ходе ее развития и оказывающем стимулирующее воздействие на такие сопряженные отрасли, как транспорт, строительство, общественное питание, реклама, связь, страхование, сельское хозяйство, производство и реализация сувенирной продукции и прочих товаров народного потребления. Это, в свою очередь, означает создание новых рабочих мест и дополнительных источников доходов, обеспечение налоговых поступлений.

Туризм способствует сохранению историко-культурных и природных памятников, развитию народных промыслов, удовлетворяет потребность населения в отдыхе и досуге, является неотъемлемым элементом укрепления физического и нравственного здоровья нации, способствует поддержанию благоприятного имиджа региона, в том числе с точки зрения его инвестиционной привлекательности. ЮНЕСКО признает туризм одним из главных факторов культурного и гуманитарного развития, способствующего сохранению мира и сближению народов путем ведения «диалога между культурами». Кроме того, туризм способен улучшить инфраструктуру быта в сельской местности, что особенно важно для аграрных районов, а также стимулировать развитие территорий, обделенных сырьевыми ресурсами (например Республика Мордовия).

В связи с проведением в Мордовии чемпионата мира по футболу в 2018 г. туризм может стать весомым фактором, поддерживающим процессы дальнейшего социально-экономического развития региона.

Туристско-рекреационный потенциал Мордовии в силу объективных исторических и географических причин не может сравниться с туристическими возможностями Кавказа, Санкт-Петербурга или Байкала. Однако анализ статистических данных свидетельствует о стабильном и уверенном спросе на туристские услуги Мордовии в течение последних лет.

Туристский потенциал Мордовии базируется на следующих составляющих:

- расположение в центре главной зоны расселения России;
- хорошая транспортная доступность и транзитное положение региона;
- умеренно-континентальный климат с четкой выраженностью сезонов года;
- значительное природное разнообразие, обусловленное пограничным положением региона между лесной и степной природными зонами и наличием объектов экологического туризма;
- высокий уровень развития спорта, а также проведение крупных национальных праздников и фестивалей, деловых мероприятий, являющихся основой спортивного, событийного и делового туризма;
- большое количество объектов религиозного и этнического туризма;
- широкая музейная сеть республики, наличие прочих объектов показа (архитектурные, исторические, археологические памятники и т. д.);
- объекты санаторно-курортной инфраструктуры;
- наличие потенциально успешных брендов, способных привлечь внимание туристов (в частности имена С. Д. Эрзи, Ф. Ф. Ушакова, а также статус Мордовии как признанного центра финно-угорских народов России, значимого спортивного региона, узнаваемого паломнического центра)².

Необходимо учитывать, что отдельно перечисленные факторы практически не дают Республике Мордовия конкурентного преимущества и являются лишь основой для развития туристского комплекса.

Объективно оценивая ситуацию, следует отметить, что рынок туристских услуг в Мордовии значительно отстает в своем развитии как от мировых, так и от общероссийских стандартов. Об этом говорят следующие цифры. По данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, на начало 2012 г. в Мордовии действовало 22 туристские фирмы. Это самый низкий показатель среди 14 регионов ПФО (самый высокий показатель в Татарстане — 345 турфирм). Подавляющее большинство (21 турфирма) занималось только продвижением и продажей туров (т. е. являлись турагентами). В 2011 г. услугами турфирм воспользовались 20 545 туристов (среди регионов ПФО наименьший показатель только в Марий Эл — 14 010), которым было продано 10 179 турпакетов на общую сумму 510,6 млн руб. (их них 3 486 путевок — в пределах территории России, 6 693 — за границу). Отдых на территории республики предпочли 1 070 чел. Среди других регионов России самыми посещаемыми в 2011 г. были Краснодарский край, Кабардино-Балкарская Республика и г. Санкт-Петербург. Наиболее востребованными странами по-прежнему оставались Египет и Турция³.

Что касается туристской инфраструктуры, в первую очередь средств размещения, то ситуация выглядит следующим образом. В 2011 г. в Республике Мордовия насчитывалось 45 коллективных средств размещения, из них 28 — гостиничного типа, 11 — санаторно-курортных организаций и 6 — организаций отдыха. Номерной фонд коллективных средств размещения насчитывал 1 644 номера на 3 977 мест (62,3 % приходилось на специализированные средства размещения). Номерной фонд гостиниц — 674 на 1 499 мест. Коэффициент загрузки коллективных средств размещения сравним с общероссийским — 0,35 %, в том числе специализированных средств размещения — 0,39, гостиниц и аналогичных средств размещения — 0,29. В целом гостиничного фонда в республике явно недостаточно — по количеству гостиниц Мордовия занимает 13 место среди регионов ПФО (14 место — Марий Эл — 20 гостиниц). По общему количеству мест в гостиницах ситуация аналогичная, а по коэффициенту использования гостиничного фонда — более благополучная (9 место, ниже по рейтингу — Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Пензенская и Саратовская области). В 2011 г. в Мордовии насчитывалось 474 детских оздоровительных учреждения, из них 19 являлись загородными стационарными. Всего за год коллективными средствами размещения было обслужено 93,4 тыс. чел., в том числе 68,9 тыс. чел. — в гостиницах и аналогичных средствах размещения. Из общей численности размещенных лиц 2,7 % составляли иностранные граждане. От общего числа иностранцев, посетивших республику, 54,7 % — граждане государств-участников СНГ⁴.

Очевидным является и тот факт, что имеющийся туристский потенциал республики используется далеко не в полной мере. Во многих районах представлен широкий спектр потенциально привлекательных туристских объектов, развитие которых невозможно без создания необходимой базовой инфраструктуры и их рекламного продвижения.

В преддверии чемпионата мира по футболу в 2018 г. республика стоит перед серьезной задачей — необходимостью формирования современной индустрии туризма и отдыха на основе более интенсивного использования туристского потенциала.

Большая ресурсоемкость решения проблемы ставит вопрос о выборе приоритетов развития, основываясь на которых можно будет достичь наибольших результатов при наименьших затратах. При этом выбор приоритетов должен осуществляться по двум направлениям: определение наиболее перспективных видов туризма и их территориальное зонирование (выбор точек (полюсов) роста, ключевых участков).

Говоря о первом направлении, становится очевидно, что Республика Мордовия обладает достаточным потенциалом для организации лечебно-оздоровительного, культурно-познавательного, этнического, спортивного, событийного, делового, религиозного, аграрного и экологического туризма.

В рамках территориального зонирования туристского комплекса Мордовии наиболее целесообразным является выделение ряда муниципальных районов республики в единые туристские кластеры, образованные с учетом следующих факторов:

- наличие в данном районе самодостаточных природных, культурно-познавательных либо иных туристских ресурсов;
- наличие и состояние уже имеющейся в районе туристской инфраструктуры;
- конкурентная близость района к очагам формирования туристского спроса (крупным городам), хорошая транспортная доступность;
- наличие условий для синергетического развития в районе нескольких видов туризма (экологического, культурно-познавательного, религиозного и т. д.), позволяющих создавать комплексные туристские услуги на базе единого сектора индустрии гостеприимства, что также должно способствовать смягчению сезонных колебаний туристского спроса в данном муниципальном районе.

Основными субъектами туристского рынка Мордовии являются мелкие и средние предприятия, которые на данном этапе развития отрасли самостоятельно не способны создать высококачественный туристский продукт. Процесс формирования индустрии туризма в качестве значимой отрасли территориальной специализации в настоящее время невозможен только за счет использования действующих рыночных механизмов без активного государственного участия в разрешении следующих задач:

- слабое финансирование мероприятий по реставрации и содержанию объектов туристского показа, а также благоустройству мест отдыха туристов и жителей республики;
- отсутствие благоприятных условий для инвестиций и слабая предпринимательская активность в области индустрии туризма (высокие издержки на строительство объектов инженерной инфраструктуры (сетей энергоснабжения, водоснабжения, транспортных сетей, очистных сооружений и т. д.) при создании туристско-рекреационных комплексов; отсутствие доступных инвесторам долгосрочных кредитных инструментов с процентными ставками, позволяющими окупать инвестиции в объекты туристско-рекреационного комплекса в приемлемые для инвесторов сроки);
- слабая активность туристских фирм республики в работе по направлениям внутреннего и въездного туризма;
- недостаточное понимание на уровне отдельных муниципальных образований значения туризма для социально-экономического развития региона;

- сохраняющийся дефицит квалифицированных кадров в сфере туризма и гостеприимства;
- невысокое разнообразие услуг и низкий уровень их качества;
- недостаток событийных проектов, способных привлечь различные категории туристов;
- отсутствие активного продвижения туристских услуг региона как на внутреннем, так и на внешнем рынках (в том числе отсутствие системы качественного информирования туристов на территории республики, отсутствие сильных туристских брендов).

По вышеуказанным причинам Мордовия имеет существенное отставание от ряда регионов России в развитии туризма. В настоящее время республике требуется принципиально новый подход к формированию и адекватному финансированию региональной программы развития туризма. При этом следует исходить из того, что туризм — это сложный межотраслевой комплекс. Только гармоничное развитие всех составляющих туристского продукта (историко-культурных и природных объектов, средств размещения, предприятий питания, развлечения и торговли, транспортного обслуживания, информационного и кадрового обеспечения) позволит создать устойчивое развитие туризма, изменить его положение в экономике региона и принести ощутимые доходы в бюджет.

Реальная поддержка со стороны государства должна заключаться в формировании механизмов государственно-частного партнерства, которое подразумевает тесное и эффективное взаимодействие всех органов государственной власти, туристского бизнеса, научных и общественных организаций в реализации проектов, направленных на развитие экономически эффективного и конкурентоспособного туристского комплекса.

Основная цель формирования региональной программы развития туризма определяется созданием в Республике Мордовия конкурентоспособного туристского комплекса, направленного на развитие внутреннего и въездного туризма, вносящего вклад в экономическое и социальное развитие региона.

Достижение цели предполагает решение следующих задач.

1. Создание эффективной системы мониторинга и управления туристской отраслью:

- разработка нормативных правовых актов, направленных на регулирование деятельности в туристско-рекреационной сфере в соответствии с полномочиями органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- участие в формировании современной системы статистики туризма;
- разработка и ведение единого туристского кадастра Республики Мордовия;
- возобновление деятельности Координационного совета по туризму при Правительстве Республики Мордовия;
- создание в Министерстве культуры и туризма отдела по туризму, состоящего из профессиональных кадров;
- осуществление маркетинговых исследований туристского рынка региона с целью детального изучения его потенциала, выявления и сегментирования спроса на туристские услуги, разработки оптимальной схемы развития и продвижения регионального туристского продукта.

2. Создание благоприятного инвестиционного климата и условий для развития предпринимательства в сфере туризма:

— работа над усовершенствованием региональной нормативной правовой базы в рамках действующего российского законодательства, подразумевающая установление льготного налогообложения, субсидирование процентных ставок по кредитам, создание прочих стимулов и мер государственной поддержки для развития предприятий туристского комплекса, работающих на прием туристов;

— разработка понятных механизмов реализации инвестиционных проектов по туризму на основе государственно-частного партнерства;

— создание системы конкурсов и грантов для субъектов туризма республики, работающих на прием туристов, а также прочих организаций и частных лиц, способствующих развитию туристской сферы.

3. Привлечение частных и бюджетных инвестиций в туристскую сферу и развитие материально-технической базы туризма с применением механизмов государственно-частного партнерства:

— разработка проекта по созданию основных туристско-рекреационных зон (полюсов роста) на территории Республики Мордовия и программы их развития;

— строительство и реконструкция объектов туристской инфраструктуры (музеев, санаторно-курортных, гостиничных и иных предприятий), а также благоустройство рекреационных зон, находящихся в республиканской и муниципальной собственности;

— содействие в подготовке и экспертизе инвестиционных проектов по строительству и реконструкции объектов туристской инфраструктуры;

— создание пакета инвестиционных предложений по развитию туризма в республике, поиск заинтересованных инвесторов.

4. Формирование конкурентоспособного регионального туристского продукта:

— стимулирование деятельности учреждений, организаций и частных лиц, направленной на разработку новых и усовершенствование старых туристских маршрутов, услуг, мероприятий, способствующих привлечению туристов, развитию народных промыслов, выставочной деятельности и т. д. (предполагается проведение конкурсов и вручение грантов, иные формы поддержки);

— стандартизация и классификация туристских объектов и услуг, паспортизация туристских маршрутов;

— создание календаря наиболее значимых событий, связанных с туризмом в республике.

5. Рекламно-информационное обеспечение туристской отрасли:

— создание пакета необходимых текстовых, фото-, видео- и других материалов;

— издание базового пакета рекламно-информационной продукции (каталоги, буклеты, карты, путеводители, презентационные открытки, календари, компакт-диски, прочая полиграфическая и рекламная продукция);

— размещение рекламы туристского потенциала республики в специализированных изданиях, а также региональных и федеральных СМИ;

— оптимизация и популяризация официального туристского сайта Мордовии, размещение информации о туристских ресурсах республики в сети Интернет;

- формирование и продвижение туристских брендов Мордовии, опирающихся на наиболее известные и значимые имена, объекты и события республики;
- развитие системы визуальной ориентации для туристов, установка указательных знаков и рекламно-информационных щитов по направлению к основным аттрактивным объектам;

- участие в туристских выставках различных уровней, а также проведение подобных мероприятий в республике;

- проведение рекламных туров для журналистов и представителей турфирм по территории Мордовии, в первую очередь из соседних регионов.

Основным коммуникативным ресурсом Республики Мордовия в процессе реализации стратегии продвижения туристского продукта предлагается сделать региональный туристский сайт, представляющий собой многофункциональную информационную систему, объединяющую все элементы туристского сектора региона: объекты показа, размещения, питания, досуга и рекреации, транспорт, событийные проекты, туристские маршруты и пр.

Особая роль в продвижении туристского продукта республики возлагается на туристско-информационный центр (ТИЦ). В соответствии с предлагаемой концепцией работы центра он должен стать оператором, координирующим любые информационные потоки в туристской и социально-культурной (досуговой) сферах. Помимо личного обслуживания туристов на данный центр возлагаются функции по созданию и распространению презентационного (рекламного) контента, модерации туристского сайта, организации участия региона в выставках, проведению полного спектра мероприятий по связям с общественностью, включая организацию рекламных туров.

Обеспечение эффективного функционирования центра основано на следующих ключевых принципах:

- ТИЦ имеет форму автономного государственного учреждения, деятельность которого частично финансируется из бюджета Республики Мордовия;

- ТИЦ занимается реализацией сувенирной, презентационной, иллюстративной продукции, а также предоставлением экскурсионного обслуживания, что подразумевает значительное привлечение внебюджетных средств;

- на базе ТИЦ функционируют туристско-информационные киоски в местах сосредоточения туристов (в аэропорту, на железнодорожном и автовокзалах, в гостиницах и крупных торговых центрах);

- на информационных носителях, принадлежащих ТИЦ, допускается коммерческая реклама сопутствующих услуг и товаров.

6. Кадровое и научно-методическое обеспечение развития туризма:

- совершенствование системы подготовки и повышения квалификации специалистов в области туризма на базе центров обучения, высших и среднеспециальных учебных заведений Мордовии;

- вовлечение высших учебных заведений, музеев, иных учреждений и организаций республики в научно-исследовательскую деятельность в сфере туризма, в том числе по вопросам разработки инвестиционных проектов, программ развития и продвижения регионального турпродукта;

- участие представителей Республики Мордовия в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах и иных рабочих встречах, проводимых

в регионах России, с целью обмена опытом в области развития внутреннего и въездного туризма;

— организация и проведение подобных мероприятий на территории Республики Мордовия.

В республике уже имеется положительный опыт в этой сфере. Так, в Мордовском государственном университете формируется система подготовки кадров для сферы туризма и гостеприимства. В 2010 г. создана специализированная кафедра международного и регионального туризма. В 2012 г. состоялся первый выпуск студентов по специальности «Социально-культурный сервис и туризм», который стал весьма востребованным в республике. В 2012 г. начата реализация образовательной программы «Туризм» среднего специального образования на базе 9 классов. Открыта традиционная заочная форма обучения, а также предоставлена возможность получения второго высшего образования в сфере туризма. Помимо основных образовательных программ предлагаются программы дополнительного образования: «Сервисное сопровождение (обслуживание) гостей», «Технология экскурсионного обслуживания», «Гостинично-ресторанный сервис».

Кафедра активно сотрудничает с основными предприятиями туризма и гостеприимства республики. Научные исследования проводятся по заказу заинтересованных лиц, которые имеют дальнейшую реализацию. В частности, одним из готовых к внедрению проектов является «Красная линия», посвященный разработке главного экскурсионного пешеходного маршрута по центру г. Саранска. Проект направлен на популяризацию достопримечательных мест столицы среди жителей и гостей республики с целью формирования имиджа Республики Мордовия как региона, благоприятного для развития туризма. Проект выполняет коммерческую и социальную функции. Его реализация осуществляется в соответствии с приоритетным направлением развития университета как НИУ «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения».

Имеется положительный опыт разработки и издания туристско-информационной продукции: буклетов, картосхем, открыток. К празднику Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства был выпущен справочник-путеводитель по г. Саранску⁵.

Таким образом, выполнение заявленного перечня мероприятий является необходимым и достаточным для получения высоких общественно значимых результатов государственной политики республики в сфере развития туризма. Намеченные мероприятия программы планируется осуществить в течение 4 — 5 лет. Меньший срок не позволит в полной мере оценить полученный результат и эффективность принятых мер государственной поддержки для создания комфортной предпринимательской среды в регионе, позволяющей привлечь инвестиции для развития внутреннего и въездного туризма. Большой срок реализации вносит значительные сложности, связанные с неминуемым возрастанием неопределенности, и без этого присутствующей благодаря специфике отрасли, плохо поддающейся прогнозированию, зависимой от внешних слабо управляемых факторов.

Библиографические ссылки

¹ Официальный сайт Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://www.russiatourism.ru> (дата обращения 01.02.2013)

² См.: Приоритетные виды развития туризма в Республике Мордовия / М. А. Жулина [и др.] // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2011. № 4(16). С. 47—54.

³ См.: Деятельность туристских фирм в Республике Мордовия. 2011 : стат. бюл. // Мордовиястат. Саранск, 2012. 25 с.

⁴ Там же.

⁵ См.: Саранск : Справочник-путеводитель по городу / под ред. М. А. Жулиной. Саранск, 2012. 104 с.

Поступила 18.01.2013 г.

УДК 338.43.01

С. И. Малоземов

S. I. Malozemov

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СЦЕНАРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕРТОВ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

AGRARIAN POLICY OF POST-SOVIET RUSSIA: SCENARIO OF INTERNATIONAL EXPERTS AND REGIONAL MODELS

Ключевые слова: механизм приватизации земли, форсированный переход к рынку, последствия реформирования, нижегородская и ленинградская модели, Орловская область.

В статье анализируются зарубежные программы аграрной политики для России, последствия их форсированной реализации и альтернативные отечественные модели аграрной политики.

Key words: the mechanism of land privatization, forced transition to a market economy, the impact of the reform, Nizhny Novgorod and Leningrad models, the Orel Region.

The foreign programs of agrarian policy for Russia, the consequences of their forced implementation and alternative domestic models of agricultural policy are analyzed in the article.

В 1990 г. экономистами-аграрниками были сформулированы основные принципы концепции реформирования аграрного сектора. Эти предложения прошли проверку и были утверждены на втором (внеочередном) Съезде народных депутатов, который был специально посвящен проблемам сельского хозяйства, острейшим в развитии экономики страны. 3 декабря 1990 г. съезд принял постановление «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса», в котором обращалось внимание на приоритетность развития аграрного сектора и принималось решение о выделении на нужды сельского хозяйства (начиная с 1991 г.) не менее 15 % национального дохода. Одной из принципиальных позиций стало утверждение о необходимости ориентироваться на многообра-

зие форм собственности и многоукладность в аграрной экономической системе¹. В соответствии с рекомендациями съезда были приняты законы «О социальном развитии села», «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса РСФСР материально-техническими ресурсами», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О плате за землю», а также Земельный кодекс РСФСР.

Эти документы предполагали расширение самостоятельности сельских товаропроизводителей при сохранении регулирующей роли государства. Они определили такие направления аграрных преобразований, как забота государства о формировании и развитии материально-технической базы сельского хозяйства, повышение продуктивности земель, финансовая поддержка сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности. Создание и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств рекомендовалось осуществлять по мере накопления финансовых и прочих ресурсов. Осторожность была проявлена и в отношении принципиального вопроса — купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения. В центре внимания находились проблемы социального обустройства деревни, что стало основой для повышения доли национального дохода, выделяемой на нужды сельского хозяйства. Таковыми были принципиальные основы аграрной реформы, сформированные на втором (внеочередном) съезде народных депутатов. Однако с конца 1991 — начала 1992 гг. в условиях радикальной, экономической реформы начали формироваться две диаметрально противоположных модели аграрной политики.

Реальной концепцией первой из них стал проект группы экспертов Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейского банка сотрудничества и развития (ЕБРР), имевший целью оказать России «эффективную поддержку» в отношении реформ. Данный проект опирался на следующие программы:

— «Экономика СССР. Выводы и рекомендации» — «доклад четырех» (МВФ, МБРР, ЕБРР, ОЭСР), утвержденный «семеркой» государств как стратегия по реформированию России в рамках глобализации мировой экономики;

— «Переход к рынку» — «Гарвардский проект» — исполнительская программа «доклада четырех», решения «семерки», исполненным директором которой был Д. Сакс, являвшийся одним из разработчиков политики «шоковой терапии» в России и руководителем группы экономических советников президента Б. Н. Ельцина (осень 1991 г. — январь 1994 г.);

— «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России: Нижегородская модель»;

— «Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторе экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период»².

В 1992 г. Российская Федерация вступила в МВФ и правительство Е. Т. Гайдара подписало с фондом «Письмо о намерениях», взяв на себя обязательства внедрять программы «переходного периода», разработанные только экспертами фонда. Главным требованием международных организаций являлся скорейший переход к «настоящему рынку» методами «шоковой терапии», а именно:

— переход к рыночной экономике, основанной на господстве частной собственности и демократии;

- решительное разрушение системы централизованного планирования;
- проведение реформы собственности, конечной целью которой является приватизация почти всех предприятий страны;
- «скорейшая и всеобъемлющая» либерализация цен как наиболее важное условие перехода к рыночной экономике;
- разрушение системы централизованно управляемой внешней торговли, важным шагом которой является ликвидация отраслевых министерств; установление свободных цен на продукты внешнеторгового оборота и возможность миграции капитала³.

В частности, программа «Экономика СССР. Выводы и рекомендации» предусматривала прекращение государственных заказов аграрной отрасли; свертывание участия государства в прямом предоставлении сельскохозяйственных ресурсов и сельских строительных материалов. Суть же земельной реформы состояла в ликвидации колхозно-совхозной системы и создании частных индивидуальных или кооперативных хозяйств при полной частной собственности на землю⁴.

Программа «Переход к рынку» предусматривала внедрение модели свободного рынка для создания транснациональным компаниям США и ЕС «благоприятного инвестиционного климата», в рамках которой были приняты, в частности, Указы Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г., а также Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г., «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» от 4 сентября 1992 г. с дополнениями и изменениями от 11 декабря 1992 г. Данные нормативные документы позволяли сельским жителям покупать и продавать акции у тех и тому, кто в них не нуждался (пенсионеры, сельские учителя или врачи). Обращает внимание тот факт, что данное обстоятельство обходило стороной десятилетний мораторий на продажу земли, принятый съездом народных депутатов в 1990 г. и зафиксированный в постановлении «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса». Новая российская власть явно спешила с реализацией своих планов. Уже 2 марта 1992 г. Президент Российской Федерации издал Указ «О порядке установления нормы бесплатной передачи земельных участков в собственность граждан», а Правительство Российской Федерации 6 марта приняло Постановление «О ходе и развитии аграрной реформы в Российской Федерации», целью которых являлась прежде всего ускоренная ликвидация существовавших форм собственности и хозяйствования.

Механизм приватизации земли и реорганизации хозяйств осуществлялся в соответствии с программой «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России: Нижегородская модель». Однако бывший руководитель аппарата Комитета по аграрной политике Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Н. П. Радугин обратил внимание на то, что постановка целей в этих документах соответствовала социальным мифам. Иными словами, главной целью являлось не повышение эффективности и рост сель-

скохозяйственного производства, улучшение условий жизни сельского населения, а создание частного собственника, разрушение общественного хозяйствования⁵. Подобным же образом можно оценить и указы президента, а также постановления правительства в рамках реализации программы «Перехода к рынку».

Согласно «Стратегии реформ в продовольственном и аграрном секторе экономики бывшего СССР. Программы мероприятий на переходный период», процесс приватизации земли необходимо было завершить в кратчайшие сроки. Так, к концу 1992 г., во-первых, следовало снять все ограничения на покупку и продажу для тех, кто обрабатывал свою землю, а также любые ограничения на размер ферм и на использование наемного труда. Во-вторых, требовалось принять законодательство о земельных закладных (как для долгосрочных арендаторов, так и для владельцев земли). Предпосылки для эффективного функционирования рынков земли должны были сложиться уже к концу 1995 г.⁶

Таким образом, реализация рекомендаций по зарубежной модели была нацелена на выполнение следующих задач: устранить государство от регулирования отношений в аграрном секторе для снижения конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции и создать благоприятные условия для иностранного капитала на российском рынке.

Тем не менее в 15 регионах Российской Федерации (Нижегородская, Орловская, Ростовская, Рязанская, Волгоградская, Самарская, Кировская, Ивановская, Вологодская, Омская, Ленинградская, Тульская, Воронежская, Липецкая области, Ставропольский край и Республика Калмыкия) были приняты законодательные акты по осуществлению зарубежной стратегии аграрной политики. Кроме того, в 9 субъектах Российской Федерации (Самара, Иваново, Вологда, Омск, Санкт-Петербург, Ставрополь, Воронеж, Липецк, Элиста) были созданы региональные рабочие группы поддержки аграрной реформы. В других же регионах (Краснодарский край, Тульская и Рязанская области) областные рабочие группы, просуществовав 1 — 2 года, прекратили свою работу. Наконец, было учреждено пять межрегиональных фондов поддержки аграрной реформы: АгроМир, НижАгроФонд, ЮгАгроФонд, ВолгАгроФонд и ВяткаАгроФонд. Таким образом, зарубежная стратегия аграрных реформ в России получила законодательную и институциональную поддержку в важнейших сельскохозяйственных регионах страны.

Нижегородская область продемонстрировала пример добросовестного применения рекомендаций зарубежных экспертов, так как являлась основным полигоном для реализации зарубежных программ аграрного реформирования. Она была нацелена на создание мелкотоварных хозяйств на основе частной собственности через процедуру банкротства, на создание свободного рынка, открытой, незащищенной экономики при одновременной ликвидации рентабельных сельскохозяйственных предприятий, так как они, по мнению зарубежных экспертов, предполагали равные права каждого члена в управлении, обязательное обеспечение работой каждого члена, что в итоге якобы вело к снижению эффективности управления предприятием. Об идеологических основаниях аграрных преобразований в таких регионах высказывался отечественный специалист по аграрной политике С. А. Никольский, отмечавший, что свобода хозяйствования изначально воплотилась в свободно-анархическую бесхозяйственность, лимитирование государ-

ственного вмешательства — в самоустранение органов власти от происходящих в деревне процессов, а лозунг демократии — в произвол местных руководителей⁷.

Председатель Комитета Совета Федерации по аграрной политике и глава администрации Белгородской области Е. Савченко механизм реализации подобной системы мер выразил так: «произошло невероятное — при пассивной созерцательности властей, под сладкоголосые речи о благополучии народа на российском продовольственном рынке стали хозяйничать зарубежные товаропроизводители. События, как известно, развивались по следующему сценарию: либерализация внешней торговли, уход от государственного вмешательства в экономику и, как результат, продовольственная экспансия, сопровождающаяся криминализацией рынка»⁸.

Заместитель председателя Комитета по безопасности Государственной думы Российской Федерации С. Абельцев, участвуя 3 июня 2008 г. в круглом столе в Государственной думе на тему «О законодательном обеспечении повышения производства сельскохозяйственной продукции и усиления продовольственной безопасности Российской Федерации», также достаточно резко оценил последствия реализации в аграрной отрасли западных программ, посредством которых был запущен экономический механизм реализации демографической катастрофы в стране. В тех областях, отмечал С. Абельцев, где «Нижегородская модель» уже действует, производство продуктов питания снизилось до 60 — 70 % от исходного. Ущерб экономике уже составил 15 трлн дол., что превысило результаты немецко-фашистской агрессии 1941 — 1945 гг. По его убеждению, все происходившее в России являлось звеньями тщательно спланированного и отлично управляемого процесса, важнейшей целью которого было уничтожение отечественного агропромышленного комплекса и всех отраслей, обеспечивающих население продуктами питания⁹. Однако по мере продвижения радикальных реформ на селе обострялась проблема невыполнения поставленных в зарубежной стратегии задач. Причины этого заключались не только в ослаблении государственной поддержки аграрного сектора, но и в слабом учете региональных различий в условиях рыночного хозяйствования.

Следует заметить, что наряду с реализацией зарубежных программ аграрной политики были разработаны и приняты федеральные законы: № 53-ФЗ от 2 декабря 1994 г. «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», № 100-ФЗ от 14 июля 1997 г. «О государственном регулировании агропромышленного производства», № 63-ФЗ от 14 апреля 1998 г. «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли», направленные на укрепление государственного влияния в агропромышленном производстве, что явилось свидетельством отсутствия четкой, продуманной аграрной политики страны.

В этой связи альтернативной стратегией аграрных реформ могла стать ленинградская модель аграрной политики. Так, в 1996 г. по инициативе Российской академии сельскохозяйственных наук при участии отечественных товаропроизводителей, профсоюзов и ученых была разработана «Программа восстановления и развития сельского хозяйства, Ленинградская модель», направленная на сохранение государственного регулирования агропромышленного производства и приоритетное развитие крупнотоварного производства в сочетании с мелким¹⁰. В ре-

зультате в 1998 г. было принято решение добиться ее поэтапной реализации исполнительными органами власти и применением наукоемких технологий на основе обобществления средств производства и земли. Таким образом, выходом из сложившейся негативной ситуации в аграрной отрасли Ленинградской области в целях восстановления продовольственной безопасности являлось государственное регулирование регионального продовольственного рынка. Однако председатель аграрной комиссии Конгресса работников науки, техники, образования, здравоохранения и культуры Ю. Ковальчук, выступая 27 мая 2005 г. на депутатских слушаниях на тему «Проблемы продовольственной безопасности производства и потребления пищевых продуктов в Санкт-Петербурге», констатировал тот факт, что регион был нацелен на развитие свободного рынка и импорт продовольствия в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, доля которого в общем товарообороте достигла 80 %, а сельскохозяйственное производство в области сокращено в 2 — 3 раза¹¹.

На наш взгляд, по своим идеологическим основаниям аграрная политика данного региона характеризовалась как радикально-либеральная в духе западной стратегии развития отечественного сельского хозяйства. Так, в принятом Законодательным собранием Ленинградской области законе № 177-оз от 12 декабря 2007 г. «О развитии сельского хозяйства в Ленинградской области» отсутствовали многие нормы государственного регулирования, предусмотренные Федеральным законом № 264-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства», а именно: поддержание стабильности обеспечения населения российскими продовольственными товарами; формирование и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; защита экономических интересов российских сельскохозяйственных производителей на внутреннем и внешнем рынках; применение особых налоговых режимов в отношении сельскохозяйственных производителей; проведение закупочных, товарных интервенций на рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Таким образом, аграрная политика Ленинградской области, несмотря на ее критику многими учеными, профсоюзами и представителями агропромышленного комплекса, осуществлялась в рамках зарубежной стратегии развития отечественного сельского хозяйства, направленной на сокращение государственного вмешательства, самоустранение органов власти от происходящих в деревне процессов.

Аграрное реформирование в Орловской области в условиях переходной экономики и осуществления зарубежной стратегии аграрной политики, в отличие от Ленинградской и Нижегородской областей, отличалось последовательностью и научной обоснованностью. В результате такой подход позволил не только сохранить социально-экономическую и политическую стабильность в регионе, но и избежать угрозы разрушения аграрного сектора. Постепенное расширение хозяйственной самостоятельности сельских производителей и все большее устранение органов государственного управления от непосредственных хозяйственно-экономических задач сочеталось с мерами государственного протекционизма и усилением роли в аграрных реформах органов местного самоуправления. Не случайно девизом создателя орловского варианта аграрной политики Е. С. Строева явились слова: «Эволюционные преобразования!»¹²

К особенностям реформирования сельского хозяйства Орловской области относились соблюдение принципа добровольности и реального многообразия форм собственности; последовательность реформирования предприятий при дифференцированном подходе к их реорганизации; повышенное внимание к личным хозяйствам населения, развитию кооперации и агропромышленной интеграции, внедрению достижений науки, активизации инвестиционного процесса в АПК, созданию нормально функционирующей рыночной инфраструктуры, которые способствовали не только выживанию в трудных условиях переходного периода, но и подъему производства¹³.

Ключевым элементом орловской модели аграрной реформы являлось создание крупных, вертикально интегрированных структур в АПК — агрохолдингов как основных, но не единственных исполнителей региональной аграрной политики. Наряду с ними в области успешно работали крестьянские (фермерские) коллективные хозяйства и хозяйства населения. Необходимость в их создании была продиктована разрушением прежних кооперативных и интегрированных связей в системе отраслей АПК при отсутствии внешнего инвестирования. В этой связи экс-губернатор Орловской области Е. С. Строев неоднократно подчеркивал, что целью инвестиционной политики Орловской области является защита как интересов собственников, инвесторов, так и интересов области, получение максимальной выгоды для всех участвующих в этом процессе сторон. Достижение данной цели под силу крупному бизнесу с характерными для него не только низкими издержками и высоким уровнем рентабельности, но и значительной долей прибыли. Это даст возможность осуществить резкий технический и интеллектуальный прорыв, использовать современные материалы, технику и технологии.

В ходе аграрных преобразований Орловской области важное значение имел процесс формирования и развития земельного рынка. Еще в 2002 г. Е. С. Строев, возглавляя рабочую группу Президиума Государственного совета Российской Федерации по подготовке проекта закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», выступал против мнения, согласно которому рыночный оборот, в том числе купля-продажа земель, может стать решающим фактором роста всего аграрного производства, называя это глубоким заблуждением людей, для которых сельское хозяйство являлось одной из абстрактных отраслей экономики, а не сферой реальной жизнедеятельности. Поэтому в Орловской области рыночный оборот земель рассматривался лишь как элемент рыночной экономики, рыночных отношений. Так, в соответствии с областным законом от 5 июня 2003 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в области было закреплено право крестьян продавать или отдавать землю в аренду, разработан механизм продажи или передачи земли. При этом главный упор был сделан на сохранении за собственниками их земельных долей, целевом использовании земель, а также запрете на получение (приобретение) земли в собственность иностранными гражданами, юридическими лицами и лицами без гражданства. Этот механизм защищал интересы как крестьянина, так и инвестора. Администрация области свою задачу видела в том, чтобы введение рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения не погубило достижения в аграрном реформировании, а создало новые стимулы для роста аграрного производства и социального благополучия сельского населения посредством

предоставления всем аффилированным агрообразованиям области различных преференций, газификации села и активного строительства индивидуальных жилых домов на селе в рамках областной комплексной программы «Славянские корни».

Таким образом, вплоть до принятия национального проекта «Развитие АПК» в стране отсутствовала четкая, последовательная, продуманная аграрная политика, защищавшая интересы отечественного сельхозпроизводителя. Реализуемый в стране механизм формирования и реализации аграрной политики, заложенный в зарубежных программах экономических реформ в России, заключался в утверждении частной собственности на землю посредством устранения колхозов и совхозов и перехода к фермерским и крестьянским хозяйствам при минимизации государственного влияния на сельское хозяйство. Авторы концепции радикальной реформы для России не учитывали принципиальных особенностей отечественной аграрной социально-экономической структуры, на которую нельзя было без длительной подготовки осуществлять «пересадку отношений», характерных для западного мира. Попытки перенесения методов приватизации, которые в западном мире нередко играли вполне положительную роль, в качестве механизма реализации аграрной политики в России, безусловно, привели к самым тяжелым последствиям. На содержание аграрной реформы наложились не столько экономические соображения, сколько политические требования, привнесенные западными экспертами. Аграрная реформа в России была политизирована, ибо приватизация земельной собственности в условиях становления рыночного хозяйства осуществлялась стихийно, без учета интересов аграриев, а форсированное внедрение частной собственности в качестве господствующей формы внедрялось методами политического, экономического и административного давления.

Библиографические ссылки

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 13 дек. № 28. Ст. 368.

² См.: **Ситорян С.** Советская экономика глазами международных экспертов // *Вопр. экономики*. 1991. № 3. С. 6 — 72 ; *Переход к рынку: концепция и программа* / С. Шаталин [и др.]. М., 1990. 224 с. ; *Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России*. М., 1995. 168 с. ; *Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР*. Вашингтон, 1993.

³ См.: **Борисов Е. Ф., Петров А. А., Стерликов Ф. Ф.** *Экономика* : справочник. М., 1998. 400 с.

⁴ См.: **Ситорян С.** Указ соч. С. 60.

⁵ См.: **Радугин Н.** Катастрофа экономики Российской Федерации // *Международ. с.-х. журн.* 1995. № 1. С. 9 — 18.

⁶ См.: *Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики...*

⁷ См.: **Никольский С. А.** *Аграрный курс России*. М., 2003. С. 244.

⁸ **Савченко Е.** *Задачи первостепенной важности* // *АПК: экономика, управление*. 1996. № 5. С. 20.

⁹ *Продовольственная безопасность России под угрозой!* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ostrogzhsk.ru/news/index.php?id=243> (дата обращения 05.05.2011).

¹⁰ См.: *Программа восстановления и развития сельского хозяйства. Ленинградская модель* / сост. Ю. К. Ковальчук. СПб., 1998. 52 с. ; **Брытов И. И.** *Опыт создания и развития ленинградского и российского АПК, мирового сельского хозяйства*. СПб., 1999. 300 с.

¹¹ Проблемы продовольственной безопасности производства и потребления пищевых продуктов в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assembly.spb.ru/manage/page?tid=633200092&nd=458200970> (дата обращения 05.03.2012).

¹² Счастлив и здоров народ, верящий в свои силы // Орловская правда. 20 авг. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orp.orel.ru/comment.php?comment.news.7475> (дата обращения 05.05.2011).

¹³ См.: Строев Е. С., Злобин Е. Ф., Михалев А. А. Теория и практика аграрных преобразований в Орловской области. М., 1998. 530 с.

Поступила 17.06.2012 г.

УДК 334.012.64

Л. А. Кормишкина
L. A. Kormishkina

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ*

DEVELOPMENT OF SMALL INNOVATION ENTERPRISE AS A MANIFESTATION OF THE EFFECTIVE NATIONAL INNOVATION SYSTEM

Ключевые слова: национальная инновационная система, малое инновационное предпринимательство, инновационная активность, благоприятный экономический климат.

В статье уточняется определение национальной инновационной системы (НИС) как социально-экономического института; исследуются место и роль малого инновационного предпринимательства в НИС. Оценивается состояние малого инновационного предпринимательства в Российской Федерации; определяются причины его экономической пассивности; предлагается система мер государственной политики, стимулирующих развитие малого инновационного предпринимательства в России.

Key words: national innovation system, small innovation enterprise, innovation activity, favorable economic climate.

The definition of national innovation system (NIS) as a social and economic institution is clarified in the paper, the place and role of small innovation enterprises in the NIS are studied as well. The state of small innovation enterprises in the Russian Federation is evaluated, the reasons of their economic inactivity are determined, the system of measures of the state policy, stimulating the development of small innovation enterprise in Russia, is also proposed.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Методология формирования регионального сегмента национальной инновационной системы», № 11-02-00328а

Глобальный финансово-экономический кризис 2008 — 2009 гг., одной из важнейших особенностей которого явился его структурный характер, практически перед всеми странами поставил проблему корректировки долгосрочного социально-экономического развития. Особо остро эта проблема встала перед современной Россией. Внутриэкономическая ситуация, сложившаяся в стране в предкризисный период и резко проявившаяся во время кризиса, стала подтверждением необходимости отказа от экспортно-сырьевой модели развития российской экономики*. Даже в условиях высоких цен на экспортируемое сырье данная модель не способствовала решению задач изменения структуры общественного производства и технико-технологического обновления отечественной экономики, не стимулировала вывод ее производительных сил на новые уровни развития, а, напротив, создавала зависимость экономики не только от притока иностранного капитала, но и от импорта потребительских товаров, машин, оборудования и технологий. При такой национальной экономике было крайне сложно поддерживать статус в мировой хозяйственной системе и противостоять другим странам в «острой борьбе за лидерство в глобальной конкуренции»¹.

В этих условиях наивно утверждать, что стратегические интересы Российской Федерации совпадают с дальнейшим наращиванием сырьевого сегмента ее экономики. России необходим переход к экономике инноваций (знаний), к созданию эффективной национальной инновационной системы (НИС). НИС представляет собой сравнительно новый социально-экономический институт**, который в условиях рыночной экономики естественно вырастает из предпринимательской деятельности на стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу («экономике знаний»). Существуют различные определения НИС, из них наиболее известное дано западным ученым Р. Нельсоном, согласно которому НИС — это «сеть институтов, чье взаимодействие определяет эффективность инновационной деятельности национальных фирм». Она «представляет собой элементы и связи, которые функционируют в процессе производства продукции, диффузии и использования экономически полезных знаний»².

Активные поиски определения НИС ведутся также российскими учеными, среди которых К. А. Багриновский³, О. Г. Голиченко⁴, В. В. Иванов⁵, Н. И. Иванова⁶, Я. М. Лотош⁷, Е. Ю. Хрусталева и др. Так, О. Г. Голиченко, развивая идею НИС применительно к отечественной экономике, предлагает рассматривать НИС как «совокупность национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий»⁸. Проведенный анализ наиболее распространенных трактовок НИС в развитых странах позволяет выделить следующие их основные составляющие:

— сеть социально-экономических институтов (организаций и способов действия) в государственном и частном секторах экономики, функционирование и

* Российская Федерация на момент кризиса представляла собой страну, в которой 40 % ВВП создавалось за счет экспорта сырья; внешний корпоративный долг достигал 500 млрд руб.; производство нового машинного оборудования отставало от Японии в 80 раз, Китая — в 30.

** Понятие введено в научный оборот на рубеже 1980 — 90-х гг. в работах Р. Нельсона, К. Фридмана и др.

взаимодействие которых иницируют, создают, модифицируют и способствуют распространению новых знаний, продуктов и технологий;

— взаимоотношения между производителями и потребителями новых знаний, продуктов и технологий в рамках национального хозяйства;

— рыночный механизм, обеспечивающий предпринимательскую конкурентную среду, многочисленные источники инициативы и перераспределение ресурсов;

— государственная научно-исследовательская и технологическая политика в рамках НИС, направленная на ускоренное инновационное развитие как основы эффективного и качественного экономического роста.

Следует заметить, что эффективность НИС невозможна без участия государства. Однако в современных условиях такое участие должно быть не доминирующим, а паритетно-партнерским. Государство формирует мотивационную основу функционирования элементов системы. Оно не должно препятствовать инновационной конкуренции предпринимателей; его задача — способствовать развитию последней, поскольку именно предпринимательство, стремящееся коммерциализировать инновации, составляет основу НИС.

Таким образом, НИС представляет собой институционализированную сеть мотивов, правил, стратегий деятельности и паритетных взаимоотношений государственных, частных и иных организаций, которая ориентирована на создание и широкое распространение таких инноваций, которые обеспечивают конкурентоспособное и социально-эффективное развитие страны в условиях усиления глобальной конкуренции.

Опыт эволюции НИС в развитых экономиках в начале XXI в. свидетельствует о высокой динамичности исследуемого института. В условиях неопределенной и быстро меняющейся экономической среды повышается роль инновационных фирм, происходит их кластеризация, растет эффективность сетевых взаимодействий государства, науки и бизнеса, направленных на развитие инноваций.

В СССР до 1980-х гг. НИС успешно функционировала лишь в отдельных секторах экономики и носила командно-административный характер. Ядро этой системы образовывала совокупность организаций, действовавших централизованно-иерархически. В ходе реформ 1990-х гг. многие важные элементы системы оказались практически утраченными. Как справедливо отметил О. Г. Голиченко, этому типу НИС была присуща самая нижняя позиция в инновационном статусе предприятия, когда последнему удавалось занимать стабильное положение на рынке, практически не вводя инноваций, а, напротив, огораживая себя не только от внутренней, но и внешней конкуренции иными доступными способами⁹. Понятно, что такая НИС не отвечает требованиям современного этапа экономического развития России. Сегодня необходима государственная политика, направленная на создание и развитие быстро адаптирующейся к меняющимся условиям инновационной системы, которая способна обеспечить партнерские взаимоотношения государства, науки и бизнеса, основанные на равноправии их участников. В ряде официальных документов, утвержденных Правительством Российской Федерации («Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» от 30 марта 2002 г. № Пр-576; «Основы политики РФ в области развития

национальной инновационной системы на период до 2001 года и дальнейшую перспективу» от 5 августа 2005 г. № 2473п-П7; «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 8 декабря 2011 г. №2227-р), создание НИС провозглашается как важнейшая задача, неотъемлемая часть экономической политики российского государства.

Согласно официальным документам¹⁰, формирование целостной и эффективной отечественной НИС предполагалось завершить еще к 2010 г., однако реализация данного проекта значительно отстает от намеченных сроков. В этой связи существует необходимость интенсификации этого процесса и определения факторов и условий его обеспечения¹¹.

Как отмечалось выше, важнейшее назначение НИС заключается в формировании системы стимулов и мотивов к инновационной деятельности и созданию ее факторов. Важным условием мотивации фирм к инновациям, стремлению стать обладателем нового продукта (или процесса), готовности к риску ради получения монопольной ренты является наличие конкурентного рынка. В этой связи малое инновационное предпринимательство в экономической литературе рассматривается как центральное звено НИС, а его активное развитие — как одна из форм проявления эффективности НИС.

В Российской Федерации малым инновационным предприятием признается инновационное предприятие, отвечающее критериям Федерального закона Российской Федерации от 24.07.2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ст. 4). В то же время отсутствие на федеральном уровне четких законодательно закрепленных критериев инновационности обуславливает необходимость уточнения последних с тем, чтобы иметь возможность однозначно относить малые предприятия к инновационным. Так, еще в 2008 г. постановлением правительства г. Санкт-Петербурга была утверждена «Методика отнесения организаций к инновационному типу», в соответствии с которой в городе формируется Реестр инновационных организаций. В 2011 г. было принято Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2227-р «О стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», в приложении к которому (№ 3) указаны целевые индикаторы для оценки инновационного бизнеса. В данном перечне индикаторов инновационности два показателя характеризуются рекомендуемыми пороговыми значениями: доля затрат на НИОКР, которые не должны быть менее 10 % в год, и доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организацией промышленного производства (не менее 30 %)¹².

Для Российской Федерации на этапе модернизации ее экономики малое инновационное предпринимательство привлекательно не только созданием новых рабочих мест, но и культивированием в обществе новаторского духа, повышением наукоемкости ВВП (доля затрат на НИОКР в ВВП), научно-технического и инновационного потенциала и конкурентоспособности страны, укреплением ее позиций в глобальном сообществе.

В связи с этим сегодня в России все активнее поощряется развитие предпринимательства в научно-технической сфере, создается для него специальная инфраструктура, предоставляются некоторые льготы экономического характера;

в рамках государственной системы образования обеспечивается подготовка кадров, научных работников и специалистов. Следует отметить, что значительное наращивание элементов инновационной инфраструктуры наблюдается в России с 2003 г. Так, в 2004 г. Правительством Российской Федерации был создан специальный Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, деятельность которого осуществлялась на основе специальных программ («Старт», «Умник», «Темп», «Ставка», «Развитие», «Интер»).

С 2006 г. в Российской Федерации стартовала комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», действующая до 2014 г. Технопарки будут представлять собой взаимодополняемые элементы одной системы, которая позволит пройти все стадии от научно-исследовательских разработок (НИР) до мелкосерийного производства. Они создаются как объекты полного цикла в соответствии с нуждами и специализацией субъектов федерации, позволяя дать стимул развитию компетенций региональной экономики*.

По данным Минкомсвязи и Ассоциации технопарков в сфере высоких технологий, сегодня в России действуют 100 технопарков. В развитии такой инфраструктуры лидируют республика Татарстан (9 технопарков), Самарская область (6), Владимирская область (5) и Белгородская область (4)¹³. В Республике Мордовия в 2011 г. был введен в эксплуатацию объект технопарка — информационно-вычислительный комплекс, на который получен сертификат ТИЕР-4. В этом же году в инфраструктуру технопарков было вложено 7,0 млрд руб. федеральных средств, 8,5 млрд руб. — региональных и 4,0 млрд руб. — средств частных инвесторов. Эффективность данного проекта доказывает создание 9 тыс. рабочих мест¹⁴. На сегодняшний день в России насчитывается свыше 60 инновационно-технологических центров, более 100 центров трансфера технологий, около 90 центров научно-технической информации, 62 бизнес-инкубатора, 15 центров инновационного консалтинга и др.¹⁵

Все указанные элементы инновационной инфраструктуры призваны содействовать инновационной активности предпринимательства, включая субъекты малого инновационного бизнеса. Однако, несмотря на предпринимаемые государством меры, приходится констатировать, что удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в субъектах Российской Федерации, остается все еще незначительным и составляет в среднем по стране 8,9 % (табл. 1). Не отвечает индикаторам эффективности НИС также экономическая активность субъектов малого инновационного предпринимательства (табл. 2).

Из табл. 2 следует, что в России в 2011 г. удельный вес малых инновационных предприятий составил только 5,1 % от их общего количества, тогда как в развитых странах аналогичный показатель достиг 50,0 %¹⁶. Если в Российской Федерации доля инновационной продукции субъектов малого предпринимательства в общей отгруженной продукции промышленного производства (целевой индикатор

* Российские технопарки специализируются в области космических (1 %), медицинских (5 %), информационных технологий (19 %), машиностроения (10 %), приборостроения (16 %), инновационных технологий в добыче полезных ископаемых, формирующих российский экспорт (18 %), и биотехнологии (18 %), а также в области энергосбережения и энергоэффективности (15 %).

Таблица 1

**Осуществление технологических инноваций
в субъектах Российской Федерации в 2011 г., %**

Субъекты РФ	Удельный вес организаций
Магаданская область	25,0
Республика Алтай	21,0
Камчатский край	20,0
г. Москва, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург	17,0 — 15,0
Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Нижегородская область, Оренбургская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Чукотский АО, Хабаровский край, Курганская область, Томская область	14,0 — 12,0
Курская область, Республика Мордовия, Свердловская область, Ярославская область, Тульская область, Приморский край, Алтайский край, Псковская область, Белгородская область, Пензенская область, Челябинская область	11,0 — 9,0
Владимирская область, Липецкая область, Орловская область, Красноярский край, Воронежская область, Самарская область, Тюменская область	8,9
Брянская область, Республика Карелия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Бурятия, Костромская область, Вологодская область, Ленинградская область, Новосибирская область, Рязанская область, Архангельская область, Новгородская область, Кировская область, Калужская область, Тверская область, Республика Марий Эл, Амурская область, Ульяновская область, Волгоградская область, Омская область, Республика Саха (Якутия)	более 6,0, но менее 8,9
Российская Федерация	8,9

Составлена по: Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. URL : www.rg.ru/pril/63/14/41/2227_strategiia.doc.

Таблица 2

**Инновационная активность субъектов малого предпринимательства
промышленного производства (без микропредприятий)**

Показатель	Годы						
	2000	2001	2003	2005	2007	2009	2011
1	2	3	4	5	6	7	8
Число субъектов малого предпринимательства, осуществивших технологические инновации, ед.	673	729	779	919	996	993	1 276
Удельный вес субъектов малого предпринимательства, осуществлявших технологические инновации, %	1,3	1,5	1,6	1,6	4,3	4,1	5,1
Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг субъектов малого предпринимательства, млн руб. в действовавших ценах;	927,6	1 087,1	1 119,7	3 103,2	12 644,3	10 215,7	16 389,7

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
на 1 руб. затрат на технологические инновации, руб.	1,1	1,1	0,9	1,6	1,2	1,5	1,7
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг МП в ВВП РФ, %*	0,013	0,013	0,008	0,014	0,038	0,026	0,030

* Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.
Составлена по: Стратегия инновационного развития Российской Федерации...

инновационности малого предприятия) составляла 5,1 — 6,1 %, то в развитых экономических странах этот показатель доходил до 30 — 40 %.

Экономическая пассивность малого инновационного предпринимательства в современной России, его низкая склонность к инновационным вложениям, по определению связанным с риском, объясняются действием факторов, ухудшающих деловой климат в стране и сдерживающих инновационные процессы в рамках единой инновационной системы, а также общей незащищенностью права собственности в институциональной организации отечественной экономики. Первое означает, что все еще высокими остаются административные барьеры и институциональные риски, ставки процента, налоги и др.; второе — что права на интеллектуальную собственность реально не защищены российскими законами. Условия ведения бизнеса в Российской Федерации в сравнении со странами ЕЭП представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Сравнение условий ведения бизнеса в странах ЕЭП,
место среди 183 стран мира в рейтинге «Ведение бизнеса — 2012»***

Показатель	Россия	Казахстан	Белоруссия
Общий рейтинг	120	47	69
Обеспечение исполнения контрактов	13	27	14
Регистрация собственности	45	29	4
Кредитование	98	78	98
Защита инвесторов	111	10	79
Разрешение неплатежеспособности	60	54	82
Налогообложение	105	13	156
Регистрация предприятия	111	57	9
Международная торговля	160	176	152
Разрешение на строительство	178	147	44
Подключение к системе электроснабжения	183	86	175

* Рейтинг подготовлен Всемирным банком и международной финансовой корпорацией.
Составлена по: От сырья к технологиям // Аргументы и факты. 2012. № 5. С. 4 — 5.

С учетом ситуации, сложившейся сегодня в сфере малого инновационного предпринимательства, необходимо, чтобы государство приняло соответствующие меры для стимулирования и мотивации инновационно-инвестиционной деятельности субъектов малого бизнеса в рамках их взаимодействия с НИС. На наш взгляд,

в качестве таковых можно рекомендовать следующие направления государственной политики, не противоречащие ФЗ № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»:

1. *Введение обязательной аккредитации малых инновационных предприятий* в уполномоченных органах субъектов Российской Федерации с целью их идентификации. На ее основе следует формировать специальный реестр инновационных предприятий (организаций), имеющих право претендовать на льготы и специальную правительственную помощь.

2. *Формирование благоприятного экономического климата*¹⁷ для инновационно-инвестиционной деятельности рассматриваемой категории предприятий на основе активного использования стимулирующих эффектов налогообложения и кредитной ставки. Повышение инновационной активности малых предприятий можно обеспечить прежде всего за счет общего уровня налогообложения и разработки налоговых льгот. При этом следует помнить требование эффективной НИС к налогообложению: нельзя допускать того, чтобы верхний уровень налогообложения субъектов малого бизнеса приводил к превышению «цены легальности» над «ценой нелегальности». С этой целью представляется целесообразным следующее: снижение размеров налогооблагаемой прибыли на сумму средств, направляемых на НИОКР и их страхование; введение системы скидок с налога на прибыль за разработку и производство инновационной продукции по государственному заказу или внедрение особо сложной продукции; расширение перечня расходов, связанных с инновационной деятельностью малых предприятий, применяющих упрощенную систему налогообложения; освобождение от НДС стоимости патентно-лицензионных операций; снижение ставки единого социального налога, получение льгот по налогу на имущество, в том числе приобретенного в лизинг; освобождение указанных предприятий от уплаты земельного налога и др.

Помимо этого также необходимо разработать систему налоговых льгот для крупных компаний, формирующих инновационные кластеры с участием субъектов малого инновационного предпринимательства, коммерческих банков, осуществляющих кредитование последних, и страховых организаций, выполняющих страхование малых инновационных предприятий.

Налоговый механизм, обеспечивающий формирование благоприятного экономического климата для стимулирования инновационной предпринимательской деятельности, должен соответствующим образом взаимодействовать с кредитно-банковской политикой и процентными ставками. Логика экономического развития такова, что ставки по кредитам в целом должны быть ниже уровня средней прибыли в экономике. Только при этих условиях у предпринимателей появится возможность пользоваться заемными средствами. В свою очередь кредитные ставки коммерческих банков должны быть выше ставки рефинансирования и ставок по вкладам, иначе банки просто не смогут эффективно работать.

Понятно, что слишком высокая кредитная ставка приводит к переориентации предпринимательской деятельности на быстрокупаемые проекты (торговля) и наносит серьезный ущерб развитию наукоемких отраслей, требующих больших вложений (авиастроение, энергетика, станкостроение и т. п.), нередко «выдавливая» отрасли наукоемкого комплекса из страны. Малый бизнес, для которого предлагаемые ставки еще более непосильны, просто свертывается.

Сегодня ставка по кредитам для бизнеса при очень хорошем залоге составляет 12 %, средняя — около 15 %. Для того чтобы инновационная активность российской промышленности получила импульс к росту, кредитные ставки необходимо снизить вдвое¹⁸. Все необходимые инструменты для реализации данного предложения у российского правительства, на наш взгляд, имеются.

3. *Развитие финансовой, имущественной и информационной поддержки малого инновационного предпринимательства.* В рамках финансовой поддержки особо следует выделить следующее: привлечение субъектов малого бизнеса к выполнению государственных и муниципальных заказов с использованием упрощенного порядка их участия в конкурсах по распределению таких заказов; кредитование малых инновационных предприятий коммерческими банками; формирование необходимых условий для деятельности «бизнес-ангелов», активное развитие микрофинансовых организаций (кредитных кооперативов и различного рода фондов, включая венчурные); создание специализированных площадок с более удобным режимом работы, упрощенными условиями эмиссии ценных бумаг и наличием института листинговых агентств.

Для снижения неопределенности и рисков, возникающих при финансировании малого инновационного предпринимательства, важно применять механизм банковского страхования с участием государства, которое играет роль страховой компании, предлагая банкам услуги по перестрахованию. Кроме того, следует увеличить объемы венчурного инвестирования за счет развития в Российской Федерации рынка долгосрочного капитала и привлечения к инновационным проектам средств страховых компаний и пенсионных фондов, создания благоприятных нормативно-правовых условий, в том числе касающихся прав на интеллектуальную собственность.

Для оказания имущественной поддержки малому инновационному предпринимательству необходимо следующее: предусмотреть возможность установления более низкой, чем среднесрочная, арендной платы для предприятий, выпускающих инновационную продукцию, а также рассрочки платежа; расширить число бизнес-инкубаторов малого предпринимательства на базе нежилых помещений; определить льготный порядок передачи неиспользуемых производственных площадок и оборудования, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на условиях долгосрочной аренды, выкупа или приобретения в лизинг.

Информационное обеспечение деятельности малого инновационного предпринимательства должно предусматривать получение полной и своевременной правовой, экономической, статистической, производственно-технической, маркетинговой информации со стороны органов государственной власти и местного самоуправления посредством специально создаваемых информационно-аналитических центров, специализированных баз и банков данных, информационных систем и коммуникационных сетей, современных интернет-технологий и т. д.

4. *Качественное улучшение государственного статистического учета инновационной деятельности субъектов малого предпринимательства,* которое предусматривает: организацию ежегодного сплошного обследования малых предприятий на базе модификации и дополнения статистической формы «2-МП-инновация»; регулярное проведение их выборочных обследований на базе регионального статистического наблюдения для выявления инновационно-активных предприятий, проблем их формирования и развития в конкретном субъекте Российской Федера-

ции; создание полноценной системы статистического учета и отчетности малых инновационных предприятий и их сетей с учетом международных стандартов.

5. *Борьба с коррупцией, теневой экономикой и административными барьерами*. Реализация национального плана «Борьба с коррупцией», активная деятельность Совета по борьбе с коррупцией способны оказать заметное влияние на развитие российского инновационного предпринимательства, на его масштабную кооперацию с крупным бизнесом и наукой в рамках создаваемой НИС.

Реализация названных мер позволит не только активизировать инновационную деятельность малого инновационного предпринимательства, но и задать стимулы к росту предпринимательского духа и национальной способности к инновациям, к эффективному взаимодействию ключевых элементов единой НИС России. Только на этой основе сегодня возможно обеспечить конкурентоспособное и социально-эффективное развитие нашей страны в условиях нарастающей глобальной конкуренции.

Библиографические ссылки

¹ Путин В. В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html> (дата обращения 22.04.2013).

² Nelson R. National Innovation Systems: a Comparative analysis. N. Y., 1993. С. 17.

³ См.: Багриновский К. А., Бендиков М. А., Хрусталева Е. Ю. Механизмы технологического развития экономики России : Макро- и мезоэкономические аспекты. М., 2003.

⁴ См.: Голиченко О. Г. Национальная инновационная система России. М., 2006.

⁵ См.: Иванов В. В. Национальная инновационная система как институциональная основа экономики постиндустриального общества // Инновации. 2004. № 5.

⁶ См.: Иванова Н. И. Национальные инновационные системы. М., 2002.

⁷ См.: Лотош Я. М. Взгляд на национальную инновационную систему со стороны науки // Цивилизация знаний : Рос. реалии. М., 2007.

⁸ Голиченко О. Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М., 2011. С. 48.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/pril/63/14/41/2227_strategiia.doc (дата обращения 22.04.2012).

¹¹ Подробнее об этом см.: Кормишкина Л. А. Формирование национальной инновационной системы как основа снижения дифференциации экономического пространства современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. С. 24 — 29.

¹² См.: Мировой финансовый кризис и экономическая безопасность России: анализ, проблемы и перспективы / В. С. Аксенов [и др.]. М., 2010. С. 155.

¹³ Технопарки России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 22.04.2012).

¹⁴ Там же // URL: <http://minsvyaz.ru/ru/directions/?direction=25> (дата обращения 22.04.2012).

¹⁵ См.: Голиченко О. Г. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ См.: Примаков Е. М. Достижения не должны заслонять проблемы // Рос. газ. 2011. 14 янв. С. 6.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Кормишкина Л. А., Егина Н. А. Формирование благоприятного экономического климата с позиции индикаторов финансовой безопасности как основы развития предпринимательства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 8. С. 53 — 56.

¹⁸ См.: Кровопускание: Почему бизнесу не дают дешевых кредитов // Аргументы и факты. 2013. № 10. С. 1.

Поступила 15.05.2013 г.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

УДК 39(470.4)(=511.1)

A. С. Пронин
A. S. Pronin

КОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ VI — XIII вв.

A HORSE IN THE FUNERAL RITE OF THE FINNO-UGRIANS OF THE VOLGA REGION IN THE VI — THE XIII CENTURIES

Ключевые слова: погребальный обряд, конское погребение, захоронение, культ коня, мурома, мордва, марийский могильник, могильная яма, скелет коня.

В статье на примерах конкретных захоронений рассматриваются конские погребения финно-угорских народов Поволжья, а также сходство и различие в их погребальном обряде.

Key words: funeral rite, horse burial, burial, the cult of the horse, the Muroma, the Mordvins, Mari burial ground, grave pit, the skeleton of a horse.

Horse burials of the Finno-Ugric peoples of the Volga Region, as well as the similarities and differences in their funeral rites are considered in the article by the examples of concrete burials.

Известно, что конь являлся одним из главных компонентов погребальной обрядности финно-угров Поволжья. Об этом свидетельствуют археологические находки конского скелета и его фрагментов (как правило, череп, передние и задние конечности) или остатков сбруи. В научной литературе нахождение в могиле лошади объясняется практическими соображениями: животное являлось частью погребального инвентаря¹. Однако только этой функцией его участие в погребальном обряде не ограничивалось. В частности, конь служил средством транспортировки умершего к месту сожжения².

Появление в I тыс. до н. э. образа коня в финно-угорском искусстве связано с влиянием индоевропейских, в первую очередь индоиранских, племен. Можно предположить, что конь первоначально входил в число мужских (военных) символов, вобравших в себя некоторые элементы кочевой идеологии³. Образ коня, согласно древним представлениям, был связан с культом солнца, что подчеркивалось нанесением кружкового орнамента на изображение этого животного. Он также символизировал небо и солнце⁴ (скорость и стремительность коня уподобляли на аналогию с движением солнца на небосклоне).

С VI — VII вв. прослеживается широкое распространение ритуальных конских захоронений. Они появились в Поволжье независимо от Прикамья, имели

свою историю развития и обрядовую специфику. Ритуальные захоронения коней наряду с распространенностью украшений-оберегов с изображениями этого животного (коньковые подвески) свидетельствуют о существовании культа коня в этот период на всей территории Поволжья. Особенно выразительно сочетание многочисленных конских захоронений и украшений с конской символикой в памятниках Волго-Камского и Волго-Вятского междуречий. В это время сосуществовали культы птицы и коня, а с конца IX — начала XI в. культ коня в Поволжье стал преобладающим⁵.

Из приведенных Л. А. Голубевой 976 зооморфных украшений VI — XIV вв. финно-угров Верхнего и Среднего Поволжья 622 были с изображением коня⁶. Предпосылки возникновения и формы проявления культа коня у финно-угров Приуралья и Поволжья анализировались М. Худяковым и А. П. Смирновым⁷.

Е. Е. Кузьмина в сопоставлении с умершим конем видит жертвоприношение и рассматривает животное в качестве посредника между миром живых и небесной обителью предков, а также силы, обеспечивающей небесное возрождение на том свете к новой, бессмертной жизни⁸. Сходного мнения придерживается и З. П. Соколова, рассматривающая сопроводительное захоронение животного как жертву умершему. Однако она видит в жертвоприношении две практические цели: обеспечение умершего ездовым и хозяйственным (как источник питания) животным и кормление души умершего на поминках⁹. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, свидетельством того, что конь в загробном мире должен быть именно верховым, является большинство погребений, в которых кости коня лежат слева от покойника. Возможно, это обстоятельство стоит связывать с существовавшим обычаем класть повод коня в левую руку умершего, которая, по мнению ученого, в загробном мире станет правой¹⁰.

Конские погребения были характерны для ряда древних этносов Поволжского региона, особенно для муромы и мордвы.

Первым обратился к обряду захоронения коней у муромы В. А. Городцов, проводивший раскопки Подболотьевского могильника¹¹. Отмеченные им погребения с конем и погребения с частями конского скелета рассматривались ученым как два этапа эволюции одного погребального обряда. Однако это мнение не подтвердилось, поскольку погребения с конем оказались моложе погребений с конскими фрагментами (черепом и конечностями). На основании этого последние не могли быть поздним вариантом обряда совместного захоронения коня и человека. Невозможно также представить обряд раскладывания частей коня в анатомическом порядке как вариант погребения остова коня, предназначенного для бедноты, когда убитый конь использовался дважды: мясо съедали во время трапезы, а череп и конечности клали в могилу.

Типы погребений коней в ранних (VI — VIII вв.) и в поздних (X — XI вв.) могильниках муромы если не идентичны, то сходны. Так, у муромы основным типом погребения животного-проводника в иной мир являлось труположение коня в типичной подпрямоугольной яме средних размеров (иногда незначительно шире и глубже погребений людей), ориентированной по линии С — Ю, с золистоглистым заполнением (в VI — первой половине VIII в. — с перекрытием кострищем). Как правило, конь был уложен на бок с вытянутыми или подогнутыми конечностями или на брюхо с подогнутыми конечностями и вытянутой

шей, головой к северу и близким направлениям в более чем половине случаев. В погребениях с людьми как расчлененные, так и целые туши коней в основном были уложены головой в противоположную от человека южную сторону. Аналогичная картина прослеживается и в отдельных погребениях. Процентное соотношение по параметру ориентировки коня склоняется в сторону южной и близкой к ней направленности¹². По наличию жертвенно-поминальных комплексов более половины погребений животных относится к бедным комплексам, около трети — к богатым. Большая часть захороненных коней была молодыми особями, не приспособленными к верховой езде (на это указывало отсутствие сбруи). Мужские погребения с конями обычно выделяются богатством инвентаря; в некоторых случаях при них находились и женские захоронения. Восемь раз кони были найдены в женских погребениях. В Безводинском могильнике наблюдается то же самое¹³.

Конские погребения существовали и у мордвы. Единичные конские погребения X — XII вв. на могильниках мокши (погребение № 54 Лядинского могильника¹⁴) были известны еще с XIX в. Позже были обнаружены отдельные погребения на эрзянских погребальных памятниках (погребение № 4 Абрамовского могильника¹⁵). Однако их немногочисленность не давала возможности считать их существенным элементом погребального обряда мордвы. Положение изменилось в 1980-х гг. после того, как В. Н. Мартьянов у г. Арзамаса Нижегородской области в бассейне р. Тёши исследовал группу могильников мордвы-эрзи конца I — начала II тыс. н. э. Среди многочисленных человеческих погребений им была выявлена в том числе серия конских захоронений X — XIII вв.¹⁶ В. Н. Мартьянов опубликовал и продатировал материалы раскопанных им погребений. В качестве ближайших аналогий автором называются древности муромы. Ученый пришел к выводу, что накануне монгольского нашествия конские захоронения стали частью погребального обряда мордвы-эрзи¹⁷.

Погребения мордвы в бассейне р. Тёша в X — XIII вв. отличают захоронения коней на общей площади могильников, чаще в общих рядах с умершими людьми. Характерной особенностью конских захоронений является их противоположная ориентировка относительно человеческим захоронениям. Однако в том случае, когда коня хоронили вместе с хозяином, их ориентировка совпадала (З, СЗ, ССЗ, С)¹⁸. Конские погребения у мордвы-эрзи составляют не менее 5,0 % от всех погребений. На отдельных могильниках эта цифра выше: Красное I — 7,8 %, Заречное II — 7,3 %. Наиболее близкие параллели проводятся с могильниками муромы. Так, в Подболотьевском число конских захоронений составляет 5,1 %¹⁹, в Чулковском — 12,0²⁰, в Кочкинском — 16,3 %²¹.

Исследования мордовских археологов позволили утверждать о существовании обряда захоронения коней и у мордвы-мокши. Об этом убедительно свидетельствуют раскопки Кельгининского мокшанского могильника²², в котором конские погребения составляют не менее 2,1 % от всех погребений.

В. И. Вихляев, анализируя возникновение обряда конских захоронений у мордвы, сделал выводы относительно причин появления данной традиции. Одной из них ученый называет социальный фактор. В XI — XIII вв. мордва достигла такого уровня общественного развития, когда у нее стала формироваться

конная профессиональная дружина. Из летописей известно, что войско мордвы начало одерживать победы даже над древнерусскими княжескими дружинами. Вполне возможно, что в среде мордовских дружинников мог оформиться культ коня и как следствие — возникнуть обычай погребения с воином его боевого соратника.

Другой возможной причиной появления захоронений коней у мордвы, по мнению В. И. Вихляева, могло быть иноплеменное влияние. Среди соседей мордвы наиболее древний устойчивый обычай погребения коней на родоплеменных могильниках существовал только у муромы на Нижней Оке. Конские погребения здесь известны с VI в., при этом у муромы имеются все виды конских погребений, известные у мордвы с X — XI вв. Распространение в мордовской среде конских погребений, характерных для муромы, является весомым свидетельством внедрения с X в. на территорию мордвы муромского населения. В это время волна муромских переселенцев достигла не только земель их ближайших соседей — эрзи, но и более отдаленных районов расселения мокши²³.

Наиболее широко обрядовое захоронение коней представлено в Безводинском могильнике²⁴. В 21 могиле (12,1% от общего числа) археологами были обнаружены одиночные захоронения как целых, так и расчлененных костяков лошадей. Туши животных находились в определенном положении: задняя часть — на брюхе; передняя часть — на правом или левом боку. В захоронениях преобладала ориентировка ССЗ — ЮЮВ. В направлении С — Ю было ориентировано 8 могил, в направлении СЗ — ЮВ — 1.

Особого рассмотрения заслуживают погребения Безводинского могильника, представленные группой совместных человеческих и конских захоронений. Таких погребений обнаружено 14 в 13 могилах, что составляет около 13,6 % от общего числа человеческих захоронений. Погребения с конем чаще встречались мужские (10, или 16,6 % от общего числа мужских погребений), реже — женские (4, или 9,5 % от общего числа женских погребений). Детские погребения никогда не сопровождалась конем или частями его туши. Захоронения с конем в 7 случаях оказались труположениями, в 6 — вторичными захоронениями, в 1 случае — трупосожжением²⁵.

Все погребения Безводинского могильника были совершены в грунтовых могилах, которые в настоящее время не имеют на поверхности никаких внешних признаков. Однако в период функционирования могильника часть из них имела, по-видимому, определенные внешние отметки, знаки. Ими могли быть своеобразные памятные столбы у могил или оградки из них. Например, конское погребение № 88: столбовые ямы диаметром 0,15 — 0,25 м и глубиной 0,3 — 0,5 м были обнаружены вплотную к краю могилы у восточной стенки на расстоянии 0,3 — 0,7 м от северо-восточного угла²⁶.

О сущности одиночных конских захоронений Безводинского могильника Ю. А. Краснов высказал несколько предположений. Во-первых, они могли являться погребениями верховых коней, сопровождавшими погребения всадников. Однако такому предположению противоречит ряд обстоятельств. Как уже упоминалось, около половины обнаруженных в могилах костяков лошадей принадлежали молодым особям, иногда фактически жеребят, которые не могли использоваться в качестве верховых животных. Эти захоронения не сопровождалась

конской сбруей, что предполагалось бы при захоронениях верховых коней. Наконец, само расположение конских погребений на площади могильника не позволяет связать большинство из них с теми или иными конкретными погребениями людей. Рядом с последними располагались только конские захоронения № 23 (содержало остатки двух взрослых лошадей), № 51 (сильно разрушено, содержало останки задней части туши коня, возраст которого определить не удалось) и погребение № 60 (содержало останки задней и передней частей туши молодой лошади)²⁷.

Во-вторых, конские захоронения можно рассматривать как кенотафы, сооруженные в память конных воинов, погибших на чужбине. Однако в этом случае они должны были содержать какие-то вещи, что не наблюдается. С этой точки зрения непонятным является расположение большинства конских погребений группами или особыми рядами между рядами могил человека.

Наиболее вероятной представляется версия Ю. А. Краснова, согласно которой конские захоронения Безводинского могильника обусловлены ритуальным происхождением и связаны с культом коня, игравшим определенную роль в погребальных обрядах финно-угров²⁸.

Несмотря на существенные различия, одиночные и совместные конские погребения объединяют южная ориентировка останков коней; захоронение как целых, так и расчлененных туш лошадей, а также черепа и передних конечностей; расположение конских черепов выше могильных ям (в верхней части насыпи); отсутствие у останков животных хвостовых позвонков при сохранении остальных костей в анатомическом порядке. При этом следует отметить и одно весьма интересное различие: если в одиночных конских могилах примерно в половине случаев были захоронены молодые особи, то в совместных погребениях всегда обнаруживались останки взрослых особей, очевидно, использовавшиеся для верховой езды²⁹.

Большинство конских погребений Безводинского могильника сопровождалось богатым инвентарем. Так, в женских погребениях № 41, 150, 151 найдены остатки сложных головных уборов, в состав которых входили головные жгуты, а лицевая часть украшалась серебряными крестовидными фибулами, пояса с накладками, нагрудные бляхи из серебра, браслеты, перстни, украшения обуви и т. д. В женском вторичном погребении № 12 при общей ограниченности вещевого материала, свойственной для этой категории погребений, были найдены серебряные поясные накладки, характерные для самых богатых погребений. Из 19 погребений Безводинского могильника с конем в 5 (погребения № 3, 16, 44, 54/55, 153) содержалось оружие: меч, наконечники копий и дротиков. В погребениях № 3 и 40 найдены серебряные поясные накладки и пряжки, характерные только для богатых погребений, в погребении 61 — обломки деревянного сосуда, обложенного золотой фольгой. Этот предмет, несомненно, свидетельствует о высоком имущественном положении умершего. В погребении № 54/55 костяк мужчины сопровождался трупосожжением женщины, возможно, рабыни. Лишь одно погребение с конем — вторичное мужское захоронение № 90 — было безынвентарным³⁰.

В марийских могильниках I тыс. н. э. также обнаружены совместные захоронения с частями коня в могильных ямах. Впервые такие погребения были раско-

паны в 1956 г. на Мари-Луговском могильнике IV — VI вв. н. э.³¹. Эти погребения схожи с мордовскими. Обычно костяк человека лежал на глубине 1,2 — 1,3 м, на спине с вытянутыми конечностями, головой, ориентированной на С—СВ. В засыпи могилы встречались угли и пережженные кости. Конь был ориентирован головой на ЮЗ или на Ю³². Например, в погребении № 8 Уржумского могильника, в яме на глубине 1,1 м прослежены останки мужского костяка, ориентированного головой на СЗ. В ногах умершего находился череп лошади, ориентированный в Ю—ЮВ направлении. В яме найдены еще две кости лошади, а также три железные пряжки, наконечник железного копья, втульчатый топор, на котором лежало маленькое медное кольцо, и железный нож. В погребении № 14 того же могильника, яма которого не прослеживалась, в ногах умершего лежали рядом два черепа коня, оба ориентированы на Ю — ЮЗ. С одним из черепов следует связывать кость ноги лошади и железные удила, находившиеся слева у бедренной кости человека. В этом же могильнике между погребениями на глубине 1,0 м и на расстоянии 0,8 м друг от друга было обнаружено два черепа коня. Один из них был ориентирован на Ю, второй в противоположную сторону — на С. На одном из черепов крест на крест лежали две ключицы коня и зажатые челюстями железные удила, вместе с другим черепом лежало двое удил³³.

На основании вышеизложенного можно составить классификацию конских погребений. Итак, по типу погребения конские захоронения финно-угров делятся на две основные группы: I — одиночные (в могильной яме погребен только один конь) и II — совместные (в могильной яме конь и человек). В каждой группе выделяются два типа: тип А — захоронения расчлененных туш коней, Б — погребения целых остовов. В зависимости от положения коня типы в свою очередь делятся на подтипы.

Встречаются и «коллективные» захоронения коней (погребения № 17 и 23 Безводинского могильника³⁴, № 93 Чулковского могильника)³⁵. В особую группу выделяются захоронения черепов коня в человеческой могиле. Такие случаи известны в погребении № 109 могильника Заречное II³⁶, в погребении № 23 Подболотьевского могильника³⁷ и в погребении № 14 Уржумского могильника³⁸.

Заслуживают внимания ритуальные захоронения зубов коней с человеком. Например, погребение № 120 могильника Заречное II, в котором на уровне бедер симметрично с обеих сторон умершего было положено по 1 зубу коня³⁹.

В Подболотьевском и Елизавет-Михайловском могильниках найдены захоронения с конским снаряжением. Например, в погребении № 37 Подболотьевского могильника на левой руке мужского костяка обнаружены железные удила и хорошо сохранившиеся ремни узды, украшенные бронзовыми гвоздиками с посеребрёнными круглыми шляпками⁴⁰.

Таким образом, погребальное обрядовое захоронение с конем было характерно для многих этнических групп, в том числе для финских племен Поволжья. На это указывают сходства в погребальном обряде, а также существование культа этого животного. Образ коня в стилизованном виде присутствовал в декоре украшений, игравших роль оберегов.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Беленицкий А. М.** Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем Средневековье // КСИА. М., 1978. С. 31.
- ² См.: **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние века. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 230.
- ³ См.: **Павлова А. Н.** Индоевропейское влияние в системе образов финно-угорского искусства. Йошкар-Ола, 2002. С. 93.
- ⁴ См.: **Стойнев А. О.** О духовной культуре прибалгар Нижнего Прикамья // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 109.
- ⁵ См.: **Голубева Л. А.** Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. С. 62.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: **Худяков М. Г.** Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций : сб. ст. к 45-летию науч. деятельности Н. Я. Марра. Л., 1933. С. 251 — 280; **Смирнов А. П.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. С. 250 — 274.
- ⁸ См.: **Кузьмина Е. Е.** Распространение коневодства и культа коня у ирано-язычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1977. С. 39.
- ⁹ См.: **Соколова З. П.** Культ животных в религиях. М., 1972. С. 170 — 174.
- ¹⁰ См.: **Федоров-Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 129.
- ¹¹ См.: **Городцов В. А.** Погребения животных в Муромских могильниках // Этногр. обозрение. 1916. Вып. 3 — 4. С. 81 — 85.
- ¹² См.: **Бейлекчи В. В.** Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). М., 2005. С. 99.
- ¹³ См.: **Бейлекчи В. В.** Культ коня у муромы // Уваров. чтения : сб. ст. Муром, 2003.
- ¹⁴ См.: Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941. С. 42.
- ¹⁵ См.: **Жиганов М. Ф.** Отчет о работах археологической экспедиции Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева в 1971 году // Арх. ИА РАН. Р-1. № 4169. С. 3.
- ¹⁶ См.: **Мартынов В. Н.** Древняя история Арзамасского края. Арзамас, 2004. 443 с.
- ¹⁷ Там же. С. 15.
- ¹⁸ См.: **Мартынов В. Н.** Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 53. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 107).
- ¹⁹ См.: **Городцов В. А.** Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности 1914 г. М., 1914. С. 48. (Тр. / Императ. Моск. археол. о-ва ; т. 24).
- ²⁰ См.: **Гришаков В. В.** Конские погребения Чулковского могильника // Материалы по археологии. Саранск, 1988. С. 73.
- ²¹ См.: **Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В.** Кочкинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. С. 101.
- ²² См.: Кельгининский могильник : Раскопки 1990-х гг. / Беляев Я. В. [и др.]. Саранск, 1998. С. 18.
- ²³ См.: **Вихляев В. И.** Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманит. науки и образование : материалы I Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1997. С. 158.
- ²⁴ См.: **Краснов Ю. А.** Безводинский могильник. М., 1980. С. 28.
- ²⁵ См.: Там же. С. 35.
- ²⁶ См.: Там же. С. 13.
- ²⁷ См.: Там же. С. 34.
- ²⁸ См.: Там же. С. 35.
- ²⁹ См.: Там же. С. 36.
- ³⁰ См.: Там же. С. 37.

- ³¹ См.: Железный век Марийского края // Тр. МарАЭ. Йошкар-Ола. 1962. Т. 2. С. 158.
- ³² См.: **Архипов Г. А.** Захоронение с конем I тысячелетия н. э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 110 — 118.
- ³³ См.: Там же. С. 176.
- ³⁴ См.: **Краснов Ю. А.** Указ. соч. С. 33.
- ³⁵ См.: **Гришаков В. В.** Указ. соч. С. 80.
- ³⁶ См.: **Мартъянов В. Н.** Древняя история Арзамасского края. С. 110.
- ³⁷ См.: **Городцов В. А.** Археологические исследования в окрестностях г. Муром. С. 60.
- ³⁸ См.: **Архипов Г. А.** Указ. соч. С. 176.
- ³⁹ См.: **Мартъянов В. Н.** Древняя история Арзамасского края. С. 105.
- ⁴⁰ См.: **Городцов В. А.** Археологические исследования в окрестностях г. Муром. С. 63.

Поступила 23.01.2013 г.

УДК 94(470.4)(=511.152)

Ю. А. Зеленева

Yu. A. Zeleneva

МОРДВА И ДРУГИЕ НАРОДЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ ПЕРЕД МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ

THE MORDVINS AND OTHER PEOPLES OF THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION BEFORE THE MONGOLIAN INVASION

Ключевые слова: мордва, Поволжье, этническая культура, мокша, эрзя, Волжская Болгария, болгары, славяне, поселение, керамика, могильник, русское влияние.

В статье рассматриваются этническая культура и территория мордвы перед монгольским нашествием; анализируются археологические материалы и другие виды источников, связанные с этим периодом; определяются взаимоотношения мордвы и соседних с ней народов в области материальной культуры и других аспектов.

Key words: the Mordvins, the Volga Region, ethnic culture, the Moksha, the Erzya, Volga Bulgaria, the Bulgars, the Slavs, settlement, ceramics, burial ground, Russian influence.

The article deals with ethnic culture and territory of the Mordvins before the Mongolian invasion. Archaeological materials and other sources, associated with that period, are analyzed as well as the inter-relationship of the Mordvins and neighbouring peoples in the sphere of material culture and other aspects are determined.

Территория лесостепного Поволжья периода XI — XIII вв. входит в состав современных Ульяновской, Пензенской, правобережной части Саратовской (до Саратова на юге) областей, а также Мордовии, Чувашии и закамской части Татарии. К ней географически и в историко-культурном отношении примыкают также южные районы Нижегородчины, Заокские районы современной Рязанской области и Цнинский бассейн Тамбовщины.

Основной тенденцией этнокультурного развития для народов, населявших лесную и лесостепную зоны Поволжья перед монгольским нашествием, было преобладание инерционных этнокультурных процессов, развивавшихся здесь непрерывно с глубокой древности и связанных с формированием финно-угорских народов (марийцев, мордвы, удмуртов).

Первоначальная область формирования мордовских племен охватывала правобережье среднего и нижнего течения р. Оки, районы р. Цны и Мокши. В 1-м тыс. до н. э. этот регион занимало население, оставившее городецкую культуру (VIII — I вв. до н. э.). С III в. н. э. Нижнее Примокшанье и Нижнее Поценье было заселено носителями культуры рязанско-окских могильников, которое было или мордвоязычным, или этнически очень близким мордве. В Нижнем Примокшанье оно сохранилось по X в. включительно (Шокшинский могильник) и приняло участие в сложении группы мордвы-шокша.

Не вызывает сомнения, что переход от городецкой культуры к мордовской культуре был не одномоментным явлением, а длительным и более сложным действием, чем иногда представляется исследователям. Ясно одно — в начале нашей эры появились отдельные археологические памятники и их небольшие локальные группы, которые можно связать с более поздними мордовскими археологическими памятниками. Они были распространены на обширной территории Сурского бассейна, но разделены между собой или большими незаселенными пространствами, или территориями, занятыми населением, которое оставило археологические памятники так называемой позднегородецкой археологической культуры.

В историографии середины — второй половины XX в. существовало мнение, что влияние степных кочевников, особенно скифов и сарматов, на мордовские племена нашло отражение в антропологическом типе и культуре этих племен, особенно мокши¹.

Дальнейшее развитие мордвы и ее культуры связано с мощным влиянием, которое на нее оказал среднеокский очаг культуры волжских финнов. Именно под его воздействием сложилась раннесредневековая мордовская материальная культура. В это же время шло заселение мордвой новых территорий. В III — V вв. н. э. мордовские археологические памятники появились на Мокше и на правых притоках Оки, например Абрамовский могильник на реке Тёше², т. е. сформировалась основа мордовской этнической территории. Этот период — время дальнейшего распространения у мордвы хозяйственно-культурного типа лесных и лесостепных земледельцев, хотя хозяйство по-прежнему носило комплексный характер.

В VI — VIII вв. завершилось формирование сложной по своему составу мордовской культуры. В погребениях мордвы этого времени содержатся посеребренные и краснопастовые бусы, бронзовые пластинчатые прорезные бляхи с язычком в центре, кольцевые плоские в сечении застёжки с нарезкой по краям³. Основные элементы этой культуры получили распространение на всей территории расселения мордвы. В это же время появилась тенденция выделения различий в общемордовском культурном комплексе, особенно проявившаяся в погребальном обряде. На смену разнообразным ориентировкам погребенных предшествующего периода пришла традиция хоронить умерших головой на север в северных мор-

довских могильниках и головой на юг — в южных. Это явилось отражением начавшегося процесса формирования субэтносов эрзи и мокши, завершение которого относится к XI — XIII вв.

Начиная с VI в. н. э. этноним мордва фигурирует в письменных источниках. Так, упоминание о «*mordens*» встречается в сочинениях готского историка Иордана⁴. В X в. н. э. о стране «Мордовии», которая находилась в 10 днях пути от «Пачинакии» (Печенегии), было известно византийскому императору Константину Багрянородному⁵.

В историографии нет единого мнения о более конкретном времени образования мордовских субэтносов — эрзи и мокши. Известно, что этнонимы эрзя (арису) и мокша (моксель) встречаются в послании хазарского кагана Иосифа (X в. н. э.)⁶. Согласно материалам археологических исследований, в VIII — X вв. мордва-моксша занимала все Почестье. Часть Нижнего Примокшанья (от района современного Краснослободска и до впадения в Мокшу р. Сатис) в это время осваивалось мордвой-эрзей⁷.

Следует отметить, что мордовская культура этого времени очень близка культурам соседних финских народов: муромы, культуре рязанско-окских могильников и в определенной степени мерянской культуре. Всех их можно объединить в историко-этнографическую область западно-волжских финнов. Это единство связано с общностью происхождения, влиянием, которое было оказано на них среднеокским очагом финской культуры и постоянными контактами между ними. Мордва, мурома, рязанско-окские финны и культурно близкие им группы населения занимали огромную территорию от левобережья Средней Волги (Младший Ахмыловский могильник) на востоке, до Среднего Поочья на западе. Так, например, наконечник дротика финского облика, который датируется VI в. н. э., был найден в Ростиславле Рязанском, на северо-западе Рязанской земли⁸.

Можно считать, что VIII — X вв. были периодом стабилизации и наивысшего расцвета древнемордовской первобытной культуры. В это время, видимо, окончательно оформился хозяйственно-культурный тип мордвы как этноса пашенных земледельцев. Культурный мордовский комплекс четко выделился даже среди близкородственных культур волжских финнов. Оформилась также основная этническая территория мордвы. На севере ее граница не доходила до правого берега Оки, который был заселен муромой⁹, но подходила к правому берегу Волги. Самым северным памятником мордвы является Волчихинский могильник¹⁰. На юге граница мордовского расселения проходила по водоразделу Суры, Мокши и Цны с донскими притоками, на востоке — до водораздела Суры и Волги, на западе — до Цны. С IX в. мордва начала осваивать в том числе западное побережье Цны¹¹. Значительной разницы в эрзянской и мокшанской материальной культуре в это время не отмечается. По-прежнему выделение этих двух субэтносов происходило на основе различий в некоторых элементах погребального обряда.

Мордва все больше попадала в сферу влияния своих соседей. Так, на юге она контактировала со степным населением Хазарского каганата, на что указывает наличие в мордовских памятниках вещей салтово-маяцкого происхождения. Скорее всего, в это время начались культурные контакты со славянами и, возможно, со скандинавами. В мордовских могильниках появились отдельные

находки мечей западноевропейского типа. С IX в. в некоторых мордовских могильниках, например в Степановском, ориентировка погребенных получила отклонение к западу, что можно рассматривать как следствие славянского культурного влияния.

С XI в. процесс внешнего культурного воздействия на мордву усиливается и проявляется в находках вещей древнерусского облика (например, накладки со знаком Рюриковичей из погребения № 316 Кельгининского могильника). Наличие русско-мордовских политических контактов фиксируется Начальной летописью¹². Несмотря на то что усиление контактов с русским и другими соседними народами не приводило к полной смене культурного облика у мордвы, оно накладывало серьезный отпечаток на ее этнокультурное развитие.

Начиная с XII в. этноним «мордва» в различных транскрипциях неоднократно упоминался в русских летописях («Повесть временных лет», «Лаврентьевский список», «Ипатьевская летопись», «Слово о погибели русской земли»¹³, венгерские документы)¹⁴. Субэтнос — «моксель» упоминался в записках Гильома Рубрука, совершившего поездку ко двору великого монгольского хана в 1253 — 1254 гг.¹⁵

К XIII в. развитие торговых связей между эрзей и мокшей, близость территории, общий тип хозяйства, необходимость совместной обороны от набегов хазар, печенегов и болгар способствовали этнической консолидации мордовских племен. К этому времени на мордовской территории начался процесс возникновения протогосударственных объединений. Из русских летописных источников известно о возникновении «Пургасовой волости» и крупном объединении мордовских племен во главе с Пурешем¹⁶. Правда, вопрос об окончательной археологической локализации этих образований остается открытым.

На берегу правого притока р. Мокши — р. Сатис находилось одно из крупнейших мордовских городищ XII — XIII вв., исследованное Н. Н. Грибовым¹⁷ — Саровское городище. К нему примыкал плотно заселенный и, как явствует из исследований В. Н. Мартьянова, богатый бассейн Тёши с развитым сельским хозяйством и ремеслом. Возможно, что именно Саровское городище является легендарным городом Сараклыч, о котором писал М. Г. Сафаргалиев¹⁸.

Вероятно здесь, в междуречье р. Мокши и Тёши и в среднем течении р. Тёши, находился центр летописной «Пургасовой волости», которая в свете письменных и археологических данных представляется как общность со сформировавшейся территорией, населенной эрзянскими племенами, с развитой экономической структурой и политической организацией. В топонимике Нижнего Примокшанья встречаются названия Пургасово, Пургасово городище, Пурдошки.

Более сложная в этнокультурном отношении картина складывалась в южной (моксанской) части расселения мордвы. Естественно, что мордовское население здесь по-прежнему продолжало оставаться одним из основных этносов от современного Ульяновского Поволжья на востоке до бассейна Цны на западе. Это подтверждают и данные археологии, и мордовские топонимы региона. Любопытно, что такая картина наблюдается на протяжении не одного тысячелетия. Так, например, у с. Кижеватово (бывшая Селикса) находятся мордовские могильники, датированные IV в. н. э. Экспедицией под руководством О. В. Зеленцовой здесь были раскопаны поселения с мордовской керамикой, относящиеся ко второй

половине 1-го — началу 2-го тыс. н. э. В настоящее время большое село Кижеватово преимущественно заселено мордвой. Это говорит о том, что на протяжении более чем полутора тысяч лет в этом микрорайоне не происходит кардинальной смены населения.

В отличие от северных районов Волжской лесостепи, в ее южных районах со второй половины 2-го тыс. н. э. гораздо сильнее проявилась тенденция к инокультурным влияниям и расселению других этносов. С конца 1-го тыс. н. э. здесь появились могильники с подкурганым обрядом погребения, представляющие единое погребальное поле с мордовскими грунтовыми могильниками (Армиевский курганно-грунтовый могильник).

Ядро мокшанского (Пуршевского) объединения предположительно располагалось в бассейне средней Мокши и верхнего течения р. Вад. Фактически в XII — XIII вв. район, заселенный обоими субэтносами мордвы, был несколько большим. Так, появление мордовского населения на среднем Алатыре, известного как Крутогорское поселение «Гладкое», датируется предзолотоордынским временем¹⁹, а не XIII — XV вв., как ранее предполагал П. Д. Степанов (возможно, могильник этого времени был возле с. Дубровское)²⁰. В это же время мордва продолжала заселять и территории Верхнего Посурья.

Здесь уместно отметить, что мордовские племена находились в сложном политическом положении. Находясь территориально между болгарами и русскими, отдельные мордовские племена входили в различные государственные образования. Часть их относилась к территории русских княжеств, например Муромского и Рязанского; часть находилась под влиянием Волжской Болгарии. Судя по всему, в начале XIII в. процесс образования самостоятельного государства у мордвы не был завершен ввиду начала монгольского нашествия.

Таким образом, с одной стороны, в начале XIII в. мордва находилась на одной из завершающих стадий формирования народности, с другой — все четче проявлялось разделение мордовского этноса на два субэтноса. Для одного из них — мордвы-эрзи — первая треть XIII в. явилась периодом практически непрерывной войны с северо-восточными русскими княжествами²¹. После поражения, нанесенного монголами болгарам в 1220 г. и падения Ошеля, городского центра этой части Волжской Болгарии, русская колонизация приобрела новый импульс. Заселение русскими Среднего Поволжья пошло более быстрыми темпами после основания в 1221 г. Нижнего Новгорода, который имел исключительно важное стратегическое и, говоря современным языком, геополитическое значение. Можно полагать, что вплоть до 1237 г., до начала татаро-монгольского нашествия на Русь, земли мордовских князей — бывших вассалов Волжской Болгарии, частично отошли русским княжествам²².

Однако именно данная война, скорее всего, способствовала политическому объединению мордвы-эрзи и складыванию у нее раннеклассовых отношений. Археологические исследования В. Н. Мартянова показывают, что в бассейне р. Тёши выделился район расселения мордвы с селищами, имевшими мощный культурный слой, многочисленными могильниками с большим количеством погребений. Мордва-мокша, напротив, все больше попадала в зону взаимодействия со степными народами различной этнической принадлежности, что даже привело к появлению этнических гибридов в южной зоне расселения мокшанского субэтноса.

Летописные свидетельства и материалы археологических исследований указывают на то, что к началу татаро-монгольского нашествия мордва в основной массе была типично оседлым народом, хозяйственная деятельность которого была тесно связана не только с примитивным земледелием, но и в значительной степени с лесом.

Поселения мордвы, датированные XI — XIII вв., как правило, находились на пологих склонах первых надпойменных террас небольших рек. Мощность их культурного слоя была незначительной, что, очевидно, является свидетельством малочисленности мордовского населения и вялотекущей хозяйственной жизни. Например, на Степановском 2 поселении, расположенном в правобережье р. Ляча, надпойменная терраса составляла около 25 см, включая напластования более ранних и более поздних эпох²³. Характерной тенденцией является то, что некоторые могильники этого периода продолжали существовать на месте более древних мордовских некрополей, что является свидетельством длительности хозяйственной и культурной традиций. О погребальном обряде мордвы, распространившемся к XII — XIII в., мы можем судить по следующим материалам.

Могильники этого периода так же, как и поселения, в основной массе расположены над поймой малых рек (в частности, Кельгининский могильник находится на берегу небольшой речки Чиушь)²⁴. Могильные ямы имеют подпрямоугольную в плане форму. В ряде случаев один из концов могильной ямы расширен. Трудно сказать, связано это с какими-то особенностями погребального обряда или с допускаемой небрежностью при рытье могил. Именно небрежностью можно квалифицировать наличие погребений с неровными стенками (например, погребение № 122 Кельгининского могильника)²⁵. Отсутствие четко выраженного угла при примыкании стенок друг к другу («скругленные углы» в археологической терминологии) является свидетельством употребления несовершенного землеройного орудия.

Основным положением скелета в женских погребениях мордвы-мокши в этот период являлось скорченное захоронение на правом боку с кистями рук, расположенными у лица. Мужские захоронения совершались вытянутыми на спине, при этом положение рук было различным: иногда вдоль туловища, иногда на груди или тазовых костях. Часто встречаемая ориентация покойников — головой на юго-восток. Найденная в женских захоронениях глиняная посуда находилась как в ногах, так и у головы²⁶.

Определение временных рамок некоторых захоронений Кельгининского могильника, датированных XII — XIII вв., не всегда обосновано. Так, В. И. Вихляев, относя погребения № 136 — 138 к XII — XIII вв.,²⁷ датирует погребение № 138 (видимо, не без основания) XIII — XIV вв.²⁸ Погребение № 138 перекрывается погребением № 137, которое, следовательно, позднее его, а в погребении № 136 обнаружен только нож, который не может дать даже приблизительной даты этого захоронения²⁹. Поэтому говорить о дате этих захоронений более ранней, чем XIII — XIV вв., очевидно, нельзя.

В погребальном обряде мордвы прослеживаются ритуалы, связанные с огнем. На это указывает наличие древесного угля в засыпке погребения (например, в погребении № 21 Малиновского (Погибловского) могильника)³⁰, а также следов костра на дне захоронения (например, в погребении № 23 этого же мо-

гильника)³¹. В эрзянских захоронениях костяки, как правило, были ориентированы головой на север. Однако в ряде захоронений Малиновского (Погибловского) могильника, относимого к кругу эрзянских могильников, покойные были ориентированы головой в южном направлении (погребения № 21, 23)³².

В XI — XIII вв. в южные земли, заселенные мордвой, проникло болгарское население, привнеся элементы культуры, близкие городской культуре мусульманского востока. Однако коренной смены населения в Присурье в этот период не произошло, и мордва продолжала проживать на этих землях совместно с болгарскими, возможно, даже имея политическую самостоятельность (земля Пуреша)³³.

Влияние, оказываемое Волжской Болгарией на мордовские племена, было глубоким и не ограничивалось фиксацией «импортных» вещей и фактов близкого соседства на общей территории проживания. Как правило, влияние более развитой культуры вызывало определенные внутренние изменения в традиционных областях ремесла.

На поселениях мордвы, датированных XI — XIII вв., нередко встречается лепная керамика светло-коричневого цвета с ангобом и примесью песка и мелкого шамота³⁴. Мисковидную чашу такого типа, но без ангоба, из Кельгининского могильника В. И. Вихляев считает подражанием болгарской посуде и датирует названным периодом³⁵.

В целом, находки болгарской керамики на мордовских памятниках стали обычным явлением. С XI в. в Ульяновском Поволжье, Верхнем Посурье и Примокшанье получили распространение поселения с красноглиняной керамикой. Часть из них имела мощные укрепления, не характерные для мордвы в предшествующий период. Наличие таких городищ и красноглиняной керамики на них говорят о расселении в указанном регионе болгар. Правда, археологические находки еще не позволяют включать эту территорию в состав Волжской Болгарии, тем более, что на всех поселениях такого типа болгарская культура, представленная совместно с мордовской, доминирует не всегда. На наш взгляд, примером вышесказанного служит наиболее известное из этих поселений — Золотаревское городище, где, судя по опубликованным материалам³⁶, военно-административная функция выполнялась не болгарскими, а скизскими — иноэтничным населением с Алтая, а в состав рядового населения входили мордва, болгары и славяне.

На поселении Новый Усад 2, которое располагалось в Среднем Примокшанье, выделяется пласт с наличием красноглиняной гончарной керамики, имеющей полосчатое горизонтальное лощение болгарского типа. Она найдена вместе с лепной мордовской керамикой³⁷. Болгарская керамика была зафиксирована и на поселении Новый Усад 5 в том же районе. Это миска с открытым горлом с округло-утолщенным краем венчика, относящаяся к XII — первой половине XIII в. Правда, исследователь поселения В. И. Вихляев не выделяет комплекс этого времени на памятнике, что дает основания думать о некоторой случайности находки³⁸.

В научной литературе керамика Верхнего Посурья получила название «памятники с красной гончарной посудой»³⁹. Большинство из них отличает появление сразу в развитом виде, что, очевидно, связано с активностью торгового пути из Булгара в Киев, для функционирования которого требовались перевалочные базы и придорожный сервис, за который у купцов было чем платить⁴⁰.

К XI в. болгарские поселения заняли все Сурско-Свияжское междуречье. Новые памятники возникали как в необжитых районах, так и на местах бывших мордовских поселений. Они располагались гнездами, когда вокруг городища концентрировались сельские поселения. В устройстве городищ прослеживаются болгарские традиции оборонительного зодчества. Выделяются три группы расселения: Неклюдовская — на р. Уза, Верхнесурская — в верховьях Суры и Правобережная, или Юловско-Золотаревская, — на правом берегу Суры. Самой многочисленной являлась последняя группа⁴¹.

Широкое распространение на верхнесурских поселениях получила круговая посуда. Часть глиняной посуды имеет прямые аналогии в памятниках Волжской Болгарии. Распространены типы гончарной керамики смешанного облика, в которых присутствуют болгарские и мордовские признаки. Наиболее распространена круговая посуда, выполненная по образцам лепной мордовской керамики. Это профилированные горшки приземистых форм, остросеребряные, мисковидные сосуды, с обильными примесями песка в тесте. Обнаруженные на поселениях горны свидетельствуют о том, что круговая посуда изготавливалась на месте. Наряду с этим по-прежнему использовалась местная лепная посуда⁴².

Помимо посуды, на поселениях Верхнего Посурья встречаются болгарские сельскохозяйственные, ремесленные орудия труда и различные ювелирные изделия. Существует мнение, что большинство их изготавливалось также на месте, по болгарским технологиям. Вероятно, часть торгово-ремесленного болгарского населения переселилась в Посурье, где ориентировалась на мордовский рынок сбыта своих изделий. Было налажено массовое производство мордовских украшений, деталей одежды, орудий труда и посуды. Часть ювелирных изделий и посуды привозилась из центральных районов Волжской Болгарии по сухопутному торговому пути из Булгара в Киев, который проходил через Верхнее Посурье⁴³. В связи с этим Т. Б. Никитиной было замечено следующее: «Трудно согласиться с существующим мнением, что болгары производили украшения для финно-угорских народов с учетом вкусов и потребностей и отражающих этнические традиции последних. Свои украшения, определяющие лицо того или иного этноколлектива и, вероятно, имеющие систему „табу“ должны были производить внутри этой системы»⁴⁴. Таким образом, на наш взгляд, вопрос о производстве мордовских украшений и деталей одежды болгарскими ремесленниками, скорее, должен быть решен отрицательно.

Следует отметить, что не всегда предположения о тесных болгаро-мордовских контактах имели реальные основания. Так, утверждение о том, что уже в XI — XIII вв. в Среднем Примокшанье мордовское население проживало чересполосно с болгарским, не подтверждается археологическим материалом. В настоящее время здесь известен только один памятник XI — XIII вв., который можно отнести к болгарским древностям, да и то условно. Это Скановское городище, которое не раскапывалось, но из сборов известна красноглиняная керамика, и его оборонительные конструкции значительно отличаются от местных — мордовских традиций.

Тем не менее вполне возможно, что длительное соседство или совместное проживание болгар и мордвы нашло отражение в лингвистической сфере. В современной историографии существует мнение (Габор Зайц), что в период с

VII по XIII в. на мордовский язык оказывалось воздействие со стороны (древне) чувашского языка⁴⁵. Очевидно, речь идет именно о болгарском влиянии, так как этот компонент наряду с тюркским и финно-угорским был основной составляющей чувашского этноса.

В X — XI вв. у мордвы появились женские украшения, изготовленные в мастерских Волжской Болгарии, с выгравированными арабскими письменами⁴⁶, пластинчатые браслеты с продольной выемкой и овальным щитком с цветочной розеткой на концах⁴⁷, в мужском костюме появились поясные наборы с фигурными накладками, соединенными на поясе в виде «змейки», с растительным орнаментом. К поясам добавились кожаные сумочки с металлическими обкладками. Все эти образцы болгарского ремесла пользовались большой популярностью в мордовской среде. Предметы болгарского «импорта» попадали к мордве в результате торгового обмена⁴⁸.

Территория Нижнего Примокшанья и Пощенья была регионом, где активно проявлялось русское влияние. Первоначальными русскими переселенцами в Поволжье были крестьяне, которые мирно проживали рядом с местным населением. Правда, есть мнение, что русское проникновение изменяло экологическую картину Поволжья и наносило ущерб хозяйственной деятельности лесному угрофинскому населению⁴⁹. Однако оно не подтверждается источниками, которые говорят об определенной нивелировке хозяйственных типов в Поволжье уже в предмонгольский период. Совершенно иные последствия имело княжеское вторжение в Поволжье⁵⁰.

С XI в. прекратили функционировать могильники и поселения мордвы-мокши в Пощенье. Вероятнее всего, это является свидетельством ухода мордвы с этих земель и следствием процесса аккультурации. В обоих случаях исходная причина заключается в русском продвижении в Нижнее Примокшанье и Пощенье. Русские поселения здесь стали возникать с XII в., но есть основания предполагать, что это началось несколько ранее, с XI в. В XII в. уже были известны русские селище 2 у с. Азеево и селище у с. Торопово в Ермишенском районе Рязанской области (низовья Мокши)⁵¹. Оба селища продолжили свое существование в XIII — XIV вв.

В мордовских погребениях известны вещи славянского мира: шиферные пряслица, некоторые типы поясных наборов, височных подвесок, посуды. Связи со славянами не ограничивались только торговыми контактами, о чем свидетельствует погребение № 507 Крюково-Кужновского могильника с западной ориентировкой и височными кольцами радимического типа⁵².

По основным водным артериям региона, по южной и западной границам расселения мордвы возникали укрепленные городища — Скановское, Сергополивановское, Жуковские I — III, Вышинские I — III и др. Эти городища граничили с русскими поселениями, которые все дальше продвигались на восток. Как и в Верхнем Посурье, здесь фиксируется гнездовой способ расселения. Вокруг мощных городищ-крепостей располагаются селища и могильники. На мордовских поселениях и могильниках, помимо лепной керамики, распространяется круговая посуда, близкая Верхнесурской. Основная масса этой керамики изготавливалась в Верхнем Посурье, попадая в Примокшанье и Потешье в результате торговли. Об этом свидетельствуют находки множества сосудов одинаковых форм,

изготовленных «на потоке», уменьшение процентного соотношения гончарной керамики в памятниках, расположенных севернее, т. е. дальше от Верхнего Посурья. находка в погребении Кельгининского могильника сосуда с клеймом, аналогичного известным на Золотаревском поселении, также говорит в пользу того, что круговая посуда была привозной. Не случайно 59 % всей гончарной посуды сформованы в местных мордовских традициях. Ее делали ремесленники Верхнего Посурья на заказ для местного населения⁵³.

В Окско-Тешском районе русское население постепенно осваивало правобережье устья Оки, что привело к полному исчезновению муромских памятников. На юго-восток от Оки и Тёши фиксируется группа укрепленных городищ — Хозинское, Федоровское, Понетаевское и Саровское⁵⁴. Среди них своими размерами выделяется Саровское городище. Здесь встречается круговая посуда болгарского типа, характерная для Верхнего Посурья, разнообразные находки различных ремесленных изделий, начиная от замков и ключей и заканчивая украшениями, выполненными в мастерских Волжской Болгарии⁵⁵.

Русские летописи упоминают о Пургасовой Руси (волости), которую исследователи часто квалифицируют как русское население, подчиненное Пургасу. Есть и археологические данные, говорящие, по крайней мере, о контактах между мордвой и русскими в «Пургасовой волости». Так, при раскопках В. Н. Мартыновым мордовского Зареченского могильника под Арзамасом, в погребении, датированном XII в., вместе с мордовскими вещами был найден крест-энколпион. Определить, кто здесь был захоронен — русский по мордовскому обряду или мордвин-христианин не представляется возможным. Сам факт, который, кстати, не является единичным, наводит на размышления о том, что на территорию мордвы проникали не только элементы материальной культуры, но и идеология соседних народов, без носителей которой процесс аккумуляции был бы невозможен⁵⁶.

Одновременно с формированием сельских поселений началось строительство в пограничье городков, служивших опорными пунктами русского продвижения и, возможно, являвшихся административными центрами. К такому типу русских поселений относится Темгеновское городище, находящееся на левом берегу нижней Цны (Рязанская область). Оно представляет собой укрепленный городок с посадами. Археологически выделяются три селища Темгенево (1 — 3), которые являются остатками посадов. Судя по всему, Темгеновское городище — это восточный форпост Рязанского княжества, который возник не позднее XII в. и продолжал существовать в золотоордынское время⁵⁷.

К 1209 г. сформировался еще один рязанский укрепленный пункт на правом берегу р. Мокши — город Кадом⁵⁸. Его первоначальное место существования иногда располагают у современного села Старый Кадом, где в 70-х гг. XX в. при раскопках под руководством В. Н. Шитова рязанско-окского Старокадомского могильника были выявлены остатки поселения XIV — XV вв. Однако в то же время на территории современного Кадома было обнаружено поселение Кокуй, с которого происходят русские вещи XIII в., в том числе лицевая створка энколпиона⁵⁹.

Под защитой укрепленных городков продолжился процесс крестьянского заселения левого берега Цны и правого берега Мокши. При этом русские посе-

ления в XIII — XV вв. появлялись и на правом берегу Цны. Правда, их здесь в это время было немного. В районе Кадома, в лесной полосе, в коренных мордовских землях находились славянские поселения, свидетельствующие о проникновении сюда рязанцев. Мокшинское и Армыжевское славянские селища, датированные XII — XIV вв., расположены в непосредственной близости к Кадому среди мордовских селищ, городищ и могильников⁶⁰.

Помимо болгарского и русского влияния, материалы археологических исследований говорят о присутствии и других иноэтничных компонентов в материальной культуре мордвы. Речь идет об эпизодических находках отдельных «импортных» вещей, свидетельствующих о торговых контактах. Так, на Кельгининском могильнике найден проушной широколезвийный топор со щеквицами — тип, известный в Восточной Европе и датируемый исследователем могильника X — XIII вв. К XII — XIII вв. относится овальное двулезвийное, с фигурным вырезом, кресало, которое также широко распространено в восточноевропейских древностях⁶¹.

Таким образом, XI — XIII вв. являются временем фундаментальных изменений в социально-экономическом строе мордвы. Наметившийся в предшествующий период распад первобытно-общинных отношений вступил в новую фазу, которая характеризуется имущественным расслоением общества и формированием раннеклассового государства. В этот период выделяются два центра мордовского мира. Один явно тяготел к междуречью Тёши и Мокши, второй — к бассейну средней Суры. Первый центр соотносится с так называемой Пургасовой Русью, второй центр связать с другим мордовским политическим лидером Пурешем довольно сложно, но и относить археологические памятники Среднего Посурья только к болгарам или другим народам нет достаточных оснований. При этом наличие немордовского населения в северных (русские) и южных (болгары и др.) мордовских землях очевидно.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Козлова К. И.** Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 14.
- ² См.: Раскопки в Горьковской области / А. М. Авдеев [и др.] // Археологические открытия 1974. М., 1975. С. 132.
- ³ См.: **Жиганов М. Ф.** Память веков. Саранск, 1976. С. 14.
- ⁴ См.: **Иордан.** Римские и готские деяния // Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 19 — 22.
- ⁵ См.: **Константин Багрянородный.** Об управлении империей. М., 1989. С. 157, 175.
- ⁶ См.: **Коковцев П. К.** Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 81 — 82.
- ⁷ См.: **Зеленев Ю. А.** Лесостепное Поволжье в XIII веке // Центр и периферия. 2010. № 4. С. 44 — 47.
- ⁸ См.: **Коваль В. Ю.** Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 382 — 383.
- ⁹ См.: Раскопки в Горьковской области. С. 132 — 133.
- ¹⁰ См.: **Жиганов М. Ф.** Исследования древнемордовских памятников в Горьковской области // Археологические открытия 1970. М., 1971. С. 170 — 171.
- ¹¹ См.: **Андреев С. И., Терехова Н. В.** Крестовидная подвеска и ее модификации в культуре среднецнинской мордвы // Российская археология. 2011. № 4. С. 114.

- ¹² См.: Полное собрание русских летописей Т. 1 : Лаврентьевская летопись. М., 2001. Ст. 5. Далее ПСРЛ.
- ¹³ См.: Повесть временных лет : ...к 90-летию акад. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 271 — 273 ; ПСРЛ. Т. 1 ; Т. 2 : Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 287 ; Слово о погибели Русской земли // Памятники древней письменности. СПб., 1892. Т. 24. С. 21 — 23.
- ¹⁴ См.: **Аннинский С. А.** Известия венгерских миссионеров XIII — XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. ; Л., 1940. Т. 3. С. 71 — 112 ; **Юлиан.** О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во имя господина папы Григория Девятого // Из глубины столетий. Казань, 2004. С. 150 — 157.
- ¹⁵ См.: **Рубрук Г.** Путешествие в восточные страны. М., 1997. С. 108 — 109.
- ¹⁶ См.: ПСРЛ. Т. 1. Ст. 448 — 451.
- ¹⁷ См.: **Грибов Н. Н.** Раскопки в Нижегородской области // Археологические открытия 1997. М., 1999. С. 84 — 85.
- ¹⁸ См.: **Сафаргалиев М. Г.** Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 361.
- ¹⁹ См.: **Зеленева Ю. А.** Разведка в Мордовии // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 44 — 45.
- ²⁰ См.: **Беговаткин А. А.** Две уникальные булавы 12 — 14 вв. из Мордовии // Российская археология. 2011. № 2. С. 157.
- ²¹ См.: **Зеленева Ю. А.** Мордва в составе Улуса Джучи // Восток. 2000. № 6. С. 20.
- ²² См.: **Смирнов А. П.** Волжские болгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19. С. 47.
- ²³ ИА РАН. Р-1. № 19771. Святкин С. В. Отчет о разведке в Атюрьевском районе Республики Мордовия в 1997 г. С. 2.
- ²⁴ Там же. Р-1. № 18935. Вихляев В. И. Отчет об археологических исследованиях Кельгининского могильника Зубово-Полянского района Республики Мордовия в 1994 году. С. 4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 27 — 29.
- ²⁷ Там же. Р-1. № 19218. Вихляев В. И. Отчет об археологических исследованиях Кельгининского могильника Зубово-Полянского района Республики Мордовия в 1995 году. С. 37.
- ²⁸ Там же. С. 26.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 7.
- ³¹ ИА РАН. Р-1. № 6451. Жиганов М. Ф. Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева в 1976 году. С. 14.
- ³² Там же. С. 7 — 9.
- ³³ См.: **Загайнова Л. П., Зеленева Ю. А., Зеленцова О. В.** Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли: (поселения 10 — 14 вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.) // Средневековая археология евразийских степей. М., 2006. С. 165 — 171.
- ³⁴ ИА РАН. Р-1. № 19771. Святкин С. В. Указ. соч. С. 2.
- ³⁵ Там же. Р-1. № 19218. Вихляев В. И. Отчет об археологических исследованиях... в 1995 году. С. 28.
- ³⁶ См.: **Белорыбкин Г. Н.** Золотаревское поселение. СПб., 2001. С. 186 — 187.
- ³⁷ ИА РАН. Р-1. № 13931. Акимов Н. А. Отчет об археологических исследованиях поселения Новый Усад 2 в зоне строительства Зареченской оросительно-осушительной системы Краснослободского района Мордовской АССР в 1988 году. С. 18.
- ³⁸ Там же. Р-1. № 12561. Вихляев В. И. Отчет об археологических исследованиях зоны строительства Зареченской оросительно-осушительной системы Краснослободского района Мордовской АССР в 1988 году. С. 36 — 37, 44.
- ³⁹ **Полесских М. Р.** Археологические памятники Пензенской области : путеводитель. Пенза, 1970. С. 112 ; **Его же.** Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977.
- ⁴⁰ См.: **Белорыбкин Г. Н.** Распространение культуры Волжской Булгарии на запад // Форум «Идель — Алтай» : материалы науч.-практ. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской

цивилизации», I Междунар. конгресса средневеков. археологии евраз. степей : тез. докл. Казань, 2009. С. 33.

⁴¹ Там же. С. 33 — 34.

⁴² Там же. С. 34.

⁴³ См.: **Белорыбкин Г. Н.** Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 89 — 97.

⁴⁴ **Никитина Т. Б.** Новые материалы в Поволжье: к проблеме культурных контактов маришцев в IX — XI вв. // Форум «Идель — Алтай» С. 172.

⁴⁵ См.: Сородичи по языку. Будапешт, 2000. С. 290.

⁴⁶ См.: **Полякова Г. Ф.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар : Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 176.

⁴⁷ Там же. С. 185.

⁴⁸ См.: **Белорыбкин Г. Н.** Распространение культуры Волжской Булгарии... С. 34.

⁴⁹ См.: Сородичи по языку. С. 41.

⁵⁰ См.: **Зеленев Ю. А.** Мордва в составе Улуса Джучи. С. 19 — 25.

⁵¹ См.: Археологическая карта России. Ч. 2 : Рязанская область. М., 1994. С. 13, 24.

⁵² См.: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 107.

⁵³ См.: **Белорыбкин Г. Н.** Распространение культуры Волжской Булгарии... С. 34 — 35.

⁵⁴ См.: **Мартьянов В. Н.** Арзамасская мордва в I — начале II тысячелетия. Арзамас, 2001. С. 12 — 13.

⁵⁵ См.: **Грибов Н. Н.** Продолжение исследований памятников эпохи Средневековья в Нижегородской области // Археологические открытия 1998. М., 2000. С. 89 — 90 ; **Его же.** Раскопки в Нижегородской области // Археологические открытия 1997. М., 1999. С. 84 — 85.

⁵⁶ См.: **Зеленев Ю. А.** Лесостепное Поволжье в XIII веке.

⁵⁷ См.: **Монгайт А. Л.** Рязанская земля. М., 1961. С. 147 ; **Раппопорт П. А.** Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — XV вв. М. ; Л., 1961. С.

⁵⁸ См.: **Монгайт А. Л.** Указ. соч. С. 246 — 247.

⁵⁹ См.: **Шитов В. Н.** Поселение Кокуй в Кадомском Примокшанье // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 56. (Тр. / МНИИЯЛИЭ ; вып. 104).

⁶⁰ См.: **Монгайт А. Л.** Указ. соч. С. 245.

⁶¹ ИА РАН. Р-1. № 19218. Вихляев В. И. Отчет об археологических исследованиях... в 1995 г.

Поступила 04.03.2013 г.

УДК 027.022:314.122(470.345)

Л. М. Жаркова, В. Л. Житаев
L. M. Zharkova, V. L. Zhitaev

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК

ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE MORDOVAN LAND TO THE PROBLEM OF ORGANIZATION OF PUBLIC LIBRARIES

Ключевые слова: народная библиотека, земство, грамотность, крестьянское население.

В статье раскрывается организация библиотечного дела на территории мордовского края; выявляются особенности отношения крестьянского населения к народным библиотекам; прослеживается распространение грамотности в ряде губерний.

Key words: public library, zemstvo, literacy, peasant population.

The organization of libraries in the Mordovian region is considered in the article, peculiarities of the attitude of the peasantry to public libraries are revealed as well as the spread of literacy in a number of provinces is observed.

В исторической литературе остается недостаточно изученным вопрос об отношении населения дореволюционного периода к созданию народных библиотек. Во многих работах основное внимание уделяется роли земских организаций, общественности, частных лиц и духовенства в создании первых библиотек, что было, естественно, верно, при этом не раскрывается отношение крестьянства, для которого они открывались, к этому важному и нужному институту. Одновременно следует подчеркнуть, что библиотеки, цель которых заключалась в приобщении населения к книге, создавались различными ведомствами, исходя из конкретных потребностей различных сословий. В данном случае мы имеем в виду народные библиотеки, которые открывались в сельской местности и, следовательно, в первую очередь были ориентированы на крестьянское население.

Общественные библиотеки в России, по словам В. Гебель, начали появляться не ранее 30-х гг. XIX в.¹ Первым обратил внимание на отсутствие в России общественных библиотек русский государственный и общественный деятель, знаменитый сенатор Н. С. Мордвинов: «Известно, — писал он в 1830 г. министру внутренних дел России А. А. Закревскому, — что богатые люди у нас большею частью ничего не читают, а среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами; публичные библиотеки для чтения заведены только в Петербурге, Москве, Одессе»². Письмо Н. С. Мордвинова не осталось незамеченным, и вскоре последовал циркуляр министра с предложением открывать в городах общественные библиотеки.

В 1831 г. в ряде городов (Смоленск, Нижний Новгород и др.), стали учреждаться общественные библиотеки. К 1842 г. их количество достигло 42 единиц³. Вскоре инициатива с организацией библиотечного дела несколько затихла, полу-

чив дальнейшее развитие в 60-е гг. XIX в. в эпоху реформ. Ярким примером этому служит открытие в г. Ардатове Симбирской губернии публичной библиотеки на базе уездной училищной библиотеки.

С открытием первых общественных библиотек появились и первые читатели, которые, правда, были не из народа. Для того чтобы крестьянин стал пользователем библиотеки, его, во-первых, требовалось научить читать (в то время на 100 чел. приходился едва ли один грамотный), во-вторых, подобрать подходящую литературу, которой почти не было, и, наконец, сломать стереотипы «вчерашнего раба», для которого библиотеки, хотя и публичные, тем не менее оставались «господскими».

Только в конце XIX в. вопрос об открытии народных библиотек был поставлен на повестку дня земских собраний. Инициаторами этого важного дела выступили комитеты грамотности, организованные в г. Петербурге, Москве, Харькове. Так, в ноябре 1896 г. на имя Пензенской губернской управы поступил доклад от Совета комитета грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе по вопросу об учреждении бесплатных народных библиотек⁴. Комитет грамотности просил губернскую управу поддержать в собрании предложение Совета, придавая огромное значение учреждению народных библиотек в губернии.

Бесплатные общественные библиотеки имели немаловажное значение в системе народно-образовательных учреждений. Известно, что начальная школа с ее небольшим библиотечным фондом и кратковременным курсом обучения в лучшем случае могла дать ученикам элементарную грамотность, пробудить в них стремление к чтению и дальнейшему образованию. Библиотека-читальня открывала крестьянину едва ли не единственную возможность бесплатно продолжить свое образование посредством чтения книг. Вопросы внешкольного образования приобретали все большее значение в жизни многих земств.

Осознание необходимости и важности народных библиотек для населения, очевидное для грамотного общества, не всегда находило понимание у крестьян. С. Смирнов, выступая 23 апреля 1897 г. на заседании Московского общества грамотности с докладом «Как относятся крестьяне к вопросу об устройстве народных библиотек», отмечал следующее: «...значение народных библиотек вполне ясно осознано образованным обществом, и это сознание выразилось уже в многочисленных всем известных фактах. Но проникает ли оно в массы крестьянского населения? Сознают ли крестьяне, что библиотеки являются естественным продолжением и дополнением школьного образования?»⁵ Изучение исследователями этого вопроса в ряде губерний (Ярославской — Д. И. Шаховским, Вятской — Платоновым, Харьковской — Харьковским комитетом грамотности и др.) показало, что имелось множество положительных фактов, говорящих о «сочувствии» крестьян во многих местностях устройству библиотек. Однако было немало фактов и об отрицательном отношении к ним. Как отмечал С. Смирнов, «для того, чтобы точнее установить значение этих положительных фактов, не лишним будет обратить внимание и на факты отрицательные. Только ясно представляя себе обстановку, среди которой проявляется сочувствие крестьян устройству библиотек, мы можем определять степень этого сочувствия»⁶. Вопросом об отношении крестьянского населения к библиотекам

задавался и П. Ф. Кудрявцев, отмечавший следующее: «Трудно ожидать успеха и быстрого расцвета дела, которое не пользуется сочувствием в той среде, для которой оно предназначается»⁷.

Действительно, как показали результаты анализа ответов на циркуляр Московского комитета грамотности, разосланного по волостным правлениям с предложением устроить народную библиотеку с ассигнованием из волостных сумм, многие сходы и правления ответили отказом, по-разному мотивируя невозможность устройства библиотеки в данной местности. Часто причиной отказа являлось вовсе не отсутствие «сочувствия к библиотеке», а, как правило, бедность крестьян. Например, одно из волостных правлений Нижегородской губернии, признавая желательным устройство читальни, указывало, что «с закрытием завода в селе Велетьме крестьяне остались совершенно без заработка»⁸.

Конечно, исходя из этой причины отказа устраивать библиотеку, мы не можем заключить, что крестьяне были против ее появления. Однако встречалось немало случаев, когда за ссылкой на отсутствие средств скрывалось непонимание назначения народных библиотек. В частности, выделению денежных средств на устройство библиотек препятствовали представители старшего поколения крестьянства, которые, как правило, были безграмотными. Это подтверждает отчет из Тамбовской губернии, в котором отмечалось следующее: «...здешняя волость, по отношению к людям среднего и молодого возраста и детей-учеников, хотя и весьма была бы рада устроить у себя народную читальню, но, к сожалению, определение материальных средств на устройство и содержание этой читальни зависит от старших возрастом, т. е. стариков, которые исключительно почти что все неграмотные, почему, при бедном состоянии волости, трудно склонить к ассигнованию на сказанный предмет каких-либо средств этих старых и неграмотных людей, бывших на сходах»⁹.

Одной из основных причин, препятствовавших развитию народных библиотек в губерниях, являлся низкий уровень грамотности среди населения, в первую очередь сельского. Так, например, в 1960-е гг. в Наровчатском уезде Пензенской губернии действовало всего 13 училищ, 11 из которых находились в сельской местности с 380 учащимися. Отсутствие должного образования отмечалось в Инсарском, Краснослободском и Саранском уездах Пензенской губернии, где в 1847 г. было 2 уездных и 3 приходских училища с количеством учащихся 280 чел. В Инсарской приходской школе имелось всего 17 книг¹⁰.

Устройству народных библиотек мешали территориальная разбросанность и малочисленность населения. В частности, в Спасском уезде Тамбовской губернии из 101 селения более половины являлись небольшими деревушками, удаленными друг от друга на несколько верст и не имевшими школьных учреждений¹¹.

Немалым препятствием к развитию читален в некоторых местностях мордовского края являлся инородческий состав населения. Служащие волостных правлений считали, что если инородцы в большей части или совсем были неграмотными, или не могли читать и писать по-русски, то не было необходимости открывать народные библиотеки в мордовских селениях. Так, например, в Ардатовском уезде Симбирской губернии более 40 % населения составляла морд-

ва, однако из 8 библиотек, функционировавших в 1899 г., только 2, или 25,0 %, находились в крупных волостных мордовских селах, где имелись земские школы¹². Не лучше обстояло дело и в ряде уездов Тамбовской губернии. Так, например, в Темниковском уезде в 1906 г. из 55 народных библиотек только 13, или 23,6 %, находились в мордовских селениях¹³. Причина такого положения заключалась в отсутствии школ в большинстве мордовских сел.

Таким образом, открытию народных библиотек, или библиотек-читален, в мордовском крае препятствовали неграмотность и бедность населения. В селах было недостаточно школ, школьные библиотеки находились в плохом состоянии, а бедность крестьянского населения не давала возможности приобретать книги, выделять средства на открытие читален.

Как показал анализ, бедность крестьян препятствовала открытию народных библиотек только в малочисленных волостях. В волостях с численностью населения более 3 — 4 тыс. чел. ассигнование по 1 коп. с души в год при осознанном значении читальни едва ли могло служить препятствием для ее открытия, хотя бы небольшой, стоимостью в 35 — 40 руб. В этом отношении показателен пример ряда сел Ардатовского уезда Симбирской и Темниковского уезда Тамбовской губерний, в которых народные библиотеки были открыты, на капитал, завещанный книгоиздателем Ф. Ф. Павленковым. В январе 1900 г. его душеприказчики обратились в уездные земства с известием, что Павленков завещал 100 тыс руб. на открытие народных библиотек. Согласно завещанию умершего, эти библиотеки должны были открываться в наиболее бедных и глухих селениях Российской империи. Для этой цели выделялось по 50 руб. на каждую библиотеку при равном участии земств с одновременным их принятием на себя забот по устройству библиотек, поиску помещения и лиц, на которые будет возложено заведование библиотеками¹⁴.

Ардатовское земство положительно оценило учреждение народных библиотек-читален при содействии капитала, завещанного на это книгоиздателем Павленковым. Учитывая, что «...на земские и частично на общественные средства уже учреждены в разных местах библиотеки-читальни...»¹⁵, тем не менее оставалось достаточное количество селений, отдаленных от имевшихся помещений библиотек, пользоваться которыми было затруднительно. В то же время народонаселение нуждалось в библиотеках и было готово понести расходы, связанные с их открытием. К таким селениям Ардатовское земство отнесло с. Курмачкасы Резоватовской волости, выделив на устройство библиотеки 100 руб. и утвердив ее устав. Открытие библиотек требовалось также в с. Апраксино, Наченалы, Тарханово, Козловка и Игнатово Киржеманской волости при условии, что их сельские общества дадут помещения под библиотеки и ассигнуют сумму не менее 50 руб. на обзаведение и поддержание каждой из них. 29 сентября 1900 г. Ардатовское уездное собрание утвердило предложение Ардатовской уездной управы об открытии библиотек в вышеназванных селениях¹⁶.

На предложение Ардатовской земской управы полным согласием на открытие библиотек-читален ответили сельские сходы с. Козловка и Тарханово. Приговором Наченальского волостного схода на открытие при волостном правлении библиотеки было ассигновано 30 руб. Игнатовский сельский сход отказал-

ся от участия в открытии библиотеки. В с. Апраксине уездным комитетом попечительства о народной трезвости было предложено устроить чайную и при ней читальню, поскольку «в учреждении в этом селении библиотеки-читальни с пособием Павленковского капитала уже не представляется надобным»¹⁷. В с. Курмачкасы библиотека была открыта 1 августа 1900 г. на средства земства и сельского общества. Одновременно в Ардатовскую уездную управу поступило два приговора от крестьянских обществ с. Медаево с просьбой ходатайствовать о выделении 50 руб. из завещанного Павленковым капитала на открытие в их селе библиотеки-читальни, на которую они ассигновали из своих средств 90 руб. В этом же году один из душеприказчиков по делам Павленкова Валентин Иванович Яковенко уведомил Ардатовскую земскую управу, что на долю Ардатовского уезда пришлись три библиотеки. Ардатовское земское собрание определило, что они будут открыты в с. Тарханово, Наченалы и Медаево.

В Медаево и Наченалах очень серьезно подошли к организации библиотек-читален. Гласный Александр Федорович фон Вендрих отмечал, что «в селе Медаево читальня, как это видно из отношения земского начальника 2 участка на имя уездной управы, обеспечена как помещением, так и отоплением, и освещением»¹⁸. Медаевцы предложили библиотеку-читальню поместить в здании волостного правления.

Некоторых гласных не устраивал предлагаемый библиотекам каталог книг иностранных авторов, составленный душеприказчиками Павленкова. Фон Вендрих отмечал, что указанный перечень книг неприемлем для местных условий. Ссылаясь на практику спроса литературы по Ардатовскому уезду, он отмечал, что в атяшевской читальне, существовавшей ряд лет, беллетристика иностранных авторов не пользовалась спросом среди населения и предлагал пересоставить каталоги. В высказывании гласного имелось рациональное зерно. Как показывала практика, в темниковской публичной библиотеке из 16 иностранных авторов наиболее почитаемым был только один — Майн Рид¹⁹.

Другой гласный — Василий Александрович Корольков, занимавшийся устройством наченальской библиотеки, отмечал, что в Наченалах библиотеку-читальню предлагают расположить в здании волостного правления и что вся обстановка для библиотеки уже устроена. Попутно Корольков, не соглашаясь с гласным фон Вендрих, заметил, что «величайшие из иностранных авторов, по его мнению, должны почитаться и для местного населения»²⁰.

В 1901 г. народные библиотеки-читальни были открыты в с. Тарханово, Наченалы и Медаево, в связи с чем было получено разрешение симбирского губернатора, утверждены уставы и получены книги от душеприказчиков по делам умершего Павленкова²¹. Кроме этого на долю Ардатовского уезда предусматривалось выделение из фонда Павленкова книг еще на три библиотеки²². В связи с тем, что в Ардатовском уезде количество библиотек-читален было недостаточным по числу его жителей, а потребность в чтении все больше возрастала, уездная управа сочла необходимым принять предложение душеприказчиков Павленкова и открыть одну из библиотек в с. Козловка (это село еще в 1900 г. в числе других селений выразило согласие на выполнение всех условий, требуемых для открытия библиотеки). Что касается еще двух библиотек, то

было необходимо узнать желание сельских сходов, где предусматривалось их открытие.

Народные библиотеки-читальни в память Павленкова открывались и в Темниковском уезде. Темниковская уездная земская управа, изучив положение дел по уезду, пришла к выводу, что «...глухие и бедные селения не могут не только дать читателей, но даже и грамотных настолько, чтобы прочесть и написать письмо. Поэтому, по мнению управы, желательно было бы открытие подобных библиотек-читален в более людных, но бедных просвещением селениях, где училищные библиотеки по своей ограниченности книжного инвентаря крайне недоступны для населенных мест»²³. На основании этого было предложено открыть библиотеки в сектантских селах Теньгушево и Вознесенский завод, а также Ермишь и Мердушь, где «кроме достаточного числа грамотных есть равным образом и необходимость путем сильнее противодействовать распущенности заводского и базарного населения»²⁴.

Земское собрание согласилось с предложением Темниковской земской управы, находя, что «выбор мест, как села Теньгушево, Вознесенский завод, Ермишь и Мердушь отвечают требованию об открытии в них библиотек-читален»²⁵. Под библиотеки были отведены помещения в зданиях училищ и назначены учителя, которые за отдельную плату заведовали ими. На устройство библиотек земство внесло в смету 200 руб. — по 50 руб. на каждую.

К 1909 г. теньгушевская библиотека насчитывала в своих фондах 1 016 книг, вознесенско-заводская — 549, ермишинская — 411 и мердушинская — 107²⁶. В последующие годы библиотека была открыта в д. Сумерки с очень хорошим подбором книг, высланных наследниками покойного издателя на сумму 100 руб. пополам с земством. Библиотеке было присвоено имя Ф. Ф. Павленкова²⁷.

Однако не все губернские земства поддержали предложение об открытии народных библиотек на средства, завещанные Павленковым. Так, например, Пензенское губернское земское собрание отказало в этом Саранскому уезду, ссылаясь на то, что душеприказчики Павленкова обратились к уездным земствам. В Пензенской губернии, как уже отмечалось, финансированием народных библиотек занималось губернское земство, следовательно, в Пензенской губернии библиотек имени Павленкова не было.

Такова история возникновения народных библиотек-читален памяти русского издателя Ф. Ф. Павленкова, забытая новыми поколениями, воспитанными в новых условиях. Вряд ли знают историю своих библиотек и многие библиотечные работники. Забыты имена и других известных в XIX — XX вв. просветителей мордовского и русского народов, кто своим, пусть небольшим вкладом, приумножил национальное духовное богатство.

В организации народных библиотек-читален занимались не только земства, но и общественность — на средства, пожертвованные частными лицами, были открыты многие библиотеки. Например, в 1902 г. при Краснослободском училище Пензенской губернии по инициативе и на средства бывшего директора народных училищ П. Д. Колосовского при финансовой помощи земства была открыта народная библиотека, в которой имелся сравнительно широкий выбор литературы для детей и взрослых²⁸.

В 1904 г. в Пензенской губернии на капитал вдовы умершего известного московского врача, русского общественного деятеля, издателя газеты «Общее дело» Николая Андреевича Белоголового было открыто 20 библиотек-читален его имени (ямщинская — в Инсарском уезде, старосиндровская, селищинская и николевская — в Краснослободском, самаевская и казенно-майданская — в Наровчатском и трофимовщинская — в Саранском уезде²⁹).

В 1911 г. в с. Кемля Ичалковской волости Лукояновского уезда Нижегородской губернии была открыта Алексеевская библиотека в честь царевича Алексея. В с. Архангельском Силинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии — приходская библиотека, открытая на средства, оставшиеся от пожертвований на украшение храма Святой Пасхи. В с. Киржеманы Темниковского уезда Тамбовской губернии работала частная библиотека, созданная по инициативе и на средства земского врача А. П. Воскресенского³⁰.

Посильный вклад в развитие библиотек-читален вносила и русская интеллигенция, жертвуя на эти цели как деньгами, так и книгами. В частности, врач А. П. Воскресенский на открытие библиотеки для земских служащих пожертвовал 100 руб. и более 220 экз. книг; земледельцы для этой цели собрали 200 руб.; передали книги гласные Ардатовского земского собрания: Водбольский — 60 экз., Жиркевич — 15, Миллер — 14 и др.³¹ П. Ф. Кудрявцев отмечал, что «если среди простого народа или интеллигенции какое-либо учреждение пользуется сочувствием, то успех его можно считать обеспеченным, и в таком случае является вопрос о быстроте, с которой дело окрепнет, приобретет, так сказать, полные права гражданства»³².

В начале XX в. уже никто из интеллигенции не считал, что книга для народа является ненужной вещью, что народ к ней равнодушен и хорошо понимает только устную речь. Жизнь показала, что книга имела огромный успех у народа, из нее он извлекал и знание, и удовольствие, и практические указания для повседневной жизни. Такое отношение к книге было характерно как для городского, так и для сельского населения. Следует отметить, что у крестьян интересы к книге опережали развитие самих библиотек. Об этом красноречиво говорят факты посещения жителями соседних и дальних сел библиотек, находившихся от них на расстоянии до 10 и более километров. Например, в Инсарском уезде Пензенской губернии иногородними посетителями народных библиотек были 86 чел., или 7,3 %, в Краснослободском — 291 чел., или 25,9 %, в Наровчатском — 214, или 16,1 %, в Саранском — 342 чел., или 31,2 %³³.

О роли и значении народных библиотек, а также об отношении к ним крестьянства П. Хотина писала следующее: «Я уверена, что все учителя, заведующие народными библиотеками губернского земства при начальных училищах, читая эти мои строки, будут солидарны со мной: насколько были полезны вышеназванные библиотеки для деревенского народа и как привык уже деревенский читатель в зимние сумерки забрести в школу, выбрать в народной библиотеке для себя книжку большей частью по совету заведующего... Школа дает только ступень к образованию, как для лиц интеллигентных, так и для простого крестьянина. Что может значить школа для крестьянина, если он, кончив в 11 лет школу, не будет ничего читать? Не уподобится ли он зерну, брошенному в землю, но не получившему влаги? Как зерно без влаги погибнет, так и все те

элементарные начала грамотности, полученные крестьянином от школы, тоже погибнут.

В настоящее время большинство грамотных крестьян не стали уже так захватывающе читать книги, подобные „Бове-Королевичу“ или „Еруслану Лазаревичу“. Все это было прежде, хотя и не так давно, теперь же крестьянин становится более любознательным; вместо „Еруслана“ он просит себе либо сочинения Гоголя, либо статьи по природоведению, или другие, более научные книги. Были случаи, когда некоторые из читателей спрашивали даже Белинского, часто предложишь „Робинзона“, а в ответ раздается: „нет, дайте мне, что полезней было бы для меня“. Все это свидетельствует, что даже малограмотный крестьянин жаждет чего-то лучшего, уже не удовлетворяется дешевой рыночной книжкой»³⁴.

Отношение и сельского, и городского читателя к библиотекам было положительным, несмотря на то что существующие правила не давали возможности расширять библиотечные фонды. Книги крестьяне берегли, и редко случалось, когда их не возвращали. Одним из показателей отношения сельского населения к библиотекам служит район их деятельности, т. е. сел и деревень, из которых крестьяне брали книги. Так, в Ардатовском уезде Симбирской губернии книгами атяшевской библиотеки пользовались крестьяне из с. Манадыши, Тарасово, Большие Манадыши, Чебудасы, Вечерлей, Батушево, Кулясово, Дады. Заметим, что эти селения находились в 6 — 8 верстах от библиотеки. В силинскую библиотеку приходили читатели из д. Горки, Олевка, Петровка, Черновка, Вихляевка, Шиняевка, Неусыпаевка, Ульяновка, с. Манадыши, селца Саврасова и Кузьмина. Все эти деревни и села находились в 2 — 6 верстах от библиотеки. Читателями архангельской библиотеки являлись крестьяне д. Обуховка, Федотовка, Шиняевка, Солдатская, Игумновка, Новоклейка, Игнатовка, Никитино, Сатымовка, хутора Тупицыных. В лобаскинской библиотеке книги читались крестьянами с. Вечкусы, Парадеево, Киржеманы, Челпаново, Тазнеево. Пичеурскую библиотеку посещали сельские читатели, жившие от нее от 8 до 20 верст³⁵.

В Инсарском уезде Пензенской губернии читателями шишкеевской библиотеки было 14 чел, проживавших от нее на расстоянии от 5 до 10 км, ключаревской — 21 чел., ямщинской — 10 чел. В Краснослободском уезде на расстоянии от 1 до 10 км проживали 173 читателя краснослободской народной библиотеки, 29 чел. — урейской, 53 чел. — большеазясской, 8 чел. — стародевиченской.

В Саранском уезде на расстоянии от 1 до 10 км, проживали 29 читателей ладской библиотеки, 65 чел. — большевьясской, 24 чел. — арх-галицинской, 26 чел. — большеремезенковской, 118 чел. — трофимовщинской, 50 чел. — старотурдаковской, 27 чел. — макаровской.

Анализ деятельности библиотек Ардатовского уезда Симбирской губернии, Краснослободского, Инсарского и Саранского уездов Пензенской губернии указывает на возрастание интереса крестьянского населения к библиотеке, понимание ее пользы, когда даже несколько верст не являлись препятствием, чтобы получить книгу. Доказательством серьезного отношения крестьянства к повышению образовательного уровня служит также его забота о постройке или при-

обретении особых домов под библиотеки. Так, по ходатайству крестьян с. Тазино 2 июля 1901 г. открылась народная библиотека имени А. С. Пушкина, на строительство которой было израсходовано 543 руб. 61 коп.³⁶

Таким образом, несмотря на множество причин, препятствовавших развитию библиотек и библиотек-читален в мордовском крае, эти учреждения привлекали внимание значительной части крестьянского населения. Даже малочисленность сведений о приговорах крестьянских обществ об открытии библиотек свидетельствует о том, что у библиотек-читален было большое будущее.

Конечно, в то время большинство крестьян не могло еще проникнуться осознанием важности этих народно-образовательных учреждений, однако начало было положено и могучая волна народного просветительского движения неудержимо возрастала.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Гебель В. Внешкольное народное образование. М., 1899. С. 135.
- ² Цит. по: Житаев В. Л., Жаркова Л. М. Внешкольная деятельность земства в мордовском крае. Саранск, 2011. С. 112.
- ³ Там же. С. 136.
- ⁴ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1896 г. Пенза, 1897. С. 156.
- ⁵ Смирнов С. Как относятся крестьяне к вопросу об устройстве народных библиотек // Русская мысль. 1898. С. 81.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Кудрявцев П. Ф. Народные библиотеки-читальни в селах и городах Симбирской губернии в 1900 — 1901 гг. Симбирск, 1904. С. 254.
- ⁸ Цит. по: Житаев В. Л., Жаркова Л. М. Указ. соч. С. 114.
- ⁹ Смирнов С. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Кулясов М. П. Мишанин Ю. А. Инсар. XX век: время иллюзий и надежд. Саранск, 1999. С. 100.
- ¹¹ См.: Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 603 — 638.
- ¹² См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1899 г. Сызрань, 1900. С. 152.
- ¹³ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1907 года. Темников, 1908. С. 92 — 93.
- ¹⁴ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1900 г. Темников, 1901. С. 99.
- ¹⁵ Журналы Ардатовского уездного земского собрания за 1900 год. Сызрань, 1901. С. 183.
- ¹⁶ Там же. С. 114.
- ¹⁷ Там же. С. 115.
- ¹⁸ Журналы Ардатовского уездного земского собрания за 1901 год. Симбирск, 1902. С. 100.
- ¹⁹ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1909 г. Темников, 1910. С. 408.
- ²⁰ Цит. по: Житаев В. Л., Жаркова Л. М. Указ. соч. С. 118.
- ²¹ См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1902 г. Сызрань, 1903. С. 69 — 70.
- ²² Там же.
- ²³ Журналы Темниковского уездного земского собрания 1900 г.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 99.
- ²⁶ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1909 г. С. 416 — 419.
- ²⁷ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1910 г. Темников, 1911. С. 417 — 419.

²⁸ См.: Никулин В. И. Пензенское земство : Уроки культурно-просвет. деятельности 1865 — 1917 гг. Пенза, 1996. С. 133.

²⁹ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания за 1907 г. Пенза, 1908. С. 404 — 405.

³⁰ См.: Житаев В. Л., Игонькина А. Н. Культурно-просветительская деятельность земства Темниковского уезда Тамбовской губернии. Саранск, 2010. С. 117 — 118.

³¹ Там же. С. 118.

³² См.: Кудрявцев П. Ф. Указ. соч.

³³ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания за 1906 г. Пенза, 1907. С. 412 — 431.

³⁴ Там же. С. 430 — 431.

³⁵ См.: Кудрявцев П. Ф. Указ. соч. С. 23 — 30.

³⁶ См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания за 1901 год. С. 211.

Поступила 09.11.2012 г.

УДК 026:27.72(470.345)

А. В. Лаптун

A. V. Laptun

**РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА
В МОРДОВСКОМ КРАЕ НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.
(На материале Пензенской епархии)**

**DEVELOPMENT OF CHURCH LIBRARIES IN THE MORDOVIAN
REGION AT THE TURN OF XIX — XX CENTURIES
(On the basis of the Penza Eparchy)**

Ключевые слова: православное духовенство, церковная библиотека, духовная книга, духовный журнал, благотворительная библиотека.

В статье на примере Пензенской епархии анализируется процесс развития церковно-библиотечного дела в мордовском крае во второй половине XIX — начале XX в.

Key words: Orthodox clergy, church library, a spiritual book, a spiritual periodical, protopopic library.

The process of the development of church-libraries in the Mordovian region in the second half of the XIX — the early XX century is analyzed in the article by the example of the Penza Eparchy.

В условиях общественно-политического подъема во второй половине XIX — начале XX в. особое значение приобрела Русская православная церковь (РПЦ), культурно-просветительная деятельность которой получила поддержку со стороны государства. Большая роль в данном процессе отводилась церковным библиотекам, которые в скором времени стали одними из наиболее распространенными

в России. В пореформенный период РПЦ принимала активное участие в организации библиотек на всей территории Российской империи, в том числе в мордовском крае. К таковым в первую очередь относятся библиотеки ограниченного пользования — храмовые, монастырские и благочиннические, а также библиотеки для внеклассного чтения при церковно-приходских школах (ЦПШ) и школах грамоты.

В истории библиотечного дела мордовского края практически не исследовано влияние на него РПЦ. Между тем именно библиотеки, открываемые в сельской местности духовенством, как правило при ЦПШ и школах грамоты, нередко становились культурно-просветительными центрами для всех возрастных групп населения.

Появление первых церковных библиотек прежде всего объяснялось потребностью священников в самообразовании, так как уровень их подготовки оставлял желать лучшего. Поэтому еще 15 февраля 1832 г. указом Святейшего синода (Св. синод) архиереям было предписано организовать при всех приходских церквях библиотеки. В этой связи преосвященным митрополитом Филаретом (Дроздовым) был подготовлен список книг «для составления церковных библиотек» и сделано предписание Московской духовной консистории «раздать его по церквям, кроме домовых и приписных, не имеющих причтов»¹. Вскоре данный список, включавший в себя 31 книгу, циркулярным указом Св. синода был распространен по всем епархиям.

Следует отметить, что распоряжения духовного ведомства об организации библиотек впоследствии неоднократно повторялись, однако формирование библиотечного фонда при храмах в целом шло крайне медленно. Дело в том, что далеко не все церкви, особенно находившиеся в сельской местности, имели возможность приобретать в достаточном количестве книги духовного содержания. Особых трудностей в этом плане, как правило, не испытывали храмы с большим числом прихожан, тогда как церкви с небольшим приходом не могли себе позволить приобрести и десятка книг.

Несмотря на отсутствие возможности многих храмов приобретать церковную литературу в необходимом количестве, Св. синод продолжал напоминать епархиальным архиереям о том, чтобы при каждой церкви в обязательном порядке имелись библиотеки с утвержденным набором книг. Так, в 1861 г. им было предписано следующее: «при рукоположении в священники воспитанников семинарии непременно обязывать их иметь в своей или церковной библиотеке: книги Священного писания, Догматическое богословие Преосвященного Антония, Пространный катехизис и книгу „О должностях пресвитеров приходских“»².

В связи с этим в конце 1863 г. последовало распоряжение Пензенской духовной консистории о создании, по мере возможности, при каждой церкви библиотеки³. Однако, судя по всему, их открытие в епархии шло не так быстро, как бы хотелось. Так, в своем обращении к преосвященному Антонию, епископу Пензенскому и Саранскому от 21 апреля 1866 году обер-прокурор Св. синода граф А. П. Толстой вновь напоминал: «Нельзя не сочувствовать этому заведению (библиотеке. — *А. Л.*), которое доставит священнослужителям возможность расширять богословские познания, следить за духовной литературой. Поэтому, ка-

жется, было бы полезным повсеместно, по мере средств, распространять такое учреждение»⁴.

На этом основании уже 4 мая последовало распоряжение пензенского архиерея: «для узнания положения церковных библиотек в подробности по всей Епархии потребовать чрез Епархиальные Ведомости от всех Благочинных реестры книг и духовных журналов в церквях, без внесения в сии реестры книг богослужебных, присовокупив, чтобы Благочинные доставили реестры прямо ко мне в непродолжительное время»⁵.

Вскоре реестры книг и журналов, имевшиеся при церквях, были составлены и доставлены в духовную консисторию. В итоге оказалось, что лишь немногие храмы (не более 2 — 3 церквей) имели библиотеки, состоявшие из 100 — 300 книг и журналов. Основное количество фондов церковных библиотек включало 10 — 20 экземпляров.

Следует отметить, что большинство священников Пензенской епархии положительно относилось к идее создания и развития церковных библиотек. Вот мнение одного из них, к сожалению анонимного, опубликованное на страницах журнала «Пензенские епархиальные ведомости»: «Библиотеки при церквях необходимы. — утверждал автор. — Это аксиома, которая едва ли еще требует доказательств. Прежде всего, для сельского священника чувствуется недостаток общества. Общество есть цивилизующая сила: там, где есть порядочное общество, человек в среде его не зачахнет умственно и нравственно. Через взаимный обмен мыслей, наблюдением над правилами и жизнью других он развивается и крепнет духовно. Напротив, без общества он дичает, а в дурном обществе портится и дурнеет. Книги — единственное средство, которое в некоторой степени может заменить общество. Особенно в селах, где русский люд стоит на такой низкой ступени развития, что не может составить священнику хоть сколько-нибудь порядочного общества, библиотеки необходимы»⁶.

Между тем во второй половине XIX в. в светской печати стали появляться высказывания по поводу недостаточной образованности духовенства, особенно сельского. При этом многие видели в этом изъяны семинарского образования. Конечно, в духовно-учебных заведениях, как и в светских, обучались разные люди: одни показывали высокие результаты, другие едва сводили концы с концами. Однако в целом говорить о низком уровне семинарского образования едва ли возможно, и это нетрудно доказать.

Факты свидетельствуют о том, что из стен духовно-учебных заведений нашего края, в частности Пензенской духовной семинарии, вышел ряд высокообразованных людей, внесших значительный вклад в культуру России. К одним из них относится А. С. Архангельский, ставший по окончании Казанского университета его профессором. Он известен как историк литературы, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, основной областью научных интересов которого была древнерусская и церковная литература.

Немало выпускников Пензенской духовной семинарии связали свою жизнь с преподавательской деятельностью в светских и духовных вузах страны. Это ученые-богословы, профессора и доктора Санкт-Петербургской, Киевской, Казанской и Московской духовных академий: Н. И. Ильминский, И. Г. Троицкий,

С. Т. Голубев, Ф. А. Курганов, Д. В. Гусев, И. П. Гвоздев, В. Г. Примеров, И. С. Козлов и др.⁷

Среди воспитанников Пензенской семинарии выделяется имя Василия Осиповича Ключевского — тайного советника, доктора русской истории, профессора Московского университета, академика, члена Императорской академии наук, Московского археологического общества, председателя Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете⁸. Более 30 лет В. О. Ключевский отдал служению Московской духовной академии, был наставником цесаревича Георгия Александровича⁹.

Наряду с вышеперечисленными выдающимися выпускниками Пензенской духовной семинарии, безусловно, встречались и такие, которых можно отнести к категории малообразованных представителей духовенства. Однако причина здесь кроется не только в их слабой профессиональной подготовке. Дело в том, что при выходе из духовно-учебного заведения значительная часть его выпускников не только не имела возможности совершенствовать свое образование, но даже поддерживать полученное из-за отсутствия библиотек при церквях, в которые они поступали на службу. В первую очередь это касалось приходов, находившихся в сельской местности. Поэтому вопрос о создании и развитии церковных библиотек стоял как никогда остро. Они были необходимы священникам как по долгу службы — для составления проповедей и самообразования, так и для исполнения одной из главных обязанностей пастырей церкви — педагогической деятельности.

Однако в силу известных причин церковно-библиотечное дело в мордовском крае развивалось nepозволительно медленно. «Главной причиной этого печального явления, — отмечал священник И. Добронравов, — служит недостаток средств в церквях и без того обремененных разными налогами. При той скудности материальных средств, которая наблюдается в большей части наших церквей, очень трудно, а иногда прямо невозможно бывает завести при церквях более или менее сносные библиотеки»¹⁰.

Понимало это и епархиальное начальство. Поэтому с целью улучшения церковно-библиотечного дела в епархии Пензенская духовная консистория весной 1869 г. издала постановление об учреждении в благочиниях центральных библиотек. В этом документе епархиальные власти призывали благочинных с подведомственными им причтами принять самое деятельное участие в создании так называемых благочиннических библиотек, посредством приобретения для них, по мере возможности, духовных журналов и других «полезных книг» духовного содержания. Организованные общими усилиями библиотеки предлагалось, для удобства пользования, разместить в населенных пунктах, находившихся в центре благочиннического округа. Допускалось также и открытие дополнительных библиотек, если «по обширности какого-либо благочиния будет найдено неудобным иметь один общий склад благочиннической библиотеки»¹¹.

Таким образом, во исполнение постановления духовной консистории с 1869 г. в Пензенской епархии стали создаваться благочиннические библиотеки. Ввиду невозможности приобретения книг и журналов для большинства приходских церквей это, безусловно, являлось выходом из создавшегося положения. Единственное неудобство, пожалуй, заключалось лишь в том, что отдельные при-

ходы находились от благочиннической библиотеки на расстоянии 15 — 20 верст, поэтому священники, служившие в них, не имели возможности часто ее посещать.

Одной из лучших в епархии была Саранская благочинническая библиотека, открытая в 1871 г. при Спасском соборе. Принято считать, что инициатором ее создания и долготлетним руководителем был священник Саранской Троицкой церкви Алексей Илларионович Масловский. Совместно с благочинным протоиереем Яковом Алмазовым и священником Евфимием Колпиковым он разработал правила пользования библиотекой, которые в феврале 1871 г. были представлены в Пензенскую духовную консисторию для утверждения¹². Однако епархиальное начальство нашло эти правила «не полными для существа дела» и возвратило их протоиерею Я. Алмазову «для пересмотра на Благочинническом Съезде и исправлению по общему соглашению окружного духовенства»¹³.

Позднее скорректированные «Правила для благочиннической библиотеки города Саранска 1-го округа» по распоряжению епархиального архиерея были опубликованы. Вот некоторые выдержки из них:

«1) Благочинническая библиотека учреждается для чтения священно-служителями 1-го круга. 2) Но могут пользоваться книгами и посторонние лица за известную плату, по соглашению с библиотекарем, с доведением о том до сведения съезда, но в такой мере, чтобы от этого не было задержки в получении книг духовенством. 3) Благочинническая библиотека поддерживается взносом по подписке от церквей духовенства 1-го округа и добровольным пожертвованием. 4) В благочинническую библиотеку могут быть выписаны как книги духовно-нравственного содержания, так и светская литература. 5) Благочинническая библиотека помещается в г. Саранске при Спасском соборе как центральном месте благочиния. 6) Для заведывания благочиннической библиотекой избирается из священников г. Саранска библиотекарь. 7) Реестр книг составляется на Благочинническом съезде... 11) Как священники, так и причетники имеют одинаковое право на пользование книгами. 12) Каждому лицу может быть выдана в один раз одна книга. 13) В получении книги получатель расписывается собственноручно... 15) Срок для чтения: для городских — недельный, для сельских — двухнедельный. 16) Каждый просроченный день — штраф 5 копеек. 17) В случае утраты взимается стоимость книги... 19) Служба библиотекаря на первый раз должна быть безвозмездной, до того времени, когда съезд найдет нужным и возможным положить ему вознаграждение... 23) Съезд изменяет и дополняет эти правила сообразно потребностям времени»¹⁴.

Основанная священником А. И. Масловским благочинническая библиотека, по мнению современников, была доведена под его руководством «до возможной степени совершенства»¹⁵. Во многом этому способствовало ее стабильное финансирование. Так, помимо взносов от церквей и добровольных пожертвований, о. Алексею удалось в 1890 г. открыть в Саранске свечную лавку, вся прибыль от которой шла на поддержание церковно-приходских школ и благочинническую библиотеку¹⁶, что в значительной степени способствовало пополнению ее фондов.

Следует отметить, что услугами библиотеки пользовались не только священнослужители Саранска и близлежащих приходов, но и городские жители. К

сожалению, после скоропостижной смерти А. И. Масловского от холеры (25 августа 1892 г.), многие библиотечные книги, находившиеся у него дома, в целях безопасности пришлось сжечь. «С тех пор библиотека эта находится как бы в некоем пренебрежении. — отмечал спустя десятилетие после кончины А. И. Масловского его современник. — За последнее время в нее выписывается один лишь духовный журнал „Странник“, да и тот мало кем читается, в виду того, что пользование одним журналом всегда сопряжено с некоторыми неудобствами»¹⁷.

Можно предположить в каком состоянии находились другие благотворительные библиотеки Пензенской епархии, особенно в сельской местности. По свидетельствам современников, на рубеже XIX — XX вв. они характеризовались «захудалостью» и «заброшенностью». В первую очередь, это объяснялось тем, что благотворительные, обремененные различными обязанностями и часто находившиеся в разъездах, фактически не имели возможности следить за тем, как функционируют библиотеки и пополняются книжные фонды¹⁸. Несмотря на это очевидным являлся тот факт, что библиотеки были крайне необходимы священнослужителям, а потому в самом начале XX в. на страницах духовных периодических изданий стал активно обсуждаться вопрос, касающийся улучшения их состояния.

В частности, рекомендовалось передать управление библиотекой священнику, проживавшему в центре благотворительного округа, ибо «за свободу от церковно-приходских дел» он мог бы уделять ей больше времени. Заведующий библиотекой должен был отвечать за своевременную выписку духовных книг и журналов; выдачу этих книг духовенству округа; ведение приходно-расходной книги и вообще всех дел, касавшихся библиотеки. Кроме того, было необходимо завести каталог книг, хранившихся в благотворительной библиотеке, а также книгу для записи поступавших в нее пожертвований¹⁹.

Одной из основных проблем, от решения которой во многом зависело дальнейшее развитие благотворительных библиотек, являлось их стабильное финансирование. Например, предлагалось собирать с церковью по 3 руб. в год. Таким образом, для среднего благотворительного округа эта сумма могла бы составить около 90 руб. Дополнительные средства планировалось изыскивать посредством подписки, различных пожертвований и платы за пользование библиотекой лицами светского звания.

Открытым оставался также вопрос, касавшийся «удобства» получения книг из благотворительных библиотек священнослужителями из отдаленных приходов. Для решения этой проблемы предлагалось договариваться с почтовыми отделениями, где они были, а также с волостными правлениями о том, чтобы за небольшое вознаграждение они обеспечивали духовенству рассылку и получение книг и журналов²⁰.

Таким образом, вышеперечисленные проблемы, стоявшие перед благотворительными библиотеками Пензенской епархии на рубеже XIX — XX вв., были характерны для подавляющего большинства церковных библиотек мордовского края. Православное духовенство четко осознавало, что только оперативное решение данных проблем, в первую очередь стабильное и достаточное финансирование, позволит изменить сложившуюся ситуацию и будет способствовать динамичному развитию церковно-библиотечного дела в крае.

Библиографические ссылки

- ¹ По вопросу о составлении церковных библиотек // Пенз. епарх. ведомости. 1868. № 1. С. 19.
- ² Пенза. 15 мая 1870 г. // Там же. 1870. № 10. С. 301.
- ³ См.: По отношению обер-прокурора Святейшего синода об учреждении при церквях библиотек // Там же. 1866. № 11. С. 158.
- ⁴ Пенза.
- ⁵ По отношению обер-прокурора Святейшего синода... С. 158 — 159.
- ⁶ Там же. С. 299.
- ⁷ См.: **Троицкий А. И.** Пензенская духовная семинария за истекший столетний период ее существования. 1800 — 1900. Пенза, 1901. С. 52, 56, 62 — 63, 66.
- ⁸ Там же. С. 67 — 68.
- ⁹ Там же. С. 61 — 62.
- ¹⁰ **Добронравов И.** К вопросу о благотворительных библиотеках // Пенз. епарх. ведомости. 1902. № 20. С. 890.
- ¹¹ Там же. С. 891.
- ¹² См.: Правила для благотворительной библиотеки города Саранска 1-го округа // Пенз. епарх. ведомости. 1872. № 17. С. 370.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 371 — 374.
- ¹⁵ **Добронравов И.** Указ. соч. С. 891.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: **Лаптун В.** «...трудился много, разумно и не бесполезно» // Странник. 1998. № 4. С. 194.
- ¹⁷ **Добронравов И.** Указ. соч. С. 891.
- ¹⁸ См.: **Житаев В. Л., Седина И. В.** Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XIX в.). Саранск, 2008. С. 138.
- ¹⁹ См.: **Добронравов И.** Указ. соч. С. 893.
- ²⁰ Там же. С. 894.

Поступила 11.01.2013 г.

УДК 314.727.2(470.343/.345)

Т. Ю. Задкова

T. Yu. Zadkova

**МИГРАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДЕРЕВНЕ
СЕРЕДИНЫ 1950-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.
(На материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

**MIGRATION AS THE MAIN FACTOR
OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE VILLAGE
IN THE MIDDLE OF 1950s — THE EARLY 1960s
(On materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)**

Ключевые слова: миграция, сельское население, прибывшее население, порядок переселения, адаптация.

В статье раскрывается проблема миграции сельского населения Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг.; рассматриваются формы миграции, анализируются порядок переселения и адаптация населения в регионах вселения.

Key words: migration, rural population, arrived population, order of migration, adaptation.

The problem of migration of the rural population of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs in the middle of 1950s – the early 1960s is revealed in the article, as well as forms of migration are considered and the order of resettlement and adaptation of the population in the regions of settlement are analyzed.

Под миграцией населения понимается перемещение людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на относительно длительный период. В середине 1950-х — первой половине 1960-х гг. миграция сельского населения Марийской, Мордовской и Чувашской АССР осуществлялась в двух формах: организованной — при помощи государственных организаций, и неорганизованной, или стихийной, — силами самих мигрантов. Организованная миграция проходила в виде организованного набора рабочих для работы на промышленных предприятиях и стройках, а также в виде добровольного переселения колхозных семей из малоземельных районов в многоземельные. С середины 1950-х гг. в сельскохозяйственном переселении начался новый этап, связанный с освоением целинных и залежных земель в Казахской ССР, Сибири, Поволжье, на Урале. В РСФСР объектами переселения являлись Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Оренбургская, Омская, Саратовская, Тюменская, Челябинская и Читинская области. Переселение осуществлялось как в уже существовавшие колхозы, так и в создаваемые, в которых вчерашние колхозники переходили в группу сельскохозяйственных рабочих с полагавшимися им льготами. Параллельно с освоением целинных и залежных земель шло переселение в многоземельные районы Дальнего Востока.

Для переселенцев был установлен ряд льгот: им выделялись единовременные пособия за счет государства, кредиты на строительство домов с надворными постройками с частичным погашением долга за счет государственного бюджета и на покупку КРС (для семей, переселявшихся в колхозы). Переселенцы на срок от 2 до 5 лет (в зависимости от места вселения) освобождались от налогов: сельскохозяйственного (колхозники-переселенцы), подоходного (колхозы, принимавшие в свой состав переселенцев), сельскохозяйственного, или подоходного, налога с населения по доходам от сельского хозяйства (семьи, переселявшиеся для работы в совхозы). Семьям, переселявшимся в безлесные районы, разрешалось провозить лесоматериалы и срубы домов за счет ассигнований, предусмотренных на переселенческие мероприятия по бюджету республики. В виде исключения семьям, переселявшимся в совхозы многоземельных областей, выдавался кредит на покупку коров для Алтайского края, Новосибирской, Омской и Оренбургской областей в размере 1 500 руб. на семью и для Амурской области — 2 800 руб. Переселенцам предоставлялась возможность покупки продовольственного зерна или муки в размере 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи по поясным розничным ценам за счет рыночного фонда¹.

В 1962 г. Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР разработало новую инструкцию о порядке переселения населения в колхозы и совхозы. На переселение оформлялись семьи, имевшие в своем составе не менее двух трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин — от 16 до 50 лет, признанные медицинской комиссией годными к физической работе в колхозе или совхозе [ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 162. Л. 67]. Был определен круг лиц, не подлежащий переселению. В него вошли семьи: ранее переселявшиеся; главы которых не отработали без уважительных причин срока трудового договора; не имевшие прописки или временно проживавшие в местах отбора; у которых брак супругов не был зарегистрирован, или состоявшие из лиц, не связанных родственными отношениями; возвращавшиеся в колхозы; главы и другие трудоспособные члены которой не могли быть использованы в колхозах (совхозах) вселения по своей специальности [Там же. Л. 68]. Переселение семей в колхозы и совхозы проводилось, как правило, до начала весенних сельскохозяйственных работ. При переселении в колхозы отбирались только семьи колхозников, а в совхозы — семьи из числа городского и сельского неколхозного населения [Там же. Л. 69].

Семьям, утвержденным на переселение и получившим переселенческие билеты, выдавалось единовременное денежное пособие в размерах, установленных правительством для соответствующих районов вселения [Там же. Л. 70]. При межобластном переселении пособие выдавалось в два срока: 50 % — при выезде семьи к месту вселения и остальные 50 % — по истечении трех месяцев непрерывной работы в колхозе или совхозе. Семьям, оформленным на условиях внутриобластного переселения, денежное пособие выдавалось одновременно с вручением переселенческого билета [Там же. Л. 71].

Однако не все переселенцы надолго закреплялись в местах вселения: из-за плохого хозяйственного и бытового устройства, отсутствия школ, больниц и магазинов многие уезжали, но в родные деревни не возвращались, а старались

найти работу в городах и поселках городского типа. Так, на 1 июля 1955 г. в Приморском, Хабаровском и Алтайском краях, в Новосибирской, Иркутской, Челябинской, Амурской, Чкаловской и других областях большое количество принятых переселенцев не имело собственных домов, размещалось на подселении и в непригодных к жилью помещениях. В Новосибирской, Чкаловской, Ростовской и Сталинградской областях, Красноярском и Алтайском краях в связи с хозяйственной неустроенностью имелись многочисленные случаи выбытия переселенцев из мест вселения [Там же. Д. 114. Л. 51].

В порядке организованного набора рабочие направлялись в основном на предприятия торфяной и лесной промышленности. Рабочим, заключившим трудовые договоры на срок не менее двух лет для работы на предприятиях и стройках Министерства лесной промышленности СССР, находившихся в Карело-Финской ССР, Коми АССР, Архангельской, Кировской, Молотовской, Вологодской, Тюменской и Томской областях и на Дальнем Востоке, выплачивалось единовременное безвозвратное пособие в размере 1 тыс. руб.; при заключении договора выплачивалось 50 % от установленного пособия. При заключении договора на один год пособие выплачивалось в следующих размерах: для рабочих, направляемых на предприятия и стройки Министерства лесной промышленности СССР, находившиеся в Кировской области — 150 руб.; Вологодской, Молотовской, Тюменской и Томской областях — 300 руб.; Коми АССР, Архангельской области и на Дальнем Востоке — 500 руб. При заключении договора выплачивалось 50 % от установленного пособия [Там же. Д. 116. Л. 72].

По состоянию на 25 июня 1955 г. в Мордовской АССР план переселения для работы на предприятиях лесной промышленности был выполнен на 60 % к годовому (302 семьи). При этом в Архангельскую область было отправлено лишь 14 семей. При наличии большого количества заявлений от граждан, желавших переселиться в колхозы районов освоения целинных и залежных земель, переселенческий отдел не обеспечил отбор и отправку переселенцев в колхозы Сахалинской области к началу весенних полевых работ. В частности, семьи Маргаевой и Семиной были оформлены с нарушением условий отбора: в их состав были включены лица, не имевшие родственных отношений. Был установлен факт волокиты и формального отношения к рассмотрению жалобы переселенца М. Е. Бабикова о выдаче единовременного денежного пособия на члена семьи. При наличии документов, подтверждавших справедливость жалобы переселенца М. Е. Бабикова, потребовалось 13 месяцев для разрешения этого вопроса [Там же. Д. 114. Л. 39]. Необходимо отметить, что в Архангельской области переселенцев не особенно ждали. Главное переселенческое управление при Совете министров РСФСР в своем приказе № 25 от 20 июля 1955 г. отмечало, что работы по хозяйственному устройству переселенцев в колхозах и леспрохозах Архангельской области были не организованы: не принимались меры по обеспечению переселенцев продуктивным скотом, колхозам и районам не давались задания по подготовке домов для переселенцев, заготовке местных строительных материалов для переселенческого строительства и организации строительных бригад [Там же. Л. 45]. Кстати, план переселения в предприятия лесной промышленности выполнялся плохо: например, в Марийской АССР массово-разъяснительная работа проводилась неудовлетворительно, в клубах и избах-читальнях эта работа

отсутствовала. Начальник переселенческого отдела Совета министров Марийской АССР Штыков в районы выезжал редко, плохо знал положение на местах, что отрицательно влияло на выполнение плана [Там же. Л. 50].

В октябре 1955 г. был снят с работы заведующий отделом организованного набора рабочих Совета министров Мордовской АССР К. А. Козьякин. Из 27 районов, которым был установлен план организованного набора, задание выполнили 3 (Инсарский, Ромодановский и Рузаевский). Из 3 500 чел. на предприятия и стройки было направлено только 2 594 чел., или 74,1 %, в том числе на предприятия и стройки Министерства транспортного строительства — 17,0 %, Министерства строительства предприятий металлургической и химической промышленности — 8,0 % и Министерства лесной промышленности — 59,1 % [Там же. Д. 116. Л. 107].

По плану на 1955 г. было утверждено переселение из Мордовской АССР 700 семей, из них в колхозы и леспромхозы Сахалинской области — 300 семей, леспромхозы Архангельской и Иркутской областей соответственно 100 и 200, колхозы Чкаловской области — 100 семей. Всего было отправлено 670 семей, в том числе: в Сахалинскую область — 248, Иркутскую — 173, Архангельскую — 34, Чкаловскую — 125, Новосибирскую — 41, Челябинскую и Читинскую — по 1, Красноярский край — 47 [Там же. Д. 119. Л. 13]. Переселенческий отдел проделал значительную работу, издав большое количество агитационного материала. Например, в марте 1955 г. были изданы на мокшанском и эрзянском языках объявления (в количестве 2,0 тыс. экз.) и листовки (3,0 тыс.) о переселении в Сахалинскую и Иркутскую области; в октябре отпечатаны листовки о переселении в леспромхозы Иркутской и Сахалинской областей (5,0 тыс. экз.), листовки (5,0 тыс.) и объявления (5,0 тыс.) о переселении в колхозы Новосибирской и Сахалинской областей; в декабре были изданы специальные объявления о плане переселения в леспромхозы Сахалинской области (7,5 тыс. экз.). Кроме того, в течение года были 16 раз опубликованы объявления о переселении в газете «Советская Мордовия» [Там же. Л. 14 — 15].

Необходимо отметить, что на местах многие колхозы испытывали недостаток рабочей силы. Совет министров Мордовской АССР в Постановлении № 740 от 26 декабря 1955 г. «О плане организованного набора рабочих для работы в промышленности, на строительстве и транспорте на 1956 год» отмечал, что набор рабочих должен производиться преимущественно из числа городского и сельского неколхозного населения, а в районах, страдавших от недостатка трудовых ресурсов в колхозах, — только из числа городского и сельского неколхозного населения [Там же. Д. 123. Л. 1].

В 1957 г. в ознаменование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции работники отдела переселения и организованного набора рабочих Совета министров Чувашской АССР взяли на себя повышенные обязательства: выполнить план организованного набора рабочих первого полугодия к 10 июня, а годовой план к 7 ноября 1957 г.; план переселения в колхозы — до 20 июня и в леспромхозы — до 1 октября 1957 г. [Там же. Д. 128. Л. 34]. Спустя год коллектив работников отдела переселения и организованного набора рабочих Мордовской АССР принял обязательство о досрочном выполнении плана в 1958 г. [Там же. Д. 129. Л. 65].

Между тем Марийская и Чувашская АССР не выполнили план 1956 г. по межобластному переселению [Там же. Д. 128. Л. 95]. Отдел переселения и организованного набора рабочих Совета министров Марийской АССР небрежно оформлял переселенческие документы. Так, например, в ряде заявлений не указывалось, что трудоспособные члены семей переселенцев изъявляли желание работать в колхозах и леспромхозах; на анкетах и медицинских картах отсутствовали подписи глав семей и трудоспособных членов. На переселение оформлялись семьи, не имевшие в своем составе двоих трудоспособных или главы семей которых являлись инвалидами; семьи, не имевшие трудовых книжек и ранее направлявшиеся по переселению. На предприятия и стройки направлялись несовершеннолетние граждане, многие — без справок медицинского заключения. За выявленные недостатки заведующему отделом переселения и организованного набора рабочих Е. А. Шабарину был объявлен выговор [Там же. Л. 100 — 101]. Неудовлетворительно была оценена работа аналогичного отдела Совета министров Мордовской АССР. Так, например, за I полугодие 1957 г. план организованного набора рабочих был выполнен на 58,3 % (при плане 1 415 чел. на предприятия и стройки было направлено 826 рабочих). План межобластного переселения был выполнен на 78,6 % — из 400 семей в колхозы было переселено 279, или 69,7 %. Так, в колхозы Иркутской и Томской областей было направлено всего 79 семей из 200 [Там же. Л. 145]. Плохое выполнение отделом переселения заданий по организованному набору рабочих, отбору и направлению семей на переселение было поставлено в вину его работникам; заведующий отделом Купцов и его заместитель Иконников были предупреждены об ответственности за ослабление работы по подбору и воспитанию кадров. Однако злключения чиновников на этом не закончились. В 1956 г. в Сахалинскую область с эшелоном переселенцев прибыл из Мордовской АССР гражданин Кидяев с семьей, имевший на руках только переселенческий билет. На запрос Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР Иконников, вместо того чтобы признать свою ошибку, ответил, что Кидяев в качестве переселенца отделом в 1956 г. не направлялся. Проверкой было установлено, что Кидяев в 1952 г. был переселен в Сахалинскую область, вернулся оттуда и в 1956 г. вновь обратился в отдел с заявлением о переселении его с семьей в Сахалинскую область. Сначала ему отказали, а затем выдали переселенческий билет. Иконников попытался оправдаться тем, что выдал начальнику эшелона 5 незаполненных переселенческих бланков, из которых один был выдан Кидяеву. Однако начальник эшелона в своих объяснениях отрицал это. В результате «за неискреннее поведение при разборе дела с повторным направлением гр. Кидяева по переселению в 1956 г., вновь выдачу ему второго переселенческого билета и попытку обмануть Главное управление, а также за выдачу незаполненных бланков переселенческих билетов» Иконникову был объявлен выговор [Там же. Л. 148].

Между тем отдел переселения и организованного набора Чувашской АССР на 127 % выполнил план переселения (при плане 800 семей было переселено 1 016). В колхозы переселялось в основном колхозное население, а неколхозное составляло не более 10 %. При этом колхозники стремились выезжать не отдельными семьями, а группами. Характерно, что если в предыдущие годы пере-

селялись семьи из экономически слабых артелей, то в 1957 г. — из многих экономически крепких и передовых хозяйств республики. Так, из колхоза им. Ленина Вурнарского района Чувашской АССР, которым руководил депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда С. К. Коротков, в Рыбинский район Красноярского края переселилось 25 семей, из артели «Искра» того же района в колхоз «Сибирь» Кожевниковского района Томской области — 22 семьи. Из колхоза им. Ворошилова Комсомольского района выехали 23 семьи в Шилкинский район Иркутской области. Вдохновившись достигнутыми успехами, отдел сразу же приступил к проведению подготовительной работы по переселению семей в 1958 г. В адрес отделов переселения и организованного набора рабочих Омской, Томской, Иркутской, Читинской, Амурской областей и Красноярского края были направлены письма с просьбой заранее подготовить и направить свежий информационный материал, а также организовать массовую посылку положительных писем ранее переселившихся чувашей, организовать коллективные обращения переселенцев к своим землякам с призывом приехать на постоянное жительство в колхозы Сибири. Отделом была издана листовка тиражом 50 тыс. экз. на русском и чувашском языках, в которой рассказывалось об условиях переселения. Такая бурная деятельность принесла свои плоды: на 15 октября 1958 г. было выявлено 6 групп по 10 — 20 семей колхозников, желавших переселиться в восточные районы страны [Там же. Л. 232 — 233].

В 1957 г. план межобластного переселения Мордовская АССР выполнила на 135,4 %, Чувашская — 126,5, Марийская — на 100,0 %; план организованного набора рабочих составил соответственно 106,2 %, 110,9 и 101,7 % [Там же. Д. 129. Л. 15 — 16]. В Красноярский край прибыла 81 семья из Марийской АССР (при плане 100 семей), 200 — из Мордовской (при плане 200) и 221 — из Чувашской АССР (при плане 100) [Там же. Д. 128. Л. 239].

В 1957 г. только в колхоз «Культура» Балахтинского района Красноярского края прибыло 69 семей — переселенцев из Мордовии. Все они были хозяйственно устроены, имели жилые дома, крупный и мелкий скот, птицу, а также приусадебные участки [Там же. Д. 135 а. Л. 1]. В 1956 — 1957 гг. в колхозы Ужурского района того же края прибыли 58 семей из Мордовии [Там же. Л. 6]. В колхоз «Ленинский путь» Ужурского района из с. Троицкого Козловского района Мордовской АССР в марте 1957 г. прибыла семья А. В. Суглина. Уже в ноябре этого же года переселенец написал письмо землякам, в котором призывал приехать и поселиться в данном колхозе. При этом он рассказывал, как хорошо он устроился на новом месте жительства. По приезду правление колхоза обеспечило его семью всеми необходимыми продуктами, выдало корову, отвело приусадебный участок, предоставило колхозную квартиру, а позднее построило дом (кстати, к письму прилагались фотографии дома и семьи переселенца). С марта по ноябрь Суглин выработал 700 трудодней и получил авансом 12 ц хлеба и около 2 тыс. руб. денег. В селе действовали клуб, библиотека, медпункт, были проведены электричество и радио [Там же. Л. 7]. Земляк Суглина И. М. Князькин также расхваливал новую родину. Если в своем родном колхозе «Победа» Козловского района Мордовской АССР он зарабатывал по 500 трудодней в год, то в Сибири за 8 месяцев — 800, получив в порядке аванса 14 ц хлеба и более 2 тыс. руб. деньгами. Если в Мордовии переселенец испытывал недостаток кормов

для своего скота, то здесь сена для коровы он заготавливал на зиму с избытком, а к 7 ноября его семья перешла в новый колхозный дом [Там же. Л. 8]. Колхозники артели «Победа» Каннского района Красноярского края даже написали обращение к колхозникам малоземельных областей с приглашением поселиться в их хозяйстве. При этом переселенцев обещали обеспечить квартирами, скотом и овощами [Там же. Л. 14]. Аналогичные обращения выпустили и другие колхозы края.

Однако хозяйственное устройство многих переселенцев оставалось неудовлетворительным. Их семьи не были обеспечены домами, приусадебными участками, продуктивным скотом. Наибольшее количество не устроенных с жильем переселенцев оказалось в колхозах Алтайского, Красноярского и Приморского краев, Амурской, Омской, Читинской, Челябинской и Сталинградской областей [Там же. Д. 128. Л. 138].

Агитация переселенцев не всегда приносила ожидаемый результат. В 1959 г. из Мордовской АССР планировалось переселить 500 семей: по 200 — в колхозы Красноярского края и Томской области и 100 — в совхозы Сталинградской области [Там же. Д. 136. Л. 6]; в порядке организованного набора для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте — 2 500 чел. [Там же. Л. 7]. На 1 февраля 1959 г. отдел переселения и организованного набора рабочих Совета министров Мордовской АССР имел всего 124 заявления о переселении, из которых отобрал 114 семей, или 22,8 %; из них в колхозы Красноярского края при плане 200 семей, из которых 100 должны были отправлены в феврале, было отобрано 47 семей, или 23,5 %; в колхозы Томской области соответственно 200 — 30, или 15,0 %, в совхозы Сталинградской области из 100 — 37, или 37,0 %. Плохо велась и работа по набору рабочих на торфопредприятия: в ряде районов не было зарегистрировано ни одного договора [Там же. Л. 7]. Необходимо признать, что не везде переселенцам обеспечивали обещанные условия. Так, в 1958 г. в Томской области в ряде колхозов прибывшие семьи переселенцев вселялись в неподготовленные к жилью помещения, а также в дома организаций и учреждений. Некоторые проживали в старых, ветхих и неотремонтированных домах. В первые дни прибытия многие семьи переселенцев испытывали материальные трудности, а руководители ряда колхозов вместо оказания им помощи за счет льгот, получаемых артелями, выдавали им продукты питания по рыночным ценам в счет трудодней. В итоге за многими семьями переселенцев к концу года образовалась значительная задолженность колхозам, которая не покрывалась стоимостью трудодней, выработанных переселенцами [Там же. Л. 42].

Наряду с этим отдел переселения и организованного набора рабочих при Совете министров Чувашской АССР нарушал условия отбора и оформлял на переселение сводные семьи, семьи, не имевшие двух трудоспособных, а также лиц, которые в течение 1 — 2 лет сменили 3 — 4 места работы и местожительства. Такие семьи, как правило, выбывали из колхозов вселения [Там же. Л. 43]. Кроме того, руководители некоторых районных отделов (Канашского, Чурачического, Первомайского, Алатырского, Аликовского и др.) при оформлении на переселение заносили заведомо ложные сведения о трудовой деятельности переселенцев. Так, главы семей С. А. Асубаве, И. Н. Никитин, С. Н. Назаров и др. по

анкетным данным значились колхозниками, выработавшими за 1957 — 1958 гг. от 500 до 1 тыс. трудодней. В действительности И. Н. Никитин с 1953 г. по февраль 1958 г. работал и проживал в г. Симферополе, а в колхозе им. Сталина Чурачикского района находился с августа 1958 г. в качестве вольнонаемного; С. А. Асубаев, по национальности казах, родился в Павлодарской области, до ноября 1958 г. работал в г. Караганде; С. Н. Назаров с 1953 г. по ноябрь 1958 г. отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях Красноярского края [Там же. Л. 63].

На переселение оформлялись также искусственно созданные семьи, из случайных лиц, использовавших переселение в корыстных целях. Так, например, П. В. Васильев в качестве членов своей семьи записал Никонорову и ее дочь Кувшинову, которые после оформления на переселение отказались выехать из Чувашской АССР, сам П. В. Васильев выехал как одиночка и в пути следования в Красноярский край присоединился в качестве мужа к семье З. А. Андреевой. Семьи Савельева, Вишневого, Ильина, Устегенова, Краснова, Назарова, Филиппова, Шагиртманова и Павлова по прибытии в Красноярский край отказались от работы в колхозе и выбыли в неизвестном направлении. На 15 марта 1959 г. было переселено всего 395 семей, или 41,6 % к плану, в том числе в Иркутскую область — 27,7 % и Саратовскую — 12,0 % [Там же. Л. 63]. В результате заведующему отделом переселения П. Ф. Салмину и уполномоченному по Первомайскому району Киргизову был объявлен строгий выговор, заместителю заведующего отделом Я. Л. Лукину — выговор, а районные инспектор Канашского района Величко и уполномоченный по Чурачикскому району Павлов были сняты с работы [Там же. Л. 64].

В 1961 г. Марийская АССР в целом выполнила план межобластного переселения, однако при этом из 14 районов 8, или 57,0 %, не выполнили установленных им заданий. График отправки переселенцев до 1 апреля не был выполнен. 30 семей, или 9,6 %, были переселены только 16 мая, в результате затраты на их перевозку по железной дороге увеличились на 1,2 тыс. руб. Выполнение плана организованного набора рабочих составил 88,8 %. Из 11 предприятий и строек задание было выполнено только по 2 предприятиям [Там же. Д. 162. Л. 22].

По-прежнему отбор семей по межобластному переселению проводился из колхозного населения, а в совхозы — из городского и сельского, имевшего навыки работы в сельском хозяйстве. При этом большинство переселенцев стремились уехать в совхозы, рабочие которых имели ряд преимуществ по сравнению с колхозниками. Поэтому в приказе № 4 начальника Главного управления и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР от 8 января 1962 г. заведующим отделами районов выхода переселенцев рекомендовалось обращать особое внимание на те семьи, которые на целине могли бы улучшить работу предприятий [Там же. Л. 16].

В 1962 г. Казанская киностудия выпустила на экран киножурнал «По Волге широкой», начинавшийся сюжетами отправки переселенцев из Чувашской и Мордовской АССР. Отдел переселения и организованного набора при Совете министров РСФСР рекомендовал Советам министров Татарской, Чувашской, Марийской и Мордовской АССР договориться с кинопрокатом о широкой де-

монстрации журнала в сельской местности, особенно в районах отбора семей на переселение [Там же. Д. 163. Л. 356].

В 1962 г. не были выполнены установленные задания по организованному набору рабочих в Мордовской и Чувашской АССР [Там же. Д. 168. Л. 39]. В 1963 г. план по организованному набору рабочих Марийская АССР выполнила на 96,2, Мордовская — 100,4, Чувашская — на 100,1 % [Там же. Д. 173. Л. 1]. Однако Чувашская АССР не выполнила план набора рабочих для предприятий торфяной промышленности, Марийская АССР — переселения в колхозы Сибири и Дальнего Востока [Там же. Л. 14]. Кстати, отдел переселения и организованного набора рабочих Марийской АССР был назван в числе организаций, не передавших предприятиям наибольшее число рабочих [Там же. Л. 15].

По-прежнему отмечались случаи задержки колхозников, желавших выехать на работу. Так, председатели колхозов «Красный пахарь» и им. Калинина Краснослободского района Мордовской АССР отказали в регистрации договоров нескольким колхозникам. Председатель артели «40 лет Октября» Шайговского района Мордовской АССР Трегубов при наборе рабочих на лесозаготовительные работы не отпустил ряд колхозников. Он же отказался регистрировать 15 договоров колхозников на работу на торфопредприятиях Горьковской области. На 1 апреля 1962 г. колхозы нескольких районов Мордовской АССР отказали в регистрации договоров колхозникам, заключившим их для работы в торфяной промышленности: в Zubovo-Полянском районе — 32 договора, Краснослободском — 38, Пурдошанском — 17, Темниковском — 16 и т. д. [Там же. Д. 163. Л. 357].

Допущение случаев переселения семей, не соответствовавших условиям отбора, а также лиц, недобросовестно относившихся к общественному труду, приводило к тому, что из районов переселения выбывало большое количество семей. Так, в 1964 г. из колхозов и совхозов Оренбургской области выбыло 10,9 % переселенцев, Красноярского и Приморского края соответственно 10,7 и 10,6 %. Многие переселенцы, не имея собственных домов и квартир, были вынуждены проживать на частных квартирах или в домах, не пригодных для жилья [Там же. Д. 180. Л. 8]. Необходимо отметить, что и рабочим, трудоустроенным на промышленные предприятия и стройки в порядке организованного набора, часто не создавались нормальные жилищно-бытовые и производственные условия.

Среди переселенцев нередко попадались лица, использовавшие переселение в корыстных целях. В своем приказе № 5 от 8 марта 1955 г. Главное переселенческое управление при Совете министров РСФСР отмечало, что в Мордовской и Чувашской АССР участились случаи невыезда на переселение семей, получивших единовременное денежное пособие, причем надлежащих мер к взысканию с них выданных на переселение средств не принималось [Там же. Д. 114. Л. 14]. В 1961 г. из с. Стрельниково Атюрьевского района Мордовской АССР в колхоз «Борец» Саянского района Красноярского края прибыла семья Оськиных. Глава семьи П. И. Оськин, получив от колхоза корову и продовольствие на сумму 459 руб., не стал работать, продал корову и вернулся на родину. Некоторые семьи переселялись неоднократно. Исполком Атяшевского райсовета Мордовской

АССР утвердил на переселение из с. Кулясово в Иркутскую область семью И. Е. Рябыкина, которая в 1954 г. уже переселялась в Читинскую область. Исполком Кочкуровского райсовета Мордовской АССР утвердил на переселение из с. Мордовское Давыдово в Красноярский край семьи В. Ф. Минзулина и Н. М. Адушкина, которые уже дважды переселялись.

Часто среди переселенцев встречались лица, ведущие антиобщественный образ жизни. Так, Атюрьевским исполкомом райсовета из с. Атюрьево на переселение в Волгоградскую область была утверждена семья И. А. Ермошкина, который оказался пьяницей и дебоширом.

Ряд переселенцев, едва прибыв к месту вселения, выбывали из его. Так, спустя несколько дней с места вселения из колхоза «Путь Ильича» Минусинского района Красноярского края уехала семья Ф. В. Дудорова, прибывшая из Краснослободского района Мордовской АССР. Проработав несколько месяцев, из колхозов Сухобузинского района того же края выбыло несколько семей, приехавших из Рыбкинского района Мордовии [Там же. Д. 162. Л. 85].

Итак, в 1950 — 60-е гг. миграция стала одним из важнейших факторов, определявших развитие демографических процессов в деревне. В целом для районов, в которые прибывали переселенцы, миграционное движение сыграло положительную роль, способствуя решению экономических и демографических проблем (в сельской миграции главную роль играли молодые люди). Однако в областях, вынужденных отдавать свое население городу и заселяемым районам, оно привело к ухудшению демографической ситуации. Сокращалось население, особенно его молодая часть, снижалась рождаемость, сельское население старело.

Библиографическая ссылка

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 136. Л. 65 – 66. Далее ссылки в тексте.

Поступила 26.12.2012 г.

УДК 792.5:343.26(470.345)

Р. В. Юрчёнков
R. V. Yurchenkov

ТВОРЧЕСТВО В ТЕМЛАГЕ — ДУБРАВЛАГЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

CREATIONS IN TEMLAG — DUBRAVLAGE: FORMULATION OF THE PROBLEM

Ключевые слова: Темлаг — Дубравлаг, творчество, лагерь, заключенные, художественное осмысление, философская лирика.

В статье на примере литературных работ заключенных Темлага — Дубравлага изучается проблема творчества в местах лишения свободы; анализируются произведения одного из лидеров евразийства П. Н. Савицкого, написанные им в Темлаге в 1945 — 1953 гг.

Key words: Temlag — Dubravlag, creations, camp, prison inmates, artistic interpretation, philosophical lyrics.

The problem of creation in the institutions of confinement is studied in this paper by the example of literary works of prisoners of Temlag — Dubravlag, the works of one of the leaders of the Eurasianism P. N. Savitsky, written in Temlag in 1945 — 1953, are analyzed as well.

В историографии последних двадцати лет особое внимание уделено ГУЛАГу (Главное управление лагерей). При этом особый интерес вызывают многочисленные российские региональные издания¹. В них детально представлены история системы ИТЛ в регионах страны, условия содержания заключенных, их численный состав и т. п. Однако в публикациях практически отсутствует проблема творчества в ГУЛАГе. Между тем она представляет несомненный интерес, поскольку среди заключенных было немало творческих людей, писателей, поэтов, художников и т. п., продолжавших творить, несмотря на условия существования. Стоит отметить, что в последние годы вопросы творчества заключенных все же стали подниматься исследователями. В частности, вышла монография английского историка, старшего преподавателя Школы истории Кентского университета в Кентербери Ф. Буббайера о диссидентстве в СССР, в которой данная проблематика нашла некоторое отражение². В целом же вопросы творчества заключенных остаются недостаточно изученными.

Темлаг — Дубравлаг в силу ряда причин стал местом отбывания наказания многих творческих людей, в частности, поэтов Ю. Галанского, В. П. Соколова, И. Ратушинской, писателей А. Синявского, Л. Бородина, Ю. Даниэля, актрисы З. Федоровой и др. Все они, несмотря на тяжелейшие условия существования, продолжали заниматься творчеством. Начальник политотдела Дубравлага, полковник А. С. Бахмистеров вспоминал: «Никто не будет утверждать, что жизнь в Дубравлаге была „сладкой“. Но душа человека и в очень сложных условиях рвется к свету, к жизни, к поэзии, наконец. Многие заключенные писали стихи...»³. Поэт Л. Чертков в 1987 г., вспоминая о своем нахождении в Дубравлаге, с горечью писал об «условиях» этих поэтических занятий:

Действительно, мы жили, как князя,
Как те князя, кого доской давили,
А наверху ордынцы ели-пили,
И даже застонать было нельзя⁴.

Впрочем, так было не всегда и не везде, имелись и определенные послабления. Актриса и поэтесса Л. Ю. Зубова-Моор вспоминала: «...в сталинское время меня отправили в концентр[ационный] лагерь на Потьму на 3 года, но я пробыла там 2 года... Я была так занята: 8 часов канцелярской службы, затем репетиции спектаклей, в которых я играла главные женские роли. Режиссером был артист МХАТа, тоже, видимо, по недоразумению высланный в Темниковский лагерь. Затем моей обязанностью было писать стихотворение к очередному номеру выходящей в лагере газеты»⁵.

Для узников Темлага — Дубравлага темой художественного осмысления стало первоначально необычное для них окружение. Л. Ю. Зубова-Моор, воспитанная на героике советских будней восторженно писала:

В Мордовии, в лесах ее зеленых,
Вдоль ветки Потьменской раскинут лагерь наш,
И всем до лагеря, в труде незакаленным,
Дают отбыть здесь трудовой свой стаж.

Смирился гордый, укрошен строптивый,
Квалифицирует, воспитывает труд,
Прилежен стал, кто прежде был ленивый,
Ударник честный — прежний вор и плут⁶.

Совершенно иное восприятие лагеря присутствует в стихах уроженки Яваса поэтессы З. Палвановой. В своем творчестве дочь отсидевших срок и расконвоированных «врагов народа» (местечковой еврейки из Белоруссии и каракалпака из Узбекистана) неоднократно упоминает свою «малую родину», связывая с нею некоторые «врожденные» черты своего характера: «Поднимаю сломанные ветки, / подбираю павшие цветы, / в банку ставлю эти биоклетки / бедной красоты. //...Объясни мне, мой Творец, Господь мой, / мне, родившейся за непроглядной Потьмой, / отчего к спасенью эта страсть? / Мне ведь и самой дано пропасть. / Видно, в местности той изможденной / столько тьмы скопилось в годы те, / что любой ребенок, там рожденный, / был заначкой света в темноте. / ...Не в потемках, а в потомках — предки... / Дни мои стремительно просты. / Поднимаю сломанные ветки, / подбираю павшие цветы»⁷. Еще более трагичен поэт В. П. Соколов, отбывавший срок в Дубравлаге в 1958 — 1968 гг.:

Ледяной водой окатят,
Постригут и обушлатят,
И от деток уведут,
И посадят к тиграм в клетку.
И забудет папа детку,

Детки папу проклянут.
И погонят по этапу
Очень тихую толпу...⁸

Особо хотелось бы остановиться на творчестве одного из основоположников и лидеров евразийства, крупного географа и историка П. Н. Савицкого (1895 — 1968 гг.), который содержался в Дубравлаге с 1946 г. по 1955 г. Он известен как один из выдающихся ученых русского зарубежья, первый русский геополитик⁹. 21 мая 1945 г. он был арестован в освобожденной Праге Управлением военной контрразведки «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта. В ходе следствия на допросе 15 июня 1945 г. он заявил, что в конце января 1927 г. нелегально ездил в Москву, «где связался с антисоветской организацией „Трест“... Задача моя в этой поездке заключалась в том, чтобы связаться с группой „евразийцев“ в Москве и выработке совместного плана борьбы с Советской властью»¹⁰. 20 октября 1945 г. Особым Совещанием при НКВД СССР П. Н. Савицкий был осужден по ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР на 10 лет и отправлен в Дубравлаг. 9 декабря 1945 г. он прибыл в лагерь из Бутырской тюрьмы. Во время заключения его один раз отправляли в Москву: 9 октября 1949 г. был этапирован во Внутреннюю тюрьму МГБ, откуда 8 апреля 1950 г. возвращен в Дубравлаг. П. Н. Савицкий был освобожден 7 апреля 1955 г. по отбытии срока наказания с учетом зачета рабочих дней и передан в Zubovo-Полянский дом инвалидов МАССР*.

Свои ощущения о заключении П. Н. Савицкий передал в цикле стихов, написанных им в лагере¹¹. В них осмысливается история России, ее судьба, в которой автор искал для себя опору:

Но знаю, Русь, ты устоишь!
Так, помоги ж и мне в бореньи,
Душе моей дай свет и тишь,
Дай твой закал, твое терпенье.

В примечаниях к стихам П. Н. Савицкий отметил: «1946. Сложено на лесоповале. Меня направили на лесоповал. Перенес это с бодростью, сдружился с ребятами-лесорубами. Это почти сплошь были урки (уголовники). Работали ребята замечательно. Любили слушать мои рассказы»¹². В 1948 г. он написал стихотворение «Мудрецы», в котором охарактеризовал солагерников:

«Медведь не моется и век здоров бывает», —
Так мудрецы баракгов говорят,
И серый прах их лица покрывает,
Но весело горит их дерзновенный взгляд.

* Данные Министерства юстиции Российской Федерации, Главного управления исполнения наказаний, Государственного учреждения ЖК-385, № 82-6/6-311 (из личного архива автора).

В Дубравлаге П. Н. Савицкий пытался переосмыслить свои положения о роли природы в истории России, идеи месторазвития, выразить их не только сухими словами, но и в поэтической форме. Так, в стихотворении «Пурга» он сказал:

Вместилище народной славы
Необозримые края!
Суровым ветром, сердцу милым,
Россия повита моя.
Тот ветер ковал ее закалы,
Через изотермы шел Ермак.
И русские одолевали
И ярый зной, и хладный мрак.

В лагере П. Н. Савицкий написал стихотворение «Небо Мордовии», в котором подчеркивалась неповторимость этого уголка России:

В Европе нет таких закатов,
И нет таких небес в Стамбуле.
Палитры Рубенса богаче
Цвета, тона твоей лазури.

В 1948 — 1950 гг. в Дубравлаге П. Н. Савицкий написал стихи, посвященные великой княгине Ольге, основоположнику медицины на Руси Агапиту, Андрею Боголюбскому, Сергию Радонежскому, царю Федору Иоанновичу. Обращался в стихах к Пржевальскому, Менделееву, Семенову-Тян-Шанскому, своим единомышленникам-евразийцам. Так, о князе Н. Трубецком он писал:

Твоей идеей заостренной
Ни в чем нельзя предугадать.
И нам с улыбкою смущенной
Одно осталось — бдеть и ждать.

В Дубравлаге П. Н. Савицкий заново осмысливал свою полемику с противниками, пытался анализировать их аргументацию, точку зрения. О видном российском историке и лидере кадетов П. Н. Милюкове он писал:

Ты враг, ты недруг евразийства,
Отсталость — вот Руси закон,
Все прочее — плоды витийства
И самый пустозвонный звон.

Находясь в лагере, П. Н. Савицкий не был в полной изоляции. Находились люди, которые поддерживали с ним связь, присылали ему книги. В 1948 г. он написал стихотворение «Другу незримому», посвященное памяти академика Д. Н. Прянишникова — знаменитого агрохимика, который много писал и помогал П. Н. Савицкому в самые тяжелые его годы. В комментариях к стихотворению

он позднее написал: «Не боялся — как не боялись и многие другие русские люди, в том числе и выдающиеся ученые»¹³.

В лагере П. Н. Савицкий подбадривал других. В стихотворении «Другу историку» он писал:

Мужайся, друг! Придет иное время.
Жены, детей увидите лицо.
Неволи злой навек исчезнет бремя,
Работы творческой сомкните вновь кольцо.

По-видимому, это стихотворение было посвящено другому заключенному Дубравлага — видному историку, профессору Ленинградского государственного университета (ЛГУ) М. А. Гуковскому (1898 — 1971 гг.), который был специалистом по истории итальянского Возрождения, блестяще знал творчество Леонардо да Винчи. В 1939 — 1945 гг. он был проректором ЛГПИ, деканом исторического факультета, в 1945 — 1949 гг. — профессором ЛГУ и одновременно главным хранителем, старшим научным сотрудником Эрмитажа. В 1949 г. М. А. Гуковский был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ. Лишь в 1955 г. он был выпущен и вернулся в Ленинград¹⁴.

Стоит отметить, что попытки осмысления роли и места России в мировой цивилизации характерны не только для П. Н. Савицкого. В той или иной мере философская лирика была свойственной многим узникам Темлага — Дубравлага. Размышляя о своей судьбе, переплетая ее с судьбой страны, одна из наиболее талантливых поэтесс ГУЛАГа А. А. Баркова, отбывавшая в 1958 — 1965 гг. третий срок в Дубравлаге, писала:

Волжская тоска моя, татарская,
Давняя и древняя тоска,
Доля моя нищая и царская,
Степь, ковыль, бегущие века...
Все сгорит, все пеплом поразвеется.
Отчего ж так больно мне дышать?
Крепко ты сроднилась с европейцами,
Темная татарская душа¹⁵.

Стоит отметить, что пребывание в Дубравлаге очень сильно подействовало на А. А. Баркову. Ее сокамерница И. Вербловская вспоминала: «Восемь лет — нешуточное дело. Когда она попала в лагерь, она была ярко рыжей, с очень красивыми рыжими кудрями, которые как-то обрамляли ее очень выразительное и некрасивое лицо. А потом она стремительно абсолютно поседела и уже тот образ, который поначалу складывался, стал меняться — и внешне, и по существу тоже. Потому что восемь лет провести в заключении, имея большой и без того лагерный опыт, в условиях, когда не с кем слова сказать по-настоящему, это очень тяжелое испытание. И она не писала практически. И она не только хорошо помнила свои лагерные стихи, она их возобновляла. Не переделывала, а возобновляла. Вот был случай такой, это была весна 1959 года, когда она пришла ко мне

в барак и читала мне подряд очень много своих стихов. Потом, уже на воле, в другое время, я выяснила, что это еще даже из молодых стихов, не то, что прошлой зоны. Но вот ей надо было как-то пережить еще раз ею написанное»¹⁶.

Молдавский поэт Б. Марианн, в числе первых диссидентов попавший в Дубравлаг, рассуждал о человеческой памяти и судьбе:

Кто, севши на забвения иглу,
Не помнит предков праведные лики.
О родине кто сердцем не тужил,
Не плакал на чужбине о народе, —
Тот, не родившись, как в утробе жил,
Того как бы и не было в природе¹⁷.

Результатом творческих усилий заключенных являлось не только поэтическое слово, но и работы художников. Так, в начале 1960-х гг. в Дубравлаге находился ленинградский художник Р. Гудзенко, творивший в духе импрессионистов. Художница и писатель, ныне живущая во Франции, К. И. Кривошеина вспоминала: «Хоть и лагерь, и лесопилка, и недосып, и полуголод, а Гудзенко удавалось на обрывках картона и фанеры, с помощью самых простых красок, добытых с величайшим трудом и, конечно, в тайне от лагерного начальства, рисовать своих балерин и окна. Никакого шкафа в бараке не было, а потому прятал он свои картины под матрас. Однажды нагрянул очередной шмон, которым руководил начальник отряда, мордвин с четырехклассным образованием, маленького роста, капитан Ежов. Старшины рылись повсюду, заглянули под Родионов матрас, а там сюрприз! Все выгребли, вывалили на середину барака, и Ежов от вида раскоряченных, в голубых пачках, балерин и странных окон с крестообразными рамами посередине закатился в истерику. „Это что за кресты? Это что за порнография?!“ — орал капитан; и сапогами, и каблуками топтал и громил картины. Все раздолбал»¹⁸.

Чаще всего заключение сказывалось на последующем творчестве, на произведениях, написанных уже после выхода на свободу. В качестве примера можно привести Л. Бородину, который попытался осмыслить лагерную жизнь в романе «Третья правда». Один из героев книги лесник-сибиряк Иван Рябинин несправедливо приговорен к двадцати пяти годам исправительных работ и сослан в лагерь, где познает Бога. Он обретает новую истину, общаясь с людьми нового мира, и учится прощать людей. Английский историк Ф. Буббайер пишет: «Центральная идея романа: религия — это альтернатива какой бы то ни было идеологии, „красной“ или „белой“... Кроме того, в романе звучит мотив жертвенности и искупления — это отражение идей и мыслей, характерных для сочинений богословов, но бытовавших также в светских диссидентских кругах»¹⁹.

Творчество заключенных Темлага-Дубравлага, являясь составной частью истории российской культуры, оказало несомненное воздействие и на региональную культурную среду. Так, например, прослеживается влияние произведений Л. Бородина на творчество А. и К. Смородиных. Это очень своеобразный культурологический феномен, вобравший в себя не только общечеловеческие ценности, но и региональную специфику, заслуживающий пристального внимания и изучения.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Чухин И. И.** Каналоармейцы : История стр-ва Беломорканала в док., цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. Петрозаводск, 1990 ; **Еланцева О. П.** Строительство № 500 НКВД СССР : Железная дорога Комсомольск — Советская Гавань (1930 — 1940-е гг). Владивосток, 1995 ; **Гвоздкова Л. И.** История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997 ; **Морозов Н. А.** Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР. 1948 — 1954 годы. Сыктывкар, 1998 ; **Кучин С. П.** Полянский ИТЛ. Железногорск, 1999 ; **Его же.** ГУЛАГ в Коми крае: 1929 — 1956. Екатеринбург, 2000 ; **Кузьмина М. А.** Строительство № 15 : Нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре, 2000 ; **Бердинский В. А.** История одного лагеря : Вятлаг. М., 2001 ; **Козлов А. Г.** Магадан : История возникновения и развития. Магадан, 2002. Ч. 1 ; **Кукушкина А. Р.** Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: История и судь-бы. Караганда, 2002 ; **Ее же.** Норильская голгофа. Красноярск, 2002.

² См.: **Буббайер Ф.** Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010.

³ **Бахмистеров А. С.** Дубравлаг, или «Черное пятно» на карте Мордовии. Саранск, 2006. С. 87.

⁴ <http://www.rvb.ru/np/publication/02comm/04/02chertkov.htm> (дата обращения 03.03.2013).

⁵ **Зубова-Моор Л. Ю.** Темлаг (Темниковский лагерь). 1932 — 1934 гг. : Поэма о труде // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 20.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ **Рахлин Ф.** Явас как родина, или Свидание с мамой // Зарубежные задворки. 2011. № 8/3.

⁸ <http://www.survice.kudin.org/prisonrecl.htm>

⁹ См.: **Рязановский Н.** Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 2 ; **Дугин А.** Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М., 2000.

¹⁰ **Лавров С. Б.** Лев Гумилев: судьба и идеи. М., 2003. С. 185.

¹¹ Цит. по: **Юрчёнков В. А.** Мордовское небо Петра Савицкого // Лит. Россия. 2004. 3 сент. С. 7.

¹² **Востоков П.** Стихи. Париж, 1960. С. 36.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ См.: **Чернобаев А. А.** Историки России XX века : библиограф. слов. Саратов, 2005. Т. 1. С. 253.

¹⁵ Доднесь тяготееет. Вып. 1 : Записки вашей современницы. М., 1989. С. 344.

¹⁶ <http://www.svoboda.org/content/transcript/24292049.html> (дата обращения 03.03.2013).

¹⁷ Седьмая радуга Бориса Марианна [Электронный ресурс]. URL: <http://noutati.md> (дата обращения 04.03.2013).

¹⁸ **Кривошеина К. И.** Работа за «шкаф» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newswe.com/Vrem/vremena.html> (дата обращения 04.03.2013).

¹⁹ **Буббайер Ф.** Указ. соч. С. 233 — 234.

Поступила 05.04.2013 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1`282.2(470.345):316.346.2

А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова
A. Yu. Maslova, T. I. Mochalova

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF GENDER ASPECT IN RUSSIAN DIALECTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: диалект, лексика, фразеология, языковая картина мира, номинация, семантика, гендер.

В статье рассматриваются гендерно маркированные фразеологические единицы, функционирующие в русских говорах Республики Мордовия; анализируются особенности репрезентации оппозиции «мужчина — женщина» в диалектной языковой картине мира; выявляется аксиологическая система сельских жителей в процессе характеристики и оценки человека в зависимости от пола.

Key words: dialect, vocabulary, phraseology, language picture of the world, nomination, semantics, gender.

Gender marked phraseological units, used in the Russian dialects of the Republic of Mordovia, are considered in the article. Peculiarities of representation of the opposition «man — woman» in the dialect language picture of the world are analyzed and an axiological system of rural residents in the process of characterizing and evaluating of a person depending on sex is revealed.

Одними из важных критериев в оценке и понимании сущности человека являются возраст, половая принадлежность и семейное положение, что определяет стереотипные модели поведения, отношение к нему членов диалектного сообщества. Безусловно, в мире человек предстает в двух ипостасях — мужчина и женщина.

Впервые на гендерную отмеченность содержания некоторых фразеологических единиц (ФЕ) в русском языке обратил внимание Л. И. Ройзензон: «В русской фразеологии имеет место явление феминизации и маскулинизации устойчивых словесных комплексов, то есть закрепления за той или иной фразеологической единицей определенного объекта, на который распространяется действие того или иного пола»¹. Мужчина и женщина — онтологическая оппозиция, лежащая в основе естественного языка, при этом именно социальный пол (гендер) означает

«совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола»².

Определенная группа ФЕ формируется из компонентов, связанных с номинацией человека в аспекте гендерной референции. В связи с этим логично начать рассмотрение фразеосочетаний, характеризующих мужчину и женщину в русских говорах Республики Мордовия, с ФЕ, содержащих компонент «наименование мужчины / женщины».

Родовыми понятиями тематических групп соответственно являются **мужчина** и **женщина**. В диалектной фразеологии их синонимами в качестве компонентов — собственно наименований по половой принадлежности выступают **мужик** и **баба**. Во ФЕ **брать мужика** номинация **мужик** может быть истолкована либо в традиционно-народном значении как деревенский мужчина, крестьянин, либо с учетом разговорно-сниженной окраски как любой мужчина вообще³. Однако следует отметить, что рассматриваемая ФЕ, содержащая наименование лица мужского пола, гендерно маркирована отнесенностью к противоположному полу, потому что **брать мужика** означает ‘выходить замуж, принимая мужа к себе в дом’. Компонент **баба** в традиционно-народном значении также понимается как деревенская женщина, крестьянка или любая женщина вообще (разг.-сниж.)⁴ и фигурирует во фразеологизмах как **баба рязанская** (неодобр.) ‘громко кричать, браниться’, **гром-баба** ‘очень боевая женщина’.

Видовыми понятиями, содержащими сему «наименование лиц мужского/женского пола», являются номинации, характеризующие мужчин и женщин по ряду признаков: возраст, родство (кровное/некровное), этническая принадлежность, социальный статус, наличие антропонимов и оценочный критерий. Данные номинации, становясь компонентами ФЕ, могут испытывать семантическую трансформацию на уровнях категориального и индивидуального значения⁵. Рассмотрим семантические особенности ФЕ с вышеуказанными номинациями.

1. Компонентный состав ФЕ, включающих характеристику по возрастному признаку, представлен и в группе «наименование мужчины», и в группе «наименование женщины»:

— наименование мужчины обозначено компонентами **парень** и **дядя**. В ФЕ **в парнях ходить** ‘быть неженатым, холостым’ номинация выступает в своем прямом значении, поскольку парень — это «лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке (первоначально молодой крестьянин)»⁶. Компонент **дядя** в ФЕ **большой дядя** ‘начальник’ подвергается переосмыслению, так как значение «взрослый мужчина вообще»⁷ становится вторичным по отношению к семантике определения **большой**, т. е. важный по значению. Вследствие этого ФЕ функционирует в качестве характеристики социального статуса мужчины как начальника;

— наименование молодой женщины, не состоящей в браке, представлено компонентами **девушка** и **девка**, которые являются синонимами, причем относительно лексемы **девка** фиксируется и устаревшее значение «крестьянская девушка»⁸, реализуемое в диалектной среде вполне естественно. В ФЕ **нажить в девках** ‘родить вне брака’, **пошлая девка** ‘девушка на выданье’, **обязать по девушке** ‘надеть (надевать) платок на голову, завязав концы сзади’ рассматриваемые компоненты сохраняют свое значение, например: *Эх, тетя Дунь, ты фсе*

на девушки абязывъши. — *Дъ как жъ, я, чай, ишиъ ни старъ* (с. Гуляево Ичалковского района).

2. Компоненты, называющие мужчин и женщин по степени родства, представлены следующими номинациями: по кровному родству (тятя, сын, брат; мать, мама, мамушка, бабушка, бабка) и по некровному (жених, зять; невеста, невестка). При этом следует отметить, что это деление номинаций довольно условно, поскольку названия кровных родственников в структуре ФЕ могут утрачивать буквальный смысл при актуализации компонентами своих вторичных сем.

В группе ФЕ с наименованием мужчины компонент **сын** во фразеосочетаниях **идольский (каянский, разжидовый) сын**, функционирующих как бранные выражения, не актуализирует свое основное значение «лицо мужского пола по отношению к своим родителям», акцентируя внимание на семе принадлежности к определенному, условно говоря, классу. Компонент **тятя** в ФЕ **старый тятя** ‘дедушка’ сохраняет свое значение «отец (букв.: старый отец)»; в ФЕ **твой (ваш, наш и т. д.) брат** компонент **брат** не актуализирует сему родства, выводя на первый план значение схожести, общности интересов. Обратим внимание, что данная единица обладает более узким значением ‘твой (ваш, наш и т. д.) ровесник’ (только относительно возраста) по сравнению с общенародными фразеосочетаниями **ваш брат** ‘вы и вам подобные’, **наш брат** ‘я и мне подобные’⁹.

В группе ФЕ с наименованием женщины по кровному родству компоненты **мама, мать, мамушка** реализуют свое прямое значение. Компонент **мама** входит в парные фразеологизмы, образующие оппозицию по возрастному признаку за счет имеющихся в их составе антонимичных определений, например: **мама молоденькая** ‘женщина по отношению к ее детям’ и **мама старая (старенькая)** ‘мать отца или матери, бабушка’. Номинация **мамушка-породушка** посредством словообразовательного компонента реализует ласковое обращение к матери. ФЕ **как мать отходила** выступает прямым синонимом фразеосочетания **как бабушкой отходили** ‘о чем-либо неожиданно прекратившемся’, что позволяет толковать номинацию **бабушка** в ее первичном значении. В то же время это значение имеет и единица **как бабка отворожила**, где само название действия указывает на то, что номинация **бабка** подразумевает сему «знахарка, ворожея»¹⁰ или «просто старая женщина, то же что и бабушка» (во 2 значении)¹¹. Семантический синкретизм в номинации **бабушка** проявляется и во фразеологизме **бабушкина пропажа** ‘о том, что пропало, а потом неожиданно нашлось’. В ФЕ **подвязаться как бабка посконная** номинативный компонент **бабка** актуализирует сему «возрастную» и устаревшую, указывающую на род занятий (повивальная бабка). Как следует из фактического материала, данный компонент наиболее дифференцированно и активно реализует свой семантический потенциал по сравнению с другими номинативными компонентами, вследствие чего одновременно может быть рассмотрен в группах номинаций, характеризующих и возраст, и социальное положение.

Наименования некровных родственных отношений в ФЕ **быть в женихах** ‘быть взрослым, достичь совершеннолетия’, **в жених пойти** ‘выйти замуж’; **взойти (войти, выйти) в зятя** ‘женившись, перейти жить в дом родителей

жены»; **пропитая невеста** ‘просватанная девушка’, **пропивать (пропить) невесту** ‘устроить (устроить) торжество по поводу состоявшегося сватовства’, **невестке в отвеску** ‘в отплату за причиненное зло’ сохраняют свое первичное значение, реализуя его во фразеологизмах, связанных с процессом заключения брака и перехода диалектоносителя в статус семейного человека. Тем не менее в ФЕ **быть в женихах** актуализируется в первую очередь сема молодого возраста, а в **невестке в отвеску** — когнитивный компонент, отражающий особенности русской языковой картины мира. Семантика происхождения последнего устойчивого выражения довольно прозрачна и основывается на традиционном восприятии русскими носителями языка взаимоотношений свекрови и невестки как враждебных, например: *Он у миня плетень изламал, а я, как гъварищцъ, нивестки в атвесу саху ис сарая у ниво выдирнул* (с. Кулишейка Рузаевского района). Сравнивая данный фразеологизм с общенародным **невестке в отместку**, есть основания предположить, что его появление связано с трансформацией и впоследствии переосмыслением звукового комплекса лексемы отместка (ср.: отвеска).

3. Диалектная фразеологическая картина мира жителей Республики Мордовия во многом едина, однако имеются компоненты, придающие ей «национальную окраску». В составе рассматриваемых фразеосочетаний это этнонимы **татарин, татарка, мордовочка и мордовская невеста**. Учитывая, что модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые включают и социальные категории, в частности «свой/чужой», имеем основание предположить, что номинации **татарин, татарка** в ФЕ **не дай бог лихой татарке (лихому татарину)** в первом значении ‘очень тяжело, трудно’, например: *В вайну-ть жыли ни дай бох лихому татарину* (с. Атемар Лямбирского района) и во втором — ‘очень много’, например: *Страданий приняла чириз болезнь сваю ни дай бох лихой татарки* (с. Саловка Лямбирского района) актуализируют не столько сему национальной принадлежности, сколько когнитивный, исторически обусловленный компонент «чужой». Этому способствует и семантический потенциал номинации, поскольку во втором значении **татары** — это «название различных тюркских, монгольских и некоторых других племен, объединенных в XIII — XV вв. в единое государство — Золотую Орду»¹². Номинации **мордовочка и мордовская невеста** функционируют в прямом значении, подчеркивая этнические особенности поведения диалектоносителей мордовской национальности, репрезентированные в ФЕ или положенные в основу его происхождения, например: **обязать (обязывать, обязать, обязываться) мордовочкой** ‘надеть (надевать) платок на голову, завязав концы сзади’, например: *Давай мардовъчкѣй абяжымси, щас фсе так ходют* (с. Нижняя Вязера Инсарского района); **расплакаться как мордовская невеста** (шутл.) ‘начать плакать часто и без причины’, например: *В мордвах обычѣй ранъшы был: невестъ во время свадьбы въ дворе прощацицъ пѣтходилъ к кажнѣму столбу, к кажнѣй вешчы в доми и фсе вопилъ, и у нас пѣговоркѣ така была: хто плачѣт пѣ любому повѣду, часть ему гъворили: «Што расплакълѣсь как мордовфскѣя невеста»* (с. Красные Поляны Ардатовского района).

4. Группа ФЕ с компонентом, называющим мужчину или женщину по социальному признаку, довольно представительна и разнообразна. Сюда можно отнести

фразеосочетания такого типа, как **задубелый холостяк** ‘закоренелый холостяк’ и **лобовой допризывник** ‘юноша, который скоро должен быть призван на военную службу’. Однако прежде всего это наименования лиц по роду деятельности. Отметим, что номинации лиц женского пола семантически организуют ФЕ, не изменяя своего значения, например: **ходить по прислугам** ‘наниматься в домработницы’, **пойти в приказчицы** ‘устроиться работать продавцом’. При номинации лиц мужского пола актуализируются семы, которые отражают специфику того или иного рода занятий или связанные с ней ментальные стереотипы, например: **как мельник** ‘пыльный, грязный’, **дойти как кузнец до пшику** ‘испытать крайнюю нужду’, **попов работник** ‘добросовестный, усердный работник’.

В обеих группах представлены наименования-тителы, обозначающие отношение к дворянскому классу, например: **барон** и **барыня** как жена барина-дворянина, помещика в царской России¹³. Однако оба компонента не актуализируют семы классовой принадлежности, например: **пан барон** ‘человек, пользующийся неограниченной властью’ и **как барыня в раю** ‘в полном достатке жить’. В мужской номинации компонент **пан** скорее утрачивает сему подчеркнуто вежливого, учтвого обращения и активизирует значение хозяин, господин по отношению к прислуге, что позволяет развить семантику номинации с определенной степенью гиперболизации (неограниченная власть), например: *Начальствъ, канешнь, пан барон, а мы што?* (с. Казенный Майдан Ковылкинского района). Номинация **барыня** может стать членом условной бинарной оппозиции на основании того, что она, являясь женой барина — хозяйина, господина, также пользуется властью и живет в достатке.

5. Специфика группы ФЕ, содержащих антропонимы, состоит в том, что мужские и женские собственные имена, обозначая в структуре фразеосочетаний какой-либо признак диалектоносителя, приобретают нарицательный характер. Наиболее частотными в исследуемых говорах оказываются фразеосочетания с мужскими именами. Так, одним из распространенных русских мужских имен является **Иван**. Он ассоциируется с номинацией «русский человек» вообще, например: **полтора ивана** ‘о человеке очень высокого роста’, **как ванька ветров** ‘о пустом легкомысленном человеке’. Наричательный характер компонента передается и графически: в словаре отсутствует оформление имени с заглавной буквы. Однако, если **иван** — это фрагмент общеязыковой русской картины мира, то компонент **миша пуеткин** (также нарицательного характера) ‘о тупом, умственно ограниченном человеке’ принадлежит национальной картине мира диалектоносителя русских говоров на территории Мордовии, о чем свидетельствует и тип фамилии. Имя **Ермошка** — уменьшительная форма канонического мужского имени **Ермолай** — зафиксировано в составе оборота **как на ермошке**, употребляющегося для характеристики некрасиво сидящей на человеке одежды. В данном случае утрачивается гендерная маркированность ФЕ, а на первый план выступает негативная характеристика не соответствующего традиционным представлениям внешнего вида человека, например: *Нъ тебе этът кастюм как нъ ярмошки* (с. Лаврентьево Темниковского района). Таким образом, компоненты — имена участвуют в создании фразеологической характеристики внешнего вида, физических качеств, умственных способностей и психического,

эмоционального состояния человека, например: **Андрон сел (на кого), Андроны наехали** 'у кого-либо плохое настроение'.

Нарицательные образы неряшливой женщины создаются фразеологизмами с компонентами женских имен, например: **Матрена гузынская, как акуля (акулька)** одеваться, повязаться, собраться и т. п. (Акуля, Акулька — презрительное от Акулина) 'о неопрятной женщине', **как окшанка** 'о грубой женщине'. Диалектологи высказывают предположение, что процесс превращения имен собственных в нарицательные, причем, как правило, для номинации отрицательных признаков, связан с их ярко выраженной социальной характеристикой, поскольку некогда в деревенском быту это были самые употребительные имена. По ономастическим источникам, они входили в десятку самых распространенных имен крестьян в крепостной России¹⁴.

В рамках рассматриваемой группы стоит обратить внимание на ФЕ, содержащие мужское и женское имена в качестве нарицательной характеристики пары, например: **как казепя с парашей** 'о супругах, живущих дружно, согласно'; **как киря с марей** (неодобр.) 'неумные или пьяные люди'. Причем последний фразеологизм (несмотря на то, что Киря сокращенно от Кирилл) не имеет четкой дифференциации в употреблении относительно мужского и женского референтов. Диалектные контексты не дают точного указания на то, что речь идет именно о паре мужчины и женщины, например: *Марушь, ты поглянь-кь, идут киря с марей, дороги малъ. Выридились как киря с марей* (с. Солдатское Ардатовского района).

6. ФЕ с номинативным оценочным компонентом представляют положительные и отрицательные характеристики человека, при этом прослеживается тенденция к негативной оценочности. В фактическом материале представлены фразеосочетания с компонентом **дурак (нагольный дурак, ненасветный дурак, склемной дурак)**, прямо указывающим на пренебрежительную оценку в диалектном социуме очень глупого мужчины, например: *А на етъвъ и абижащцъ нечивъ, дурак нагольный. Фсяки бывают дураки-ти, а етът уш нагольный дурак* (с. Горки Большеигнатовского района). Интересно, что оценка и характеристика умственных способностей в большей степени представлена относительно мужчины. Гендерно противопоставленная номинация **дура** отсутствует во фразеологизмах.

Следует отметить наличие номинаций характеризующих мужчин по характеру их поведения в обществе, например: **нагольный/наголовный озорник** 'склонный к озорству, хулиганству', **варнак претемный** 'озорник, хулиган'. Обратим внимание, что номинация **варнак** трансформирует и отчасти сужает свое значение. Согласно словарю, данная лексема областного употребления имеет значение «бежавший с каторги, каторжник или используется как бранное слово»¹⁵. Посредством номинации **лодырь** характеризуется очень ленивый человек, например: *Он у миня притемный лодырь, ничяво матири ни пмагат* (с. Саловка Лямбирского района). С этим же компонентом функционирует ФЕ **корчить лодыря** 'бездельничать', которая не имеет гендерно маркированного референта, например: *А тебе тожь хватит лодыря корчить, нъчинай вон насок визать* (с. Саловка Лямбирского района). Очевидно, что данное фразеосочетание выступает аналогом общенародного фразеологизма **гонять лоды-**

ря. Стоит отметить, что наименование **лодырь** (по происхождению имя собственное) является культурно маркированным компонентом, поскольку фразеологический перенос возник посредством исторически известного факта. В г. Москве в начале XIX в. немецкий доктор Лодер открыл водолечебницу, где пациенты принимали ванны, пили минеральную воду и обязательно по три часа в день прогуливались на свежем воздухе в парке. Москвичи, наблюдая за таким лечением, называли пациентов клиники лодырями, т. е. бездельниками, а прогуливаться означало «гонять лодыря».

Что касается женских номинаций, то наименование лица оценочного характера наблюдается только в ФЕ, содержащей компонент с указанием на принадлежность к «трансцендентально-мистическим сферам»¹⁶, например: **как волх́а** (ср.: **волха** ‘колдунья’) ‘с распущенными, растрепанными волосами (о женщине)’. В сознании народа такая простоволосая женщина часто воспринималась в связи с темными силами, потусторонним миром и магией.

Из вышесказанного следует, что диалектная фразеологическая картина мира так же, как и языковая картина мира носителей различных языков, свидетельствует о том, что быть в обществе мужчиной или женщиной означает не только обладать теми или иными анатомическими особенностями, но и выполнять предписанные им гендерные роли¹⁷. Диалектный материал, помимо ФЕ, содержащих компоненты с наименованием лиц мужского и женского пола и тем самым указывающих на их референциальную соотносительность, располагает фразеосочетаниями, которые семантически, без указания на лицо, также содержат гендерно ориентированный компонент или предполагают изначально заложенную гендерную характеристику.

Семья с давних пор была неперенным условием материального и нравственного благополучия человека, поэтому в сознании диалектоносителей наиболее значимыми в оценке положения женщины в обществе были такие качества, как способность трудиться, содержать домашнее хозяйство и продолжать род. Не случайно в говорах распространены фразеосочетания, характеризующие беременную женщину — продолжательницу рода, например: **брюхо понести, стать полной** ‘забеременеть’, **на живой ноге** ‘беременная’, **на муках** ‘на последнем месяце беременности’. В то же время сельские жители неодобрительно относятся к женщине, родившей вне брака (**нажить в девках**) или рожавшей детей бездумно, в большом количестве (**плодить как котят**).

При оценке внешности женщины актуальными являются такие параметрические данные, как рост, пропорциональность фигуры и особенности телосложения. Диалектоносители обращают внимание на излишнюю худобу или полноту женщины. При этом следует отметить, что фразеологические характеристики худых женщин по количеству значительно превышают характеристики полных и даются более дифференцированно. Среди них есть фразеологические синонимы-дублиеты, например: **как лярва, как матоня, как скалка** (пренебр.) ‘худая, тощая женщина’; ФЕ, подчеркивающие степень выраженности признака, например: **как плешка** ‘об очень худой женщине’, **как палая кошка, выдра кошиная** ‘худая, изможденная женщина’. При характеристике полной женщины выражение признака может иметь положительную коннотацию: **как лепешка** ‘о полной женщине’, **как кубасиха** ‘о полной, дородной женщине’, напри-

мер: *Наташкь-ть ф сталовый как выдъбрилась, как липшкь сталь* (с. Пурдошки Темниковского района). При этом человек обращает пристальное внимание не только на внешность женщины (рост, телосложение и др.), но и на одежду и умение одеваться.

Одежда выполняет информационную функцию, поскольку транслирует самые разные сведения о человеке. При характеристике лиц женского пола релевантными для положительной оценки выступают следующие признаки: красота и опрятность. Именно такие качества воспринимаются как соответствующие представлениям о настоящей женщине. Негативно оцениваются такие черты, как неряшливость (*евлеша евлешей, как шемела грязная, как отымалка [ходить]*), неумение одеваться со вкусом (*как нюрбай* ‘о женщине, надевшей на себя много юбок’) и бесцельное времяпрепровождение (*как плутка сирая, триперда* ‘о ленивой женщине’).

В исследуемых говорах зафиксированы и другие ФЕ, характеризующиеся гендерной отмеченностью и репрезентирующие образ женщины: *одна под одну* ‘о женщинах, обладающих одинаковыми положительными качествами’; *как негороженный стог* ‘о беззащитной (обычно о незамужней женщине)’.

В русском языковом сознании мужчина традиционно считается главой семьи, поэтому он должен быть здоровым, физически сильным, выносливым и умным. В исследуемых говорах такой человек характеризуется *как бык мирской*. Мужчине необходимо было иметь свой дом, куда он приведет жену и где они будут вести совместное хозяйство. В связи с этим сельские жители неодобрительно относятся к женившемуся, который переходит в дом родителей невесты, говоря о нем *жить влазнем/во влазнях*. О мужчинах, работающих по найму вне постоянного места жительства, говорят *ушел в прусаки*, например: *Фсе мужыки на работу ф прусаки ухадиле, там большой зарьбътък был* (с. Паньжа Ковылкинского района).

Если номинации лиц женского пола по внешнему облику являются доминантными в говорах, то для характеристики мужчины этот фактор неактуален. Зафиксировано лишь единичное фразеосочетание *как писанный* ‘о красивом мужчине’, например: *Какой паринь-ть, как писанный* (с. Хлебино Теньгушевского района). Важным в оценке внешности мужчины становится рост, при этом на нем внимание акцентируется в том случае, если этот признак не соответствует общепринятым представлениям, например: *метр с кепкой* ‘невысокого роста, маленький’.

Осуждение вызывает человек, ведущий нелюдимый образ жизни (*как байбак*), имеющий тяжелый характер (*дубовый кошель*), а также любящий ухаживать за женщинами (*за каждым подолом бегать*). В то же время само действие — ухаживать за женщиной, добиваясь ее расположения, не вызывает неодобрительного отношения, если служит выражением искренней любви и не нарушает нравственных устоев (*крутнем-вертнем ходить*), например: *Витькь се крутним-вертним вдоль ее, а она ни убрашчат нь нево никаковъ внимания* (с. Суподеевка Ардатовского района).

Достаточно часто в основе характеристики мужчины и женщины в говорах лежат зооморфные представления, т. е. типичная особенность какого-либо животного служит основанием для оценочной номинации человека по этому признаку,

например: **как мериница** ‘о крепкой, здоровой женщине’, **как курица общипанная** (неодобр.) ‘о женщине с растрепанными волосами’, **красный кочет** ‘о пожилом, но еще бодром мужчине’.

Таким образом, в русских говорах Мордовии представлены фразеосочетания, которые отражают стереотипные представления о мужчине и женщине как носителях социально предписанных качеств и свойств, при этом определяющую роль традиционно играют физическое здоровье, способность трудиться, содержать домашнее хозяйство и продолжать род. В сознании диалектоносителей отрицательно характеризуются такие черты характера, как бесцельное времяпрепровождение, замкнутость, сварливый, тяжелый характер и распутный образ жизни. Любой незначительный отход от сложившихся социальных устоев, нравственных основ ведет к осуждению мужчины и женщины в обществе. Этим и объясняется широкое распространение наименований с негативной оценкой.

Библиографические ссылки

- ¹ **Ройзензон Л. И.** Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исслед. М., 1972. С. 205.
- ² Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 11.
- ³ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 562.
- ⁴ Там же. С. 53.
- ⁵ Об этом подробнее см.: **Георгиева С.** Представление о мужчинах во фразеологии (на материале русского и болгарского языков) // Грани слова. М., 2005. С. 170 — 181.
- ⁶ Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://mas-dict.narod.ru/> (дата обращения 16.12.2012).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Большой толковый словарь русского языка. С. 54.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Малый академический словарь.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Тамбовские говоры: Фонохрестоматия [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsutmb.ru/kraeved/upload/dir/bibl/govor/general_characteristics.htm (дата обращения 16.12.2012).
- ¹⁵ **Ушаков Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ushdict.narod.ru/> (дата обращения 16.12.2012).
- ¹⁶ **Телия В. Н.** Русская фразеология : Семант., прагмат. и лингвокультур. аспекты. М., 1996. 288 с.
- ¹⁷ См.: **Семиколонова Е. И., Шилина А. Г.** Гендерные исследования как новый вектор современной лингвистики // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 152 — 157.

Поступила 21.01.2013 г.

УДК 82:929Гессен

О. Е. Осовский

O. E. Osovskiy

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НАСЛЕДИИ С. И. ГЕССЕНА

PROBLEMS OF LITERARY STUDIES IN THE HERITAGE OF S. I. HESSEN

Ключевые слова: литературоведение русской эмиграции, наследие С. И. Гессена, классическая русская литература.

В статье рассматриваются литературоведческий аспект наследия С. И. Гессена и культурно-философская интерпретация творчества Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и О. Хаксли.

Key words: literary studies of Russian emigration, heritage of S. I. Hessen, classical Russian literature.

The literary aspect of the heritage of S. I. Hessen as well as cultural and philosophical interpretation of works by F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and A. Huxley are considered in the article.

Имя Сергея Иосифовича Гессена (1887 — 1950) по праву вписано в историю философской и педагогической мысли России и российского зарубежья первой половины XX в. Эта сфера приложения научных интересов ученого получила достаточно широкое освещение в работах российских и зарубежных исследователей. В то же время существует целый ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения: от глобальных (создание полномасштабной научной биографии мыслителя, взаимодействие с международным педагогическим и философским сообществом) до вполне конкретных (выступления с педагогическими обзорами на страницах эмигрантских журналов, преподавательская практика и др.). Одна из проблем такого рода — литературоведческий аспект научного наследия Гессена.

Заметим, что первоначальный интерес к литературе у Гессена возникает еще в детские и юношеские годы. Традиционное увлечение ребенка из интеллигентной семьи русской и зарубежной классикой определяет набор привлекавших его внимание имен: по его собственным воспоминаниям, это А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, О. де Бальзак, Ч. Диккенс и др. «... Наибольшее влияние, вплоть до IV класса, имел на меня отец. — вспоминал Гессен. — Он руководил нашим чтением, летом во время каникул читал нам (всей четверке) вслух, в саду или в лесу — русских классиков. Вместе с ним мы перечли всего Тургенева, Гоголя, много Толстого, Щедрина, а также Белинского, Добролюбова, Писарева, Островского. Перечли вместе и много пьес Шиллера и Шекспира»¹. Определяющую роль в развитии интереса к художественной словесности сыграли литераторы и критики, входившие в круг отца в петербургский период жизни Гессена, прежде всего, сотрудничавшие в редактируемой И. В. Гессеном совместно с П. Н. Милюковым газете «Речь» (А. Н. Бенуа, С. А. Венгеров, Н. И. Кареев,

Д. С. Мережковский, Т. Л. Щепкина-Куперник и др.). С самого начала примечательной особенностью подхода Гессена к литературным произведениям являлось их восприятие и интерпретация в широком философском и историко-культурном контексте, что в немалой степени определялось воздействием немецкой неокантианской традиции, и способность органично ввести литературный материал в круг его философско-образовательных идей. Наглядным примером подобного подхода служит фрагмент первой фундаментальной работы Гессена по философии образования «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (1923), начатой еще в Томске и завершенной уже в эмиграции, в Берлине. В немалой степени под влиянием книги Г. Зиммеля о Гете (1908, рус. пер. 1928) и статьи И. Кона «Страннические годы Вильгельма Мейстера» (Логос. 1910. № 2), отсылки к которым можно найти на страницах книги Гессена, он обращается к проблеме «образовательного романа». При этом для него наиболее важным представляется отображение в данной жанровой разновидности существенного в контексте истории культуры и теорий образования эпохи Просвещения момента путешествия, перетекающего по мере углубления анализа проблемы в еще более актуальный для русского историко-культурного и литературного опыта мотив странствий и особенно странничества. «Чем интенсивнее и разносторонне культурное общение народа, тем ярче и богаче его собственная история, его страннический путь в стране человеческой культуры. Потому-то и преемственна культура: вступить во всемирную историю — это почти всегда означает перенять культуру у иного, исторически старейшего народа. Лишний раз подтверждается установленная нами уже ранее истина: лишь на фоне целого проявляется индивидуальность. Нужно приобщиться к чужому, чтобы обрести свое собственное „я“. Найти призвание, т. е. свое индивидуальное место в мире, — это значит выйти за пределы своего, пуститься в путь в страну чужого»². Литературным видом, специально посвященным этому, Гессен считал «образовательный роман», определяя его лучшими образцами (роман о Вильгельме Мейстере И.-В. Гете, «Зеленый Генрих» Г. Келлера и «Жан-Кристоф» Р. Роллана). Именно здесь, по его мнению, наряду с биографией и автобиографией, реализует себя «повествование о том, как та или иная личность фактически достигла самоопределения»³.

Общественная, политическая и интеллектуальная активность Гессена уже в начале 1920-х гг. закономерно превращает его в одну из самых ярких фигур культурной жизни эмиграции, что, в частности, проявилось в его публикациях на страницах журнала «Современные записки», где он выступал не только как автор статей на философско-этические и политические темы, но и как рецензент новейшей литературы, прежде всего социально-политического и педагогического характера. Примечательным исключением из этого ряда является его единственный на страницах журнала отклик на роман «О дивный новый мир» современного английского писателя О. Хаксли (1932). Данный текст Гессена, однако, выходит далеко за рамки обычной рецензии, вписываясь в круг его работ, посвященных проблемам современного утопического сознания. Получившая со временем статус образца романа-антиутопии, книга Хаксли оказывается среди немногих иноязычных художественных произведений, удостоившихся рецензии в «Современных записках». Гессен чрезвычайно чуток к авторскому замыслу, точен и глубок в оценках. Роман воспринимается им, прежде всего, как остроумная сатира на осново-

полагающие принципы устройства тоталитарного коммунистического государства, противопоставляющего социальную иерархию человечества и механизированную цивилизацию системе нравственных ценностей, культуре и искусству, не просто отмененным за бесполезность, но оказывающимся под жесточайшим цензурным запретом. Рецензент точно определил зависимость Хаксли от европейской литературной традиции (ему очевидна роль Шекспира как символа свободной европейской культуры), значение Ф. М. Достоевского, в первую очередь образа Великого Инквизитора, ориентируясь на который писатель создал своего «мирового контролера». «Русский читатель без труда узнает в мировом контролере современный вариант Великого Инквизитора, — писал Гессен в финале рецензии. — Что здесь мы имеем не простое совпадение, но и прямое влияние Достоевского, это видно из всего контекста. Да и не случайно эпиграфом к своей повести избрал Гексли слова Н. Бердяева о том, что „наступает время, когда образованные люди будут мечтать о средствах для того, чтобы избежать утопий и вернуться к обществу, не утопическому, менее „совершенному“, но зато и более свободному“. Значит, не только пятилетка, но и подлинная русская культура находит свой доступ к душе английской интеллигенции, характернейшим представителем которой является Гексли»⁴. Появление романа Хаксли для Гессена — свидетельство не только формирования новых антиутопических настроений в европейской интеллектуальной среде, но и активного неприятия идей социализма и тоталитаризма в целом.

Особое место в научном творчестве Гессена 1920 — 30-х гг. занимает обращение к фигурам Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. В Русском народном университете в Праге он выступал с лекциями, посвященными различным аспектам их творчества (в частности, «О братьях Карамазовых (в связи с работой В. А. Комаровича)», «Толстой как мыслитель»), принимал активное участие в работе семинария А. Л. Бема по изучению творчества Достоевского, где сделал несколько докладов. При этом Толстой интересовал его в первую очередь как мыслитель и педагог, что проявляется уже в названиях публикуемых работ: «Лев Толстой как педагог» (1928) и «Лев Толстой как мыслитель» (1929). В то же время литературное творчество Толстого остается для ученого одним из принципиально важных источников философско-педагогической мысли писателя в целом. В этом смысле Толстой для него близок Ж.-Ж. Руссо, развернутое сравнение с которым открывает очерк о Толстом-педагоге, — «один — плебей, проживший более половины своей жизни в аристократических салонах, другой — аристократ, опростившийся до мужика. Один — больше философ, другой — больше поэт. Но оба всеобъемлющи по своему влиянию, одинаково глубоко взрывают современную им культуру, одинаково широко захватывают проблематику жизни и, гениальные самоучки, одинаково прочно коренятся в той почве, которая их породила и которую они обессмертили своими творениями»⁵.

Гессену понятно и близко преклонение писателя перед естественной красотой народного творчества, отрицание им «искусственности» профессионального искусства: «Художник-профессионал думает прежде всего о том, чтобы удержаться на высоте традиционной техники и понравиться публике, а публика в свою очередь создает свое суждение по статьям газетного рецензента. Искусство наполнено фальшью, и поэтому простая, но исполненная чувства песня баб выше

исполняемой в концертном зале сонаты Бетховена, не содержащей непосредственного чувства и потому ничем не заражающей. А единение через сопереживание есть для Толстого подлинная цель красоты»⁶. Литературный гений Толстого интересен Гессену во всех его проявлениях: оттого, для него равнозначны признанные художественные вершины и книги, адресованные маленькому читателю. Так, среди шедевров зрелого периода он называет и «Войну и мир», и «Анну Каренину», и созданные «в перерыве между ними свои четыре „Книги для чтения“»⁷.

Статья о Толстом-мыслителе вышла в сборнике, подготовленном чешским Славянским институтом («Slovansky Ustav»), членом которого долгие годы состоял Гессен. Для автора прежде всего важно опровержение мысли о несозвучности «философского дела» Толстого, равно как и его художественного творчества, современному эмигрантскому сознанию. «Дух современного поколения, пережившего двойное отрицание войны и революции, естественно обращается к традиции, к иррациональным началам жизни, к положительным силам и ценностям исторического бытия. Толстой — разоблачитель и рационалист, Толстой — утопический отрицатель истории и цивилизации — особенно несозвучен нашему времени, — указывал он. — Но без созвучия можно ли познавать? Не для юбилейного только поминовения, а для правды своего исследования должен ведь и современный исследователь Толстого показать не только ограниченность, но и правду своего предмета. А как найти эту правду Толстого, раз мы свою правду ищем сейчас на совсем иных путях.

Не поможет ли нам в этом Толстой-художник? Именно теперь, когда старая Россия так далека от нас, образы, созданные художественным гением Толстого, кажутся нам особенно близкими и родными. Утраченное предание, положительные корни русской жизни оживают вновь в созданном им эпосе, реальность которого, по-видимому, превосходит по силе своей реальность самой действительности. Скажут: Толстой-художник не подведет нас к правде Толстого-мыслителя. Но разве можно отделять художника от мыслителя? Допустим, что даже можно было бы выбросить из „Войны и мира“ всю заключительную часть ее, в которой Толстой обосновывает свои историко-философские взгляды, что „Анна Каренина“ ничего не потеряла бы от того, если бы Толстой выпустил из нее все рассуждения о войне. Но разве можно, не искажая самих образов героев Толстого, отвлечься от тех многочисленных рассуждений автора, которыми он сопровождает описание их переживаний и которые он даже вкладывает в их уста: от мыслей Болконского на Аустерлицком поле и перед смертью, от характеристики Каратаева и мыслей Пьера по поводу своего сотоварища по плену, от характеристики Наполеона и Кутузова, от мыслей Левина и от многих других аналогичных мест, исполненных бесспорно философского смысла?» [Гессен, 1999, с. 545 — 546].

Глубокое понимание Гессеном масштаба личности Толстого-писателя, важности его художественных и философско-эстетических построений для русского и европейского культурного сознания подводит ученого к закономерному выводу о всемирном значении его творчества. Наследие Толстого оказывается не только частью прежней русской литературы, дореволюционного прошлого в целом, но и своего рода залогом выживания русской эмиграции в новых исторических условиях: «Значение мыслителя в гораздо большей мере определяется для нас значительностью вскрытых им апорий, нежели завершенностью его решений. Мы

остро чувствуем сейчас соблазн системы и вместе с Толстым готовы сказать, что „всякая философская система, кроме ошибок мышления, несет в себе „ошибки системы“. Чтобы подойти к мыслителю, надо „разорвать его систему““. И непреходящее в мыслителе, то, что, рождая философскую мысль, само живет в ее вековечном предании, есть не завершенная в себе система, а именно та апоретика, которая остается после того, как система будет разорвана. Потому-то мы и пытались изложить мировоззрение Толстого не в его покое, а в его движении. Сейчас нетрудно разорвать отвлеченные построения Толстого. Но сейчас нельзя и пройти мимо той богатой апоретики добра, которая остается живой и под обломками его построений, и взрыть которую во всей ее глубине Толстому, быть может, особенно помогла столь несозвучная ныне нам отрицательная стихия его мышления» [Там же, с. 576].

Подлинно европейскую известность Гессену в интеллектуальном сообществе принесли его работы о Ф. М. Достоевском. Среди написанного им была особая группа статей, как называл их сам автор, — «очерки о Достоевском, Вл. Соловьеве и Л. Толстом, написанные мною по-русски и по-немецки, а частично изданные также по-французски и по-польски. Очерк мой о трагедии добра в „Братьях Карамазовых“ так понравился профессору В. Pages'у, директору School of Slavonic Studies, King's College, London, что по его предложению школа эта избрала меня своим заграничным членом» [Там же, с. 750]. Опубликованные на рубеже 1920 — 30-х гг. в «Современных записках» и «Пути» «литературные этюды» (В. В. Зеньковский) «Трагедия добра в „Братьях Карамазовых“ Достоевского» (1928), «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» (1931), «Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина)» (1932) Гессена представляли собой в заметной степени новый подход к осмыслению и интерпретации нравственно-философской проблематики в романах Достоевского и сыграли значительную роль в развитии достоевковедческой мысли не только русской эмиграции, но и XX в. в целом.

Уже в начале своего первого очерка Гессен подчеркивает важную особенность Достоевского-писателя, заметно отличающую его от современников: «Одно и то же действие развивается в них в крупных романах Достоевского сразу в нескольких планах бытия. В наиболее внешнем из них, эмпирическом плане, в котором развертывается собственная фабула романа, случай причудливым образом сталкивает друг с другом не менее причудливых героев. Это роман приключений в настоящем смысле слова: преступлением, убийством завершается большей частью столкновение героев. Но тут же одновременно то же самое действие протекает и в более глубоком, психологическом плане: как столкновение страстей в человеческой душе, часто трагическое в своей безысходности и ведущее ее к гибели. И однако человек для Достоевского менее всего простое только игрище судьбы или собственных страстей. Оба эмпирических плана действия множеством нитей связаны у Достоевского с более глубокой, позади них лежащей действительностью, с сверхчувственной реальностью идей, которые для Достоевского суть подлинные движущие силы действия: судьба людей определяется в последнем счете именно их трагической антиномичностью и их внутренней логикой, часто не менее разрушительной. Впрочем, и этот метафизический план не есть у Достоевского последний; своей сущностной реальностью он

обязан еще более глубокому слою бытия, который можно было бы назвать мистическим. Именно о нем Достоевский говорит: „здесь борются дьявол с Богом, а поле битвы — сердца людей“. В том, как все эти сферы бытия сопряжены друг с другом и переплетены в единую ткань совокупного действия, так что потустороннее не только знаменуется эмпирическим, но всецело пронизывает его, просвечивает в нем, — и заключается величие Достоевского как поэта, подлинно символическое и пророческое его искусство» [Там же, с. 577 — 578].

В интерпретации Гессена отношение к категории добра и ее роль в общем художественно-философском замысле писателя оказываются важной особенностью романа. По его мнению, образы братьев Карамазовых «символизируют собою три аспекта или три ступени добра, их коих каждая по-своему соблазняется искушением зла, которое в образе Смердякова и является слугою всех трех искаженных личин добра. Трагедия добра есть то метафизическое действие, которое составляет подлинное содержание этого „русского Кандида“, как называл сам Достоевский свой последний роман, в котором им начертана целая система этики и который по философской насыщенности своих образов может быть сравнен лишь с „Божественной Комедией“ или „Фаустом“» [Там же, с. 578 — 579].

Гессен детально исследовал философско-художественный замысел Достоевского, выявил его роль в организации сюжетной структуры и в выборе ценностных ориентиров его персонажей. Все это позволяет героям писателя переступить через «дьявольский» соблазн идеи сверхличности, предвосхищающей у Ивана высказанные позже мысли Ф. Ницше, что в итоге привело Гессена к примечательному выводу: у Достоевского «жизнь означает прежде всего неповторимость и незаменимость. Поэтому в вечной жизни царствия Божия время не просто упраздняется, а исполняется, преодолевается полнотою любви существа, на деле исполнившего в положенный ему временный срок всю целостность своего индивидуального долженствования. Самый разрыв времени на прошедшее и будущее отменяется этим совершенным достижением любящим существом полноты своего идеального назначения. И так как самая смерть, увенчивающая неповторимую и незаменимую жизнь, есть смерть лишь постольку, поскольку мы не смогли в должной мере просветить любовью отмеренный нам ею промежуток времени и до конца заполнить расстояние между нашим долженствованием и нашим бытием, — то, стало быть, и самая смерть благословляется как „сестра смерть“, а значит, и побеждается любовью. Об этом и говорят слова Евангелия, взятые Достоевским эпиграфом к его роману: „Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода“» [Там же, с. 608].

Статья «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» становится логическим продолжением предшествующего очерка. Гессен не только вскрывает обширный философско-этический контекст творчества Достоевского, но и выявляет особое сходство философско-этических позиций писателя и философа в период создания «Братьев Карамазовых» и «Критики отвлеченных начал». Для него очевидна ключевая роль последнего романа равно как в нравственно-философской системе, так и в творческом наследии писателя. Он соглашается с самим Достоевским, считавшим, что в нем «ему удалось достичь такой глубины изображения, которая вознесла его высоко над всякой

тенденциозностью. И, действительно, достаточно сравнить „Братья Карамазовы“ с „Дневником писателя“, в котором Достоевский высказывает свое мировоззрение как публицист, или даже с „Бесами“, которые он сам называет „тенденциозным романом“, чтобы убедиться, что в этом своем последнем творении художник, воплотивший в монументальных образах трагическую сущность Добра, превозмог публициста, связавшего свое этическое воззрение с определенным политическим и философско-историческим взглядом» [Там же, с. 611 — 612].

При этом Гессен внимательно следил за работами современных достоевско-ведов. Он вступал в полемику, в частности с Л. И. Шестовым, критикуя его за утверждение тождественности взглядов Достоевского и высказываний его персонажей, возводимое Шестовым, по словам Гессена, «в целый метод». Солидаризируясь с позицией А. П. Скафтымова в критике Шестова, Гессен, однако, допустил неточность в толковании позиции М. М. Бахтина. Непосредственно с книгой Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» он, по-видимому, знаком не был и судил о ней по рецензиям, в результате чего интерпретировал концепцию «полифонического романа» с точностью до наоборот, предположив, что Бахтин также считал, что авторская позиция Достоевского равна позиции его героев: «М. Бахтиным... метод этот возведен даже в принцип стиля Достоевского — „полифоничность“» [Там же, с. 619].

Выявляемая Гессеном этическая близость «Братьев Карамазовых» Достоевского и поздних работ Соловьева приводит его к завершающей мысли об актуализации нравственных постулатов писателя и философа для современного сознания. Незыблемость нравственной позиции Достоевского — в его неприятии пассивности человека по отношению к собственному бытию — предполагает ответственное и активное начало в переустройстве человеческой жизни: «Не потому ли именно практическое неверие, „неприятие Божьего мира“, т. е. уныние, а отнюдь не отрицание Бога, или теоретическое безверие полагается Достоевским в качестве основного греха? Ибо, как правильно формулировал это Соловьев еще в утопический период своей философии, „человечество обязано не созерцать божество, а само делаться божественным. Согласно этому, новая религия не может быть только пассивным богопочитанием (*teosebeia*) или богопоклонением (*teolatreia*), а должна стать активным богодействием (*teurgia*), т. е. совместным действием Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное и божественное“. Не это ли имел в виду и Апостол, говоря, что „Царствие Божие не теоретично, а динамично“ (*u gar en logo, all en dunamei, 1-е Кор., 4, 20*)?» [Там же, с. 677].

В центре третьего очерка «Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина)» оказывается роман «Бесы». Гессен дал точную характеристику этого произведения, подчеркивая его глубокую философскую основу и показывая, как первоначальная памфлетная заостренность замысла постепенно отошла на второй план, уступив место размышлениям о сущности человеческих характеров. Писатель, по его словам, «следовал лишь закону своего художественного творчества: эмпирическая действительность всегда была для Достоевского только символом более глубокой реальности метафизического порядка, реальности идеи, в чем он и сам справедливо усматривал особенность своего „более реального идеализма“» [Там же, с. 678 — 679]. Соглашаясь с мнением о Н. А. Спешневеве как

прототипе Ставрогина, Гессен был сосредоточен на выявлении философского смысла образа Ставрогина. Сложность героя Достоевского проявляется, с его точки зрения, не только в характере его мыслей, но и в его поступках. «Ставрогин не только главный герой „Бесов“, но и центральная в нем фигура, „солнце“, вокруг которого вращаются все другие образы романа, — отмечал он. — Только через отношения к ним понимаем мы вполне его образ, точно так же как и все другие лица романа в нем находят свое последнее объяснение» [Там же, с. 682].

Дегуманизированная сущность образа Ставрогина проявляется у Достоевского в двойственности характера героя, в его неспособности любить, в отрицании Бога, о чем наглядно свидетельствует подробный анализ текста романа, а также «Исповеди Ставрогина». Ставрогин «знает, что он „осужден“, и потому вместо того, чтобы надеяться на божественную любовь, он бросается во все стороны, ожидая чуда то от своей исповеди, то от Лизиной любви, то от жалости к нему Даши, — подобно игроку, последняя надежда которого лежит не в нем самом и не Боге, а в „повороте колеса“, — писал Гессен о безысходности судьбы героя «Бесов». — Подобно тому, как подлинная, имеющая источником своим любовь, вера в Бога есть жизнь, точно так же и вера в дьявола, будучи следствием совершенного иссякновения в человеке любви, есть духовное разложение человека и его смерть» [Там же, с. 702].

В годы Второй мировой войны скрывающийся в польской деревне Гессен написал большой очерк о философии религии Достоевского. Он должен был стать заключительной частью книги, которая включила бы все статьи Гессена о Достоевском, Соловьеве и Толстом. Однако замысел этот не был доведен автором до конца.

Работы Гессена о Достоевском вызвали значительный интерес критики русской эмиграции, представители которой неоднократно акцентировали внимание на его публикациях в своих обзорах томов «Современных записок»⁸. Как отмечал В. В. Вейдле, «статья С. И. Гессена „Трагедия добра в „Братьях Карамазовых“ — блестящий и крайне редкий в русской литературе образец того, как можно построить точнейший философский анализ художественного произведения, извлечь из него целостную и очень убедительную этическую систему, ни на минуту не насилуя его, не забывая ни одной особенности, присущей ему именно как произведению искусства»⁹. А. Л. Бем специально останавливался на немецком варианте очерка о Ставрогине в обзоре новой литературы о Достоевском¹⁰. Высокую оценку «Трагедии добра» дал Н. О. Лосский¹¹.

Таким образом, обращение Гессена к литературной составляющей интересующих его проблем не казалось ему принципиальным и представляло собой «побочную» линию в его научном творчестве. В то же время нельзя не признать, что без его учета не будет полным наше представление ни о многогранности гессеновского творчества, ни о характере интеллектуальных поисков эмиграции 1920 — 30-х гг.

Библиографические ссылки

¹ Гессен С. И. Избр. соч. М., 1999. С. 778. Далее ссылки в тексте: [Гессен, 1999, с.]

² Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 193.

³ Там же. С. 196.

⁴ Цит. по: **Осовский О. Е.** Забытая рецензия Сергея Гессена на роман Олдоса Хаксли // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1. С. 77.

⁵ **Гессен С. И.** Педагогические сочинения. Саранск, 2001. С. 421.

⁶ Там же. С. 423.

⁷ Там же. С. 439.

⁸ См.: **Айхенвальд Ю. И.** Литературные заметки // Рубль. 1928. 13 июня.

⁹ **Вейдле В. В.** «Современные записки». Кн. XXXV // Возрождение. 1928. 21 июня.

¹⁰ См.: **Бем А. Л.** Из литературы о Достоевском // Рубль. 1931. 15 апр.

¹¹ См.: **Лосский Н. О.** Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 281.

Поступила 23.01.2013 г.

УДК 81`25:82-14

Н. А. Ручина

N. A. Ruchina

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА (На примере поэмы «Полые люди» Т. С. Элиота)

TO THE PROBLEM OF TRANSLATION OF A POETIC TEXT (By the Example of the Poem «The Hollow Men» by T. S. Eliot)

Ключевые слова: художественный текст, стихотворный текст, поэма, строфа, перевод с английского языка на русский, переводческая эквивалентность, анализ, предметный ряд, эпитет, сравнение.

В статье на основе сравнительного анализа выявляются особенности переводов поэмы «Полые люди» Т. С. Элиота с английского на русский язык, выполненных Н. Берберовой, А. Сергеевым, В. Топоровым, С. Степановым и И. Полуяхтовым; с учетом идейно-художественного содержания определяются произведения, наиболее приемлемые в аспекте достижения переводческой эквивалентности вариации.

Key words: literary text, poetic text, a poem, verse, translation from English into Russian, translational equivalence, analysis, a number of subjects, epithet, comparison.

Special features of translations of the poem «The Hollow Men» by T. S. Eliot from English to Russian language, done by N. Berberova, A. Sergeev, V. Toporov, S. Stepanov and I. Poluyahtov, are revealed in the article on the basis of comparative analysis. Taking into account the ideological and artistic content, the most appropriate works to achieve translational equivalence of variation are determined.

Технологии перевода художественного текста с одного языка на другой с давних пор являются предметом научных дискуссий. При этом участники полемики признают необходимость переводов, поскольку без этого не может быть речи о восприятии иноязычной культуры широкими кругами читателей: «язык воздвига-

ет барьеры, зато сама поэзия дает стимул к их преодолению»; «поэзия любой страны и любого языка пришла бы в упадок и погибла, если бы ее не питала поэзия других народов»¹. Вместе с тем постоянно подчеркивают трудности переводов и отмечают неудачи, когда авторы, не особо заботясь о переводческой эквивалентности, предполагающей максимально возможную степень сохранения существа оригинала, на свой лад воспроизводят стихотворные тексты. Следование общеизвестной формуле В. А. Жуковского «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник»² нередко приводит к тому, что в процессе перевода создается новое поэтическое произведение, далекое от оригинала с точки зрения метрики, ритмики, лексики и изобразительно-выразительных средств языка — основных способов создания лирического образа. Особенно часто это происходит в том случае, когда текст подлинника труден для восприятия в силу оригинальности художественного метода, фразеологии и стилистики. Именно к такому роду произведений можно отнести поэму «Полые люди» (1925) Т. Элиота, американца по происхождению, смелого новатора в области стиха, Нобелевского лауреата и классика западноевропейской (прежде всего — английской) литературы XX в.

Основной целью статьи является выявление особенностей перевода указанной поэмы с английского на русский язык Н. Берберовой, А. Сергеева, В. Топорова, С. Степанова и И. Полуяхтова, а также определение на основе сравнительного анализа наиболее удачного из них в аспекте достижения переводческой эквивалентности. Выбор переводов из множества других (поэму «Полые люди» на русский язык переводили также Е. Винокуров, И. Кашкин, Ю. Комов, В. Постников и К. Фарай) обусловлен тем, что они выполнены в разное время (например, в 1970-е гг. — А. Сергеев, в 2000-е гг. — И. Полуяхтов) и с разным уровнем качества, чаще других (за исключением И. Полуяхтова) цитируются литературоведами и наиболее доступны современному читателю. При определении степени переводческой эквивалентности мы осуществляли сопоставление текстов переводов друг с другом и со своим подстрочным переводом.

Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, подчеркнем, что критики по причине выделения автором в поэме пяти контрастирующих и одновременно представляющих собой единое целое частей справедливо называют поэму «Полые люди» «пятичастной сюитой». Отметим и то, что анализируемая поэма Т. Элиота одновременно и автономное произведение, и преемственно связанное с его знаменитой поэмой «Бесплодная земля» (своего рода эпилог). Поэмы объединяет прежде всего мотив прижизненной смерти и опустошенности человека. Люди бесплодной земли, не способные следовать спасительным заветам (давать, сочувствовать и владеть), в конце поэмы превращаются в полых людей. Вместе с тем поэма «Полые люди» — произведение самоценное, обладающее собственными художественными достоинствами, в т. ч. особенной поэтикой, и в качестве такого мы будем рассматривать его в аспекте заявленной темы.

Итак, основному тексту поэмы предшествуют два эпиграфа: «Mistah Kurtz — he dead» и «A penny for the Old Guy»³. Данные предложения, не составляющие поэтический текст, каждый переводчик излагает на русском языке по-своему: в переводе Н. Берберовой первая фраза звучит как «Барин Курц, он помер»⁴,

А. Сергеева — «Мистер Курц умерла»⁵, В. Топорова — «Мистер Курц — умереть»⁶, С. Степанова «Миста Курц — он мертвый»⁷ и И. Полуяхтова — «Мистар Курц — он умерля»⁸. Подсрочный перевод — «Миста Курц — он умереть». Как видим, ни один из переводчиков не воспроизвел точный перевод фразы, заимствованной поэтом из романа Дж. Конрада «Сердце тьмы» (так слуга негр на плохом английском языке сообщает о смерти белого мистера Курца, которому одно из племен бельгийского Конго поклонялось как Богу). В английском тексте намеренно допущены две ошибки: написание **Mistah** вместо **Mister** (очевидно, транскрипция) и **he dead** вместо **he is dead** (пропущен вспомогательный глагол). В связи с тем, что точный перевод эпитафии полностью выполняет свои художественные функции, показывая плохое владение персонажем английским языком, многообразие вариантов переводов считаем нецелесообразным. Нет необходимости и в превращении мистера в «барина Курца», который «помер», как это сделала Н. Берберова, поскольку подобный перевод не производит на читателя задуманного автором подлинного текста впечатления. При таком переводе теряется первоначально заложенный смысл, исчезает и сама идея, «своеобразный, — по справедливому мнению Л. М. Аринштейна, — эпилог к жизни Курца — авантюриста, с внешними признаками сильной личности, но духовно опустошенного, бесславно погибшего в Конголезских джунглях»⁹.

Перевод второй фразы представлен в двух вариантах: в исполнении Н. Берберовой — «Подайте старому пугалу!»; А. Сергеева, В. Топорова, С. Степанова и И. Полуяхтова — «Подайте Старому Гаю». Буквальный перевод — «Пенни (монетку) Старому Гаю». С учетом русской традиции выражения просьбы о пожертвовании словом «подайте» нам представляется более уместным использование фразы «Подайте Старому Гаю». Употребление стилистически окрашенного слова «пугало» (Берберова) считаем в данном случае не совсем оправданным. Согласно этимологическому словарю, «слово **guy** стало обозначать чучело Фокса, сжигаемое в годовщину заговора, затем чучело вообще, затем плохо одетого человека, и наконец — любого молодого человека, парня»¹⁰. Подчеркнем, что точный перевод эпитафий очень важен, поскольку в художественных произведениях они выполняют значимые функции: транслируют особенности содержания, указывают на тему или проблему, отображают авторскую точку зрения и сосредоточивают в себе основную идею. В анализируемой поэме эпитафии способствуют выражению идеи крушения ложных идеалов и утраты духовности, сочетающихся с тоской по смерти и очистительному огню.

Различаются по своей ритмике и смысловому значению переводы первой строфы поэмы, в которой автор намечает тему произведения и в эмоционально-экспрессивной форме выражает свое отношение к представляемому образу:

Н. Берберова	А. Сергеев
Мы полые люди, Набитые чучела, Сошлись в одном месте, — Солома в башках! Шелестят голоса сухие,	Мы полые люди, Мы чучела, а не люди Склоняемся вместе — Труха в голове, Бормочем вместе

<p>Когда мы шепчемся вместе, Без смысла шуршим, Словно в траве сухой, словно в старом подвале крысы большие По битым стеклам снуют (с. 444).</p>	<p>Тихо и сухо, Без чувства и сути, Как ветер в сухой траве Или крысы в груди Стекла и жести (с. 364).</p>
В. Топоров	С. Степанов
<p>Мы полые люди Мы набивные люди Труха в башке, Как в мешке. Увы! Наши засушенные голоса, Если шепчемся, Безотносительно голосят, Как ветер в сухой конопле, Как шаги крысят По стеклянному бою в погребе где ни капли (с. 83).</p>	<p>Мы полые люди Чучелолуди Чешем в затылке Увы! — солома у нас в голове. В наших гортанях Шепот и только Смысла нет в наших толках Словно ветер в иссохшей траве Иль крысы на битых бутылках В погребе нашем что пуст (с. 141).</p>
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
<p>Мы же полый люд Мы же набитый люд Склоняющий вместе Головы, полные хлама. Увы! Ежели что шепнут Наши голоса вместе То тихо да и без толку Как ветер в листьях травы Или крыса в груди осколков В сухом подвале (с. 168).</p>	<p>Мы — полые люди, Мы — набитые люди, Опирающиеся друг на друга, С головами, набитыми соломой. Увы! Наши сухие голоса, когда Мы вместе шепчем, Тихи и бессмысленны Как ветер в сухой траве Или крысиные лапки на битом стекле В наших сухих подвалах.</p>

В приведенных переводах (за исключением И. Полуяхтова) первая строка звучит одинаково. Выбор из предлагаемых англо-русским словарем переводов слова **hollow** «полый, пустой, пустотелый» первого варианта вполне логичен. Следует иметь в виду и то, что это слово в сочетании со словом **men** обозначает «пустые, несерьезные, никчемные, неискренние и ложные (фальшивые)» люди. Употребленная же И. Полуяхтовым форма слова «люд», на наш взгляд, не совсем обоснованна, поскольку относится к разговорной лексике и обозначает «группу людей, объединенных общностью условий»¹¹ (социальных, профессиональных, территориальных и т. п., типа дворовый люд или конный). В трех других строках, уточняющих предыдущее утверждение поэта, наблюдается лексический разнобой: «набитые» люди переведены как чучела и чучелолуди, «солома» — хлам и труха, «опирающиеся друг на друга» — сошедшиеся вместе и склоняющие головы, «голова» — башка. Переводчики при изложении текста Т. Элиота на русском языке видоизменяют его, добавляя слова, которых нет в подлиннике («большие крысы» (Берберова), «груда жести» (Сергеев), «голосят... в конопле» (Топоров),

«гортанях... толках... бутылках» (Степанов); «ежели... в листьях... в груди» (Полуяхтов)), или заменяя одни слова другими (**старый** вместо **сухой** подвал (Берберова); **бормочем** вместо **шепчем** (Сергеев) и др.). Прочитированные переводы в целом достаточно полно и зримо передают образы и настроение, вместе с тем ни один из них не может быть взят за образец. В подтверждение этому отметим, что в русских вариантах исчез свойственный оригиналу тройной рефрен — повтор слова **сухой** (голоса, трава и подвалы), выраженный словами **dry** (сухой, высохший и блеклый) и **dried** (сухой и высушенный), значимый в аспекте раскрытия авторского замысла — постижения и изображения атмосферы сновидческого умирания.

Более интересным представляется перевод двух следующих строк, выделенных автором графически и в связи с этим образующих отдельную строфу:

Н. Берберова	А. Сергеев
Образ без черт. Тень без движенья. Бесцветность. Бессилие. Паралич.	Нечто без формы, тени без цвета, Мышцы без силы, жест без движенья.
В. Топоров	С. Степанов
Бесформенный контур, бесцветный контур, Парализация силы и неподвижность жеста.	Призрак без формы, мертвый жест Бессилье, тень без краски.
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Фигуру без формы, тень без оттенка, Бессильную мощь, или жест без движенья.	Очертания без формы, тень без цвета, Парализованная сила, жест без движенья.

Авторский замысел данного фрагмента наиболее точно удалось передать И. Полуяхтову, который смог сохранить свойственное оригиналу употребление оксюморона — яркого стилистического средства, словесной антитезы, способствующей возникновению неожиданных образов: «фигура без формы», «бессильная мощь» и «жест без движенья». Эти самобытные художественные находки помогают очень метко и неповторимо передать сложность и противоречивость изображаемых явлений.

В аспекте эквивалентной передачи авторской интенции в завершающей строфе первой части поэмы важными нам представляются: 1) сохранение при переводе на русский язык прилагательного **открытые** в сочетании с существительным **глаза** и 2) использование эпитетов **потерянные** (или **заблудшие**) и **жестокие** души. Первый и второй пункты значимы с точки зрения осмысления изображаемого явления — читатель должен догадаться, что речь идет не о физической смерти, а духовной, которая обуславливается в первую очередь ожесточением, озлоблением человека и утратой им вечных ценностей:

Н. Берберова	А. Сергеев
Вы, что с глазами открытыми Перешагнули, не дрогнув, В иное Царство смерти,	Прямо смотревшие души За краем другого Царства смерти Видят, что мы не заблудшие

Помяните нас (если вспомните): Мы не сильные духом погибшие, Мы полые люди, Соломой набитые чучела (с. 444 — 445).	Бурные души — но только Полые люди, чучела, а не люди (с. 354 — 355).
В. Топоров	С. Степанов
Кто переправился не отводя глаз В сопредельное Царство смерти, Да помянет нас — если он вспомнит нас — Не как буянов Но как болванов — Как набивных болванов (с. 83 — 84).	Вы не отведшие глаз На пути в другое Царство смерти Помяните при случае нас Не отчаянных душ — Мы лишь полые люди Чучелолюди (с. 141).
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Те, кто одолел Прямым взором иное Царство смерти, Помнят нас — не как тех, кто посмел Потерять души, а только Как полый люд Набитый люд (с. 168).	Те, кто перешел С открытыми глазами в другое царство Смерти, Помните о нас — если вообще будете помнить — не как о потерянных Жестоких душах, но лишь Как о полых людях, Набитых людях.
<p>Вторая часть поэмы состоит из двух строф по десять стихов. При переводе на русский язык первой строфы важно сохранить яркую картину, созданную поэтом на основе использования метафорических эпитетов («солнечный свет на разбитой колонне», «качающееся дерево», «далекие и торжественные голоса») и оригинального сравнения («отдаленнее, чем гаснущая звезда»). Именно эти виды тропов позволяют автору, с одной стороны, изобразить мерцающую призрачность и неопределенность мировидения лирического героя, с другой — создать на основе ряда предметов формулу чувства разрушения:</p>	
Н. Берберова	А. Сергеев
Те глаза, что не смеют сниться, В сонном царстве смерти Мне не являются: Там глаза отражены снопом лучей На сломанной колонне, Там шумят деревья, Там голоса Легят на ветру песней Торжественно и далеко, Как падающая звезда (с. 445).	Я глаз во сне опасуюсь, Но в призрачном царстве смерти Их нет никогда: Эти глаза — Солнечный свет на разбитой колонне, Дрожащие ветви; А голоса В поющем ветре Торжественней и отдаленней, Чем гаснущая звезда (с. 355).

В. Топоров	С. Степанов
Те глаза что и во сне Страшно встретить — в Царстве смерти В сонном царстве их не будет: А останутся одни На обломках колоннады Блики солнца всхлипы веток На ветру и в никуда Голоса — куда как дальше И торжественней премного Чем кончается звезда (с. 84).	Глаз кои в призрачном царстве смерти Страшно мне встретить Здесь нет Здесь лишь солнечный свет На разбитой колонне Дерево на юру И голоса еще Полощущиеся на ветру Торжественней и удаленней Звезды угасающей (с. 142 — 143).
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Глаз я не вынесу во снах В снях царстве смерти Я их не вижу: Эти глаза Как свет на обломке колонны Их ветви скрывают И голоса Ветрам подпевают Торжественней и отдаленней Тусклых звезд в небесах (с. 168).	Глаза, в которые не смею взглянуть я во сне, В царстве снов смерти Не появляются: Здесь глаза — это Солнечный свет на разбитой колонне. Здесь дерево качается И голоса Более далекие и торжественные, Чем гаснущая звезда.

С учетом сказанного наиболее удачным следует признать перевод процитированного фрагмента, выполненный А. Сергеевым.

Вторая строфа, еще более сложная в аспекте интерпретации, также переведена на русский язык разнопланово. Она имеет кольцевую композицию: просьба (предположительно, к Всевышнему) об отдалении смерти, выраженная лирическим героем в первых двух строках, повторяется в заключительных. Значимость сказанного подчеркнута графически: в целях сосредоточения особого внимания читателей последние две строки автором намеренно отделены от предыдущего текста пробелом. С учетом сказанного ни один перевод этих строк из процитированного фрагмента нельзя признать успешным: у одних авторов эквивалентность перевода прослеживается в первых двух строках (Берберова и Полуяхтов), у других — в заключительных (Сергеев). То же самое можно сказать и о переводе строк, в которых речь идет о просьбе «носить нарочитые личины»: у одних это «рыбий мех, вороньи перья, палка с перекладиной» (Берберова); у других — «в крысиной одежке, в шкуре вороньей в поле на двух шестах» (Сергеев); «что-нибудь карнавальное крысино-воронье вроде огородного пугала» (Топоров); «мышинные лохмотья свои с перекладиной шест» (Степанов) и «крысья шкура, вороньи перья и шест» (Полуяхтов). В целом перечисленные указанные предметы должно помочь читателю создать в своем воображении изображение человека в образе «огородного пугала». Подчеркнем, что типичное английское пугало имеет своими атрибутами мертвых крыс, птиц и других животных.

Совершенно очевидно, что созданию образа пугала мало способствуют использованные авторами переводов «шест» и «два шеста»:

Н. Берберова	А. Сергеев
Не позволяйте мне приближаться К сонному царству смерти. Дайте мне носить Подобающую здесь одежду: Рыбий мех, вороньи перья, палка с перекладиной, — В чистом поле пугалом стоять: Куда ветер, туда и я! Не пускайте меня, —	Да не приближусь В призрачном царстве смерти Да унижусь, Представ нарочитой личиной В крысиной одежке, в шкуре вороньей В поле на двух шестах На ветру Воробьям на страх, Только не ближе —
Не пускайте на последнее свидание В сумеречное царство (с. 445 — 446).	Только не эта последняя встреча В сумрачном царстве (с. 355 — 356).
В. Топоров	С. Степанов
Но не дай внедриться мне В сонное Царство смерти Дай нарядиться Во что-нибудь карнавальное Крысино-воронье Вроде огородного пугала, Как ветер неподневольное, Не дай внедриться —	Что мне там В призрачном царстве смерти Не отдам я Мышиных лохмотьев своих С перекладиной шест В поле Ветру подвластен мой жест Что мне —
Окончательной в сумеречности Встречи не допусти (с. 84).	Только б не встретить их В том призрачном царстве смерти (с. 143).
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Не дай мне стать ближе В снящемся царстве смерти Пусть я унижусь В столь нарочитых обличиях Как крысья шкура, вороньи перья и шест Среди поля На произволе ветреных мест Но не ближе —	Позволь мне не приближаться В сонном царстве смерти, Позволь мне также носить Такие нарочитые личины, Как крысиный мех, воронью шкуру, скрещенные палки, В поле, Притворяясь ветром, Не ближе —
К той последней встрече В сумеречном царстве (с. 169).	Только не эта последняя встреча В сумеречном царстве.

Весьма значима с точки зрения содержания третья часть поэмы, состоящая всего из тринадцати строк. В ней поэт создает поэтическую картину страны,

утратившей жизненные силы. Этому способствует представляемый автором предметный ряд: «страна кактусов» (кактус — «колючая груша», опунция, ведет себя как сорняк), «воздвигнутые руки мертвецов», «гаснущая звезда» и «разбитый камень». Перечисленная предметная конкретика, имеющая место во всех анализируемых текстах, способствует раскрытию мотива угасания человеческого мира и выражению обусловленной этим скорби. В подтверждение сказанному приведем наиболее удачные с точки зрения художественности переводы данного фрагмента:

А. Сергеев	И. Полуяхтов
Мертвая эта страна Кактусовая страна Гаснущая звезда Видит как воздевают руки К каменным изваяньям Мертвые племена.	Это мертвая страна Кактусовая страна Здесь каменные образа Высятся, ибо их Почитают мертвые племена И угасает в небесах звезда.
Так ли утром, когда Мы замираем, взыскупя Нежности В этом другом царстве смерти Губы, данные нам Для поцелуя, Шепчут молитвы битым камням (с. 356).	Разве же так В ином царстве смерти Не спится нам В тот самый час, когда Мы в нежном трепете Прижимаем уста С молитвою к битым камням (с. 169).

В четвертой части поэмы следует обратить внимание на изображение поэтом пути следования к сумрачному царству смерти, на котором находится «долина угасших звезд», метафорически представляемая и как «This broken jaw of our lost kingdoms» (с. 144) (букв.: «эта сломанная челюсть наших потерянных царств»). Приведем варианты переводов данной фразы на русский язык: «лежат разбитые кости наших погибших царств» (Берберова, с. 46), «в черепе наших утраченных царств» (Сергеев, с. 356), «на свалке потерянных нами царств» (Топоров, с. 84), «на сей свалке утраченных наших царств» (Степанов, с. 145) и «в порванной пасти наших падших царств» (Полуяхтов, с. 60). В одном из комментариев к анализируемому произведению¹² мы обнаружили верное, на наш взгляд, утверждение о том, что «сломанная челюсть» выступает как «символ невозможности коммуникации», доказательством чему служит наличие «многих толкований — от библейского Самсона с его ослиной челюстью до антропологии (многие племена верят, что дух мертвых живет в их челюстных костях)». С учетом сказанного ни один из анализируемых переводов фразы нельзя считать обоснованным, удачным и приемлемым.

Важным в аспекте осмысления идейно-художественного содержания поэмы представляется описание последнего места встречи потерянных душ на пути в ад — реки, которую нужно пересечь, чтобы достигнуть истинного царства смерти. В ее обрисовке поэт применил художественное определение **tumid** («распухший, вспухший, напыщенный») в сочетании с существительным **river** («ре-

ка»). В силу того, что на русском языке выражение «распухшая река» не употребляется, переводчики использовали другие варианты: «вспухшая река» (Берберова, с. 447), «полноводная река» (Сергеев, с. 357), «вспучившийся ручей» (Топоров, с. 86), «взбухшая река» (Степанов, с. 145) и «пучинная река» (Полуяхтов, с. 169). В данном случае речь идет, скорее всего, о разлившейся реке. Однако с учетом контекста целесообразнее в художественном плане употребление эпитета «пучинная» (Полуяхтов), намекающего на опасную для человека бездну, водоворот.

Необходимо сосредоточить внимание и на переводе католической **Multifoliolate rose** (напомним, что Данте использовал данный образ в последних частях «Божественной комедии» как символ Святой церкви: «святые суть лепестки розы»). Точный перевод данного выражения «многолистная роза» не употреблен ни одним из рассматриваемых нами переводчиков. У Н. Берберовой это «вечная роза» (с. 447), у А. Сергеева — «тысячелепестковая роза» (с. 357), у Топорова — «венчальная роза» (с. 86), у С. Степанова и И. Полуяхтова — «многолепестковая роза» (с. 145 и 170). Наиболее удачным в аспекте достижения переводческой эквивалентности и художественной полноценности воспроизводимого на русском языке текста следует признать, на наш взгляд, последний из приведенных вариантов, поскольку красота розы не в листьях, а в лепестках.

В пятой части поэмы самым важным является перевод последнего четверостишия:

Н. Берберова	А. Сергеев
Так пришел конец вселенной, Так пришел конец вселенной, Так пришел конец вселенной, — Да не с громом, а со всхлипом! (с. 448).	Так вот и кончится мир Так вот и кончится мир Так вот и кончится мир Не взрыв но всхлип (с. 358).
В. Топоров	С. Степанов
Так вот и кончится мир Так вот и кончится мир Так вот и кончится мир Только не взрывом, а вздрогом (с. 87).	Вот как кончится мир Вот как кончится мир Вот как кончится мир Вовсе не взрывом, а всхлипом (с. 147).
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Вот так вот мир скончался Вот так вот мир скончался Вот так вот мир скончался Не взрывом, а со всхлипом (с. 171).	Так наступает конец света, Так наступает конец света, Так наступает конец света, Не взрывом, а хныканьем.

Поэма завершается изображением конца света, угасания мира на земле, категоричностью пророческого голоса, звучащего в тройном рефрене и антитезе. Важно отметить, что здесь наблюдается явное противопоставление Апокалипсису: «Мир не сгорит в пламени Армагеддона, а медленно угаснет. Поэтому „whim-per“ — не всхлип (краткое действие), а хныканье (долгий процесс)»¹³. В данном случае точнее всего выполнит функции подстрочный перевод.

В заключение отметим, что поэма «Полые люди» написана верлибром (свободным стихом), ритм построен по преимуществу на чередовании двухударных и трехударных строк, вместе с тем в четырех частях поэмы встречаются рифмы (последняя строка строфы созвучна одной из предыдущих). По причине сказанного во многих указанных нами выше случаях не было необходимости заменять эквивалентный перевод того или иного английского слова на русский другим, часто далеким от замысла писателя.

Следовательно, несмотря на обилие вариантов поэмы Т. Элиота на русском языке, и в настоящее время существует потребность в более точном и удачном в художественном плане переводе.

Библиографические ссылки

¹ Элиот Т. С. Нобелевская речь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commencement-speeches.ru/?p=377> (дата обращения 01.03.2013).

² Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л., 1960. Т. 4. С. 410.

³ Англ. текст здесь и далее цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия : Поэмы, лирика, драма, поэзия. СПб., 1994. С. 140.

⁴ Элиот Т. С. Полые люди. СПб., 2000. С. 444. (Далее текст поэмы в переводе Н. Берберовой цитируется по этому изданию. С. 444 — 448).

⁵ Там же. С. 354. (Далее текст поэмы в переводе А. Сергеева цитируется по этому изданию. С. 354 — 358).

⁶ Там же. С. 83. (Далее текст поэмы в переводе В. Топорова цитируется по этому изданию. С. 83 — 87).

⁷ Элиот Т. С. Избранная поэзия. С. 141. (Далее текст поэмы в переводе С. Степанова цитируется по этому изданию. С. 141 — 147).

⁸ Элиот Т. С. Поэзия и драма. М., 2012. С. 168. (Далее текст поэмы в переводе И. Полуяхтова цитируется по этому изданию. С. 168 — 171).

⁹ Цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия. С. 432.

¹⁰ Этимологический словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=gu> (дата обращения 01.03.1013).

¹¹ Люд [Электронный ресурс]. URL: <http://что-означает.рф>. (дата обращения 01.03.2013).

¹² Люпус. Томас Элиот. Полые люди : коммент. к пер. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/01/08/1601> (дата обращения 01.03.2013).

¹³ Там же.

Поступила 06.03.2013 г.

УДК 821.511.152-14

С. Н. Степин

S. N. Stepin

КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ В ЛИРИКЕ КОНСТАНТИНА СМОРОДИНА

CONCEPTION OF DESTINY IN LYRICS OF KONSTANTIN SMORODIN

Ключевые слова: философская лирика, поэт-философ, концепция, образ, судьба, стихотворение, лирический герой, традиция, эстетический идеал, творческая манера.

Статья посвящена осмыслению понятия «судьба» в лирике К. Смородина.

Key words: philosophical lyrics, the poet-philosopher, conception, image, destiny, poem, lyrical hero, tradition, aesthetic ideal, creative style.

The article is devoted to comprehension of the conception «destiny» in the lyric poetry of K. Smorodin.

Одной из характерных особенностей современной мордовской литературы является преобладание в ней лирики, в которой философски осмысливается действительность, а в образе лирического героя диалектически сливаются субъективное и объективное начала. Под господством лирики мы подразумеваем не столько ее количественное преобладание, сколько нравственно-эстетическую и социальную значимость, все более возрастающий интерес художника слова к проблемам современности, ее воздействие на судьбу и духовную жизнь современного человека. Подобное лирико-философское проникновение в жизнь не могло не явить и новые, более совершенные принципы художественного изображения действительности, усложненную поэтическую речь, утверждение многозначности лирического слова и т. д.

Как и большинство поэтов, пришедших в литературу в середине 1980-х гг., К. Смородин начал с попытки преодоления господствовавших в поэзии национального региона эмпиризма и декларативности, желания идти к собственному видению мира, индивидуальному способу обобщенного отображения жизни, нравственно-философскому размышлению о судьбах современников и раскрытию их внутреннего мира. Поэтому не случайно, что уже в первых его стихах как своеобразный поэтический манифест звучит мотив судьбы, ставший для поэта магистральным.

Следует отметить, что в мордовской литературе представления о судьбе традиционно даются как о некоей непостижимой силе, которая обусловлена как отдельными событиями из жизни человека, так и всем его земным бытием. Концепт «судьба» присутствует во многих мифологических, философских и эстетических системах, составляя при этом ядро национального сознания. Это понятие принадлежит к числу наиболее действенных начал жизни, является одним из основных понятий жизненной философии человека. Оно универсально и

поэтому способно свободно варьировать. Так, в ряде стихотворений поэтического сборника «Золотые шары»¹ Смородин понятие «судьба» каждый раз трактует по-новому:

— Поживешь в одиночестве.
Разве стоит пенять на судьбу,
перейдя от пророчества
на мольбу?
[Смородин, 1990, с. 43];

Мимолетные иль долгие,
в одиночку иль гурьбой,
те мгновения размолвки
меж тобою и судьбой...
[Там же, с. 83].

Нередко поэт использует слова одного с судьбой синонимичного ряда, вкладывая в них смысл концепта, например:

Поняла ли бы тогда,
Что, увы, любая доля,
Больше счастья в ней иль горя,
Отгорит одним сияньем,
Отпылает навсегда?!²

Я слышу, как в будильнике ворочается время,
и медленно подходит назначенный предел —
минута набухает, как набухает семя,
чтоб вырвавшись наружу, исполнить свой удел
[Смородин, 1990, с. 6].

В стихотворении «Сентябрь, словно бритва по венам...» художественно-эстетические искания поэта с опорой на народно-поэтические традиции приводят Смородина к образу дерева в раскрытии концепции судьбы:

И деревья тебе помогут —
Забросают листвою твой путь.
Но иную постигнув суть,
Ты найдешь ли свою дорогу?!
[Смородин, 1988, с. 32].

Интересно отметить, что культ дерева у мордвы с древних времен занимал одно из первых мест. В то время окружающий природный мир представлялся человеку одушевленным. Следует отметить, что символом жизни у мордвы считалось священное дерево (Ине Чувто «Великое дерево»). «Характерные признаки Великого дерева — ветви до неба, пышная крона, могучий ствол, корни, пронизывающие всю землю. На его ветвях собираются *боги*, чтобы решать судь-

бы людей и Вселенной»³. Образцами одних из древних представлений человека о своем родстве с природой являются фрагменты из мордовского народного эпоса. Так, эпическая героиня Килява, наделенная мифологическими чертами, обращается к дереву с просьбой спасти ее: «Ой, на сурском берегу, осина, / От ногайцев спрячь меня — просила, — / Девица в ветвях ее укрылась / И в листве зеленой затаилась»⁴. Параллель такого обращения можно провести и с русскими народными сказками, где девочка обращается к яблоне: «Яблоня, яблоня, матушка, спрячь меня!»⁵

В стихотворения «Судьба» Смородин заявляет:

У тебя завидная судьба:
Ночь и утро ты в себе вмещаешь,
И стеной стоящие хлеба,
И тепло весны ты привечаешь⁶.

Далее поэт продолжает, что человек «легко на древе жизни рос» и не знал «горечи любви» и «радости боренья». Когда же на «древо жизни вихрь подул», лирический герой, «словно лист осенний», «полетел в медленном паденье». Смородин категорически не приемлет пассивную позицию лирического героя, безропотно поддающегося превратностям судьбы. Впоследствии эта мысль прослеживается во многих стихах поэта.

Со временем авторский взгляд на судьбу претерпел существенные изменения. Если в ранних произведениях чаще фигурировал образ древа жизни, то в более поздних стихах — древа судьбы. При этом Смородин подводит читателя к мысли о том, что эти два понятия являются нерасторжимыми компонентами единого концепта. По мнению поэта, жизнь есть судьба, а судьба человека — его жизнь:

Свежий лист на древе судьбы,
Не изведал ты лихую участь —
Вознесен к вершине без борьбы,
Просто жил — не думая, не мучась
[Смородин, 1999, с. 56].

Вполне закономерно, что лишь те концепты, которые находятся в рамках семантического поля судьбы, являются наиболее часто встречающимися у Смородина. Они достаточно разнообразны: от общих — душа, красота и любовь до конкретных — отчий дом, родной город и колыбельная песня матери. Поэт понимает судьбу как все то, что интерпретирует жизнь человека. Такое деление судьбы на определенные образы вполне вписывается в его концепцию судьбы.

Множественные знаки судьбы в лирике Смородина можно рассматривать как некие символы, с помощью которых человек пытается воплотить в жизнь самые сокровенные идеи. Эти символы несут особую эмоциональную окраску и способны расширять свой смысл от конкретно бытового до общеприкладного. Таким образом, можно предположить, что поэт представлял судьбу как попытку упорядочения смысла человеческого существования.

Принимая во внимание роль и значение символов в формировании смородинской концепции судьбы, обратимся к анализу одного из них. Наиболее излюбленным символом поэта является песня. Это вполне закономерно, так как звук, мелодия и песня всегда символизировали гармонию и порядок вещей в мире. В своих стихах Смородин пытался расширить семантику понятия «песня». Свойственное ей многозвучие переполняет художественный мир поэта. Читатель отчетливо представляет, как звучат русские и мордовские напевы, слышна песня ветра, «голосит созвездий хор», «ручьи поют, и лес звенит листвою» [Там же, с. 52]. С помощью песни Смородин передает переполняющие его душу и сердце чувства любви к родине, к природе родного мордовского края:

В поленице, в рябине,
 в сломанном цветке,
 в бегущих облаках,
 в кустах смородины —
 везде, везде,
 и у себя в виске,
 Я видел, слышал, понял —
 Родина!»
 [Смородин, 1988, с. 13];

Палило лето — ожидали осени,
 Явилась осень — все зимы хотят.
 А в небесах, в клочке прозревшей просины
 То ль журавли, то ль ангелы трубят!»
 [Там же, с. 34].

Идейно-тематические и жанровые рамки лирики Смородина достаточно широки, но поэт всегда находит именно ту форму, которая наиболее соответствует внутреннему состоянию лирического героя в тот или иной момент его жизни. Достаточно часто сокровенную мысль автор заключает в форму, близкую песенной. Это может быть и любовное переживание, и чувство гражданской ответственности, и непреходящая красота родной природы, и размышления о вечных философских категориях.

Отличительной особенностью поэта является и то, что он способен из всего частного, конкретно им увиденного выделить нечто общее и сделать глубокие философские выводы. Так, в стихотворении «А дерево уронит два листа...» поэт описывает осень:

Октября соломенные крыши
 На полях. И с запахом онят
 Приближенье заморозков слышно
 В шуме ветра. Листья шелестят
 [Там же, с. 33],

а в другом, как антитеза только что изображенной идиллической картине, звучат слова:

Пусть листья мертвые летят на землю,
Пугают обнаженностью сады —
Все предначертано: давно созрели
В садах заветные плоды
[Там же, с. 34].

Здесь лирическому герою намного важнее понять,

Что все конечно, что в любом стремленье
Есть грань, которую мы не перешагнем
[Там же].

Следует отметить, что поэт заметно тяготеет именно к философскому пейзажу, смородинские картины с натуры часто отмечены подтекстом человечности, эстетичности и духовности. Нередко автор проводит знак равенства между душой и песней. Их полная гармония дает поэту право заявить:

Поет счастливая душа,
И за мгновением — мгновенье
Мне новый мир несет спеша
Строкою лечь в стихотворенье
[Сморозин, 1999, с. 56].

Иногда в едином пространстве его лирического текста появляются бинарные оппозиции: новый — старый, молодость — старость, радость — тревога и др.: «То — новый день иль воскресает старый? / Не отличишь [Сморозин, 1988, с. 70]; «Юность исчезает, как весны щедроты, / И зима суровая кажется всеильной / Все стареет под весенней синью» [Сморозин, 1999, с. 83]. Однако в словах поэта нет и тени жалости о том, что молодость проходит, он показывает нам зерно философии жизни: все в этом мире повторяется, идет по извечному кругу. Эта мысль символически воплощена автором в образе «чаши круговой»:

Я пою негромко, но как все ликую.
И как все тоскую, правду не таю.
Братьям и потомкам чашу круговую —
Песню молодую я передаю
[Там же, с. 88].

Эта авторская находка не случайно стала одним из доминантных образов в эстетике Сморозина. Как видим, в сознании читателя автор объединяет «чашу круговую» и «песню молодую» смысловым тире. От этого единства, чувства сопричастности «к великим свершениям века», осознания родства со своим народом у поэта «поет счастливая душа», а в сердце «вечный голос волн, / Разлива синяя безбрежность, / И неумолимых песен звон, / И молодых побегов нежность» [Там же, с. 71].

Иногда, чтобы поразмыслить над извечными бытийными вопросами, поэт использует какую-либо случайную ситуацию, как, например, в стихотворении «Я по-прежнему прошлым скован...». В нем автор разворачивает перед нами два пространственно-временных пласта: «настоящее-здесь» и «прошлое-там». Их наложение приводит поэта к философскому осмыслению жизни:

Что было прожито — умчало...
Нет, сердцем я не постарел,
Оно опять взлетало к звездам...
Когда с мальчишками я пел!
[Там же, с. 49].

В данном стихотворении трансформируется не только традиционное для поэта циклическое время, но и меняются пространственные ориентиры его поэтического космоса — теперь, как видим, это звезды. Мысль о вечной молодости души автор продолжает в стихотворении «О, юности чудесная пора». Начавшись как гимн самой прекрасной жизненной поре, пробуждению чувств и желаний, времени наивности и неопределенности перспектив:

О, юности чудесная пора,
Любовь еще невинна, как сестра,
И страсти незрелые порывы
Глупы подчас и все-таки счастливы
[Там же, 1999, с. 85],

оно заканчивается мыслью о необходимости глубокого постижения сущности бытия:

Еще по-юношески пламенея,
Не умолкает в сердце песнь моя.
Еще не знаю, что мне делать с нею,
С неутолимой жаждой бытия
[Там же].

От стихотворения к стихотворению возрастает количество смородинских стихотворений-раздумий. Сначала через образ песни, через использование фольклорных мотивов и национальных традиций в лирику поэта приходят такие понятия, как «душа», «красота», «любовь», «финал жизненного пути» и др. В стихотворении «Говорят, бессмертны наши души...» поэт заявляет: «Дорогая, смерти нет..!» [Там же, с. 84]. В этом авторском «нет» не отрицание смерти как таковой, а утверждение того, что в жизни все находится в диалектическом единстве. Поэт констатирует:

Не пугайтесь своих отражений
в зеркалах, на стекле и в колодцах,
кроме нас и планеты стареют,
даже солнце...

Не сердитесь на чувства напрасно,
и не сетуйте — поняли поздно,
кроме нас в мироздании гаснут
даже звезды...

[Сморозин, 1990, с. 91].

Смерть лишь продолжение жизни, переход в иное качество, поэтому в стихотворении «Заклинание будущего» автор пишет:

Пусть солнце сплавилось в зенит,
Нам надо уходить вперед —
Не в смерть, а в жизнь,
Не в тьму, а в свет!..

[Там же, с. 61].

На наш взгляд, такой взгляд на смерть является результатом исключительно позитивного восприятия жизни поэтом, его активной жизненной позиции.

Без богатой системы художественных образов ни один автор не способен по-настоящему отобразить окружающую его действительность, и в этом смысле Смородин не является исключением. Структура каждого приведенного им образа неповторима. В его лирике используются запоминающиеся эпитеты, выразительные метафоры и достоверные сравнения, с помощью которых автор передает всю гамму своих чувств и переживаний. Как человек, живущий напряженной духовной жизнью, Смородин при обращении к концепту «судьба» ищет опору в природе, людях и традициях.

Итак, концепция судьбы в лирике Смородина — это своеобразный образ мира, представленный различными образами и символами судьбы, каждый из которых несет в себе определенную смысловую и эмоциональную нагрузку, в полной мере отражая мировидение поэта.

Библиографические ссылки

¹ Смородин К. В. Золотые шары : стихотворения. Саранск, 1990. 104 с. Далее ссылки в тексте: [Сморозин, 1990, с.].

² Смородин К. В. Воскресший день : стихотворения. Саранск, 1988. С. 38. Далее ссылки в тексте: [Сморозин, 1988, с.].

³ Юрченкова Н. Г. Великое дерево // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4. С. 188.

⁴ Шаронов А. М. Маторова. Саранск, 2010. С. 191.

⁵ Русские народные сказки / сост. Ю. Г. Круглов. М., 1983. С. 109.

⁶ Смородин К. В. Стихотворения. Саранск, 1999. С. 54. Далее ссылки в тексте: [Сморозин, 1999, с.].

Поступила 06.03.2013 г.

УДК 821.511.152-14:398.2

И. И. Шеянова

I. I. Sheyanova

**СКАЗОВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ
СТИЛИЗАЦИЯ В МОРДОВСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
(На примере поэмы «Эрмезь» Я. Я. Културкаева
и романа в стихах «Покш ки лангсо умарина» А. Д. Куторкина)**

**TALE FORMS OF NARRATION AND FOLKLORE
STYLIZATION IN MORDOVIAN EPIC POETRY
(By the Example of the Poem «Ermez» by Ya. Ya. Kuldurkaev
and the Novel in Verse «Poksh ki langso umarina» by A. D. Kutorkin)**

Ключевые слова: сказ, фольклорный сказ, фольклорная стилизация, мордовская литература, эпическая поэзия.

В статье раскрывается понятие стилизации и ее отличительные черты от фольклорного сказа; на примере поэмы «Эрмезь» Я. Я. Културкаева и романа в стихах «Покш ки лангсо умарина» А. Д. Куторкина рассматривается влияние поэтики народного сказа на мордовскую эпическую поэзию.

Key words: tale, folklore tale, folklore stylization, Mordovian literature, epic poetry.

The concept of stylization and its difference from a folklore tale is revealed in the paper. The influence of poetic of the folklore tale on the Mordovian epic poetry is considered by the example of the poem «Ermez» by Ya. Ya. Kuldurkaev and the novel in verse «Poksh ki langso umarina» by A. D. Kutorkin.

Рассматривая специфику фольклорного сказа и его соотношение с эпическими традициями различных жанров письменной мордовской литературы, нельзя не заметить, что поэтика сказа, творчески проникая в реалистические произведения современной литературы, заметно обогащает образный фонд художественного мышления современных поэтов и прозаиков, через локальные национальные концепции раскрывает связь времен и расширяет возможности изображения исторического развития народной жизни. Как показывает опыт мордовской художественной сказовой повествовательности, это явление выступает в качестве типологической закономерности. Иначе говоря, сказовая поэтика, проникая в систему идейно-художественного познания действительности, приобретает эмоциональную содержательность через различные формы стилизации. Стремясь определить сущность стилизации, мы обратимся к исследованиям российских ученых и примем за основу позицию В. Ю. Троицкого, который исходил из того, что стилизация — это «сознательное, последовательное и целенаправленное проведение художником характерных особенностей разговорного стиля, присущего какой-то общественно-политической этнографической группе, либо литературного стиля, свойственного писателю ка-

кого-то течения, занимающему определенную общественную и эстетическую позицию»¹.

К стилизации писателя подталкивает желание говорить о народе, от его имени и его голосом. К ней, как правило, ведут вполне определенные эстетические импульсы в развитии художественного сознания. Это наблюдается и в русской литературе, и в европейском искусстве. Мордовская литература не является исключением. Различные виды стилизации свидетельствуют о разнонаправленных поисках художественного сознания. Все это предполагает опору на нечто уже сложившееся, когда нужно не только воспроизвести, но и одновременно «преодолеть» уже созданное силой художественного «перевоплощения», ибо без опоры на некий первоисточник эффект недостижим.

Фольклорная стилизация на фоне традиционной книжно-литературной речи утверждает себя своей «внелитературностью». Различные формы стилизации, проникая в реалистическое произведение, становятся эстетическим явлением и приобретают чрезвычайную активность и художественную результативность.

Подобно тому как сказовая, или «неправильная», речь предполагает наличие «повествовательной нормы», присутствие в ней рассказчика (или героя-рассказчика) указывает на то, что за ним обязательно стоит автор. Специфику сказовой формы определяет прежде всего характер отношений между рассказчиком и автором. В связи с этим невольно возникает вопрос: в чем заключается сходство и отличие фольклорного сказа от фольклорной стилизации? Здесь важно подчеркнуть следующие основные моменты:

— в отличие от сказа как жанра народной литературы, фольклорная стилизация строится как «...своеобразный вид последовательной имитации фольклорного стиля...»²;

— если сказ как фольклорный жанр выявляет особенности явлений народной жизни, то фольклорная стилизация раскрывает индивидуальную авторскую позицию;

— если в сказе автор и рассказчик существуют самостоятельно, то в фольклорной стилизации точка зрения повествователя (сказителя) фактически смыкается с авторской;

— если в сказе тяга к общенародной основе выявляется опосредованно, то в фольклорной стилизации авторское слово обнаруживается непосредственно в монологическом утверждении тех или иных идеологических установок, тяготеющих к общенародному звучанию;

— если в сказе «чужое» слово ведет к подчеркиванию разграниченности автора и героя-рассказчика, то в фольклорной стилизации, напротив, к стремлению автора прорваться сквозь препону «чужого» слова к повествователю (сказителю) и стоящему за ним народному мирозерцанию с целью выражения постигаемых в ходе развития сюжета норм бытия, соответствующих народным представлениям. Для нас в первую очередь важно то, что фольклорная стилизация должна воспроизводить не только стиль первоисточника, но и его содержательную первооснову. Она, следуя духу первоисточника, обязательно нормативна, а это значит, что ее идейно-эмоциональная первооснова предполагает общенародное единство, где «я» изначально растворено в «мы». Говоря о соотношении «я» и «мы», следует подчеркнуть, что и в фольклорной стилизации, и в

сказе целостность повествования обеспечивается соединением личного и надличностного;

— в сказе личное воплощают автор (в тексте не выявленный) и рассказчик (в тексте непосредственно выявленный), между тем как в фольклорной стилизации личное принадлежит автору, который фактически идентифицируется с повествователем;

— если в сказе неизбежен разрыв между автором и устным повествователем, то в фольклорной стилизации такое расхождение недопустимо. Рассказчик в стилизации устного народного рассказа или, например, народной сказки — всегда воплощение положительного начала. Его речь, даже если в ней используются диалектные элементы, ориентирована не на индивидуально-психологическое или социально-групповое, а на общественное;

— если в сказе речь рассказчика отражает прежде всего речевые особенности той или иной социальной группы, то для рассказчика в фольклорной стилизации эти индивидуальные отличия не существенны. Диалектное начало может быть как резко выраженным, так и невыраженным — суть от этого не меняется. Стремление воплотить некую универсальную, общественную точку зрения реализуется не только в единстве автора и повествователя, но и в подключении к этому единству и аудитории;

— если сказ предполагает наличие сочувственно настроенной аудитории, то в фольклорной стилизации это сочувствие предстает как безоговорочное единство взглядов, причем не как результат становления и воплощения замысла, а как исходная позиция и необходимое предварительное условие.

В связи с вышесказанным, интересно проследить, какая атмосфера привносится в художественную литературу вместе с фольклорной стилизацией. По этому поводу Н. И. Рыбаков писал: «Когда на определенном этапе своей истории литература обратилась за помощью к повествовательным фольклорным жанрам, это привело не только к воспроизведению (с той или иной степенью точности) фольклорного текста, но и к имитации обстановки рассказывания. Сказку привели в книгу как бы вместе с ее слушателями»³. Представитель определенной среды, человек из народа, приведенный в книгу слушатель в силу активности своего присутствия придает фольклорной стилизации жесткую нормативность не только в идеологическом, но и в собственно художественном аспекте: т. е. нормативность идеологической структуры объединяется с нормативностью жанровых требований. Зачин, концовка, способ раскрытия героя, фабульная схема и развитие сюжетного действия строго подчинены определенным правилам, которым надлежит соответствовать во имя соблюдения законов жанра, сохраняя его, вне зависимости от того, будет ли это стилизация песни, народной легенды или предания.

В мордовской литературе распространение получила стилизация как форма художественной повествовательности, берущая свое начало от сказовых форм национального фольклора и связанная с поэтическими и прозаическими сказаниями. Если в фольклоре жанр народных сказаний бытует в основном в форме легенд и преданий историзованного характера, то в письменной мордовской литературе влияние сказовых принципов повествования выразилось не только в закреплении сказаний как жанровых форм профессионального литературного творчества,

но и на процессе отображения художественных форм реалистической литературы. Однако, «пользуясь таким испытанным приемом, как стилизация, использование устойчивых мотивов и образов, необходимо помнить, что фольклор должен оплодотворять творчество художника, а не быть лишь инертной массой, этнографическим украшением в руках малоодаренных людей, которые способны только калькировать, воссоздавать бледные копии с оригиналов»⁴. Стилизация и вообще любое переложение устного произведения в литературный вариант есть закрепление в письменном тексте подвижной мысли и изменяющегося чувства исполнителя. При этом, как отмечал А. Потебня, нам дается «лишь несколько точек движения, недостаточных для определения промежуточного пути»⁵.

Ощутимое влияние поэтика народного сказа оказала прежде всего на мордовскую поэму — жанр, непосредственно связанный с изображением социальной и этнической истории мордовского народа. В этом отношении показательна поэма Я. Я. Кулдуркаева «Эрьмезь» (1935), в которой сказовые приемы лиро-эпического повествования создают эмоциональную атмосферу для восприятия древней истории народа. Поэма написана на основе народных легенд и преданий, но автору удалось преодолеть прямые заимствования, подражание фольклору и добиться творческого осмысления народно-поэтического материала. Автор не располагал архивными данными об этом периоде, так как в 1930-е гг. сведения о прошлом мордвы еще не были обнародованы. В связи с этим поэт обратился к устно-поэтическому творчеству народа и задуманную идею воплотил в форме сказочно-героического эпоса. Сюжетно-композиционную основу поэмы составили события жизни мордвы конца XIII в., когда начался процесс консолидации мордовских родоплеменных союзов в единый народ. Этот процесс у мордвы, в силу сложившихся исторических условий, растянулся на несколько столетий. Главную идейно-художественную задачу автор видел в том, чтобы воссоздать картины жизни мокша-мордовских и эрзя-мордовских племенных союзов, отобразить назревшую необходимость их воссоединения и эстетически осмыслить причины, обусловившие драматизм борьбы вокруг этой идеи. В частности, в основе поэмы — изображение борьбы эрзянского князя Пургаса и его сына Эрьмезя против половецких ханов, в союзе с которыми выступал мокшанский князь Пурейша. Ни один из мордовских князей не хотел терять самостоятельности, препятствуя объединению племен в один народ. На фоне этих событий развивается другая сюжетная линия: любовь Эрьмезя и дочери Пурейша Котовы, приводящая к ссоре двух князей и дальнейшим трагическим событиям. Эрьмезь погибает, а Котова, не выдержав потери любимого, умирает рядом с ним, превращаясь в стройную березу.

В ходе повествования присутствие автора едва уловимо, он лишь изредка появляется для исполнения композиционных связок, при этом все повествование ведется от лица старика-сказителя Дувармы (условный персонаж-рассказчик является основным элементом в произведении с элементами сказа), который начинает свой сказ словами:

Се тевесь, эйкакшт, седе икельксэнь,
Макшодо ташто, токамсак а ён.
Вай, эрсильть-аштильть седе икеле

Эрзянь атятне, монсень ялгатне.
Сынь эрильть-аштильть вирень куншкасо, —
Виресь сявориль, комиль лангозост...⁶

Это дело, дети, давнее,
Старее гнилушки, даже трогать не следует.
Ой, жили-поживали раньше
Эрзянские старики, мои друзья.
Они жили-поживали в гуще лесной, —
Лес валился, наклонялся на них...

Старик-сказитель настолько непринужденно ведет рассказ о сельском молении, что складывается впечатление, как будто он сам был непосредственным участником этого события. Его рассказ организован в стройную систему десятичного ритма, однако повествование не носит характера спокойного описания и однотонности. Сюжет развивается динамично, в ткань повествования органично вливаются диалоги, песни и авторские ремарки, которые меняют ритмику создаваемого настроения. Стилизация захватывает читателя своей естественностью и эмоционально-музыкальной насыщенностью. Стройная организация материала, динамика в развитии сюжета и глубина в раскрытии событий и характеров отодвигают на второй план личность сказителя. Все повествование, несмотря на сказочно-фантастические превращения, воспринимается как естественное течение самой действительности.

О. В. Кузнецова писала, что Я. Я. Кулдуркаев, «строю систему изобразительных средств по принципу народной поэтики, последовательно проводит свою художественную концепцию. На первый план он выносит создание типической обстановки и запоминающихся типических характеров. Принципы народной поэтики он дополняет эмоциональными и психологическими оттенками»⁷. Устно-поэтическое творчество мордовского народа богато эпическими и лирическими песнями, но автор не включает в ткань повествования готовые тексты, а сочиняет новые, придерживаясь принципов народной поэтики.

Сказовое повествование входит в структуру литературного жанра как резкая типовая противоположность. Литературно-художественный жанр ориентирован на письменно-книжные нормы, сказ — на устно-разговорные. В первом случае автор выступает в роли повествователя (или рассказчика), ему подчинены герои, логика и сам тон повествования, в другом — роль автора берет на себя рассказчик. В сказовых формах взаимопроникновение литературно-авторских начал поэтики и фольклорной стилизации объясняется стремлением автора создать впечатление непосредственного рассказа-импровизации.

Я. Я. Кулдуркаев ввел в повествование глаголы «говорения», тем самым подчеркивая преобладающую роль рассказчика при передаче информации, указывая на наличие элементов сказовости. Глагол «сказывать», как известно, издавна выполняет двоякую функцию: прямую, обычную в значении «сообщать», «уведомлять» и специфическую, принадлежащую к сфере устного творчества, в значении «сказывать». В первом случае сказывающий является участником или свидетелем тех или иных событий. Его вряд ли можно назвать «сказителем», так как в его расска-

зах преобладает конкретная реальность, почти лишенная вымысла. Подобное сказывание являлось как бы подготовительной ступенью для появления сказителя-творца и той жизненной основы, на которой впоследствии возник сказ. Признаки сказа, в частности в поэме, проявляются в авторской ориентации на присутствие слушающей аудитории, создавая иллюзию импровизированности авторской речи.

Фольклорную стилизацию автор использует для создания емких и выразительных образных средств, способных передать дух старины:

Аволь вирь атя вирьсэ сеери,
Овтонь вайгельсэ эйкакшт тандавтни —
Те пижни истя велень озатя,
Велень озатясь пурны эрзятнень
[Кулдуркаев, с. 7].

Не лесной старик кричит в лесу,
Медвежьим голосом детей пугает —
Это так кричит сельский старейшина,
На моление сельский старейшина собирает эрзян.

Как было отмечено ранее, поэма целиком основана на мотивах, образах и поэтических приемах мордовской народной поэзии, но благодаря стилизации она воспринимается как совершенно новое, оригинальное произведение, эстетически обогащающее читателя и активно воздействующее на рост национального самосознания мордовского народа. Поэма написана выразительным народным языком. Для нее характерны богатство лексики, поэтическая образность и многообразие творческих приемов, что по праву ставит ее в ряд лучших достижений мордовской литературы. Утверждая общечеловеческие идеалы народного счастья, призывая к толерантным отношениям между народами, она до сих пор не утратила своей привлекательности.

Своеобразным этапом развития сказовых форм повествования в мордовской литературе была вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. В это десятилетие мордовский поэтический эпос характеризуется освоением крупных поэтических жанров. Ярким примером этого является роман в стихах А. Д. Куторкина «Покш ки лангсо умарина»⁸ («Яблоня у большой дороги», 1958), который «...завершал в нашей литературе период ее непосредственной опоры на фольклорные традиции и начинал новую полосу в развитии мордовского поэтического эпоса, связанную уже с более творческим и органическим использованием эстетики фольклора для решения задач, стоящих перед современной литературой» [Куторкин, с. 118].

Следует отметить, что именно в мордовской эпической поэзии начала складываться характерная для всех жанров сюжетно-социологическая канва: в дореволюционное время малые нации и народности находились под гнетом, в связи с чем поборники народного счастья были выходцами из крестьянской среды. В начале их протест носил стихийный характер, проявляясь как бунт одиночек, и лишь со временем они становились лидерами общенародной борьбы. Эта схема построения легла в основу романа в стихах А. Д. Куторкина.

Лирико-эпическая поэма историко-революционного характера явилась начальным звеном в освоении мордовскими поэтами жанров эпической поэзии. Ее отличительным признаком было то, что в центр повествования выдвигалась не столько типическая личность, сколько концентрация авторского внимания на самой народной среде. Изображение народной жизни длительное время оставалось тесно связанным с особенностями фольклорно-эпической типизации.

Главной проблемой романа явилось художественное исследование процесса революционизации сознания мордовского народа в период с начала 80-х гг. XIX в. до лета 1906 г. В нем соединились эпос и лирика, прослеживается единство традиций и новаторства.

В вступлении автор использует характерный для народного эпоса образ старика-сказителя, стилизованного под рассказчика, который предстает перед читателем как непосредственный свидетель изображаемых в романе событий, от его имени в дальнейшем передаются многие картины повествования:

Сыре атя стясь икелень ды полавтынзе монь мелень. Мир ки лангсо, — мерсь, — цёракай! Рунгомгак весе соракадсь апак учо те вайгельденть	Старик встал передо мною и изменил мое настроение. Мир в дороге, — сказал, — сынок! Стан мой весь вздрогнул от этого неожиданного голоса.
--	---

[Куторкин, с. 6].

В романе используется такой необходимый компонент для сказового повествования, как прямое обращение рассказчика к слушателю (читателю):

...Ну, бути а капшат, сестэ тон озакая малазон ды рожомтая валозон. Сень, мезе неинь мон, яказь, ды мезе маринь, оякай, — Конёв лангс ансяк сёрмадомс ды нуцьканок туртов кадомс	...Ну, коли не торопишься, тогда ты присядь-ка рядом и прислушайся к моим словам. То, что я видел, ходя, и что слышал, приятель, — На бумагу только записать и внукам на будущее оставить.
--	--

[Там же, с. 17].

В произведении легко заметны элементы фольклорной стилизации. Речь героев близка к народной, полна народных сравнений и олицетворений:

Умарь ютксо мазы — груша, тейтерь ютксо — Пурькень Луша. Шумбраяк, прок ванькс од нешкекс, киштияк, прок шожда мекшке. Ансяк парсте тензе седяк, моданть вельксстэ сеске редят, кода нармунькс ливтнить котат. Но, кундыяк сон роботас, Мерят валовсь эрексия	Среди яблонь краше — груша, среди девушек — Пурькина Луша. И здорова, как молодой улей, и пляшет, как легкая пчелка. Только лучше ей играй на гармошке, над землей увидишь сразу, как птицей летают ботинки. Но, когда она берется за работу, Скажешь, пролилась ртуть
---	--

[Там же, с. 10].

или:

...Чить и веть, прок паролкст-ингелькст,
чийсть кевейксэеце пингес.
Календаренть ланга чиевсть
кавксоньгемень ниле иеть,
Ней жо численниктнес эцесь
уш кавксоньгемень ветецесь

[Там же, с. 19].

...Дни и ночи, как лицевая сторона и изнанка,
спешили в девятнадцатый век.
По календарю пробежали
восемьдесят четыре года,
Теперь же в календарь лезет
уже восемьдесят пятый.

В создании характеров героев А. Д. Куторкин часто использует возможности реалистического жизнеописания и язык народных символов. Например, сказочник-повествователь обращается к березе, как к живому человеку:

... Атясь сормакстызе конянтъ,
умаринантень сюконясь:
— Кие садсто тонь сявтынзить,
ош ки чирентень стявтынзить?
... Ульть ламо мелень ваньщякс,
ульть экше пелень валыщякс,
ульть ненень, кить якить ялго,
тон сех паро, важов ялгакс,
тантей умарень казищякс,
нучки седеень витищякс

[Там же, с. 7].

...Старик поморщил лоб,
яблоне поклонился:
— Кто из сада тебя взял,
на большой дороге посадил?
... Будь многим в угоду,
будь источником прохлады,
будь тем, кто ходит пешком,
ты хорошим, добрым другом,
дарителем вкусного яблока,
изболевшему сердцу успокоением.

Связь с традициями народного эпоса в романе обнаруживается и в сценах, кажущихся на первый взгляд обыкновенным заимствованием из фольклора (поединок Мики Кузая на ярмарке с профессиональным борцом Маской и др.). Однако главное, что определяет органичность связей романа с народным эпосом, заключается даже не в прямых обращениях к фольклорным мотивам и образам (причитания, свадебные песни, колядки, образ холопки Раи), а в умении поэта через эти образы показать характер исторических явлений и народной жизни в целом.

Вступление к роману — символическая картина, созданная по мотивам мордовской народной песни «Козонь чачнесь умаринась?» («Где родилась яблоня?»). Определенность устно-поэтической традиции ощущается и в образе Луши. С ней связано введение в повествование произведений свадебного цикла и причитаний. Гибель героини и ее образ в конце романа отождествляется с образом яблони, неоднократно воспетой в народной лирике.

Особое место в романе занимает легенда «Кода цёковсь тонадсь морамо» («Как соловей научился петь»). Здесь речь идет о судьбе холопки Раи, у которой за непослушание отрезали язык и руки и с грудным ребенком выгнали на улицу. Так и ходила Рая с сыном за спиной по селам, кормились подажаниями. Однажды, когда Рая наклонилась к реке напиться, ее ребенок упал в воду:

Но сеске тейсь ине вечкемась чуда.
Истя жалясь авась вечкезь эйдензэ,
што сеске жо кавонест кайсть кядензе
Таргавсь цёркась. Раянь кортамс мелезе
истя покшоль, што чачсь мекев келезе
[Там же, с. 148].

Но вдруг высшая любовь свершила чудо.
Так жалко было женщине любимого ребенка,
что вдруг выросли у нее обе руки.
Ребенок вытасчен. Желание Раи заговорить
было таким большим, что вновь появился у нее язык.

В этой сцене голос автора приобретает самостоятельное звучание. Он как бы комментирует повествование рассказчика и дополняет новыми сведениями.

Известно, что характер формы повествования определяется в первую очередь типом художественной связи автора и героя. Предоставив слово рассказчику, который заключает в себе элементы народного сознания, А. Д. Куторкин тем самым ставит перед собой задачу по-новому решить проблему автора. При этом ни один из «народных» персонажей не воплощает идею народности полностью. Лишь совокупность различных проявлений народного характера в рассмотренном произведении дает объемное, концептуальное представление о его народном выражении. Потому образу рассказчика сопутствует авторская ирония, и в то же время за непритязательными изречениями рассказчика живо обнаруживает себя идея самого автора.

В произведении Я. Я. Кулдуркаева и А. Д. Куторкина рассказчик — такой же художественный тип, как и герой во всех родах и жанрах: в качестве единичного он опредмечивает всеобщее. Однако это всеобщее предстает в речевой форме, резко отличной от нормы литературной, которая воспринимается читателем как традиционная или «правильная». Поэтому в произведениях момент общего ощущается как бы за пределами повествования, через позицию автора (хотя формально он устранен из произведения).

Таким образом, рассмотренные произведения интересны для нас прежде всего тем, что они позволяют обнаружить возможности, которыми располагает фольклорная стилизация. Она уступает сказовой форме повествования в широте и интенсивности развития. Вместе с тем следует отметить и те обстоятельства, которые способствуют этому развитию: во-первых, постоянный интерес ряда поэтов к фольклорной стилизации свидетельствует о неисчерпаемости эстетических резервов народного первоисточника, во-вторых — поэзия в русле сказовой повествовательности также опирается на фольклор. Фольклорный материал, ис-

пользуемый авторами, расширяет их творческие возможности. У каждого поэта свой подход к фольклору, свой угол зрения. Более того, фольклоризм у разных поэтов проявляется по-разному. По этой причине в одних произведениях он легко прослеживается, в других трудно, но он непременно присутствует в духе поэзии, в языке и в связи поэта с народной идеологией.

Библиографические ссылки

- ¹ **Троицкий В. Ю.** Стилизация // Слово и образ : сб. ст. М., 1964. С. 169.
- ² Там же. С. 187.
- ³ **Рыбаков Н. И.** Масштабы жанра // Некоторые вопросы русской литературы XX века : сб. тр. МГПИ. М., 1973. С. 120.
- ⁴ **Девяткин С. Г.** Фольклор как источник обогащения эстетического опыта современной мордовской литературы // Аспект — 1990 : Исслед. по морд. лит. Саранск, 1991. С. 71. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 102).
- ⁵ **Потебня А.** Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 397.
- ⁶ См.: **Кулдуркаев Я. Я.** Эрмезь : Ёвкс кезэрень пингеде // Кезэрень пингеде, эрзянь раськеде. Саранск, 1994. С. 13. Далее ссылки в тексте: [Кулдуркаев, с.].
- ⁷ **Кузнецова О. В.** Идеино-эстетическое обогащение мордовской поэмы в 30 — 50-е годы // Очерки жанров мордовской литературы. Саранск, 1982. С. 114. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 67).
- ⁸ См.: **Куторкин А. Д.** Покш ки лангсо умарина. Саранск, 1958. 222 с. Далее ссылки в тексте: [Куторкин, с.].

Поступила 25.02.2013 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94(470.4):911.375

Т. М. Гусева, Н. Г. Тараканова
T. M. Guseva, N. G. Tarakanova

УЕЗДНЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

DISTRICT CHIEF TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND-HALF OF THE XIX CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR STUDY

Ключевые слова: уездный город, городская культура, культурное пространство, социокультурное развитие, городское сословие.

В статье выделены мало изученные аспекты социокультурного развития уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX в.; определены некоторые перспективные направления в исследовании малых провинциальных городов.

Key words: district chief town, urban culture, cultural space, social and cultural development, urban class.

The less studied aspects of social and cultural development of the district chief towns of the Middle Volga Region in the second half of the XIX century are emphasized in the article, some promising trends in the study of small provincial towns are determined as well.

Изучение и осмысление региональной культуры непосредственно связано с проблемой города, городской среды и городской культуры, поскольку именно городской образ жизни способствует во многом оформлению культурного пространства отдельных территориальных образований. Говоря о проблемах и перспективах изучения уездных городов, следует остановиться на проблемах и перспективах изучения социокультурных процессов, которые были характерны для провинциальных городов второй половины XIX в. Этот период можно назвать особым временем для культуры. К середине XIX в. завершилось в основном формирование типа русского провинциального города с характерной для него организацией пространства и времени, с его бытом и нравами. Сложилась устойчивая система институций в государственно-бюрократической, торгово-промышленной, церковной, образовательной и рекреационной субкультурах. Провинциальный город осознает свою самодостаточность и обнаруживает уже гораздо меньшую склонность к копированию столицы. Это время, когда российские

города становились социокультурными центрами, ярко проявлявшими традиции и одновременно открытые к освоению и интерпретации новаций, что в значительной степени активизировало жизнь провинции.

В России малые города были и остаются самой многочисленной категорией городских поселений: в 1897 г. их доля составляла 81,8 %, в 2010 г. — 71,0 % от общего числа, или 781 из 1 100. В настоящее время в связи с процессами урбанизации и агломерации, а также усложнением всей городской жизни проблемы городской культуры приобретают большую актуальность и требуют детального освещения не только современных явлений, но и определенных моментов исторического прошлого.

Для осмысленного представления любого культурного развития необходимы учет многообразных проявлений существующих структур и реконструкция их истории. Проблемы города и городской культуры в историческом аспекте являются недостаточно изученными как в масштабах всей страны, так и Среднего Поволжья.

Сегодня существует потребность в системном и комплексном изучении социокультурных процессов, происходивших в уездных городах Среднего Поволжья в указанный период, и влияния городских сословий на формирование культурной среды. До настоящего времени остаются мало изученными многие аспекты развития уездных городов. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Влияние модернизационных процессов на социокультурное развитие российских провинциальных городов.* В данный период в результате происходивших трансформаций возрастало влияние уездных городов на социально-экономическую и культурную жизнь уездов, центром которых они являлись. При этом темпы урбанизационных процессов в уездных городах были замедленными, несмотря на увеличение численности городских жителей и количества самих городов. В конце XIX в. в уездных городах наблюдались повышение образовательного уровня населения, расширение сети учебных заведений и положительные изменения в организации школьного обучения. Оказывая большое влияние на ближайшую сельскую округу, города не поглощали деревню и не подчиняли ее. При этом воздействие села, сельской традиционной культуры на городское сообщество уездных городов было еще достаточно сильным.

2. *Основные направления хозяйственной деятельности городского населения, социально-экономическое развитие уездных городов, условия и факторы этого развития, повлиявшие на формирование культурной среды.* Важным направлением деятельности населения уездных городов во второй половине XIX в. было сельское хозяйство, которое значительно отличалось от такового в деревне, так как имело характер свободного торгового промысла. Большое количество городских жителей, тесно связанных с деревней своим сословным статусом, экономическим положением, бытовыми и трудовыми традициями, уходящими корнями в патриархальные отношения крестьянской общины, следует рассматривать в качестве одной из важных особенностей социальной структуры пореформенного города. При этом необходимо подчеркнуть, что представители крестьянского сословия в городах, их ментальность, бытовая и народная культура влияли на развитие всех культурных процессов, происходивших в этот период в городах. Сохраняющийся в рассматриваемый период аграрный характер горо-

дов Среднего Поволжья не позволял ремесленно-промышленному сектору повысить свое значение в структуре городской экономики в тех масштабах, чтобы изменить ее функциональные возможности. Все это обусловило специфику территориальной структуры размещения промышленности, которая развивалась не столько в городе, сколько на селе. Тем не менее во второй половине XIX в. в более чем 2 раза возросло количество городских предприятий и увеличилась численность занятых на них рабочих.

3. *Сословный состав, социально-экономическая деятельность органов городского общественного управления и социокультурная составляющая бюджета уездных городов.* Экономическое развитие города благотворно влияло на формирование его культурного пространства. Введение Городового положения 1870 г. активизировало хозяйственно-экономическую деятельность органов городского самоуправления губернии. Органы городской управы уездных городов по сословному составу были мещанско-купеческими. Ремесленники и почетные граждане составляли незначительный процент в органах городского самоуправления. В данный период значительно увеличились размеры городских доходов. Аграрный характер уездных городов определял главный источник его доходов — арендную плату за использование городской земли под сельскохозяйственные нужды. Важным источником пополнения бюджета являлся также городской оценочный сбор с недвижимого имущества населения. Основными направлениями городских расходов являлись: содержание мест и лиц городской управы, канцелярские расходы, пособия казне, расходы по военной части, содержание тюрем, полиции, пожарной команды, расходы по устройству ярмарок, уплата по городским займам и обязательствам. Социальная политика уездных городов сводилась к содержанию сиротского суда, расходам на медицину, народное образование и благотворительные заведения, поддержанию нормального санитарного состояния городов, выдаче пенсий, пособий и наград; благоустройству улиц, городских зданий, садов, бульваров, и лесов. Так, затраты на народное образование в городах Пензенской и Самарской губерний в конце 1880-х гг. колебались от 14 до 20 %, на наружное благоустройство городов — от 2 до 8 %.

4. *Значение городских сословий в процессе интеграции культурных процессов уездных городов и деревень.* В пореформенный период городское население активно включилось в процесс интеграции культурных процессов уездных городов и деревень. Город стал центром распространения сельскохозяйственных знаний. Проводимые сельскохозяйственные выставки, окружные съезды, беговые испытания, выставки и премирование лошадей, а также ярмарочные торги превращали небольшие уездные города в важные центры экономической и культурной жизни сельскохозяйственной округи. Здесь горожане и сельчане знакомились с новыми образцами техники, могли приобрести лучшие породы домашних животных и птиц.

5. *Роль городских сословий в формировании институтов, составляющих культурное пространство уездных городов.* Все слои населения провинциальных городов вносили свой вклад в формирование культурной среды и определяли общий уровень их культуры. Многие городские обыватели — мещане и крестьяне — вели достаточно замкнутую домашнюю жизнь. Тем не менее они активно включались в хозяйственные и культурные дела. Жители принимали участие в

озеленении города, открытии и содержании школ и библиотек. Более инициативная общественная жизнь в уездном городе сосредоточивалась, как правило, в небольшом кружке местной интеллигенции, состоящем из служащих в различных ведомствах чиновников, духовенства и богатых купцов. Сословиями, способными в силу своей образованности и материального положения активно влиять на развитие культуры уездных городов, были дворяне, купцы, почетные граждане и духовенство. Они являлись инициаторами создания общественных организаций, школ и библиотек, кроме того, вовлекали в этот процесс основное городское сословие — мещан. Таким образом, в уездных городах существовала сила, способная внедрять в развитие культуры инновации.

6. *Воссоздание историко-культурного образа российского провинциального города и городских сословий на основе анализа мемуаров, путевых очерков, произведений художественной литературы и изобразительного искусства.* Пространственные образы являются моделями определенной историко-культурной реальности, при их осмыслении провинциальный город может выступать как своеобразный индикатор, показатель динамики провинциальной культуры. Художественный образ уездного города и городских сословий в произведениях художественной литературы этого периода в основном представляет собой неприглядную картину: мир испорчен, человеческая жизнь сплошное страдание. В литературном образе захолустного русского городка происходит безжалостное осуждение горожан как людей косных, пассивных и ограниченных, обличение традиционного образа жизни как средоточия антиценностей, тенденциозное истолкование веками существовавшей среды как пространства, построенного изначально неправильно. Русская литература убеждала: уездный мир невозможно исправить постепенно, его следует менять полностью.

В мемуарах образы уездного города самые различные. В основном для авторов это город, где прошло их детство, поэтому их воспоминания яркие, светлые, добрые и часто наполненные юмором. В них нет очернительства, злой иронии и сарказма. Жители этих городов не кажутся авторам забытыми и недалекими провинциалами. В провинции люди естественны и близки к природе, не испорчены утилитарностью и гигантоманией больших городов. В мемуарах убеждающая своей достоверностью, уютная и приветливая провинция будто не знает нищеты и убожества.

В изобразительном искусстве данный образ претерпел существенную трансформацию от трагического обобщения русской действительности передвижниками с его нищим и убогим населением до произведений Б. М. Кустодиева, где бьет ключом творческая энергия народа, который в изображении художника деятелен, активен, созидателен, развлекается только в праздники, в остальное время — великий труженик. Для многих художников второй половины XIX в. небольшой провинциальный город приветлив, люди естественны и простодушны.

7. *Эволюция историко-культурного пространства и участие горожан в благоустройстве уездных городов.* Пространственная эволюция российского провинциального города определилась как целостный и территориально-локализованный результат совокупного действия природных, технических и социально-культурных явлений. Произошло взаимодействие природных процессов с

художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей рутинной деятельностью людей. В результате образовалась система, способствующая развитию, воспроизводству и сохранению культуры, оформилось своеобразное и неповторимое историко-культурное пространство уездных городов. В облике старых русских городов большую роль играли панорамы — виды, открывающиеся на поселения с дальних точек. Во второй половине XIX в. городская планировка в уездных городах начала упорядочиваться, но при этом кардинально не менялась. Архитектурный облик города зависел не столько от его возраста, административного статуса и величины, сколько от уровня хозяйственного развития. Характерной чертой провинциального города являлась сакрализация культурного пространства. Главными объектами, определявшими лицо города, были культовые здания и комплексы. Для российской провинции этого периода характерны три главных фактора в развитии архитектуры на местах: традиционность, утилитарность и подражательность.

Уровень благоустройства уездных городов зависел от того, насколько горожане выполняли постановления городской думы (ст. 103 нового Городового положения 1870 г.), которые касались соблюдения порядка в городе. Городское управление, издавая обязательные постановления, в то же время не располагало ни юридической, ни фактической возможностью настоять на их исполнении. Тем не менее именно в этот период были заложены основы городского благоустройства и созданы новые солидные источники дохода для городских бюджетов.

Таким образом, до настоящего времени нет работ, посвященных историко-культурологической периодизации истории городов Среднего Поволжья, пространству городской культуры и анализу образа провинциального русского города. Мало изучено своеобразие региональной культуры, состоящее в слиянии потоков, шедших из центра, с местными культурными традициями, что приводило к формированию особого пласта культуры в городе. На уровне специализированных — отраслевых — исследований подступы к выявлению конкретно-исторического своеобразия местной культуры с учетом ее полифункциональности лишь обозначены. Культура уездных городов Среднего Поволжья второй половины XIX в., социокультурное (коммуникативное) пространство города, формируемое культурной средой и социальными практиками горожан, является, на наш взгляд, интересным объектом исследования.

Поступила 19.12.2012 г.

УДК 908(470.345):929Воронин

О. А. Пивцайкина

O. A. Pivtsaykina

И. Д. ВОРОНИН — ОСНОВОПОЛОЖНИК ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ МОРДОВИИ

I. D. VORONIN AS A FOUNDER OF LITERARY REGIONAL STUDIES OF MORDOVIA

Ключевые слова: краеведение, литература, литературное произведение, писатель, мордовский край.

В статье раскрывается роль выдающегося ученого И. Д. Воронина в организации и развитии литературного краеведения в республике.

Key words: local history, literature, literary work, writer, the Mordovian land.

The role of the outstanding scientist I. D. Voronin in the organization and development of literary regional studies in the republic is revealed in the article.

Имя Ивана Дмитриевича Воронина (1905 — 1983) — выдающегося краеведа, литературоведа, педагога и общественного деятеля — хорошо известно современным ученым-гуманитариям. Несмотря на разноплановость интересов, И. Д. Воронина связывают в первую очередь с основанием научного краеведения в республике¹. В связи с этим необходимо выделить ряд аспектов:

— во-первых, И. Д. Воронин выступал прежде всего как историк-краевед. Здесь следует отметить работы, раскрывающие особенности исторического развития региона («Первые поселенцы Саранска», «Сподвижник Степана Разина», «Из истории старой Рузаевки» и др.). Бесспорно, главное место в данном направлении занимает его фундаментальный труд «Саранск»². Это первый в региональной науке опыт авторского подхода к изложению истории города. Ученый исторически достоверно изложил путь становления г. Саранска от сторожевой крепости на границах России до столицы российского региона. Профессор В. А. Юрченков отмечает, что именно И. Д. Воронин впервые предложил полную комплексную картину исторического развития города, что было новым для российской региональной историографии конца 1950-х — начала 1960-х гг.³;

— во-вторых, как краевед-культуролог. Интерес ученого к истории родного города тесно переплетался с увлечением вопросами культурного наследия Мордовии. Благодаря его изысканиям стали известны региональные особенности художественного развития края. Все эти сведения нашли отражение в его монографии «Саранская живописная школа»⁴. И. Д. Воронин вывел из забвения имена художников К. А. и И. К. Макаровых, раскрыл национальный колорит провинциальной живописи на примере Саранской живописной школы, составил своеобразную географическую карту живописи саранских художников, расширив географию культурных центров республики;

— в-третьих, как краевед-литератор. Одно из направлений краеведческой деятельности ученого связано с исследованиями литературной истории мордовского края. Воронин показал специфичность бытования такого феномена отечественной культуры, как литература Мордовии в контексте общерусского литературного процесса и в контексте формирования единого социокультурного пространства. Кроме того, им были раскрыты многие аспекты исторического развития региона через призму культурных связей известных писателей с мордовским краем, которые отражены либо в творчестве писателей, либо в их биографии⁵.

В региональную науку И. Д. Воронин пришел именно как исследователь-литератор. Подобный интерес был не случаен, поскольку ученый имел филологическое образование. Еще до поступления в вуз он активно сотрудничал с местной печатью. В 1935 г. И. Д. Воронин поступил на литературный факультет Мордовского государственного педагогического института. После окончания обучения (экстерном) в 1938 г. перспективному выпускнику предложили остаться на кафедре, где он читал курс лекций по литературе XIX в. В это же время у И. Д. Воронина появился интерес к истории и культуре родного края. В этой связи заслуживает внимания исследование им творчества и судьбы опального поэта-революционера А. И. Полежаева. И. Д. Воронин предпринял попытку раскрыть исторические особенности развития мордовского края посредством анализа литературного творчества А. И. Полежаева. В 1940 — 1941 гг. были опубликованы очерки ученого, посвященные творчеству писателя-бунтаря⁶. С их выходом рецензент Б. И. Казанский писал: «Ценен уже тот факт, что в Саранске ведется дельная архивная работа. Учитывая провинциальные связи замечательных личностей прошлого, наши местные архивы смогли бы обнаружить немало новых и ценных материалов, исторических и биографических. Институт русской литературы и исторический Академии наук могли бы направить эти изыскания, сулящие неожиданные и богатые находки. Работа И. Воронина в этом отношении — очень показательный и поощряемый случай <...> И благодаря новым данным мы сможем глубже и полнее понять в Полежаеве и поэта и человека»⁷.

В дальнейшем И. Д. Воронин продолжил свое исследование, результаты которого легли в основу его кандидатской диссертации. Защитил он ее в условиях Великой Отечественной войны (1942 г.). Работа вызвала неоднозначную оценку, в основном положительную. Официальный оппонент диссертанта профессор И. Н. Кубиков отметил: «... работу, которую проделал т. Воронин, можно считать ценной. Если мы возьмем те диссертации, которые мы часто слушаем, то на 75 % они довольно широковещательны, а по научной своей ценности... они большей частью пишутся „для шкафа“... $\frac{3}{4}$ его диссертации насыщено материалом, который может быть положен в основу подлинно научной биографии А. И. Полежаева, и в этом оправдание этой работы»⁸. Н. И. Воронина, в свою очередь, отметила, что «первый биограф Полежаева Н. Бегичев признался, что И. Д. Воронин заново открыл биографию поэта»⁹.

После демобилизации в 1946 г. И. Д. Воронин возглавил исторический сектор НИИЯЛИ. В то время главным направлением исторического сектора было написание «Очерков истории Мордовской АССР». Эта работа была трудоем-

кой, приходилось собирать и изучать многочисленные печатные источники, перерабатывать архивные материалы Саранска, Пензы, Ульяновска, Москвы и других городов, записывать предания и воспоминания. Именно тогда его исследования обрели своеобразный колорит: И. Д. Воронин внес в историческую науку новый историко-литературный подход. По этому поводу сам ученый писал: «Это была трудная, но интересная работа, ведь историческая наука в Мордовии тогда делала лишь первые шаги, здесь было обширное и благодатное поле для деятельности... На первый взгляд, может показаться непонятным, с какой стати я, литературовед, писатель, вдруг решил заняться историей. Но — это только первый взгляд. Я всегда убежден, что литератор должен быть одновременно историком, как и историк — литератором. Только при таком условии можно рассчитывать на всестороннее освещение того или иного явления, иначе может получиться однобоко, упрощенно. С первых робких исследовательских попыток я почувствовал необходимость ясного знания исторической обстановки. Изучая Полежаева, я должен был хорошо знать и ту эпоху. Постепенно интерес к исторической науке у меня окреп настолько, что я стал увлекаться ею уже не только в связи с теми или иными литературными вопросами. Образцом в этом отношении для меня всегда являлись такие разносторонние люди, как, скажем, Валерий Яковлевич Брюсов, который был не только поэтом, писателем, но и литературоведом, историком и даже математиком. И в наше время можно найти немало аналогичных примеров — ну, хотя бы известный академик Лихачев, который пишет и исторические, и литературоведческие труды...»¹⁰. Ученый был убежден, что изучение истории литературы требует от литературоведа конкретно-исторических знаний и не книжного источника впечатлений. В то же время при изложении исторических сведений он не ограничивался лишь сухим изложением фактов. Методология И. Д. Воронина предполагала полевые исследования, требовала выезда на местность, где развивалось действие изучаемого художественного произведения, сравнения увиденного с хронотопом, созданным ученым-писателем.

В дальнейшем И. Д. Воронин развил это направление в последующих своих работах («Наш земляк Н. П. Огарев», «Саранская квартира Н. А. Тучковой-Огаревой», «Наш земляк — поэт Н. М. Сатин»), которые вошли в книгу «Литературные деятели и литературные места в Мордовии». Эта работа стала закономерным результатом суммирования разнопланового научного опыта ученого, включив в себя историческое повествование развития региона посредством освещения ее культуры и литературной истории. В данной работе И. Д. Воронин проследил тесные культурные связи, которые всегда существовали между мордвой и русскими, а также плодотворное влияние русских писателей на мордву. При написании книги была проделана кропотливая архивная работа по восстановлению истории края. Изучая провинциальные связи знаменитых личностей прошлого, ученым было обнаружено значительное количество новых исторических и биографических сведений. В частности, И. Д. Воронин установил точную дату рождения А. И. Полежаева. Изучая творчество писателя И. В. Селиванова, ученый пришел к выводу, что первый том его «Провинциальных воспоминаний» написан на основе воспоминаний о служебной деятельности писателя в Саранске. Таким образом, благодаря этому открытию появилась возможность

историко-художественной реконструкции общественного быта региона, административно-судебной системы и, наконец, просто внешнего вида города середины XIX столетия. В очерке о М. Горьком ученый привел факты, свидетельствующие о внимании писателя к жизни мордовского края. Так, в рассказе «Проходимец» имеются подробности из жизни Саранска XIX в. Следует отметить, что благодаря И. Д. Воронину общественность узнала о причастности к культуре мордовского края таких видных русских писателей, как Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Г. Малышкин, А. С. Новиков-Прибой и др.

Заслугой научной деятельности И. Д. Воронина является увековечивание многих культурных памятников мордовского края. Благодаря его поискам мемориальными досками и знаками были отмечены памятные места г. Саранска и «культурные гнезда» дореволюционной Мордовии — с. Старое Акшино, Архангельское Голицыно и Смольково. Таким образом, И. Д. Воронин создал своеобразную «энциклопедию» культурной памяти края, став в культуре Республики Мордовия центром притяжения научных и творческих сил¹¹. В то же время желание вычленивать малейшие сведения, связанные с литературной жизнью края, приводило к тому, что автор иногда «злоупотреблял» иллюстративным методом. Многие его работы, освещающие историю литературной жизни края, в том числе и эта книга, изобилуют большим количеством фактов, которые подчас отвлекают от главного смысла произведения. Л. Г. Васильев отмечал: «...необходимо отметить один недостаток работы — чрезмерное увлечение автора деталями. Детали важны, но они не должны заслонять от исследователя первоочередных и действительно нужных вопросов»¹². Кроме того, в работе наблюдается тенденция к преувеличению значения отдельных писателей. Еще одним существенным упущением И. Д. Воронина является отсутствие сведений о журналистско-краеведческой деятельности священников края. Следует отметить, что священники мордовского края второй половины XIX — начала XX в. проделали колоссальную работу по изучению и описанию быта мордовского народа. Возможно, подобные «пропуски» были осознанными в связи с существовавшей в государстве политикой отрицания религии.

Главным достоинством книги являются сведения, благодаря которым выстраивается историческая картина развития края через субъективное отражение очевидца. Сравнение субъективных наблюдений с объективными процессами, происходившими в обществе, помогают в полном объеме воссоздать социальную обстановку края в определенный отрезок времени. Круг вопросов, поднятых И. Д. Ворониным в книге, в целом довольно широк, а тема каждого очерка может стать предметом отдельного исследования.

Н. И. Воронина, отмечает, что И. Д. Воронин особенно трепетно относился и к проблеме «мордовской пушкинианы». Ученый собрал большое количество устных и письменных источников и воспоминаний о поэте, о возможности его пребывания в мордовском крае (проездом), о нитях араповского клана в Ковылкинском районе Республики Мордовия и др.¹³ Однако это направление в его творчестве так и осталось неразработанным.

С 1951 по 1959 г. И. Д. Воронин руководил республиканским отделением Союза писателей Мордовии. За восемь лет работы в этой должности ученый многое сделал для осуществления переводов произведений мордовских авторов

на русский язык и для издания их в г. Москве. Так, в 1958 г. издательство «Советский писатель» выпустило коллективный сборник «Мордовские рассказы», составителем и редактором которого был И. Д. Воронин. Прилагая много усилий для развития литературы Мордовии, ученый был скромным в оценке заслуг писательской организации. В сентябре 1958 г. в докладе на III съезде писателей республики он подчеркнул: «Мы должны еще много потрудиться, чтобы в новых произведениях правдиво и художественно ярко показать преобразование родного края, ярко отобразить созидательный труд нашего народа...»¹⁴.

С 1961 по 1970 г. И. Д. Воронин был вдохновителем и организатором научно-исследовательской работы преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета, которой он руководил около десяти лет. В эти годы вышли в свет исследования его коллег: «Мордовская народная эпическая песня» А. И. Маскаева, «Декабристы братья Веденяпины» С. С. Конкина, «Кузьма Григорьевич Абрамов» В. М. Забавиной и многие др.

И. Д. Воронин привлекал к исследовательской деятельности и студентов. Он считал важным в практической работе студентов наряду с занятиями в школах организовывать поездки по литературным местам и музеям¹⁵. Под его руководством на кафедре часто организовывались встречи студентов с писателями республики¹⁶.

Таким образом, наследие, оставленное профессором И. Д. Ворониным, раскрывает духовный облик и прослеживает канву жизни российской провинции в «железном самотеке» истории. Труды ученого на современном этапе подвергаются критическому переосмыслению. Так, первый аспект краеведческой работы И. Д. Воронина раскрыт детально и не поддается сомнению. Многочисленные публикации, посвященные феномену «Саранска», — яркое тому подтверждение. Высоко оценены рецензентами и изыскания ученого по выявлению художественной истории края. Однако его литературоведческие исследования как попытка освещения истории края не получили должной оценки. Между тем современные ученые сходятся во мнении, что в основе литературно-краеведческих исследований в Мордовии лежат именно труды И. Д. Воронина. Необходимо отметить, что данное направление в краеведческой деятельности ученого является доминирующим.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бахмутов С. Б.** Иван Дмитриевич Воронин: значение личности и трудов // Саранск: город и горожане. Саранск, 2002. С. 25 — 28 ; **Забавина В. М.** Покой ему только снился... (К 95-летию со дня рождения И. Д. Воронина) // Там же. С. 29 — 30 ; **Юрченков В. А.** Иван Дмитриевич Воронин и феномен «Саранска» // Воронин И. Д. Избранное. Саранск, 2005. С. 7 — 12.

² См.: **Воронин И. Д.** Саранск : ист-док. очерки. Саранск, 1961. 268 с.

³ См.: **Юрченков В. А.** Указ. соч.

⁴ См.: **Воронин И. Д.** Саранская живописная школа. Саранск, 1972. 244 с.

⁵ См.: **Воронин И. Д.** Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976. 336 с.

⁶ См.: **Воронин И. Д.** Новые данные о Полежаеве. Саранск, 1940. 176 с. ; **Его же.** А. И. Полежаев : Жизнь и творчество. Саранск, 1941. 198 с.

- ⁷ **Казанский Б. И.** Воронин. Новые данные о Полежаеве // Звезда. 1941. № 3. С. 185 — 187.
- ⁸ Александр Полежаев и Иван Воронин : стеногр. заседания учен. совета по защите дис. И. Д. Воронина «А. И. Полежаев: жизнь и творчество» на соиск. учен. степ. канд. филол. наук // Саранск: история и образ города-провинциала : материалы III Воронин. науч. чтений. Саранск, 2005. С. 32.
- ⁹ **Воронина Н. И.** Лики провинциальной культуры. Саранск, 2005. С. 90.
- ¹⁰ Цит. по.: **Васильев Л. Г.** С любовью к родному краю. Саранск, 1976. С. 47 — 48.
- ¹¹ **Воронина Н. И.** Указ. соч. 228 с.
- ¹² **Васильев Л. Г.** Литературные деятели и литературные места в Мордовии // Лит. Мордовия. 1952. № 6. С. 278.
- ¹³ См.: **Воронин И. Д.** Краснослободские связи А. С. Пушкина // Совет. Мордовия. 1973. 3 февр. ; **Его же.** Неузнанные встречи А. С. Пушкина // Там же. 1974. 7 сент. ; **Его же.** Поколенная роспись А. С. Пушкина // Там же. 1978. 6 мая.
- ¹⁴ Литература возрожденного народа. Саранск, 1959. С. 38.
- ¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-2542. Оп. 2. Д. 122. Л. 11, 72, 75.
- ¹⁶ Там же. Д. 171. Л. 34 ; Д. 211. Л. 41.

Поступила 01.02.2013 г.

УДК 81`42:008

*Н. Н. Синдянкин
N. N. Sindyankin*

СМЫСЛ КАК ИНВАРИАНТ ИНФОРМАЦИОННЫХ СТРУКТУР В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

MEANING AS AN INVARIANT OF INFORMATION STRUCTURES IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN CULTURE

Ключевые слова: культура, смысл, информационная структура, отношение порядка и хаоса, социосистема, структурно-системное взаимодействие, инвариант, дискурс, определенно-заданная темпоральность.

В статье рассматривается создание смысловых информационных структур, обусловленных отношениями хаоса и порядка. Причем, русская философия в данном случае играет основополагающую роль, поскольку она создает смыслополагающие, самовоспроизводящие структуры, обозначенные в концепциях П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева.

Key words: culture, meaning, information structure, the relationship of order and chaos, social system, structural and systems interaction, invariant, discourse, specifically defined temporality.

The creation of semantic information structures, caused by the relationship of chaos and order, are considered in the article. Moreover, it is pointed out, that in this case the Russian philosophy plays a fundamental role, as it creates meaningful and self-replicating structures, identified in the conceptions of P. A. Florensky and N. A. Berdyaev.

В создании «жизненного мира русского человека» русская философия играет основополагающую роль, поскольку ей как смыслополагающей инстанции подчинены все способы придания смысла. Смысл не «конструируется» в процессе понимания, а лишь приписывается, следовательно, в памяти должен храниться полный набор готовых смыслов. Отсюда смысловой уровень восприятия обусловлен предметной объективацией человеческого опыта в виде знания о данном предмете. Эта составляющая лежит в основе межиндивидуального общения и является универсальным, представляющим инвариантное содержание коммуникативной, отражательной деятельности человека. Информационное содержание характеризует инвариант как значимая единица коммуникативной структуры, и сколько бы он ни имел вариантов в формах коммуникаций, все они будут иметь лишь одно значение.

В русской философии значимая единица коммуникативной структуры представлена Софией как матерью Божества (В. Соловьев), проникнутой началом божественного единства. Это и вечная, совершенная Женственность, духовное существо, получающее свою форму от Бога, процесс реализации которой и представляет собой мировой исторический процесс. София — это и душа мира как центр воплощения божественной идеи мира¹.

В философии славянофилов, разработанной А. С. Хомяковым, смысловым моментом выступает свободная сила воли, в основе этого сущего лежит свободная сила мысли, волящий разум. Инструмент этого смыслового момента определен неким «живознанием», т. е. «знанием внутренним» как низшей ступени познания, которая «в германской философии является иногда под весьма неопределенным выражением непосредственного знания»². Высшая степень познания такого знания — это вера, которая пронизывает все формы познавательной деятельности. Информационное содержание в данных концепциях обозначается предметным и текстовыми смыслами. Предметный смысл, по С. А. Васильеву, обозначен механизмом осознания предметов реальной действительности. Таким образом, он позволяет устанавливать тождество и различие информации в коммуникативных структурах. В рамках русской философии волящий разум является носителем предметной сферы, а живознание рассматривается как процесс, интерпретирующий непосредственное знание, текстовой аспект информации³.

Смысл программируя, отбирая и распределяя языковые единицы формирует текст. В информационно-коммуникативных структурах выделяют «смысл-ценность», которая имеет отношение и к предметному миру и реализуется на уровне текста, составляя один из его смысловых уровней. Говоря о философских концепциях в русской философии, выделяют Софию как душу мира и центр воплощения божественной идеи. Другой информационный уровень коммуникативных структур связан со «смыслом-сообщением». Это специфическое свойство коммуникативных структур, отличающее их от прочих объектов существующей реальности. Здесь имеется в виду интерпретация понятия «София» в контексте основных представлений в традиционной русской философии.

В теории коммуникативных структур «смысл-сообщение», как отмечает С. А. Васильев, определяется смыслом целого высказывания⁴. Таким образом, на первый план выступает значение информационного знака, которое представля-

ется доминантой. Она, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное информационное содержание, переструктурирует его и тем самым определенным образом организует семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой информационный код. Доминанта в концепции славянофилов — живознание, а в концепции В. Соловьева — София.

Информационное значение в коммуникативных структурах определяет относительно стабильное во времени и инвариантное, неизменное, содержание информации, варьирующейся в зависимости от особенностей коммуникативных отношений. Есть два пути повышения смысловой нагрузки, изменения эксплицитности и имплицитности, напряженности и ненапряженности коммуникативной структуры — интенсивный и экстенсивный. Первый способ повышения информативности знаков связан с процессом свертывания информации за счет сокращения объема знакового пространства при сохранении объема самой информации. Второй способ увеличивает информативность за счет объема информации. Он связан с введением дополнительной информации, которая конкретизирует, поясняет и расширяет знания о предмете сообщения. В концепциях русской философии в большей степени отсутствует эпистемология объяснения вводимых понятий. Они по своей сущности в большей степени носят интенсивный характер информации.

Механизм обоснования смысла в информационных структурах общества предполагает, что информация сама по себе, не одухотворенная человеческой эмоциональностью, не способна двигать вперед культуру и способствовать прогрессу духа⁵. Социумные основы информационного общества представлены отношением людей друг к другу. В условиях секулярного общества необходимо пересмотреть эти основы социума и искать информацию надо прежде всего в тех областях человеческой жизни, где преодолевается случайность, обеспечивающая порядок и стабильность.

Информационные социосистемы, объединенные определенными принципами, дифференцируются пределами сложности и бедности. Это две противоположные точки в модели развития информационного общества. Предел сложности возникает при дефиците или неразвитости принципиально необходимой «гуманитарной» (управляющей) технологии и представляет собой ту степень структурной переизбыточности цивилизации, при которой связность ее резко падает, а совокупность «физических» технологий теряет системные свойства. В этом случае культура уже не успевает адаптировать к человеку вновь возникающие инновации, и техническая периферия цивилизации начинает развиваться, как правило, хаотически. Это приводит к рассогласованию человека и техносферы, человека и государства, человека и общества, результатом чего является возрастание динамики катастроф. Предел бедности в свою очередь возникает при отсутствии или недостаточной развитости принципиально необходимой в данной фазе цивилизации «физической» технологии и представляет собой то крайнее состояние, при котором системную связность теряют уже «гуманитарные» технологии. Это также приводит к внутреннему рассогласованию цивилизации и, как следствие, к возрастанию динамики катастроф.

По Дж. Форрестеру, оба предела образуют поверхности в пространстве решений, которые цивилизация не может преодолеть без разрушения своей жизне-

обеспечивающей структуры⁶. Если вектор развития пересекает одну из этих предельных поверхностей, глобальный структурный кризис является неизбежным. Дальнейшая трансформация социальной сферы информационного общества приводит к его дифференциации либо в положительную, либо в отрицательную сторону, поэтому необходимо показать динамику социальных последствий информатизации. В теории дифференциации информации определены два крайних уровня общей системы дифференциации социальных процессов. Структура информационного общества — информационный поток, информационная деятельность и информационная технология — проецируется на информационные социосистемы. Таким образом, можно выделить взаимосвязь между структурными уровнями информационного общества («срез по горизонтали») и между уровнями в структуре социосистем, из которых оно формируется («срез по вертикали»).

Новый тип современного общества требует системно-структурного взаимодействия социосистем в рамках определенно-заданной темпоральности. Темпоральность в структуре информационного общества необходимо представить матрицей, которую следует рассматривать, во-первых, как характеристику соответствующих масштабов времени, ритмов, темпов перемен, форм синхронизации информационного общества (целостный поток технологической формы движения материи — механотехнологическая, физико-технологическая, химико-технологическая и биотехнологическая), технологическое движение вещества, энергии и информации в соответствии с этапами информационно-технологических изменений (получение, преобразование, транспортировка, накопление и хранение); во-вторых, как соответствующие измерения и ценностно-временные ориентации в его рамках.

Первое рассматривается в горизонтальной среде взаимодействия социосистем в социо- (совокупность социальных институтов), техно-(совокупность систем производства) и инфо- (совокупность коммуникативных каналов) сферах. Взаимосвязь информационных уровней в рамках управления в условиях хаоса, нестабильности и рыночной стихии имеет сложный механизм. Катастрофический рост сложности всех сфер деятельности оказывается одной из важных задач управления. Он обусловлен недостатками классической рациональности, связанной с научным разумом, с абсолютизацией «я мыслю» и с недооценкой человеческой субъективности и иррациональности; необходимостью новой парадигмы управления, основанной на единстве кибернетического и синергетического подхода в русле целостной системной методологии. Активное самодвижение социосистем, выбор его траектории и поведения, а значит, управляющий объект оказывает такое воздействие на управляемый, при котором последнему необходимо изменить свое поведение, чтобы достигнуть определенного состояния и цели. В этом, по мнению И. И. Шмальгаузена, и заключается феномен выбора информации⁷.

В общем случае механизм управления включает два контура воздействия и движения информации: замкнутый контур регуляции, обеспечивающий устойчивость и динамическое равновесие системы со средой — гомеостазис, связанный с воспроизводством устойчивых состояний системы, с сохранением ее качественной определенности и контур самоорганизации, связанный с отбором и закреплением полезных изменений системы, ее переходом к качественно новым состояниям и возможностям, т. е. с развитием.

Структура системы управления всегда связана с ее функцией. В первом случае контур регуляции — это состояние, при котором социосистема находит наиболее устойчивое положение, так как при соотношении информационного объема и информационного содержания в рамках определенного временного периода она функционирует, проявляя специфический способ поведения во взаимодействии с другими объектами и со средой. В этом случае действует принцип устойчивости, который определяет эффективно-выгодное и согласованное коллективное решение систем. Сложность поведения системы соответствует сложности ее структуры и разнообразию функций. Однако при этом управление смыкается с избирательным действием, что способствует интеграции системы, сохранению ее целостности. Движение социосистем «по горизонтали» определяется процессом, при котором реализуется фиксированная цель в рамках достаточно стабильного качественного состояния, отражающего устойчивые связи и взаимодействия между сосуществующими свойствами, элементами и процессами (децентрализация, концентрация, дегуманизация, социализация и прочее).

Развитие социосистемы связано с изменением ее целей. Базой развития является самовоспроизведение составляющих систему элементов и функций, поэтому оно детерминировано, «управляется» изнутри, а не извне. Среда, окружение могут играть роль «пускового механизма» в этом процессе и влиять на свойства системы через механизмы адаптации и усложнения форм отражения и ассимиляции внешних воздействий посредством трансформации структуры и организации системы. Анализ динамики социосистем с прохождением устойчивых состояний, взаимодействия с окружающей средой рассматривается как целенаправленное, многоэтапное преобразование информации, как регулирование, обеспечивающее подвижное равновесие системы со средой⁸.

Динамика социосистем не исчерпывается нахождением их устойчивого и эффективного положения, так как современное информационное общество включает в себя множество структур, взаимодействие между которыми, неравновесности и флуктуации, являющиеся определяющими факторами возникновения когерентного, согласованного поведения элементов или подсистем, порождают кооперативный (синергетический) эффект. Следовательно, вектор динамики социосистем определяется отклонением их параметров от «нормы» и стремлением возвратиться к ней, характеристики систем носят случайно-стихийный характер. По мнению Н. Н. Моисеева, каждое состояние социальной системы является бифуркационным⁹. С точкой бифуркации связана нелинейность первого рода, которая придает процессу самоорганизации с самого начала неоднозначный («стохастический») характер. Переход социальной системы от одного состояния к другому требует выбора из множества возможных новых структур какой-то одной. Поэтому на место традиционного динамического детерминизма (в духе П. Лапласа) приходит существенно новый «стохастический», или вероятностный, детерминизм. Это обстоятельство приводит к резкому ускорению всех процессов самоорганизации общества.

Пересмотр процессов стабильности и порядка в информационных отношениях социума в концепции П. А. Флоренского определяется космосом как борьбой двух принципов: Хаоса и Логоса. Логос — это не просто разум, но и культура, как система ценностей, которая есть не что иное, как предмет веры. Эти

принципы, по мнению П. А. Флоренского, определяют цельную картину мира через распознавание соответствий и взаимного просвечивания разных слоев бытия: каждый слой находит себя в другом, узнает и выявляет родственные основания¹⁰. Цель этих первичных отношений связана с выявлением и изучением некоторых первичных символов, фундаментальных духовно-материальных структур, из которых слагаются различные сферы реальности и в соответствии с которыми организуются разные области культуры. Первичный хаос как ничто просматривается в философии Н. А. Бердяева через категорию свободы. Свобода, по его мнению, не была сотворена Богом. Вслед за немецким философом-мистиком XVII в. Я. Беме Н. А. Бердяев считал, что ее источник определен структурой отношений социума¹¹.

Мирочувствование или новая парадигма, взгляд на действительность в контексте хаотических процессов и отношений информационного социума предполагают целевую направленность действий объекта как единичного акта кодирования, как информационный код дискурса национальной культуры, в том числе и русской. Эти фундаментальные, духовно-материальные структуры выступают методологическим основанием нового постнеклассического мира, внося существенные коррективы в понимание информационного общества. Методологическое обоснование информационных структурных отношений связано с синергетическим подходом как поиском новой модели научной рациональности, во многом антропоцентрической, пытающейся снять противопоставление человека миру. Новая постнеклассическая картина мира расширяет культурное пространство бытия, формирует новый взгляд на такие основополагающие понятия, как хаос, развитие, реальность, информация и т. д. Согласно синергетике, мир всегда имеет определенные структуры, упорядоченные тем или иным образом. Нет абсолютной бесструктурированности и абсолютного беспорядка, как нет и абсолютного порядка. Есть структуры и упорядоченные формы, не укладывающиеся в известные до сих пор науке модели описания. Структуры зарождаются, эволюционируют, претерпевая самые разные катаклизмы и трансформации, и они могут быть описаны с помощью различных типов взаимодействий (силовых, энергетических и информационных). Структуры в данных типах взаимодействий обладают, по мнению У. Матураны и Ф. Варелы, способностью к самопроизводству и возобновлению, но и самореферентности, работая с собственными описаниями как с независимыми сущностями¹².

Русская традиция преодолевает и раздвигает горизонты мирочувствования как понятия, ориентирует на сопоставление явлений русской культуры с иными целостными — нефрагментарными — феноменами как «образами мира». Упорядоченное распределение информации по содержанию, количеству и времени определяет функционирование, устойчивость и стабильность системы. В свернутом виде целостность системы представляется онтологической, антропологической, аксиологической и гносеологической традициями национальной культуры и всеобщими (всечеловеческими) формами психологического знания человека как логико-ценностного субстрата содержания.

Создание гармонии в информационных отношениях между потребностями личности и ее гармоничным, всесторонним развитием обусловлено тем, что человек есть в той же степени предрасположенное к добру — иррациональному,

соборному, всеединому и светло-бесконечному, в какой он склонен ко злу — рациональному, конечному, одноединому и безжизненному. Человек есть в той же мере становящееся в своих основаниях существо, в какой и ставшее в своей предрасположенности к самоусовершенствованию по абсолютному идеалу, к воссобираению всего в единое светло-личное целое. Человек есть единое, цельное и множественное существо; он лишь разный в своих мирах. Человек есть иррациональная, не поверяемая абсолютно в своих основах субстанция; субстанция, ищущая рационализацию своего бытия как абсолютной истины. Человек есть предчувствующий светлую (им принимаемую) связь всех реальных и идеальных сущностей вселенной.

Логико-ценностная природа педагогических гипотез и теорий определяет способность информационного мышления личности к творчеству. Следующий момент касается представлений о формировании личности и психологии, восприятии ею окружающей действительности. Культурно ориентированная духовность «уходит своими корнями» в углубление взгляда воспитанника в себя самого как потенциального выразителя главных вопрошаний отечественной культуры и в этом открытого иным культурным мирам (человек «разрывает» границы своего этнокультурного бытия, выходит в инокультурное пространство и возвращается к себе как прежнему и иному одновременно и в этом к себе истинному), в обеспечение представленных в воспитательно-образовательной практике характерных для русской культуры феноменов (всматривание в иные культурные миры, осмысление иных ценностей и гносеологии традиционно для бытия русских народов), в обеспечение гносеологического потенциала содержания образования (открытие перед воспитанниками иных, в сравнении с отечественными, логик и гносеологии)¹³.

Правовое упорядочение отношений между информационными структурами обусловлено основными положениями правового обеспечения государственной информационной политики. Оно реализуется в рамках информационного права и формулируется несколькими моментами:

- 1) принципом правового равенства объектов информационного взаимодействия вне зависимости от их политического, социального и экономического статуса;
- 2) защитой законными средствами личности, общества и государства от ложной, искаженной и недостоверной информации;
- 3) предоставление в системе объект-субъектных отношений универсальной общественной информационной услуги.

Такое правовое поле позволяет обеспечить, во-первых, использование электронных коммуникаций, преобразующих систему информационных отношений, во-вторых, возможность широкого распространения электронной информации научного и культурно-просветительского характера, а также отношений, возникающих в процессе эксплуатации автоматизированных систем, банков данных, вычислительных сетей и других средств информатики.

Итак, смысл в контексте информационных структур в большей своей части варьируется и носит неоднозначный характер. Социализация русской культуры предполагает определенные отношения между социосистемами, обусловленные понятиями порядка и хаоса, обозначенных в концепциях П. А. Флоренского

и Н. А. Бердяева. Методологическим обоснованием этих отношений в контексте синергетической парадигмы является упорядочение и образование новых структур. Они определяются как самовоспроизводящиеся, что дает им возможность создавать циклические информационные структуры, которые упорядочивают свои отношения и взаимодействия в рамках правового обеспечения государственной информационной политики.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Абдеев Р. Ф.** Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 9 — 10.
- ² **Аверьянов А. Н.** Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 163 — 164.
- ³ См.: **Тихомиров О. К.** Искусственный интеллект и теоретические вопросы философии // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М., 1979. С. 11 — 12.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: **Тихонов М. Ю.** Информационное общество: философские проблемы управления наукой и образованием. М., 1998. С. 110 — 111.
- ⁶ См.: **Форрестер Дж.** Динамика развития города. М., 1974. С. 34 — 38.
- ⁷ См.: **Шмальгаузен И. И.** Пути и закономерности эволюционного процесса. М. ; Л., 1939. С. 45 — 47.
- ⁸ См.: **Феизов Э. З.** Философский анализ психофизической проблемы. Чебоксары, 2001. С. 34 — 42.
- ⁹ См.: **Моисеев Н. Н.** Цивилизация на переломе. Пути России. М., 1996. С. 23 — 27.
- ¹⁰ См.: **Бессонов В. П.** Философские проблемы образования. М., 1996. С. 190 — 191 ; **Флоренский П. А.** У водоразделов мысли. М., 2009. С. 200 — 201.
- ¹¹ См.: **Бердяев Н. А.** Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 35 — 37.
- ¹² См.: **Матурана У., Варела Ф.** Древо познания. М., 2001. С. 180 — 181.
- ¹³ Об этом подробнее см.: **Гагаев А. А., Гагаев П. А.** Философская и культурно-типическая астрология : (Культурно-типическая модель науки). Саранск, 2003. 248 с.

Поступила 16.12.2012 г.

УДК 005.57(=511.111)

А. А. Панягин

A. A. Panyagin

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR IN THE CROSS-CULTURAL BUSINESS COMMUNICATION

Ключевые слова: деловое общение, коммуникация, коммуникативное поведение, этническая группа, диалог культур, диалогическая концепция общения.

В статье рассматривается финно-угорская этническая группа в контексте культурно-языковой парадигмы. Особое внимание уделяется особенностям межкультурного делового общения данной этнической группы.

Key words: business communication, communication, communicative behaviour, ethnic group, dialogue of cultures, the dialogical conception of communication.

The Finno-Ugric ethnic group in the context of cultural and linguistic paradigm is considered in the article. Particular attention is paid to the peculiarities of crosscultural business communication of this ethnic group.

Характерной чертой общественного развития конца XX — начала XXI столетия является стремление к этническому возрождению. В связи с этим значительное место в общественных, гуманитарных науках на современном этапе занимают проблемы межэтнических отношений. Вместе с тем активизировались контрастивные, сопоставительные и межкультурные исследования, а также возрос интерес к межкультурной коммуникации и межкультурному пониманию национальной самобытности разных народов. Тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания.

В теории межкультурной коммуникации в центре внимания оказывается вопрос о различии в поведении представителей разных культур. В различных областях научного знания сложились оригинальные подходы к определению сущности взаимоотношений между этносами. Мы придерживаемся позиции российского исследователя А. П. Садохина, который трактует межэтнические отношения в широком и узком смысле слова. Он пишет, что «межэтнические отношения в широком смысле слова рассматриваются как взаимодействие народов в разных сферах общественной жизни — политике, искусстве, науке и т. д., а в узком смысле как межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения — трудовой, семейно-бытовой и неформальных видах взаимоотношений»¹.

В психологии под межэтническими отношениями понимаются «субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями»². Они могут осуществляться как на личностном уровне, когда происходит взаимодействие между двумя личностями — представителями своего этноса, так и на групповом, когда во взаимодействие включены две и более этнические группы. Интерес социологии к этническим проблемам обуславливается ролью, которую играет этнический момент в формировании социальной структуры, а также в групповой и личностной идентификации. В этой связи специфика социологического подхода заключается в следующем: социологи сосредоточены на исследовании социально-экономических, политических и культурных последствий внедрения «этнического элемента» в структуру изучаемого ими общества. Социологический подход часто дополняется антропологическим. Антропологи в большей степени занимаются выявлением тех или других сторон жизни этнических групп в иной социально-культурной среде и определением влияния этой среды на функционирование общности. В поле зрения историков находятся отношения между народами в ретроспективе.

Определение «этнической группы» находим в работе американского антрополога Дж. Уингера, где ученый рассматривает ее как «часть общества, члены которой осознают себя носителями общей культуры (или считаются таковыми с точки зрения других)»³. Уингер выделяет три признака этнической группы: 1) она отличается по языку, религиозным верованиям, расовым признакам и стране проживания; 2) ее члены осознают различие между своей общностью и обществом в целом; 3) ее членов объединяют традиции и общее происхождение⁴. Добавим, что каждый народ имеет свои обычаи, традиции, культуру, политическое и государственное устройство. Все это сказывается на особенностях взаимоотношений этнических групп и принятых правилах поведения.

В настоящее время в современной российской этнологии существует несколько классификаций этносов, базирующихся на самых разнообразных принципах, критериях, характеризующихся теми задачами, которые ставит каждый конкретный исследователь. Однако, как справедливо отмечает А. П. Садохин, «ни один отдельно взятый принцип или критерий классификации не дает исчерпывающей этнологической характеристики народа»⁵. Он предлагает различные классификации этнических групп (географическая, антропологическая и хозяйственно-культурная). Так, географическая классификация опирается на факт географического соседства народов и отражает совместный характер их проживания в пределах какой-то определенной территории. Далее ученый отмечает, что антропологическая классификация делает акцент не на культурном, а на биологическом, генетическом родстве между различными этническими группами. Использование в этнологии антропологической классификации обусловлено тем, что язык и культура могут распространяться и без применения антропологических типов, но переселение носителей определенных расовых признаков обязательно приносит изменения в культуру и язык. По утверждению Садохина, хозяйственно-культурная классификация рассматривает факты одинаковых способов хозяйственной деятельности и типологически близких явлений культуры в сходных условиях географической сферы как одинаковый ответ этни-

ческих групп на эти условия, который обозначают хозяйственно-культурным типом. Определяющие признаки хозяйственно-культурного типа — это «характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей»⁶. Однако самой важной, по мнению исследователя, является языковая (лингвистическая) классификация, поскольку она дает наиболее конкретное представление об этническом родстве соответствующих народов, об общих истоках происхождения той или иной культуры. Садохин отмечает, что «в основе языковой классификации лежат два критерия: язык и этническая принадлежность»⁷. Согласимся с мыслью американского лингвиста Э. Сепира, который утверждает, что язык является основой человеческой культуры, так как представляет собой «чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов»⁸. Этнологический смысл языковой классификации заключается в том, что народы, принадлежащие к одной языковой семье, обычно имеют общие элементы в материальной и духовной культуре, к которой, в частности, относится и культура деловых взаимоотношений.

Известно, что язык используется в самых разных функциях. Сепир анализирует их достаточно полно, отмечая, что «трудно с точностью установить функции языка, так как он настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немногое в функциональной стороне нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия»⁹. Ученый выделяет такие функции языка, как познавательную, аккумулятивную, конструктивную, эмоциональную, контактоустанавливающую и коммуникативную. Последняя представляется нам особо интересной, поскольку, по мнению лингвиста, в этой функции язык выступает в качестве основного средства общения и благодаря наличию у языка такой функции люди имеют возможность полноценного общения с себе подобными.

Исходя из того что коммуникативная функция языка реализуется, в частности, в деловом общении, можно предположить, что у представителей разных этносов существуют определенные установки и нормы поведения, касающиеся деловых взаимоотношений. В статье мы представляем анализ особенностей делового общения финно-угорской этнической группы на примере ярких ее представителей — финнов.

Финно-угорская этническая группа является довольно распространенным этническим образованием в России. Однако следует заметить, что для русской историографии эта этническая группа долгое время не представляла исследовательского интереса. Тем не менее на протяжении длительного времени российские финно-угры осознают себя не только в качестве носителей определенной этничности, но и представителей более широкой историко-культурной общности. В этой связи возможно предположить, что истоки современного финно-угорского мира можно искать не только в пределах предметной сферы этнографии, но и в истории науки.

Определенное источниковедческое значение для современных исследователей имеют сообщения о финно-угорских племенах и народах в русских летописях, начиная с «Повести временных лет» и кончая летописными сводами конца XVI в. («Царственная книга»), в исторической беллетристике того времени

(«Повесть о погибели Русской земли», «История о великом князе Московском» А. Курбского, «История о Казанском царстве» и др.). Одновременно появились западноевропейские историографические традиции в освещении финно-угорских народов (С. фон Герберштейн, Н. Витсен и др.). Так, Н. Витсен дал характеристику бытовых реалий и религии мордвы, попытался очертить территорию ее расселения, составил первый в Европе мордовский словарь. Мордву Витсен характеризовал как зажиточных людей, гостеприимных и добрых, «они живут в хорошо построенных деревнях в избах, рассеянных внутри страны. Они занимаются земледелием... живут мирно... Живут по законам природы, признают единого Бога, создателя Вселенной... Мордовские женщины красивы и опрятно одеты. Мужчины воинственны, живут сурово и воздержанно... Их избы сделаны из круглого дерева...»¹⁰. Однако, следуя традиции, Витсен причисляет мордву к тюркским народам и допускает некоторые неточности при характеристике ее этнической территории.

Крупный немецкий мыслитель Г. В. Лейбниц в XVIII в. впервые высказал мысль о финно-угорской родственной группе народов, обратив внимание на сходство между финским и венгерским языками. Он же высказал гипотезу о принадлежности мордвы к финно-угорской языковой семье¹¹. Взяв на вооружение мысли Лейбница, шведские ученые Ф. Страленберг и Г. Бреннер попытались подвести под них фактический материал. Им удалось установить принадлежность мордовского народа к финно-уграм. Исследования К. Фишера, А. Шлецера и ряда других ученых дали дополнительный материал. Процесс складывания профессионально-научного осмысления культуры мордовского народа в Западной Европе ускорился в связи с оформлением первых финно-угорских научных центров в университетах Упсалы (Швеция) и Геттингена (Германия), в основе деятельности которых лежали идеи Лейбница.

Особое место в современном финно-угроведении занимают языковые проблемы. Причем, рядом с традиционным лингвистическим подходом, представленным, например, в работе Г. И. Стипы¹², широкое распространение получили этнолингвистические исследования, как в работе И. Батори «Русские и финно-угры. Контакты народов и контакты языков».

Исходя из краткого анализа представленных работ, можно заключить, что исследователи отмечают невысокий уровень культурного развития восточных финно-угров, в частности мордвы.

Проблемой изучения общения как философской категории занимались М. М. Бахтин, М. С. Каган, К. Ясперс и другие ученые. Так, общение по Ясперсу — это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение»¹³. Бахтин понимал общение как самораскрытие. Ученый писал, что «овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть — точнее, заставить его самого раскрыться — лишь путем общения с ним, диалогически»¹⁴. С точки зрения Кагана, общение это «межсубъектное взаимодействие, цель которого — достижение

единства действующих лиц при сохранении субъектной уникальности каждого (оно может быть межличностным диалогом, межгрупповым, когда социальная группа, от творческого коллектива до нации, выступает как „совокупный субъект“, и внутриличностным, когда личность полисубъектна, и ее сознание становится внутренним диалогом»¹⁵.

Говоря о деловом общении, следует подчеркнуть, что это сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере как внутри одной языковой общности, так и между различными этническими группами. Участники этого процесса выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение цели и конкретных задач.

В основе делового общения, как и общения вообще, лежит диалогическая концепция. Понятие диалога особенно актуально для современной культуры, поскольку сам процесс взаимодействия культур и есть диалог, а формы взаимодействия представляют собой различные виды диалогических отношений. В настоящее время возрастает значение международного диалога в сфере гуманитарного знания, культуры в целом. Такой диалог усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучшего познания собственного национального облика. Диалогическое развитие сегодня — это глобализация и совместный поиск решения общемировых проблем. Однако, чтобы понимать язык другой культуры, человек должен знать и ценить историю и культуру собственной страны.

В середине XX в. идея диалога вошла в проблемное поле философского мышления и неуклонно расширяет сферу своего влияния.

В качестве философского термина «диалог» начал осмысливаться с появлением теоретических работ М. Бубера. В его философии важны темы диалога между людьми и с Богом, обоснование посредством диалога моральных устоев, роль языка в осуществлении диалога. Философ определяет само человеческое бытие «как диалогическую жизнь».

Проблемы диалога исследуются в социолингвистике (Л. Щерба и Л. Якубинский), литературной и философской герменевтике (Х. Гадамер), феноменологии (Х. Гуссерль и М. Мамардашвили), фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер), литературоведении и семиотике (А. Аверинцев, М. Бахтин, М. Лакшин и Ю. Лотман), проявляются в основах коммуникации (В. Бореев и А. Моль) и т. д. Особенности взаимодействия культур занимались С. Артановский, С. Арутюнов, Б. Ерасов, Л. Ионин, Н. Иконникова, К. Леви-Стросс и др. Наиболее же полно суть данного феномена, на наш взгляд, отражена в диалогической концепции М. М. Бахтина. Диалог по Бахтину, — это «взаимопонимание участвующих в этом процессе, и в то же время сохранение своего мнения, и сохранение дистанции (своего места)»¹⁶. Далее ученый подчеркивает, что «диалог не средство, а самоцель. Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончаться»¹⁷. Ученый считал, что каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Признавая способность одной культуры осваивать достижения другой, что является одним из источников ее жизнедеятельности, исследователь полагал, что «чужая культура только в глазах другой куль-

туры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»¹⁸.

Особое место в концепции Бахтина занимает идея «диалога культур», выступающая основой для вывода о сущности такого качества культуры как **диалогичность**. По мысли философа, диалог культур — это потребность во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении; объективная необходимость и условие развития культур. В диалоге культур предполагается взаимопонимание, в основе которого лежит единство и тождество. Ученый писал: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур»¹⁹.

Таким образом, достижение взаимопонимания является основной целью общения и основой сотрудничества в деловой сфере. Взаимопонимание возникает при условии точной формулировки мыслей, в связи с чем Н. Н. Тренев высказывает мысль, что «любая неопределенность — поле, на котором могут возникать разные смыслы, поэтому следует последовательно выявлять и прояснять места возможных расхождений смысла»²⁰. При этом следует помнить, что участники общения имеют разные представления о мире, определенные интересы и позиции, исходя из чего сообщение следует строить на основе картины мира собеседника и говорить о его проблемах, а не о своих. Добавим, что взаимопонимание — это способность находиться на одной волне с собеседником, устанавливать с ним ментальные и эмоциональные связи. Это и возможность объединить людей, чтобы строить климат взаимного доверия и уважения.

Основываясь на данной теоретической базе, выясним особенности коммуникативного поведения в деловом общении представителей русской и финно-угорской этнических групп, поскольку изучать их необходимо в сопоставлении с тождественными явлениями у различных этносов.

Следует обратить внимание на тот факт, что важным вопросом при подготовке к межнациональному деловому общению является определение критериев для сопоставления культур. Основным подходом при рассмотрении данного вопроса выступает стремление выявить универсалии, т. е. те характеристики, которые аналогичны для всех культур. Эти универсалии представляют собой набор общечеловеческих, общегуманитарных базовых ценностей и нравственно-этических норм. Указанные характеристики, исходно формирующие общность культур, нами рассматриваются как фундамент взаимопонимания и взаимодействия представителей разных наций, основа для установления контактов. Вместе с тем, наряду со сближающими нации универсалиями, имеется и целый ряд специфичных для каждой отдельной культуры характеристик. По утверждению И. И. Халеевой, к таким характеристикам, которые именуется структурными признаками, и «в своей структурированной общности образуют специфический профиль одной отдельно взятой культуры»²¹ относятся, в частности, и особенности организации разными народами своей трудовой деятельности. Неотъемлемой частью этой деятельности как компонента определенного аспекта образа жизни той или

иной нации, представляющего собой сложное и многообразное явление, является деловое общение.

На эффективность межкультурного делового общения, а значит и на успешность получения желаемых результатов, влияют, как отмечает Н. М. Громова, «две группы факторов, рассмотрение которых представляется релевантными при дальнейшем сопоставлении культур»²². Первую группу таких факторов, по мнению исследователя, составляют «экстралингвистические, под которыми подразумевается система принятых норм, правил, форм, ориентаций, установок и отношений к производственной деятельности»²³. Вторую группу этих факторов составляют «речевые, которые отражаются в коммуникативном поведении партнеров по общению»²⁴.

Российский исследователь И. А. Стернин определяет коммуникативное поведение как «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности»²⁵. По мысли ученого, коммуникативное поведение имеет национально-специфический характер и выступает как аспект проявления в общении языковой личности. Ю. Н. Караулов пришел к выводу о том, что «национальная специфика коммуникативного поведения позволяет интерпретировать ее описание как описание одного из аспектов — коммуникативного аспекта — национальной языковой личности»²⁶. На наш взгляд, сопоставительный анализ особенностей коммуникативного поведения способствует становлению межкультурной компетенции и развивает положительное эмоциональное отношение к представителям иной культуры.

Т. Н. Астафурова выделяет типы коммуникативного поведения, проявляющиеся: «а) в специфике коммуникативного поведения иносоциума в целом (общезначимые нормы: правила и традиции); б) в особенностях коммуникативного поведения представителей делового социума (нормы профессионального коммуникативного поведения, его правила и традиции)»²⁷. К основополагающим понятиям коммуникативного поведения относится также понятие «коммуникативная культура» как умение общаться в разных ситуациях. В этом смысле культура, как подчеркивает Т. М. Дридзе, — это «система кодифицированных образцов и норм поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей, несущая релятивную и контрольную функцию в социуме»²⁸.

Кроме этого добавим, что особенности делового стиля общения во многом зависят от менталитета нации и принадлежности ее к определенному типу культуры. Эти типы культуры делового общения коррелируют с результатами исследования, проведенного Р. Льюисом²⁹. В данном исследовании выделяются три типа культуры — моноактивный, полиактивный и реактивный, которые трактуются ученым как типы наций/народов. Льюис приходит к выводу, что если интерпретировать каждый из указанных типов культуры/нации с позиций указанных ранее двух групп факторов, то это позволит правильно понять сущность и особенности как делового общения в целом, так и специфику этого общения, реализуемого представителем определенной культуры. Мы, вслед за Льюисом полагаем, что наиболее важным при сопоставительном изучении коммуникативного поведения является не подчеркивание различий, а выявление сходств, т. е. фокусирование внимания на таких общечеловеческих, универсальных чертах поведения, которые свойственны каждой культуре.

Финны — представители реактивного типа культур, в которых, по мнению Льюиса, придается наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитается молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. Русских же он относит к полиактивным культурам в силу того, что они общительны, непунктуальны, предстоящие дела и мероприятия планируют только в общих чертах, легко могут менять свои планы³⁰.

Следует отметить, что более всего рассматриваемые нами нации (русские и финны) различаются в коммуникативном поведении, на которое накладываются отпечаток речевые особенности представителей данных народностей. По утверждению Я. Лехтонена, для финнов характерны следующие речевые особенности: медленный темп речи, четкость артикуляции, невысокая громкость речи, удлиненные паузы между высказываниями и выраженное стремление контролировать правильность речи на иностранном языке³¹. К особенностям ведения разговора у финнов, как отмечает исследователь, относятся немногословие и сдержанность в манере беседы. Они не перебивают собеседника, выслушивают его до конца, не задают вопросов, молчание является нормой в общении, пассивная стратегия при получении информации, уважение к суверенности, к мнению другого человека и стремление избегать публичного несогласия. Финские бизнесмены неохотно вступают в общение с незнакомыми и особенно с иностранцами. При невербальном общении финны характеризуются минимумом жестикуляции, скупой мимикой и сдержанным выражением лица³².

Соглашаясь с Н. Туруненом, который на основе социологического опроса анализировал коммуникативное поведение русских в восприятии финнов, мы отмечаем такие характерные особенности русского коммуникативного поведения, как эмоциональность и открытое проявление чувств, оптимистичное отношение к будущему, стремление доминировать в беседе, не давая партнеру вставить слово, использование разговора как средства самовыражения³³.

Если финн показывает свое понимание, внимательно слушая собеседника, то русский о своем внимании и заинтересованности сигнализирует поддерживающими репликами, мимикой и жестами (например, кивает или качает головой, поднимает брови, широко открывает глаза, пожимает плечами и т. п.). Поэтому русским трудно оценить, понимает ли их собеседник, если они не видят никакой реакции на свои слова. Чтобы достичь желаемого результата, нередко приходится повторять сказанное еще раз. Таким образом, одна и та же идея — умение вести беседу — воплощается в разных культурах по-разному, исходя из их специфических коммуникативных норм, знание которых помогает предотвратить коммуникативную неудачу.

Принимая во внимание результаты исследований, посвященных коммуникативному поведению русских и финнов, рассмотрим некоторые особенности делового общения представителей данных этнических групп. Прежде всего в практическом плане интересными представляются наблюдения русских и финнов за коммуникативным поведением друг друга. Так, например, наши отечественные бизнесмены отмечают, что финны немногословны и малоэмоциональны в официальном общении; они плохие ораторы и делают большие паузы даже в

публичной речи; в общении стремятся к консенсусу, стараются избежать оценок в разговоре. У финнов не приняты контактные реплики в диалоге — воздерживаться от таких реплик считается проявлением вежливости. Молчание у финнов — это гармония, элемент релаксации, а также способ избежать коммуникативной неудачи. Финны склонны избегать всяких критических высказываний. Просьбы оценить их деятельность со стороны русских выглядят как вымогательство комплимента³⁴. С другой стороны, у Турунена мы находим заключение, что финны, общаясь с русскими, делают вывод о непредсказуемости нашей нации и ненадежности в деловом сотрудничестве, поэтому очень редкий финский бизнесмен осмеливается приехать в Россию или вообще заниматься бизнесом с русскими. В то же время финны, имеющие деловые контакты с русскими, полагают, что русские — духовные и душевные люди; они образованные, много знают об искусстве и культуре; русские — гостеприимные, приветливые и веселые люди, они добры и эмоционально открыты³⁵.

От себя добавим, что финские бизнесмены достаточно открыто ведут себя по отношению к своим иностранным деловым партнерам, предпочитают без излишних предисловий переходить к теме встречи и обсуждать все аспекты интересующего их вопроса, причем с разных сторон и по несколько раз, чтобы не оставлять неясностей. Финны не будут оперировать яркими эпитетами и открыто констатировать успешность своей компании, они предпочтут подвести партнера к такому выводу при помощи фактической информации. В деловых отношениях финны очень ценят пунктуальность и четкую структуру. Они уверены, что во время переговоров лучше быть реалистичным и придерживаться фактов.

Относительно языковой составляющей делового общения финны обычно владеют одним или несколькими иностранными языками. Благодаря тому, что финский язык не родственен ни одному из других западноевропейских языков, на нем говорит очень небольшое число иностранцев. Большинство финнов свободно владеют английским и немецкими языками; как правило, вся деловая переписка с финским партнером ведется на английском языке. В силу ряда исторических и геополитических причин часть финнов знает русский, поэтому на российско-финских деловых переговорах не исключен вариант общения на русском языке. Русские же в большинстве случаев на переговорах с иностранными партнерами используют английский язык, даже если их собеседник принадлежит к иной языковой общности и не является носителем английского языка.

Обобщая вышесказанное, приходим к следующим выводам:

- этнические общности испытывают на себе все в большей мере воздействие со стороны культур других народов;
- для эффективного общения с представителями иной этнической группы важным представляется осмысление различий в культурах во избежание коммуникативных неудач;
- общение должно строиться с учетом знаний менталитета, речевых особенностей, коммуникативного поведения, принадлежности этноса к определенному типу культур;
- коммуникативное поведение имеет национально-специфический характер и обуславливает стиль взаимоотношений в различных сферах общественной жизни;

— при межкультурном деловом общении следует признавать культурные ценности и нормы; вербальные и невербальные коммуникации в разных культурах; особенности отношений с партнерами из различных культур; правила этикета, принятые в определенном деловом социуме.

Таким образом, лингвосоциопсихологические и культурологические знания о представителях иной этнической группы, создающие широкий контекст межкультурного общения, формируют готовность к эффективному межкультурному деловому общению и следовательно, к международному профессиональному сотрудничеству.

Библиографические ссылки

- ¹ Садохин А. П. Этнология. М., 2000. С. 236.
- ² Психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries> (дата обращения 15.06.2012).
- ³ Yinger J. M. Ethnicity in complex societies: Structural, cultural and characterological factors // The uses of controversy in sociology / Ed. by L. A. Coser, O. N. Larsen. N. Y., 1976. P. 24.
- ⁴ Ibid. P. 18 — 35.
- ⁵ Садохин А. П. Указ. соч. С. 78.
- ⁶ Там же. С. 94 — 110.
- ⁷ Там же. С. 79 — 80.
- ⁸ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 6.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Витсен Н. Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии : в 3 т. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 218.
- ¹¹ См.: Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871. С. 71.
- ¹² См.: Stipa G. I. Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neopositivismus. Helsinki, 1990. S.149 — 151; 178 — 179.
- ¹³ Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1994. С. 325.
- ¹⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 338.
- ¹⁵ Каган М. С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории // Педагогика культуры. 2005. № 3/4. С. 13.
- ¹⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 430.
- ¹⁷ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, С. 433.
- ¹⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 354.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Тренев Н. Н. Основы делового общения // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 5. С. 24.
- ²¹ Халеева И. И. Интеркультура — третье измерение межкультурного взаимодействия? (Из опыта подготовки переводчиков // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : сб. научных трудов. М., 1999. Вып. 444. С. 10.
- ²² Громова Н. М. Межкультурное деловое общение в сфере межнационального сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/> (дата обращения 15.06.2012).
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97.
- ²⁶ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 5.
- ²⁷ Астафурова Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997. С. 59.

²⁸ Дридзе Т. М. Прогнозное социальное проектирование теоретико-методологические и методические проблемы. М., 1994. С. 132.

²⁹ См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. 440 с.

³⁰ Там же.

³¹ См: Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. С. 25 — 37.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ URL: [http:// www.commbehavior.narod.ru](http://www.commbehavior.narod.ru) (дата обращения 25.06.2012).

³⁵ Там же.

Поступила 01.02.2013 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

К

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ (К о с м о г о н и я), мифы о происхождении мира и его устройстве (представления о мироздании). Основой К. м. мордов. народа являются воззрения на возникновение мира, для обозначения к-рого употребляется термин «мастор» (м., э.). Его трактовка в значении «мир; Вселенная» зафиксирована Х. Паасоненом и авторами «Эрзянь-рузонь валксонь» = «Эрзянско-русского словаря» (М., 1993). Иногда употребляется слав. понятие «свет» или тюрк. tsakhar.

Возникновение мира представлялось в мордов. мифологии как зарождение определённого порядка, обычая: «Земля появилась — обычай появился» (УПТМН, т. 9, с. 11). В данном случае рождение Вселенной (мира) мыслится как генетич. связь и взаимообусловленность понятий «мир» и «порядок», «обычай». Учитывая своеобразие первобытного мышления, построенного на резком противопоставлении категорий «наш» — «чужой», «мы» — «они», «небо» — «земля», «жара» — «холод»

и т. п., можно сделать предположение, что первонач. состояние Вселенной трактовалось как состояние, противоположное «порядку», «обычаю». Представления мордвы о начале мира достаточно смутны и противоречивы. Как правило, информаторы указывают на отсутствие знаний в этой области. Иногда сообщается, что «вначале не было ничего», «мир был пуст». Иными словами, существовала разъятость элементов Вселенной вплоть до абс. «нуля», пустоты.

В ряде случаев для характеристики рождения мира употребляется термин «хаос». Однако фиксация данной точки зрения произошла в 20 в. и это мнение является, по-видимому, результатом определённого развития спекулятивной мысли о возникновении Вселенной. Напр., термин «хаос» не употреблялся даже Гомером. Начиная с 19 в. исследователи стали фиксировать иную точку зрения: вместо хаоса была только *вода*. Интерпретация воды как первоосновы мироздания характерна для мн. мифол. систем мира. Такой подход представлен в Библии, индийских ведах, античной философии (у Фалеса Милетского) и т. п. Мордов. по-

* Начало в № 2, 2011 — 3, 2012; 1, 2013.

нимание сущности понятий «Покш ведь», «Иневедь» (букв.: Великая вода, Большая вода) типологически близко к подобным воззрениям. Вода — среда, содержащая в себе зародыш *земли*. В этом смысле она воплощает в себе жен. начало.

Мордов. космогонии свойствен мотив поднятия земли со дна первичного океана ныряющей птицей, для обозначения к-рой используются термины «Ине нармунь», «Покш нармунь» (см. *Великая птица*). Мифол. сюжет о ныряющей птице имеет широкое пространств. и врем. распространение. По-видимому, он восходит к каменному веку. По мнению В. В. Напольских, его возникновение можно датировать палеолитом и локализовать районом Ангары. Др. исследователи относят его к неолиту и отмечают размытость геогр. границ, называя его «североазиатским», «урало-алтайско-американским».

У вост. фин.-угор. народов порядок в первобытный хаос чаще всего вносит водоплавающая птица (гагара, нырок, чирок, утка и т. п.). Её роль в мировоззрении финно-угров очевидна с древнейших времён, о чём свидетельствуют данные археологии (бронзовые подвески «уточки», «лапчатые» подвески и т. д.; см. *Археология и миф*). Образ такой птицы глубоко философичен, он как бы воплощает в себе единство трёх начал: земли (птица может ходить), воды (может плавать) и *воздуха* (может летать). В мордов. мифе Иненармунь ныряет на дно первичного океана и достаёт частицу земли, ила, из к-рой возникает суша.

Своеобразным продолжением мифа о ныряющей птице является миф о дальнейшем творении мира из яиц Великой птицы. Исследователи зафиксировали у мордвы его отд. фрагменты.

Суммируя их, можно реконструировать сюжет. Иненармунь снесла яйцо, к-рое разбилось. Из его верх. части образовалось небо, из ниж. — земля, из желтка — солнце, из белка — месяц. Аналоги можно встретить у др. фин.-угор. народов. Причём из яиц Иненармунь, снес. в гнезде на *Великом дереве*, последовательно появляются *боги, животные, народы* и т. п. В мифе, отраж. в песне «Содыця тейтерь» («Девушка-отгадчица»), образ птицы является одним из воплощений *демиурга*.

Данные воззрения, вероятно, уходят корнями в эпоху существования единой прафин.-угор. этнич. общности. Конечно, со временем они трансформировались. По мере развития обществ. отношений, изменения хоз. уклада менялись и идеол. структуры. В качестве творца стали представлять владыку Вселенной — Бога. Он сотворил Великую птицу и повелел ей нырнуть на дно Мирового океана, достать немного ила. Бог укрепил Землю на спинах трёх рыб: севрюги, *белуги* и осетра. Этот мотив есть в эрз. мифол. песнях, рассказывающих о трёх рыбах, держащих на своих спинах Землю и охраняемых богиней Волги Рававой. В др. вариантах песни рыбы, чтобы сохранить равновесие вновь созд. Земли, плывут к трём началам, к трём пропастям: старшая — на восток, средняя — на полдень, младшая — к закату. Имеется песенный сюжет, в к-ром Ведява наказывает рыбака, осмелившегося ловить заповедную рыбу, держащую Землю. Вероятно, указание богини на запрет ловить рыбу, даёт основание видеть в её образе тотем. Наряду с этим встречается сюжет о трёх китах, держащих Землю. Двигаясь в разных направлениях, они поддерживают равновесие мира.

Второй вариант космогонии (в нём фигурирует владыка Вселенной — Бог) со временем вытеснил у древней мордвы первый, но и сам продолжал видоизменяться. С течением времени картина создания мира претерпела существенные изменения. Очевидно, на местную традицию наложились воззрения, берущие начало в иран. дуалистич. мифологии. Место Великой птицы занял Шайтан (*Идемевсь*), возникший из плевка или удара жезлом Бога-демиурга. При доставании ила со дна океана Шайтан утаил во рту его часть, а когда по велению демиурга земля стала разрастаться на поверхности океана, стал увеличиваться и утаённый ил. Выплюнув его, Шайтан создал таким образом горы и неровности почвы. Бог проклял Шайтана за его злые проделки, и тот, вобрав в себя мировое зло, стал вредить Богу.

С возникновением образа Шайтана (*Идемевся*), воплощавшего злое начало, в мордов. мифол. картине мира оформилась бинарная оппозиция как универсальное средство познания мира. Мифол. система поднялась как бы на иной уровень, ибо возникли параметры универсального описания: жизнь — смерть, счастье — несчастье, хорошее — дурное (см. *Добро и зло*) и т. п. Т. о., для мифол. модели мира мордвы как самобытного *архетипа* мировосприятия характерно совмещение диахронич. и синхронич. аспектов. Вместе с тем она ориентирована на предельную космологизированность сущего: всё причастно космосу, связано с ним, выводимо из него и проверяется и подтверждается через соотнесение с ним.

Среди всего многообразия космологич. представлений особое место занимает модель, условно наз. концепцией многоэтажной (многоступен-

чатой) Вселенной, к-рая характерна для большинства мировых мифологий, в т. ч. мордов. Подобную модель отличает разделение космоса на зоны: трёхчастное — по вертикали и четырёхчастное — по горизонтали, с Мировым деревом в сакральном центре, занимающим вертикальное положение и являющимся доминантой, определяющей организацию вселенского пространства.

Для мордвы характерно деление мира на три зоны: верх. — небо (м., э. менель) с Полярной звездой в центре, среднюю — земля (м., э. мода), окруж. водами Мирового океана, и ниж. — подземный мир. Мировой осью, звеном, соединяющим разные зоны мира, считалось Великое (Мировое) дерево как наиболее конкретный и зримый образ мироздания. Горизонтальная структура дерева образуется им самим и объектами по сторонам от него. Она моделирует связь с культурой и природой. Образ Мирового дерева изв. почти во всех древних культурах.

Особая роль Мирового дерева определяется тем, что оно выступает как опосредствующее звено между Вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и является местом их пересечения. Мировое дерево, как правило, находится в свящ. месте — центре космоса, к-рый в мифах о творении играет чрезвычайно важную роль. Конкретным воплощением Мирового дерева у мордвы были свящ. деревья — культовый центр того места, на к-ром из года в год совершались моления. В зависимости от степени сохранности ритуала и детальности описания значение этих деревьев не везде выступает с одинаковой яркостью. Однако в любом случае его гл. функция улавливается без особого труда. Обращает на себя внимание тот

факт, что старейший из рода (м., э. озатя) при проведении молений во все осн. моменты культового действия находился на самом дереве и лишь в определённое время спускался на возвышение у его подножия. Крона дерева, вероятно, отождествлялась с небом, на котором обитают боги. Поэтому Мировое дерево — не только логически-естеств. с точки зрения определённой системы мышления сосредоточение культового действия молений, но и один из гл. образов всего религ. мирозерцания.

Подобные верования сохранялись в народе достаточно долго. В качестве примера можно привести события нач. 19 в., связ. с терюханским реформатором языч. верований — К. Алексеевым.

Трансформациями Мирового дерева могут быть столб — палмань (м., э.), свадебный пирог — лувонькши (э.), родовая свеча — штатол (м., э.), накосник — пулокерь (м.). В качестве центра мира в строительной, свадебной и похоронной обрядности выступает печь — пянакуд (м.), каштамо (э.). Все предметы, ассоциируемые с центром мира, являются источником социальной регуляции коллектива, гармонирующим элементом.

Мировое дерево и его ритуальные аналоги имеют непосредств. отношение к рождению, жизни (см. *Древо жизни*) и смерти (см. *Древо смерти*). Универсальный мотив рождения от (из) дерева, широко изв. в урало-алтайском мире, в мордов. мифологии имеет лишь рудименты. Возможно, отголоском таких мотивов является миф о происхождении первого человека из древесного пня.

Некоторые детали погребального обряда указывают на то, что связь между человеком и деревом не прерыва-

лась и после его смерти. В этом случае Мировое дерево имеет прямое отношение к круговороту жизни. Фолькл., этногр. и археол. материалы указывают на возможность у мордвы обычая захоронения умерших в развилке ветвей дерева или подвеш. на них. Предполагается, что подобный погребальный обряд, вероятно, существовал в период т. н. городецкой культуры (сер. 1-го тыс. до н. э. — нач. н. э.). Имеющиеся материалы дают большой разброс значений подобных захоронений. Однако среди них, на наш взгляд, заслуживает особого внимания причина, связ. с определёнными мифол. воззрениями мордвы. Видимо, древняя мордва предполагала, что *душа*, отправляясь в *загробный мир*, легче попадает туда с помощью Мирового дерева, соединяющего между собой все миры Вселенной.

Наряду со структурированием пространства по вертикальному принципу у мордвы имеются горизонтально-пространств. представления. Они связывались прежде всего с объектами наибольшей сакральной значимости, с центр. точкой жизни человека — очагом, *домом*, двором. Далее следовал пространств. круг деревни, воспринимающийся как особая терр. принадлежащих общине земель. Пространство, насел. мордвой, наз. «мокшень мастор» («мокшанская земля») и «эрзянь мастор» («эрзянская земля»). В связи с этим в традиции мордвы, как и у др. народов, выделяются два пространства — «своё» и «чужое», имеющие чётко определённое традицией место в иерархич. лестнице значимости и сакральности. Границы пространств. участков (напр., порог) являются наиболее сакральными, т. к. здесь может произойти вторжение на «свою» терр. и посягательство на неё. Сакральная

значимость придавалась пограничным отрезкам пространства, переходным состояниям из одного статуса в др., пространственно-разграничительным элементам. Этим объясняется особое отношение в *доме* к двери и окнам; во дворе — к забору, *воротам*; далее — к меже, реке, оврагу, т. к. за ними открывалось неосвоенное пространство, порой враждебное человеку.

Лит. интерпретации К. м. мордвы содержатся в произв. В. К. *Абрамова*, А. М. Доронина, В. А. Юрчёнкова. В изобразит. иск-ве наиболее ярко К. м. мордвы представлены в работах А. С. *Алёшкина*.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Митропольский К. Мордва: Мироззрения их, нравы и обычаи // Мирское слово. 1877. № 11; Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. Вып. 1; Антонинов А. Мордва: (Крат. ист.-этногр. очерк) // Пенз. епарх. ведомости. 1894. № 16, 17; Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Напольских В. В. Размышления о возможности определения уральского и индоевропейского психологических стереотипов и их предварительное сравнение // Вестн. Удмурт. ун-та. 1992. № 5; Каргина М. И. Пространство и время в мифологии мордвы: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. культурологии. Саранск, 1997; Юрчёнко-

ва Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003; Ельмеев В. Я. Понятие бога в мордовской мифологии // Фин.-угор. газ. 2007. 14 сент.; Юрчёнков В. А. Сказки Виравы. Саранск, 2012; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952; H. Paasonen mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2.

Н. Г. Юрчёнкова.

КОТАВЛЯМА (э.), муж. игры, проводимые на Пасху. До кон. 19 в. служили выражением бурной радости людей по поводу весеннего обновления природы (Темниковский у. Тамбовской губ.). Здесь каждый участник представления, являясь частью организмов. худож. коллектива, поддерживал и развивал сюжет традиц. народно-праздничного сценария искусной импровизацией.

Перед началом игры выбирали рук. и неск. его пом. Отличительным знаком рук. являлась плетёная остроконечная солом. шляпа высотой с аршин (0,7 м), а пом. — дубинки. Можно предположить, что с образом рук. К. народ связывал представление о «великом дне» и «великом солнце», к-рые дарят людям благополучие и душевное единение. В роли рук. К. есть что-то общее с ролью «бобового короля», персонажа рождественских, новогодних и крещенских празднеств народов Зап. Европы. Кроме рук. и пом. в импровизации принимали участие ряженые, одетые в самые невероятные костюмы, в зависимости от фантазии.

Суть игры сводилась к тому, что эта группа проводила серию т. н. судебных процессов, судьёй на к-рых

выступал сам рук. Сначала пом. выбирали среди зрителей «провинившегося», «опозорившего» своим поведением селение. Однако не всегда в числе «обвиняемых» оказывались лица, действительно повинные в чём-л. В большинстве случаев поводом для обвинения служил несуществующий поступок, якобы соверш. «виновным». После того как объект был выбран, участники игры заходили к нему в дом. «Судья» садился в передний угол, принимал серьёзный вид и начинал «суд» над «преступником». После инсцениров. комич. допроса и своеобразных смешных выступлений «свидетелей» «судья» выносил нелепый «приговор»: не сажать за праздничный стол, заковать в колодку (т. е. привязать к ноге колодку для плетения лаптей) и т. д. «Осуждённого» под стражей отводили в сторону, а пом. начинали дразнить его выпивкой и вкусной едой. Однако среди участников К. находились «сердобольные», к-рые с жалобными нотками в голосе предлагали «страждущему» выпить и закусить, но только тот протягивал руку, угощение быстро прятали или прямо на его глазах выпивали и съедали. После неск. таких «судебных процессов» участники К., под весёлые насмешки зрителей, водили за собой по улице заков. в колодки «арестантов».

В каждом крест. доме гостям предлагали обильные еду и питьё, что должно было способствовать удачному началу весенне-полевых работ, к-рые в свою очередь должны были завершиться сытой и урожайной осенью. В каждом дворе устраивали пляски, пели песни, а ряженые разыгрывали комич. сценки.

В завершение К. все участники праздничного шествия направлялись к реке. Под крики «ура!» солому шляпу

рук. бросали в воду, а затем на берегу организовывали большие хороводы. В К. обычай бросать солому шляпу в воду, возможно, был связан с очистительной функцией реки. Шляпа в данном случае символизировала человека, представлявшего всю общину. Искупавшись в вечно движущейся и оттого чистой воде, человек должен был обновиться душой и телом. Возрожд., он получал дары земли, к-рые вместе с водой олицетворяли саму жизнь.

В карнавальной смехе К. религиозно-огранич. тенденция противопоставляется яркое нар. веселье, в основе к-рого лежит мысль об освобождении человека от житейских невзгод. Иными словами, театрализация в данном оригинальном действе давала людям свободу от бытовых и религ. ограничений.

Лит.: ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 95. Л. 27; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма: История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

КОШКА (м. Ката, э. Катка, Псака), домашнее животное, наделяемое в нар. представлениях двойств. символикой и демонич. функциями. *Архетип* К. получил полярную трактовку. С одной стороны, К. присущи черты домашнего покровителя. Присутствие её в *доме* благоприятно сказывается на хоз-ве и скоте. В мордов. мифологии К. ассоциируется с хозяйкой дома Юр-тавой, к-рая иногда показывается людям в образе этого животного. Очевидцы утверждали, что она белая, словно К., и у неё длинный хвост. Мордва считала, что дерущиеся на крыше до-

ма К. являются его божествами-хранителями. Возможно, именно с этими представлениями связана традиция при заселении сначала пускать в новый дом К. Трёхшерстная К., по мнению людей, приносит счастье тому дому, где живёт.

С др. стороны, чёрную К. в народе боятся, т. к. полагают, что она — предвестница раздора и неудачи. Мордва верила, что по ночам *ведьмы* превращаются в чёрных К. и проникают в чужой дом через печную трубу. Нар. суеверие приписывает видящим в темноте глазам К. необычайную силу, почерпнутую из мира таинственного и неизведанного. Существует старинное поверье, что К. живуча и только седьмая смерть может её уморить. Эти характеристики К. отражает загадка: м. «Сисем ваймонза, / Фонарьхть сельмонза», э. «Сисем оймензэ, / Фонартъ сельмензэ» — «Семь душ (у неё), глаза как фонари» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 67, 168).

В мордов. нар. сказках о *животных* К. наделена хозяйственностью, домовитостью, а также хитростью и смелостью, она способна победить даже *лису*.

По нар. представлениям, К. благотворно влияет на сон. Поэтому её образ часто встречается в колыбельных песнях, где её наз. «мяушенька», «кисонька», «мягколапая душечка».

С К. связано большое кол-во примет, напр. К. прячет голову, ложится на печь или царапает шубу — похолодает; царапает дерево — потеплеет; ест траву — скоро пойдёт дождь.

Образ К. широко изв. в др. мифол. системах. Напр., в слав. мифологии архетип К. так же неоднозначен, как и у мордвы. У литовцев кот является нехорошим символом. В легендах чёрт в образе кота борется с богом-громо-

вержцем Перкунасом. Раннее христ. поверье болгар гласит, что рассердившийся Бог швырнул в мышь свою рукавицу, а рукавица превратилась в К. С той поры и начался кошачий род.

Реконструкция мифол. представленный мордвы о К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Народные приметы мордвы-мокши / сост. Т. П. Девяткина. Саранск, 1992.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

КРА́ЖА (м. *Салама*, э. *Саламо*), отрицательный поступок, осуждаемый обществом и наказываемый высшими силами; в обрядовой практике инверс. приём охранительного или репродуцирующего характера. Склонностью к воровству обладали, по представлениям мордвы, отрицательные мифол. персонажи. Так, мордва-мокша считала, что Шайтан мог похитить тело и душу новорождённого, подменив его чурбаном (вероятно, недееспособным ребёнком) в отсутствие взрослых. Средством оберега ребёнка в этом случае становилась молитва или крестное знамение: «...мокши всегда крестили зыбку уходя... или на ночь» (НА НИИГН, ф. Л-415, л. 111). В одном из мокш. мифов-сказок Шайтан, превратившись в волка, учит воровать собаку, а затем

сам крадёт ребёнка у женщин во время полевых работ. Сходные поступки характерны, по нар. поверьям, *колдунам*, к-рые способны подменить душу ребёнка, когда он находится один, без присмотра взрослых.

С К. связан сюжет песни мордвы-эрзи Бугульминского у. Самарской губ. о мифич. существе *Куйгороже*: «...сынъ и чить салыть не трямот чинзэ кис. / Ламо парочи Макорне сынъ каннеть...» (*Mordwinische Volksdichtung*, Bd. 5, S. 174) — «...они и днём воруют, эти трямки. / Много добра они для Макоро перетаскали». В песне отрицательная оценка помыслов хозяина куйгорожей подчёркивается тем, что он сам учит их воровать: «Сон тонавтынзе Макоро саламо, / Сон кармавтынзе Макоро кандомо» (*Ibid.*, S. 176) — «Макоро научил их воровать, / Макоро заставил их в дом тащить добро».

Функциями защитника от воровства наделены положительные герои мифа. Так, мифич. защитником хоз-ва мордов. крест. семьи выступала Юртава или Кардаз сярко (см. *Калдазава*, *Кардазава*), к-рых в молитвах просили уберечь нажитое добро от воров. Для этого эрзяне с. Багана Бугульминского у. Самарской губ. просили божество двора: «...кона сы саламо, / сайть прясо превензэ...» (*Ibid.*, Bd. 6, S. 102) — «кто придёт воровать, / лиши его рассудка...».

К. как отголосок ритуального действия встречается в свадебном обряде мордвы. Если по к.-л. причинам (напр. из-за бедности) *жених* или его родственники (сваты) не могли договориться о свадьбе, то по предварительному сговору либо без него устраивали К. невесты. Сговор (в т. ч. с родителями похищаемой) подразумевал символич. умыкание в дом жениха и оплату миним. примирительного

взноса — продуктов и выпивки, без традиц. свадебных расходов. В случае, если предварительного сговора не было, за похитителями устраивали наст. погоню. Границей окончания преследования считался порог дома или амбар, попадая в пространство к-рых невеста считалась перешедшей в род жениха. Сведений о К. невесты довольно много в этногр. материалах (А. Терновский, Гр. П-в, В. Исинский, И. Дубасов, А. Кипарисов и др.). В качестве примера можно привести К. богатой вдовы без согласия её родственников работником Юркой в с. Лобаски Лукояновского у. Нижегородской губ., зафиксиров. в крест. семейных легендах. Вероятно, данный способ добычи невесты был весьма распростран. ритуальным действием у мордвы, о чём свидетельствуют закрепившиеся в корильных песнях свахи и гостей со стороны невесты образы жениха и его родственников как воров.

К. в быту мордвы была редким и позорным явлением, что подтверждают нар. представления о фантастич. (напр. Куйгорож), а не о реальном воре. Кроме того, подозреваемого в К. заставляли, а в нек-рых случаях по его инициативе устраивали опосредов. проверку честности, связ. с *культот предков*. Предполагаемого вора приводили на *кладбище* и заставляли произносить клятву, в к-рой он отрекался от воровства, в случае же обмана был готов понести наказание предков, похорон. на кладбище. В качестве закрепления клятвы произносивший её должен был откусить землю с могилы предка. Если после этого с человеком ничего не случилось, подозрения снимались с него.

Наворов. богатства, к-рые накапливались у разбойников, в силу своей

недоступности становились самостоят. объектом мифол. мировидения мордвы, обрстая *легендами* и преданиями (см. *Клад*).

Образцом честности и справедливости для мордвы являлся её предводитель — Тюштя. Выполняя в легендах и преданиях функции вождя, он выступает защитником своего народа, к-рый сурово искореняет такое явление, как воровство: «Это был правитель справедливый, беспристрастный и гонитель воров. За кражу малейшей вещи он приказывал вешать преступников на виселицах» (Дубасов И. И., *Очерки из истории Тамбовского края*, Тамбов, 1890, вып. 1, с. 122).

Существовавшая у мордвы традиция символич. воровства, когда прохожий уносил новорождённого из дома, а затем возвращал за символич. плату родителям (купленный ребёнок), имела целью защитить младенца от возможных *болезней* или смерти, если такие случаи были частыми в семье. Кроме того, отдалённым напоминанием ритуальной К. можно считать передачу новорождённого через окно отцу или прохожему, его «неожиданную» находку первым встречным и последующую «продажу» родителям, смысл к-рых также заключался в обереге здоровья ребёнка.

В наиболее древних формах игровых обрядовых действий, связ. со свадебной тематикой, проверялись качества будущих супругов, в частности невесты, о чём свидетельствует распростран. традиция, когда молодые люди крали у невнимательной девушки клубок ниток (э. «Кирень саламо»). Впоследствии данное действие трансформировалось из обрядово-игрового в хороводное, получив характеристики и атрибутику нар. праздника.

Тексты: ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп.1. Д. 249 ; НА НИИГН. Ф. Л-415 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5, 6.

Лит.: **Терновский А.** Свадьбы «самоходки» и моляны в мордовском селе Катмисе Городищенского уезда // Пенз. губерн. ведомости. 1867. № 33 — 38 ; **Гр. П-в.** Мордовское село Лобаски (История села, верования, обычаи и нравы его жителей до принятия христианской веры в 1744 году и после сего до настоящего времени) // Нижегород. епарх. ведомости. 1887. № 13 — 14 ; **Исинский В.** Браки-«самокрутки» среди мордвы // Пенз. епарх. ведомости. 1889. № 12 ; **Дубасов И. И.** Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. Вып. 1 ; **Кипарисов А.** Браки у мордвы и причины частого нарушения их // Пенз. епарх. ведомости. 1894. № 18 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

КРАСНОПЁРОВ Иван Маркович (13.1.1839, с. Икское Устье Вятской губ. — 1920, г. Петроград), рус. земский статистик, историк, этнограф, мемуарист. Род. в семье пономаря. Окончил Вятское духовное уч-ще, учился в Вятской духовной семинарии. В 1862 поступил вольным слушателем в Казанский ун-т, весной 1863 арестован по делу о «Казанском заговоре» (дело студенч. кружка, вошедшего в сношения с польскими повстанцами), пробыл в заключении до 1867. В 1872 — 74 — сотрудник ряда газет и журналов в г. С.-Петербурге. В 1874 — 82 — преподаватель рус. яз., истории и географии

в Рославльском ж.-д. техн. уч-ще. В 1883 — 93 заведовал Самарским губернским стат. бюро, издал 10 томов «Сборника статистических сведений» (Самара, 1883 — 93). В 1893 — 1902 работал в той же должности в г. Твери. Затем служил чиновником в Могилёвской и Вологодской губ., конец жизни провёл в С.-Петербурге.

Опубликовал более 80 крупных статей в «Юридическом вестнике», «Русском богатстве», «Мире Божьем», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Журнале Министерства народного просвещения» и др. Кроме трудов по земской статистике, изв. работами по краеведению, этнографии, экономике и нар. образованию. В Самаре сталкивался с мордвой, описал быт, обряды и верования мордвы Бугульминского у., опубликовал ряд образцов устно-поэтич. творчества мордов. народа.

Соч.: Мордовская община в Бугульминском уезде // Сев. вестн. СПб., 1887. Кн. 1; Записки разночинца. М.; Л., 1929; Воспоминания земского статистика. М., 2008.

Лит.: Большая энциклопедия. СПб., 1896. Т. 11; **Ершов А.** Казанский заговор // Голос минувшего. 1913. № 6; **Базанов В.** Русские революционные демократы и народосознание. Л., 1974.

В. А. Юрчёнков.

КРЕСТ (м. **Крѣз**, э. **Крѣст**), знак, образ. пересечением двух отрезков; относится к древнейшим орнаментальным мотивам. В различных культурах изображение К. обладало собств. символич. нагрузкой. К. как фетиш был представлен в первобытном обществе периода верх. палеолита; как религ. символ — в верованиях Др. Египта и Ближнего Востока, наиболее изв. как атрибут хрис-

тианства, символ мученич. смерти *Иисуса Христа* ради искупления грехов человечества.

У мордвы К. существовал в качестве древнего, дохрист. символа. В материалах археол. раскопок отмечены круглые пластинчатые бронзовые бляхи, украш. крестообразными накладками. Исследователи обычно трактуют данную категорию находок как символы неба и небесных светил, обожествление к-рых занимало особое место в системе религ. верований поволжских финнов. В связи с этим следует упомянуть находки подвесок в виде К. в *крузе*, интерпретируемые как символы единства небесного и земного огня, воплощавшего в языч. религии очистительную силу, способную защитить человека от бед и *болезней*. Широкое распространение имели крестовидные подвески, отличавшиеся большим разнообразием форм. Крестовидные знаки фигурируют на боковинах сосудов из погребений Елизавет-Михайловского и Старобадиковского II могильников.

Появление К. как атрибута православия в материальной культуре мордов. племён связано с событиями, относящимися к периоду 11 — нач. 13 в., когда во внеш. политике Руси отчётливо проявился вост. вектор, выражавшийся в стремлении к установлению контроля над торговыми путями в зап. части Ср. Поволжья. В археол. памятниках мордвы этого времени найдено значительное кол-во предметов христ. культы. В качестве примера можно назвать бронзовую иконку с изображением св. князей Бориса и Глеба из Куликовского могильника и нательную иконку с изображением Богородицы с младенцем (см. *Богородица*) из могильника Заречное II. В фондах МРОКМ хранится нательный

К., обнаруж. в погребении 12 в. Мордовско-Паркинского могильника. Большой К.-энколпион, использовавшийся в качестве подвески, был найден при обследовании Ефаевского могильника. К. с изображениями святых и надписью по наружному краю отмечен среди находок Муранского могильника. В кладе у с. Губино Сызранского р-на Самарской обл. в комплексе с традиц. мордов. украшениями — сюлгами также обнаружен К.-энколпион. Наиболее вероятным объяснением появления подобного рода инвентаря в материалах мордов. могильников следует признать наделение данных предметов в нар. представлениях определённой сакральной значимостью с точки зрения языч. мировоззрения. С принятием православия нательный К. стал неотъемлемым атрибутом, сопровождающим человека на протяжении всей жизни; получила распространение традиция установки памятных, поклонных и надмогильных К.

В традиц. изобразит. иск-ве мордвы (резьба по дереву, *вышивка*) как реликтовые отголоски древних верований угадываются мотивы крестообразных орнаментов. Из всех предметов домашнего обихода, имеющих ритуальный характер, выделяется парь — большая кадка для приданого невесты, изготавливавшаяся обычно из дуплистой липы высотой 60 — 90 см и диаметром 40 — 70 см. Парь наиболее подвергался худож. обработке. Резьба на парях пронизана солярной символикой. Узор наносился по верх. краю, часто по всей высоте, иногда в середине. В центре узора обычно был круг, делящийся на четыре части и более прямым или косым К., а по краю — зигзаг, ёлочка или выполн. контурной резьбой квадрат, также раздел. прямым или косым К. по диагонали.

В мордов. вышивке большое место занимают образы-символы в виде определённых графич. знаков, связ. с отражением предметов и явлений реальной действительности и выполняющих роль *амулета*. Преобладающими орнаментальными мотивами практически на всех деталях мордов. костюма являются геометрич. фигуры, в т. ч. К. Напр., в вышивке оплечья К. и восьмиконечную розетку, располагающуюся в промежутках между лучами К., можно истолковать как символ солнца.

Важным элементом традиц. жен. костюма является шафтома — ожерелье, состоящее из стеклянных бус, наниз. серебряных рублей и полтинников с припаянными ушками. В середине ожерелья помещается большой серебряный К. Старинные шафтома снизаны из крупных гранёных стеклянных бус и медных звенящих бубенчиков с медным К. Длина нитки бус достигает 120 см. Обычно их надевали сразу неск.

Использование К. как символа можно проследить в нек-рых мордов. обрядах. Так, во время праздника Тундонь ильтямо («Проводы весны»), устраивавшегося в конце троичной недели в Саратовской губ., Весну олицетворял большой К. из цветов, на к-рый надевали жен. одежду.

Лит.: Большая Российская энциклопедия. М., 2010. Т. 15 ; **Спрыгина Н. И.** Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии : По материалам эксп. 1925 г. Пенза, 1928 ; **Жиганов М. Ф.** Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей древней мордвы в XIII — XVI вв. // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа : (Археол. сб. Т. 2). Саранск, 1959 ; **Гаген-Торн Н. И.** Женская одежда

народов Поволжья : (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960 ; Материальная культура среднецнинской мордвы VII — XI вв. Саранск, 1969 ; **Трубникова Н. В.** Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племён // Сов. археология. 1969. № 3 ; **Мартъянов В. Н.** Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск, 1971 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Рогачёв В. И.** Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. Саранск, 2005 ; **Рябов Н. В.** Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция. М., 2010 ; **Андреев С. И., Терехова Н. В.** Крестовидная подвеска и её модификации в культуре среднецнинской мордвы // Рос. археология. 2011. № 4 ; **Петербургский И. М.** Материальная и духовная культура мордвы в VII — X вв. Саранск, 2011.

Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин.

КРЁСТНЫЕ РОДИТЕЛИ, духовные восприемники. Выбор для ребёнка К. р. — крёстного отца (м. **Крёстной аля**, э. **Крёстной тетя**) и крёстной матери (м. **Крёстной тядя**, э. **Крёстной ава**, **Крёснава**) является одним из важных моментов введения его в социум и в культуру этноса. Считается, что К. р. во мн. определяют судьбу новорождённого. Не случайно они играют осн. роль на свадьбе. Отношение к ним как к ближайшим родственникам отражено в фольклоре, в частности в пословице «Мать-отец родили, крёстные — выкупили».

У мокши и эрзи в крёстные брали молодых, в осн. неженатых, мужчин из числа родни. По обычаю, крёстным

отцом приглашали родственника по материнской линии. К. р. выбирали одних и тех же для всех детей. В случае смерти восприемников или смены ими места жительства либо отъезда на дальнее расстояние их функции по отношению к неженатым крестникам выполняли их родственники. В мокш. селениях Волжского р-на Самарской обл. К. р. выбирали как из среды родственников, так и из числа односельчан, друзей. Это объясняли стремлением расширить круг родственников. Если в семье дети умирали, то в качестве К. р. приглашали первых встречных, близнецов или родных брата и сестру. По поверью, такой способ может обеспечить сохранение жизни и здоровья ребёнка.

Само приглашение (м., э. кумс-кумакс кундама) сопровождалось особым ритуалом. После родов отец новорождённого брал хлеб с солью, водку и шёл просить избр. лиц быть К. р. Согласно нар. обычаю, отказываться не полагалось. После крещения ребёнка его родители и К. р. наз. друг друга кумовьями, и между ними устанавливались тесные родств. связи.

К. р. — самые важные участники крещения, на них лежит целый ряд материальных и моральных обязательств. Повсеместно кум оплачивает крещение, дарит подарки священнику, покупает нательный крест, а кума приносит в подарок крестильную рубашку или ткань.

Кумовство создаёт нерасторжимые связи между К. р. и крестниками, а также между кумами. Сексуальные отношения между последними запрещены. Нарушение запрета считается тяжким грехом, к-рый отразится на здоровье крестника.

Между роженицей и восприемниками проводился обмен подарками.

Крестная готовила для новорождённого рубашку, шапочку и кусок холста или др. материала длиной ок. 2 м (м. кундама котф, э. риску), на к-рый принимали младенца от священника после купели. Родительница в свою очередь преподносила куме платье или юбку, а куму — рубашку. В дальнейшем крестники и К. р. обменивались подарками по большим праздникам практически в течение всей жизни. До сих пор у мордвы сохраняется обычай во время визита к крестникам на Масленицу одаривать их соотв. возрасту. К. р. всегда почётные участники свадьбы, дарят дорогие подарки крестникам, а те в ответ тоже делают им ценные подарки.

Лит.: Славянская мифология : энциклопедия. М., 2002 ; **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; **Корнишина Г. А.** Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007.

И. И. Шеянова.

КРОВЬ (м. **Вер**, э. **Верь**), в мифол. представлениях мордвы средоточие и символ жизни, субстанция жизн. силы,местилище *души*. Имеет многообразные ритуально-магич. функции, прежде всего продуцирующие; составляет основу важнейших социальных институтов и концептов (кровное родство, кровавая жертва).

Как субстанция человека К. упоминается в лечебной магии. Так, в заговоре от «водяной» болезни (см. *Заговоры лечебные*) просят прощения у *земли*, перечисляя части тела: «Простик тон, масторава, матушка. / ...Простик седейга... / Шичи телава, якстере верьга» — «Прости ты, богиня земли, матушка. / ...Прости сердце... / Живое тело, красную кровь»

(УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 210), а в заговоре от змеиного укуса — чтобы краснота, опухоль сошла с растущего тела, с ноги: «якстере верьстэнзэ» — «вышла из красной крови» (Там же, с. 216).

К. как заместитель и как часть человека, а также элемент гомеопатич. магии и магии слова использовалась при заключении договоров. Так, В. Н. Майнов упоминал о возможной кровавой плате за невыполнение договорных обязательств: «...когда всё уже оговорено, то заключающие договор клянутся в верности его выполнения или одною из упомянутых выше формул, или же ещё говоря: „связались мы кушаками — свяжи нас, Боже, цепями; кто ту цепь разрубит — чтобы кровь из нас текла“ или „как волосы наши связаны, так и мы связаны; кто волосы развяжет — чужую кровь прольёт“...» (Майнов В. Н., Очерк юридического быта мордвы, Саранск, 2007, с. 237 — 238). Далее Майнов утверждал, что «формулы эти ясно намекают на кровавый ответ за невыполнение договора, но теперь они повторяются народом в качестве переживаний, без взвешивания, чем именно они угрожают, хотя тем самым значение их отнюдь не умаляется. Полагается, конечно, при всяком договоре и выпить или, как мордва называет, „обмыть кровь“ („верь муськан“)»; при нарушении договора, в частности если люди связывались *волосами*, у нарушившего «...кровь горлом пойдёт, кровью изойдёт или огнём сгорит (горячка)... „Кровь обмывает“ тот, кто первый предложил заключение договора...» (Там же, с. 238). Упоминание чужой и своей К. в договорах можно с определённой осторожностью отнести к отголоскам такого древнейшего социально-

го института, как кровная месть. Однако прямых указаний в фольклоре мордвы на это не содержится.

К. соотносится с понятиями рода и родства. К., увид. во сне, является символом родств. связи: м. «Пейсь прай вер мархта — пяк маластонь радня кулы», э. «Пей пры верь марто — маласо родня кулы» — «Зуб выпадет с кровью — к смерти близкого родственника»; м. «Онцот вер няят — инжиенди» — «Во сне кровь увидишь — к гостю» (УПТМН, т. 12, с. 160, 177). Очевидно, имеется в виду гость — родственник.

Кровотечение рассматривается как потеря жизн. силы и требует немедленной остановки, что реализуется в мотивах зашивания, высушивания, уподобления *железу* или *камню*, а также высасывания К. Так, в заговорах от кровотечения при порезе девочка в красном платке и красной рубахе серебряной иглой сшивает рану: «...парьхцить мархта петфтасы, / Шудемда-молемда лоткафтсы» — «...шёлковой ниткой стянет, / Кровотечение остановит» (Там же, т. 7, ч. 3, с. 229), при этом символич. заместителем К. (по признаку цвета) выступают красные нитки: «...якстерь парьхци пилесонза» — «...красный шёлк в ушко вдет» (Там же); четыре старика с четырёх сторон находят четыре железа: «Ся кшнить лаца кшниндоза, / Кевть лаца кевакодоза, / Лотказа шудемда-молемда!» — «Пусть кровь отвердеет, как это железо, / Окаменеет, как камень, / Перестанет течь, капать!» (Там же); серебряная старуха «сия нюдить мархта потязе, / Сия нюдить мархта косьфтазе / Васянь кядьста (пильгстонза) верть» — «серебряной свирелью высосала, / Серебряной свирелью высушила / Кровь Василия на руке (ноге)» (Там же, с. 230). Магич.

сила слова, а также образов красной нитки, железа и свирели усилены наличием в текстах представителей т. н. девств. групп — девочка, старик, старуха — лиц, самих не теряющих К. и тем самым способных остановить её. Красный цвет мог быть связан с идеей загробной жизни (см. *Загробный мир*). Так, пулокери в погребениях часто были обмотаны красной шерстью, а рога барана, приносимого в жертву на могиле умершего, обвязывали красным платком.

О магич. воздействии красного цвета и его влиянии на производительные силы человека писал Майнов: «Яйцо почитаемо и в наши дни как амулет при условии, однако, что оно будет окрашено в красный цвет, цвет крови священных животных, особенно курицы. Амулеты, которые девушки носят, чтобы выйти как можно раньше замуж, а те, которые обещают молодым женщинам, окрашены в красный цвет, в кровь менструаций» (Mainof W., *Les restes de la mythologie Mordvine, J. de la Société Finno-Ougrienne, Helsingissä*, 1889, vol. 5, p. 143).

К. применяется во вредоносной магии. Так, в эрз. сказке «Кавто ялгат» («Два друга») ведьма, летающая по ночам, усыпляет на тридцать лет новобрачных царевича и его молодую жену, выпустив из них К., однако их же К., собр. ею в пузырьки, может быть использована для оживления, т. е. становится частью лечебной магии: «Вот если этой кровью смазать лоб, грудь и пятки умерших, то они оживут» (УПТМН, т. 3, ч. 2, с. 180). Вредоносная магия, как и лечебная, основана на принципе взаимозамены части и целого. Так, К., с одной стороны, является важной жизн. составляющей человека, с др. — часть К. заменяет и воскрешает его.

К. жертв. животных (см. *Жертвоприношение*) использовалась в обрядах для увеличения плодородия земли и скота, наделения людей здоровьем, защиты от несчастий и сглаза, для вызывания дождя. Здесь ведущую роль играет продуцирующее начало К. Так, при молении об увеличении скота, обращаясь к божеству двора Кардаз сярко (см. *Калдазава, Кардазава*), произносили: «Вана тонеть печкинек / Шумбра паро ревинне, / Раужо парсей поныне... / Тонь лемс печкинек...» — «Вот тебе зарезали / Здоровую хорошую овечку, / С чёрной шелковистой шерстью, / Выпустили красную кровь... / Твоё имя помянули...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 176 — 177). В ходе сельского моления также на имя божества приносили в жертву К., о чём сообщали ему: «...нолдатанок тонеть верь / Чевте пона ревень...» — «...пустим тебе (для тебя. — В. С.) кровь мягкошерстной овцы...» (Там же, с. 177). Говоря о сохранении языч. верований, Майнов упоминал о специфич. алтаре Кардаз сярко: «Его жилище... расположено под камнем, который прикрывает дыру, сделанную в центре двора. Туда наливают кровь животных, которых посвящают богам, для того, чтобы те сделали их плодородными» (Mainof W., Op. cit., p. 123). В Бугурусланском и Бугульминском у. Самарской губ. при молении горсти семян в честь богини Норовавы камни, под к-рые выливали жертв. К., приносили на место совершения обряда его участники, «рыли под ними ямы. Под один камень выливали кровь жертвенного животного, под второй клали кости этого животного» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 109). В ходе данного моления происходило соединение домашнего и располож. за пре-

делами двора пространств, снималась оппозиция своего и чужого.

Об отголосках человек. жертвоприношений и человек. К. как самой ценной жертвы *богам*, обеспечивающей продолжение рода и поддержку естеств. природного цикла, свидетельствует опис. Майновым эпизод моления «бабань каша» на Троицу, когда одна из женщин, принимавших в нём участие, ложилась на землю, а др. проводили по её гортани неск. раз обратной стороной ножа, снимали с неё шушпан и подвешивали его к дышлу телеги, чтобы оросить её К. курицы.

Магич. действия с К. животных и человека имели продуцирующий и апотропейный характер. Так, берёзовым веником, смоч. в К. зарез. к Новому году поросёнка, хлестали детей утром первого дня года, чтобы они были сильнее. Однако контакт с «нечистой», менструальной, К., по представлениям мордвы, влечёт за собой несчастье и *болезнь*. Поэтому «нечистой» женщине запрещалось совершать действия ритуального характера (проводить домашние обряды, готовить ритуальные блюда, брать святую воду на Крещение и др.) и посещать сакральные терр. (ходить на *кладбище* и др.). Вместе с тем менструальная К. девственницы наделялась способностью убирать врождённые (т. е. связ. с кровной информацией, определяющие приметы человека от рождения) недостатки: «родимые пятна пройдут, если их три раза намажешь девичьей менструальной кровью» (Там же, т. 12, с. 278). Такую же силу имеет К. женщины, родившей первенца.

С жен. К. связана семантика социализации в чужом пространстве во время свадебного обряда. У мокшан Краснослободского у. Пензенской губ., по сообщению Майнова, «...едва толь-

ко поднимут молодую с брачного ложа, как в окровавленной рубахе, если только случится, ведут её к реке; за нею тянется целая процессия... <...> ...А если бы рубаха её не была окровавлена, то её кровавят куриною кровью...» (Майнов В. Н., Очерк..., с. 111). Исследователь не даёт интерпретацию факта К. на одежде. Социализация молодой ещё не завершилась, она не стала полноправным членом нового социума, поэтому обладает маргинальными свойствами: впереди неё несут пустой ушат, поливают её путь водой. Сходные действия совершают при похоронном обряде: поливают дорогу за умершим, а также могилу, чтобы он не взял с собой влагу и не наступила *засуха*. Только после проведения моления на границе освоенного пространства — на реке, в доме молодой дают имя (см. *Имянаречение невесты*), опоясывают и позволяют заниматься домашним хозяйством — подводят к печи, к-рая является признаком освоенного домашнего хозяйства. Данные действия усиливают тему свадебного обряда как обряда перехода (см. *Инициация и миф*). Сообщение Майнова интересно тем, что К. молодой, а равно и её представление водному источнику имеет важное значение, к-рое можно интерпретировать, во-первых, как связь с продуцирующей магией, во-вторых, как снятие негативного влияния чужой пока ещё женщины в новом пространстве.

У мордвы распространён запрет на употребление К. в пищу, искл. составляет К. жертв. животных. Её употребление имеет разные смыслы в зависимости от контекста проводимого обряда. По словам Майнова, употреблявшего в ходе обрядов К. овец и свиней, она являлась «истинно мокшанским блюдом» (Майнов В. Н., Один день

среди мордвы мокши, Древняя и новая Россия, СПб., 1878, т. 3, № 10, с. 131) в Тамбовской и Пензенской губ. и могла быть как сырой (её пили на похоронах), так и варёной и жареной (из неё готовили пироги). Сырую К. давали выпить заместителю умершего (см. *Вастозай, Эземозай*) после похорон, «чтобы он не забыл своей крови, своей родни» (Там же, с. 133 — 134). Добавление в каждое блюдо сырой К. животного, забитого на 40-й день в честь умершего, отмечал у пензенской мокши Н. П. Орлов: «Мясо варили и каждое блюдо приправляли кровью» (цит. по: Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*, Helsinki, 1952, S. 70).

К. мифол. персонажей отличается от человек. Описывая представления мордвы-мокши Тамбовской губ. о злых духах, К. Митропольский сообщал следующее: «...когда какой-нибудь предмет загорается от молнии, то это пламя, по их мнению, вспыхивает от крови злого духа, в к-рого удар грома был направлен» (Мирское слово, 1877, № 5, с. 34).

Сходное представление существует об укусе любой змеи (кроме почитаемого ужа), к-рый может быть излечен К. этой же змеи: «...должно наискорее перевязать ногу или другой какой уязвлённый член повыше раны красным шерстяным поясом натуго, дабы опухоль не распространилась до живота, и мазать член кровью... уязвившей змеи...» (Лепёхин И., *Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году*, СПб., 1771, с. 98). Вероятно, под влиянием христ. бестиария сложилось мнение о том, что из укуш. змей места, если не удаётся убить укусившую змею и использовать её К., яд

можно вытянуть К. голубя: «...разрывают надвое живого голубя и прикладывают к ране...» (Там же). Лечебная сила К. змеи или голубя здесь усиливается действием символич. заместителя К. — красного пояса.

Демонологич. персонажи (см. *Демонология*) пьют К. человека, для того чтобы отнять у него жизнь, однако жертвоприношение животного и его К. могут вернуть к жизни: «Умерщвлённого призраком человека якобы можно воскресить, расчертив его труп кровью чёрного телёнка» (Harva U., Op. cit., S. 23 — 24).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2: Эрзянские сказки. Саранск, 1967; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12: Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Лепёхин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771; Митропольский К. Мордва: Мироззрения их, нравы и обычаи // Мирское слово. 1877. № 5; Майнов В. Н. Один день среди мордвы мокши // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. 3, № 10; Егоров Е. Г. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007; Кельгининский могильник. Саранск, 1998; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. С. Святогорова.

КРУГ, замкнутое в условную окружность пространство, защищающее находящихся в нём людей, животных и предметы от вредоносного воздейст-

вия. Круговые движения связаны у мордвы с представлениями о мифол. покровителях стихий и явлений природы, существовании у них демонологич. признаков (см. *Демонология*). Так, *Вириява* могла закружить, запутать человека в лесу, если он чем-л. провинился перед ней. В кружении вихря виделось участие нечистой силы или *колдуна*, борьба с к-рым представлялась возможной с помощью бросания в него ножа и ранения либо убийства таким способом невидимого врага, в чём просматриваются параллели с верованиями марийцев и коми.

Общепринятой мерой предотвращения эпидемий и эпизоотий у мордвы было обведение деревни символич. К. путём черчения борозды, часто с зарыванием в месте её замыкания жертв. животного (см. *Жертвоприношение*). Такой К. должен был надёжно защитить жителей селения или скот от *болезней*. В Саратовской губ. зафиксирован следующий способ: девочку просили спрясть суровую нитку, к-рой она должна была троекратно обнести селение. Считалось, что это остановит болезнь.

В свадебной обрядности мордвы долгое время сохранялся обычай очерчивания дружкой (уредевом) свадебного поезда как способа создания границы — преграды для колдунов и др. злых сил, способных нанести вред. *Жениха* с этой целью подпоясывали куском бредня, узлы к-рого имели сакральное предназначение — запутать колдуна при попытке испортить молодого (Никонова Л. И., Как лечились народы Поволжья и Приуралья, Саранск, 2005, с. 147). С К. как замкнутым пространством, недоступным влиянию извне, связаны родильные обряды мордвы. Так, знахарка, к к-рой обращались при сложных родах, обводила натопл.

баню венником, после чего на пороге произносила молитву, адресов. *Баня-ве*, с просьбой о помощи. Одним из приёмов предохранительной магии у эрзян с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ., связ. с детьми, было обведение новорождённого берёзовой метлой с произнесением заговора: «Святое дерево, белая берёза, охрани раба (имя...) от дурного человека (колдуна), от зла, ночью во время сна, днём во время бодрствования...» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 157). Необходимой продолжительностью такого защитного обряда считались первые шестьдесят дней жизни ребёнка. Помимо этого практиковались др. круговые защитные движения — действия, способные, по мнению мордвы, воспрепятствовать появлению заболеваний у детей, отгораживанию их от колдовства или сглаза: окуривание ладаном или мусором, тоекратное обведение перед сном колыбели младенца ножом.

Отголоском своеобразного обрядового действия-оберега, вероятно, разграничивавшего пространство живых и мёртвых, может служить встречающаяся в селениях Атюрьевского р-на Мордовии традиция обхода могилы покойника пожилой женщиной, наз. в народе «Жары-бабась» (букв.: кружащаяся женщина). В. Н. Майнов указывал на якобы существовавший у мокшан обычай при похоронах обводить чёрного барана (как символ Масторпаза) на задних ногах вокруг могилы, а затем убивать его как жертву. С созданием искусств. преграды в виде К. связаны действия мордов. знахарок и лекарей, применяющих приём обматывания больных частей тела человека ниткой, а также окуривание дымом лечебных трав.

В нар. игровых представлениях соблюдение семантики К. ярче всего наблюдалось в хороводах, к-рые устраивали девушки и юноши во время праздников. В орнаменте одежды и декоративно-прикладном творчестве К. тесно связан с солярной символикой, применяемой в осн. как элемент украшения одежды.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

Лит.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Никонова Л. И.** Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005 ; **Бурнаев А. Г.** Культурная модель мордовского танца. Саранск, 2007 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

И. В. Зубов.

КУДА́ВА (м., э. К у д а з о р а в а; м. куд, э. кудо «дом», м., э. ава «женщина, мать»), божество *дама*, покровительствующее непосредственно жилому помещению, а также хозяйину, хозяйке и всей семье. Представляется человекоподобным существом, невысокого роста, во всём белом, иногда женщиной, похожей на хозяйку дома. У неё имеются семья, родственники и даже предки. Мужем К. является *Кудатя*. Место их обитания — подполье, поэтому жертв. угощения для К. относили туда и клали в передний угол.

К. проявляла заботу о детях, особенно о новорождённых, т. к. именно их жизнь часто подвергалась опасности со стороны *колдунов* и др. злых сил. Младенца в колыбели три раза опускали в подполье, чтобы он стал недоступен нечистой силе.

Как и др. покровители дома, К. была особо почитаемым божеством, поэтому в праздники её приглашали за стол. Хозяин просил у К. благословения, когда решал ввести в дом молодую сноху; невеста в свадебных причитаниях также обращалась к К. за благословением и покровительством. Когда дом продавали или обменивали, К. оставалась в старом доме, если её не приглашали с собой хозяева. В ночь перед заселением в новый дом, в новолуние, хозяин дома с хлебом и солью ходил по старому дому и обращался к К. с просьбой о переселении вместе с семьёй. В случае, если в одном доме оказывалось неск. К., между ними возникали ссоры за право владения. Взяв власть в свои руки, чужак по ночам мучил скот и насылал *болезни* на членов семьи.

Прослеживается непосредств. связь между почитанием К. и *культуром предков*, т. к. мордов. божества являются носителями фактически тех же функций, что и предки. На ближайшее родство К. и Кудати с ними указывает употребление характерного выражения «родитель-домовой». К ним, как и к предкам, обращались с просьбой совершить суд над осмелившимся дать ложную клятву и тем самым очернить невиновных людей. Виновный, преданный суду божеств-покровителей, вскоре умирал или с ним происходило несчастье.

По представлениям мордвы К. обладает сверхъестеств. силой и тайными знаниями. Она может предвидеть беду или несчастье в семье. Знаками этого считались плач или тяжёлые вздохи божества дома. Его сверхъестеств. способности выражались также в возможности перевоплощения в *кошку*. Обладая определённой властью над человеком, К. способна распоряжать-

ся его здоровьем и благосостоянием. Так, при оказании должных почестей (*жертвоприношение*, молитвы) она может избавить человека от болезней и несчастий, в случае непочитания, наоборот, навлечь на него болезнь, зачекотать до смерти.

В честь К. устраивали специальные жертвоприношения осенью в новолуние после окончания полевых работ, а также по различным поводам: болезнь, свадьба, рождение ребёнка. Практиковалось жертвоприношение при первом приплоде животных, к-рое могло быть в виде масла впервые отелившейся коровы или первого ягнёнка овцематки.

Реконструкция мифол. образа божества дома осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Образ К. нашёл отражение в лит. сказке «Кто в доме хозяин» В. А. Юрчёнкова (2012). Зрительные образы К. созданы худ. Л. Н. Колчановой-Нарбековой, Н. С. Макушкиным, В. В. Митиной и С. В. Нестеровой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Юрчёнков В. А.** Сказки Норовавы. Саранск, 2012 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КУДАТ (э.), поезжане, участники всего комплекса действий в свадебном обряде. Осуществляли помощь в под-

готовке и проведении свадьбы; символич. выкуп невесты; исполнение песен, особое место среди к-рых занимали пазморот — обращения к мифол. покровителям с просьбами о даровании, сохранении и приумножении таких благ будущей семьи, как здоровье, потомство, материальный достаток и т. д. Осн. задача К. заключалась в подчинении распоряжениям гл. действующих лиц — свахи и уредева. Среди К. важное место занимает покш куда — старший поезжанин, обязательно мужчина, к-рый в случае отсутствия уредева выполнял его функции охраны молодых от вредоносной магии. К. участвовали в обрядово-праздничных сценах, имевших ритуально-магич. значение: завёртывание невесты в кошму, укрытие её в специально приготовл. доме, вынос на руках, *имянаречение невесты*, обрезание гужей, запираание ворот, «взятие девичьего города» (тейтерень ошонь саема), «погоня за куницей» и др. Мн. перечисл. элементы, бытующие сегодня в трансформировавшейся, условно-семиотич. форме, воспринимаются как игровые, однако строгость порядка и обязательность их исполнения в наст. время обуславливаются стремлением обеспечить благополучие молодой семьи.

Кол-во К. в традиц. мордов. свадьбе зависело от благосостояния *женуха* и числа родственников. В соотв. с мифол. представлениями мордвы кол-во К. обязательно должно быть нечётным, что обеспечивает прибавление, увеличение рода с принятием в него невесты. Чётное кол-во К. считалось предзнаменованием неприятностей для молодых в их жизни.

Лит.: Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Са-

ранск, 2004 ; Бояркина Л. Б. Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность : энц. справ. Саранск, 2006.

И. В. Зубов.

КУДА́ТЯ (м. куд, э. кудо «дом», м., э. атя «старик, отец»), божество муж. рода, покровитель *дома*. Особыми функциями не наделяется, чаще упоминается рядом с *Кудавай*. Иногда представляется старичком с белой бородой или зверьком, похожим на ласку, либо *кошкой*.

Под влиянием образа слав. домового в *легендах* и *быличках* мордов. народа К. получил функцию, изначально не свойств. ему: ходит ок. дома и оберегает его от врагов. К. активно проявляет себя по ночам, когда занимается хоз-вом: ухаживает за домашними животными, чаще всего за лошадьми; следит за их пищей, если она не пригодна им, выбрасывает её. Когда К. нравится лошадь, он расчёсывает и заплетает ей гриву. В др. случае может защекотать животное до смерти и опрокинуть ногами вверх. К К. обращались, если в доме что-л. терялось. Хозяева привязывали к ножке стола цветную тряпку и просили вернуть пропавшую вещь.

В быличках рассказывается о случаях борьбы между своим и пришлым К. Если чужак побеждал и селился в доме, приглашали ворожею для его изгнания. Наиболее эффективным являлся способ, опис. У. Харвой, когда ворожея надевала себе на шею хомут, брала в руки лутошку, облупл. ещё на корню, с дыркой, просверл. в корне, ставила борону и через неё смотрела на дерущихся домовых, принявших облик кошки. С помощью импровизиров. орудия непрош. гостя удавалось

выгнать. После этого дом и двор окуривали ладаном, а старого домового приглашали поселиться в нём.

Образ К. близок к вост.-слав. «дедушке-домовому».

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. В изобразит. иск-ве к образу К. обращались А. С. Алёшкин и Н. В. Рябов.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Алёшкин А. С. Куда ушли боги мордвы : Герои мордов. мифологии. Саранск, 2012 ; Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КУЙГОРОЖ (м.), **ТРЯМКА** (э. Т р я м о к, Т р я м о), дух-покровитель *дома*, способствующий обогащению и удаче. По представлениям мордвы приносит в дом *богатство*, не брезгуя порой при выполнении хозяйских заданий лихоимством и воровством. К., Т. прожорлив, отсюда его эрз. назв. (от трямс «кормить»). Существует неск. версий происхождения К., Т. По одной версии его шесть недель высиживают хозяева из свиного яйца, добытого ночью в лесу, или из яйца чёрной курицы; по др. — К., Т. появляется из яйца чёрного петуха, к-рого семь лет выкармливает хозяин, впослед-

ствии яйцо семь недель вынашивает под мышкой хозяйка. При рождении К., Т. имеет маленькие размеры: ростом с напёрсток или с палец. Для дальнейшего развития его помещают на семь лет под печь, где он вырастает с локоть и набирается сил для служения хозяину дома.

Существуют др. способы обречения К., Т.: хозяин дома в самую тёмную весеннюю ночь идёт на *кладбище* и с помощью особого *заклинания* приглашает К., Т. в свой дом; можно украсть чужого К. и, произнеся нужное заклинание, держать его в доме или амбаре для выполнения различной работы.

Для окружающих К., Т. невидим, он показывается только хозяину. Обладает огромной силой и не может жить без работы. Не дашь ему занятие, так он всё в хоз-ве порушит, а дашь — выполнит быстро и толково. Работает за семерых, но и ест за целую ватагу. У К., Т. в щеках имеются мешочки, как у хомяков, куда умещается большое кол-во зерна. Когда мешочки порожние — не заметны, а наполнятся — раздуваются как пузыри.

К. настырен, работу требует даже тогда, когда всё выполнено и приложить руку не к чему. Чтобы избавиться от его притязаний, обычно поручают ему невыполнимое дело: вычерпать воду из болота или свить верёвку из песка. Не выполнив задание, К. оставляет дом этого человека, исчезает или превращается в к.-л. зверька.

Образ К. интересен с точки зрения реконструкции архаич. элементов мордов. мифологии. По одной версии К., Т. — существо с головой птицы (совы) и хвостом змеи; по др. — напоминает цыплёнка. Обычно этимологию этого термина связывают с понятием «куй» — змея, трактуемым в

наст. время негативно. Однако это существо не злое, а скорее доброжелательное по отношению к хозяину. Возникает противоречие между положительной и отрицательной трактовками, разрешение к-рого связано с обращением к наиболее древним пластам образа. Этимологию термина «Куйгорож» следует основывать на понятии «Куйгорож пря куй» — уж. В таком случае объясняется его позитивное отношение к людям, ибо в сознании древнего человека безвредный уж противостоял злым змеям. По мере развития общества образ ужа претерпел существ. трансформацию. Видимо, именно на его основе сформировался мифол. образ К. — полузмеи, полуптицы, в к-ром двойств. характер змеиной темы в мордов. мифологии просматривается наиболее ярко.

Наличие у К., Т. совиной головы указывает на его связь с нечистой силой, т. к. традиционно в образе совы видели воплощение чёрта. Подтверждением тому служит утверждение В. Н. Майнова, что для обозначения нечистой силы наряду с именем «Шайтан» мокшане употребляли слово «Корож».

К., Т. функционально близок к рус. дворовому демону — «дворовику». Имеется и внеш. сходство: дворовик днём представляется как змея с пугающей головой.

Реконструкцию мифол. образа К., Т. осуществила Н. Г. Юрчёнкова. Сценич. воплощение он нашёл в пьесе В. И. Мишаниной «Куйгорож» (1994; реж. А. Чакин). Лит. интерпретацию образа дал В. А. Юрчёнков в сказке «Куйгорож» (2012). Изобразит. воплощение К. получил в рис. А. С. Алёшкина, С. В. Нестеровой, картинах Н. В. Рябова и Ю. А. Дырина. На основе мордов. сказок о К. снят мультипликац.

фильм. Существует творч. объединение «Куйгорож».

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5, 6.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этнogr. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Юрчёнкова Н. Г. Куйгорож: опыт расшифровки архаического мифологического образа // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä 10 — 15.8.1995. Jyväskylä, 1995. Pars 2 ; Её же. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Алёшкин А. С. Куда ушли боги мордвы : Герои мордов. мифологии. Саранск, 2012 ; Юрчёнков В. А. Сказки Норовы. Саранск, 2012 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КУКУ́ШКА (м. Куку, э. Куко, Инекуко), одна из наиболее мифологизиров. птиц в мордов. традиции. Звонкое кукование — характерная черта, давшая, видимо, основу назв. птицы в рус., мордов. и мн. др. евразийских яз.

В мордов. фольклоре К. прежде всего представлена как вестница весны. В эпич. и лирич. песнях она вместе с др. птицами указывает на признаки оживления природы: поёт «...на первой почке... / На первом листке первой почки» («...тарадонь васень... цюцёвсо, / Цюцёвонь васень лопасо» — УПТМН, т. 2, с. 78). Прилетая с юга,

К. приносит на крыльях тепло, радость и веселье. В мифол. песне фигурирует кукушечка — один из трёх вывед. Иненармунь (см. *Великая птица*) птенцов, к-рые своими звонкими голосами будят весной спящую природу, селян и вызывают их к жизни и труду.

В песне «Костонь кукушкась куколеньсь» («Где кукушка куковала») К. представлена как вещая птица: «Чи лисема ёнов кукорды — / Сюронь чачмодо маряви...» — «На восток обернувшись, кукует — / Слышно о богатом урожае...», «...Обед ёнов кукорды — / Цёрань чачмо маряви...» — «На юг обернувшись, кукует — / О рождении парней слышно» (Там же, с. 79, 80).

Особое расположение к К. мокшане и эрзяне выразили при описании её внешности. Восхищаясь К., народ даёт следующую портретную характеристику птицы: «Вай, пецят-пецят лангсонзо, / Якстере кемть пильгсэнзэ... / Да парсей цёко коклацэсэ, / Эй да, сырнес навазь нернезэ» — «Ой, серая, с крапинками она с виду, / В красные сапоги она обута... / Словно шёлковая кисть её хохолок, / Словно позолочен её клюв» (Там же). Такое детальное изображение говорит о том, что мордва с любовью относится к К. и стремится подчеркнуть её необычность.

Образ К. встречается в эрз. свадебном обряде. Невеста, возвращаясь из бани вместе с подругами (см. *Баня девичества*), стоя у крыльца, в причитании обращается к матери и сравнивает себя с несчастной К.: «Чувтость прясо, авакай, / Грешной куко кукорды, / Пайстому куко кукорды. / <... > / Се кукось, авай, мон улян...» — «На вершине дерева, матушка, / Несчастливая кукушка кукует, / Бездольная кукушка кукует. / <... > / Эта кукушка, матушка, — я...» (Евсевьев М. Е.,

Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 170). Здесь невеста предстаёт несчастной и обездол., т. к. не по своей воле покидает родной дом и расстаётся с *девичеством*. Сравнение невестой себя с К. в мордов. причитаниях имеет сходные черты с рус. легендами, где несчастная женщина превращается в К. Изгнанная родителями дочь и теперь летает над землёй, издавая жалобные крики.

В мордов. паремич. творчестве образ К. связан с различными природными явлениями, приметами и поверьями. Среди эрзян до сих пор сохранилось поверье о том, что кукование К. в безлистном весеннем лесу предвещает неурожай. В загадках мудрый народ представляет К. так: «Иневедень томбале / Матя юватъкшни» — «За морями, за долами / Мотя кричит», «Эрь кизоня сай, / Лиянь пизос сувай» — «В каждое лето приходит, / В чужое гнездо заходит» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 62).

Мордов. нар. традиция связывает с именем К. нек-рые назв. растений: куконь кота (сочевичник весенний, или чина весенняя) и куколокшо (ландыш). К сожалению, сейчас трудно точно установить, почему растения так наз. Сочевичник весенний, видимо, получил назв. «куконь кота» потому, что цветок по форме похож на башмачок, а цветёт он одновременно с первоцветами, т. е. во время начала кукования К. Назв. ландыша ассоциируется с именем К., вероятно, из-за длины стебля или листьев, цветёт он с конца весны до середины лета — в период пения К.

Реконструкция мифол. представленной мордвы о К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965 ; Устно-поэтическое

творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

М. Н. Салаева.

КУЛДУРКА́ЕВ Яков Яковлевич (22.10.1894, с. Лобаски ныне Атяшевского р-на РМ — 28.7.1966, там же), поэт. Окончил Саранское реальное уч-ще (1912). Работал табельщиком в орг-циях Транссибирской ж. д. вблизи Амура, откуда был призван в армию (1915). В 1917 служил в Красной армии. После Гражд. войны — бухгалтер, ревизор на пр-тиях г. Москвы. В 1938 репрессирован. Ок. 20 лет провёл в лагерях Коми АССР, Новгородской и Джамбульской (Казахстан) обл. В 1958 реабилитирован. В 1928 в газ. «Якстере теште» («Красная звезда») напечатал отрывок из поэмы-сказки «Эрьмезь и Котова», к-рая стала сюжетной и идейно-эстетич. основой поэмы «Эрьмезь».

К. написал «Эрьмезь», подражая стилю нар. песен, используя устно-поэтич. символику и опираясь на фолькл.-мифол. мирозерцание. Это наполнило поэму очарованием нар. эстетики, а описание событий, связ. с именами мокш. (Пурейша) и эрз. (Пургас) князей нач. 13 в., пробуждало у современников писателя ист. переживания. Произв. стало популярным и приобрело славу. «Эрьмезь» имеет подзаголовок — «Ёвкс кезэрень пингде» («Сказка о древних временах»). Тем самым подчёркивается, что это не ист. поэма, а поэма-сказка, содержание

к-рой составляет фантастич. вымысел. К. двигало желание создать худож. концепцию мордов. истории, при этом он отталкивался от представлений жителей своего села, сохранившего с ней генетич. связь.

Н. Г. Юрчёнкова рассматривает «Эрьмезь» как произв., «сюжет которого фантастичен» (Юрчёнкова Н. Г., Мифология в культурном сознании мордовского этноса, Саранск, 2002, с. 88). А. Г. Борисов видит в этом произв. ист. поэму, напис. на основе нар. *легенд* и преданий. В таком же ракурсе представляет его Н. В. Зиновьев. «Эрьмезь» — социально-бытовая поэма с элементами волшебной сказки. Эстетика её гл. персонажа зависит от его общения с демонич. силами, к-рые в поэме находятся всюду, словно ими наполнен весь мир. Увлечение *демонологией* вносит в поэму ощущение психол. безысходности, отсутствия жизн. перспективы, никчёмности и бесцельности существования. Трансформировав «мифологические образы в сказочные и лишив их при этом божественности, автор ставит их в антагонистические отношения с человеком. В поэме они выступают не покровителями и заступниками Эрьмезя, а его противниками» (Юрчёнкова Н. Г., Указ. соч., с. 103). Эрьмезь и Котова как простые жители эрз. земли прекрасны, но они превращаются в жертву ничтожных обстоятельств, будучи не способными противостоять им. Это происходит потому, что они неконцептуальны, до конца не определены художественно и идеологически.

К. драматизирует прошлое, гиперболизирует отсталость эрзи, заставляет русских издеваться над ними так, как это делали летописные обры со славянами: «Лангост рузт ардтнильть, вирьстэ пенгть ускильть»

(Кулдуркаев Я. Я., Эрмезь, Саранск, 1935, с. 12) — «На них русские ездили, из лесу дрова возили». К. включает в поэму обряд гадания (Котова бросает в воду *венюк* и смотрит: прибьёт к берегу или утонет), а также легенду о *Ведяве*, рассказ. Эрмезю матерью. При этом истинный образ Ведявы искажается, приобретая черты рус. русалки. К. игнорирует подлинную природу Ведявы как божества воды, любви и брака, превращает её в демонич. существо, чертами к-рого она отчасти наделялась в демонологии нач. 20 в. По сюжету Пурейша обещает Эрмезю, сыну Пургаса, свою дочь Котову, если он достанет кочедык, к-рый сам плетёт лапти. Данная деталь вызывает параллель с образом Сампо в карело-фин. эпосе «Калевала».

Организуя действие произв., К. использует популярные сказочные клише. В частности, возникает традиц. распутье, обычно стимулирующее героя определить жизн. цели, что, в свою очередь, позволяет раскрыться его внутр. силам, о к-рых он не всегда подозревает. Так, Эрмезь, отправившись исполнять задание Пурейши, оказывается у развилки трёх дорог. Однако в отличие от сказочного героя, всегда делающего тот или иной выбор, Эрмезь не знает, в какую сторону отправиться, и от тяжкого раздумья засыпает. В полночь он просыпается от содрогания земли и видит старуху, оседлавшую свинью. Старуха вынуждена выслушать юношу, т. к. скоро запоют петухи, и тогда она окоченеет прямо на дороге. Старуха сажает Эрмезя на свинью и везёт в лесную избушку, где поит, кормит и укладывает спать, а в следующую полночь выводит на дорогу, ведущую к владельцу чудесного кочедыка. Этот отрывок со-

держит характерный сказочный элемент. Герой сказки, прежде чем выполнить данное ему поручение, встречается с Бабой-ягой, играющей роль посредника между ним и третьим миром, являющимся целью путешествия. Отметим, что в «Эрмезе» манера обращения колдуньи с незванным гостем отчасти соотв. формуле поведения рус. «Яги-дарительницы» (В. Я. Пропп), к-рая, как правило, без особого давления со стороны героя помогает ему.

Эрмезь добывает волшебный кочедык, используя распростран. в сказочном мире способ: валит толстый дуб, делает посередине ствола расщелину и вставляет в неё клин, затем вкладывает туда ладони, делая вид, что греет руки. Старик-колдун решает повторить его действия и оказывается пленником дерева. Т. о., складывается уникальная ситуация: хозяин леса, управляющий его животным и растительным миром, становится на какое-то время зависимым от него.

Родители Котovy в соотв. с традиц. правилами готовят для героя ещё одно испытание — он должен добыть челнок, к-рый сам прядёт нитки. Эрмезь выходит на знакомую дорогу и засыпает. В полночь появляется обманутый им старик, оседлавший слепого жеребца. Под давлением обстоятельств он помогает Эрмезю: отправляет его к своей сестре, владелице волшебного челнока, живущей на острове посреди великой реки. Река не пропускает героя, тогда он ударяет по воде палкой и неожиданно появляется мост от берега до острова. Молодец обманом завладевает волшебным челноком. Жена Пурейши придумывает новое испытание — временем и расстоянием: свадьба может состояться только через год. В опис. событиях К. полностью уходит в демонологич.

сказку, к-рая сродни быличке, и заставляя героя действовать в запредельном мире, давая ему поручения, усиленные только сказочному персонажу. Писатель стирает границы между реальным и фантастич., между действительным и волшебным мирами, между фольк. сказкой и авторской эпич. поэмой. В фольклоре, эпич. песне, волшебнo-фантастич. сказке и обрядовых жанрах мирозерцание мордвы свободно от демонологии и имеет идеологически нейтральное, стихийно-материалистич. сознание. Даже в волшебнo-фантастич. сказке персонажи из реального человек. мира не совершают волшебные и чудесные действия, они остаются прерогативой их пом. чародеев. У К. эти действия выполняет сын кн. Пургаса. При этом нарушаются законы жанра, поэтика и эстетика фольклора и лит-ры.

К демонологич. персонажам примыкает пом. и товарищ Эрмезя свинопас Дыдай, обещающий сосватать Котову. Живя в мире людей, Дыдай является владельцем волшебного кнута, превращающего свиней то в могучих жеребцов, то в многочисл. войско, способное противостоять половцам. Почему Дыдай балансирует между миром людей и волшебным миром, автор поэмы не объясняет. Однако все старания Дыдая помочь Эрмезю тщетны, т. к. гл. герой не способен управлять ситуацией, даже волшебные вещи свинопаса он теряет. Поэтому друзья вновь вынуждены искать помощи в запредельном мире — у Модани, демонич. женщины, обладающей титанич. силой. Сын Пургаса просит у неё богатырской мощи, Моданя, в свою очередь, требует, чтобы он женился на ней. Эрмезь отказывается и возвращается в исходное положение. В очередной раз мы убеждаемся, что

Эрмезь — номинальный, а не реальный гл. герой поэмы. Он зависим от обстоятельств, не умеет принимать решения, даже самое незначительное препятствие лишает его способности мыслить и действовать. Услышав сговора Котовы о своей несчастной судьбе, он не находит ничего лучше, как броситься в Суру. Лишь предложение владычицы реки Суравы жениться на одной из её дочерей заставляет его вернуться на берег. Даже решение украсть Котову принимает Дыдай, Эрмезь пассивно подчиняется его давлению. Только в ипостаси воина он проявляет смекалку, ум, храбрость, силу и оказывается способным в одиночку бороться с врагом.

Пурейша находит в лесу могилу колдуньи и требует у мёртвой колдуньи назвать средство, с помощью к-рого можно победить Эрмезя. Колдунья направляет его к своей дочери, советуя украсть у неё длинный волос, размять один его конец и бросить позади Эрмезя. После совершения Пурейшей колдовских манипуляций волос девушки превращается в змея, погубившего сына Пургаса. Вновь автор связывает с именем Эрмезя колдовство, ворожбу, общение с потусторонним миром, зависимость от чёрных сил, словно он не сын реально действовавшего в 12 — 13 вв. князя. Поэма заканчивается включением в содержание мифол. мотивов: Эрмезь и Котова, к-рым не суждено быть вместе в качестве людей, перевоплощаются, принимая образы берёзы и холодного камня.

Писатель создавал это произв., не придерживаясь требований лит. и фольк. поэтики, ориентируясь на эстетику деревни нач. 20 в., в к-рой было ещё сильно влияние фольк. мирозерцания и идеологии. Причина демонизации поэмы К. кроется в особенностях

его сознания и психологии, в увлечённости трансцендентальным, овладевающим людьми в переходные ист. эпохи, во времена обществ. взрывов, когда рушится прежний мир.

По худож. природе Эрмезь — персонаж, не поддающийся типологич. определению, не имеющий аналогов ни в лит-ре, ни в фольклоре. Являясь действующим лицом конкретного времени и пространства, он не подводится под ист. тип героя 13 в. Пургас, отец Эрмезя, нарисован более реалистично, он не связан ни с волшебным, ни с фантастич., не взаимодействует с нечистой силой. Информации о нём в поэме мало, говорится лишь, что он — умный и справедливый правитель и при нём жизнь эрзян приняла благополучный и упорядоч. характер. Мокш. князя Пурейшу К. описывает преим. в чёрных красках, нисколько не заботясь о соотв. его образа ист. прототипу. Пурейша как солнце-бог (Чипаз) сидит в своих хоромах на двадцати подушках, за ним ухаживают сто слуг, угождая каждому его желанию. Когда приходит Эрмезь сватать Котову, инязор, подобно царю волшебной сказки, поручает ему достать волшебные вещи. Пурейша не хочет установления мирных и дружеств. отношений с Пургасом, поэтому противодействует браку дочери с его сыном. Пурейша представлен хитрым и коварным человеком, жертвующим счастьем дочери во имя денег и военной защиты, обещ. ему половцем. Он связан с нечистой силой. Чтобы добыть средство для одоления непобедимого Эрмезя, он идёт к умершей колдунье, начинает копать её могилу и заставляет её проснуться, заговорить и указать человека, к-рый может причинить вред эрз. богатырю.

В плане тематики — военное столкновение Пургаса и Пурейши, вызв. похищением гл. героем Котовы, — «Эрмезь» может рассматриваться как эпико-ист. поэма с элементами героичности. В незначительной мере подспудно в ней есть мироустроительная идея, мотив борьбы за укрепление мордов. государственности. По этой причине данное произв. можно считать одним из шагов на пути к созданию кн. формы мордов. героич. эпоса.

«Эрмезь» — авторская поэма-сказка. В ней использованы нек-рые мотивы волшебн.-фантастич. сказок, однако сюжет, действующие лица, язык и стих — плод худож. фантазии К. Он, как и мн. молодые писатели его времени, пытался подражать фольклору, занимался стилизацией отд. его жанровых форм, выступал в роли своеобразного сказителя. К. пытался использовать в произв. сюжетобразующие элементы волшебной сказки (трудные задачи, задаваемые герою, связь с потусторонним миром, волшебные предметы, помогающие герою и др.), действие в нём развивается по тому же плану, что и в волшебной сказке. Произв., подобные «Эрмезю», очаровывают своей безыскусностью, стремлением наполниться нар. мироощущением, желанием прикоснуться к этнич. истории и увидеть в прошлом нечто, что позволит обрести уверенность в настоящем.

На рус. яз. «Эрмезь» пытались переводить В. А. Гадаев и К. В. Смодин.

Соч.: Эрмезь : Ёвкс кезэренъ эрямо-до. Саранск, 1935 ; Эрмезь : отрывок из эпич. поэмы // Поэзия мордовского края : антология. Саранск, 2012.

Лит.: **Брыжинский А. И.** Яков Яковлевич Кулдуркаев // Тиреинь ёнкс. Саранск,

1993 ; Мордовия, XX век : культурная элита : энцикл. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010 ; **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1964. Т. 3 ; **Борисов А. Г.** Художественный опыт народа и мордовская литература. Саранск, 1977 ; **Зиновьев Н. В.** Человек и время : Мордов. лит-ра и нац. школа. Саранск, 1995 ; **Юрчёнова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Е. А. Шаронова.

КУЛО́МА (м., э.), олицетворение смерти. По воззрениям мордвы, смерть не является прекращением бытия, это особое состояние, в к-ром совершается переход в *загробный мир*. У мордов. народа представления о смерти характеризуются расплывчатостью. По-видимому, первонач. она не была персонифицирована и лишь позднее получила определённое олицетворение: стала выступать в одном из двух воплощений — как птица (чёрный ворон, филин) или как человек. Чаще всего это холодная, суровая, неумолимая женщина. «Смерть чёрная, ненавистная. В одной руке у неё коса, в другой руке яд. Косой перерезала жилы ног, а ядом душу отравила» (УПТМН, т. 7, ч. 2, с. 60). В др. варианте она выступает как безносое и безглазое существо, в костлявой руке к-рого длинная палка с острым железным крючком на конце, предназнач. для ловли душ.

С мифол. представлениями о смерти связаны понятие о *душе*, мн. религ.-магич. обряды: похороны, поминовение (см. *День поминания умерших*), *культ предков* и др. При явных признаках близости смерти родные ставили на окно чашку с *водой*, объясняя

это в одном случае — необходимостью омовения души после смерти, в др. — чтобы К. могла омыть своё оружие (см. «*Вода для души*»).

По воззрениям мордвы смерть неизбежна, но её срок человеку неизв., поэтому она приходит всегда неожиданно. Стремясь угадать это время, обращаются к *гаданию* и приметам. К смерти истолковываются вещие сны: встреча с умершим родственником, выпадение зубов, новый дом и т. п.; необычайные или редкие явления: кукование *кукушки* в сумерки, долгий вой собаки, каркающая *ворона* на *воротах* или крыше *дома*, птица, бьющаяся в окно или залетевшая в дом. Верным признаком скорой смерти в семье считались вздохи и плач божества дома.

Путём обмана или магии пытаются отсрочить или избежать смерти. Кукарекающую курицу необходимо было зарезать, вытащить её горло, сжечь, а пепел разбросать по полю. Сон, предвещавший смерть, может не исполниться, если, проснувшись, засунуть безымянный палец в щель между створками окна и произнести заклинание: «Пусть уйдёт от меня». В мордов. сказках человек придумывает разные причины, чтобы оттянуть момент смерти, хотя К. уже пришла и готова вынуть его душу.

Считается, что лёгкой смертью умирают праведно прожившие жизнь, а грешники уходят из жизни с тяжкими страданиями. Особенно тяжела смерть *колдунов*. Многочисл. обряды-обереги совершали с целью очищения и создания препятствий возвращению К. в дом, селение: при выносе гроба из дверей касались им три раза верх. и ниж. перекладин, втыкали нож или ударяли топором по тому месту, где умирал человек (символизировало отрезание го-

ловы К.); тщательно убирали помещение, в к-ром находился покойный; при входе в дом после похорон участвовавшим бросали под ноги полено и косарь; по возвращении с *кладбища* мыли руки, потом на это место бросали топор, чтобы изгнать К.; все участники похорон мылись в *бане* и т. п.

Под воздействием христианства отношение к смерти у мордвы частично трансформировалось. Она стала рассматриваться как наказание за грехи, как результат, зависящий от моральной оценкой личности умершего, его отношений с окружающими людьми и Богом.

Реконструкция мифол. представлений мордвы о смерти осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; Народные приметы мордвы-мокши / сост. Т. П. Девяткина. Саранск, 1992.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ, одна из ранних форм религии, поклонение духам предков, к-рым приписывали возможность воздействовать на жизнь потомков и

приносили умиловительные жертвы. Причинами возникновения К. п. являлись уважение к умершим и страх перед ними, к-рый могли внушать живым ещё при жизни наиболее влиятельные сородичи — глава племени, рода, большой семьи, выдающийся воин, знахарь, *колдун*, кузнец и др. Затем этот страх был перенесён на рядовых членов рода. У мордвы почитание предков в большей степени проявлялось в обрядах жизн. цикла, в к-рых забота об умершем человеке была связана со стремлением снискать искомое благо или поддержку в к.-л. деле.

В похоронных обрядах одним из проявлений К. п. было «угощение» покойного сразу после его смерти. Никто не приходил в дом с пустыми руками. Обычно несли хлеб, муку, а также деньги. Принес. еду ставили на стол перед умершим, тем самым родственники хотели угодить ему. В то же время данный ритуал символизировал обеспечение покойного и ранее умерших запасами пищи в *загробном мире*, а также испрошение у них благополучия и обилия этих продуктов в земной жизни.

Наиболее ярко К. п. проявляется в поминальном обрядовом цикле мордвы. Поминки проводили по определённым датам или дням смерти, а также в чрезвычайных ситуациях (*засуха*, *болезнь* человека, эпизоотия). При этом предков приглашали помыться в бане (см. *Баня предков*), прийти в дом на поминки, на свадьбу и в др. важных случаях. Данные ритуалы сопровождали «угощением» предков, просили их быть добрыми, помогать своим живым родственникам и потомкам. В этом выражались забота об умерших и стремление задобрить их, заручиться их покровительством. Такой обычай сохранился до наст. времени. В нек-рых

местах до сих пор ходят на *кладбище*, чтобы пригласить предков на поминки или на свадьбу.

Традиционно мордва проводила общинные поминки по всем умершим селения. В этот день также топили баню для предков, готовили разную еду, утром приглашали их на завтрак, а ближе к обеду шли провожать на кладбище. На мн. мордов. кладбищах до сих пор есть общие столы, где собираются все пришедшие туда люди со своими приношениями поминать умерших. Сохраняется также обычай хоронить родственников на определённом родовом участке кладбища. На крестах и сейчас встречаются меты одной формы, но принадлежащие разным семьям рода. Всё это указывает на сохранение у мордвы тесных родств. отношений и выступает одним из проявлений К. п.

На внеочередных поминках почитание умерших имело целью добиться необходимого результата или получить помощь в к.-л. деле. Так, до сих пор изв. случаи совершения молений о дожде, к-рые устраивают во время засухи и на к-рых обращаются как к христ. богу и святым, напр. Николаю Чудотворцу, так и к языч. — Нишкепазу, *Верепазу* и предкам. Часто такое моление проводят на кладбище, где просят предков, чтобы пошёл дождь (см. также *День поминания умерших*).

Мн. элементы почитания предков в похоронно-поминальной обрядности постепенно исчезли из быта мордвы. В 1-й пол. 20 в., напр., перестали оставлять в поле несжатую полосу и забивать для поминок любимое животное умершего. Почти во всех насел. пунктах вместо заместителя умершего (см. *Вастозай, Эземозай*) начали изготавливать чучело или использовать элементы его одежды.

Почитание предков нашло отражение в свадебном и родильном обрядовых циклах мордвы. К предкам обращались при выборе невесты, а затем при её сватовстве. Так, у нижегородской мордвы-мокши, по свидетельству В. Н. Майнова, после назначения времени сговора и свадьбы родители будущих супругов устанавливали на стол свечу и молились Богу «...как следует при почине всякого дела, а затем... и по-старинному, с поклонами и поднятием рук от себя вверх, чтобы Юртазырава, Кудазырава и умершие предки благословили вступающих в брак, ради чего и приносят им жертву, состоящую из хлеба и соли, которые ставят под порог, где помещаются мордовские пенаты (божества. — М. В.)» (Майнов В. Н., Очерк юридического быта мордвы, Саранск, 2007, с. 84 — 85). Предков обязательно приглашали на свадьбу. Накануне её, начав традиц. причитания, невеста должна была обратиться за благословением не только к верховным богам и божеству семейного очага, но и к «предкам мужского и женского пола» (Там же, с. 123). В доме родителей невесту выводили на «чистое место» (ванькс таракс) — к передним воротам или в огород, прощаться с предками своего рода и просить у них благословения. Туда же её выводили в доме *жениха*, но уже для представления родовым предкам мужа. Подробное описание такого «знакомства» привёл М. Е. *Евсеев*: «С собой берут стопу блинов, яичницу... мяса, бутылку вина, ведро пива, а невеста несколько кусков белого холста для даров предкам. (В старину невеста дарила покойникам рубашки, штаны, кокошники, портянки и проч.) Раскладывают принесённые припасы на разостланной скатерти, и одна из старух произносит: <...> „Прадеды

и прабабушки, да будет ваше благословение! Вот мы взяли сноху — полюбите её, чтобы она могла и вечером поздно входить (в дом) и утром рано выходить, ваши красивые имена помянуть, земную пыль с вас стряхивать. Вот её дары-почёты. Старуха Прасковья, вот тебе головной платок. Старик Иван, вот тебе рядные штаны. Мы пируем — пируйте и вы: вот вам цвета серебра напиток (вино); вот от хлебной силы напиток (пиво). Вот напекли для вас блинов, вот мясо“... Перечисляет все кушанья, отрывает от каждого из них по кусочку и бросает в пятую ворот, а остатки сами съедают» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 301 — 302). Дары, предназнач. предкам, затем отдавали нищим.

По отъезде свадебного поезда неск. пожилых женщин выходили на улицу с *блинами*, яйцами, пирогом, бутылкой вина и ведром пива, стелили на траве скатерть, раскладывали всё принес. и, обратившись лицом на восток, начинали молиться предкам. Одна из женщин вслух просила их защитить поезд от злых людей и колдунов, чтобы какими здоровыми они уехали, такими же вернулись обратно. Во время молитвы женщина перебирала все продукты, каждый из них брала в руки и, покачав немного, клала на место. После этого брала медную копейку и, скобля по ней ножом, говорила: «Вот вам, прадеды и прабабушки, пуд меди, пуд серебра, может быть, вы нуждаетесь в деньгах, — примите их»; взяв кусок мяса, производила: «Вот для вас закололи быка, ешьте сами, угостите и знакомых своих»; налив стакан пива, говорила: «Вот вам бочка пива, пейте» (Там же, с. 110). При этом от каждого кушанья она отделяла по кусочку и клала на землю для предков, для них же отли-

вала неск. капель вина и пива; остальное съедали и выпивали сами.

У мордвы-мокши Темниковского у. Тамбовской губ. свадебный поезд при возвращении домой с невестой останавливался ок. кладбища — помянуть родителей. В нек-рых местах до сих пор невеста ходит на кладбище за благословением умерших родителей.

К предкам обращались при бесплодии, после рождения ребёнка и в др. случаях, делали им *жертвоприношение*. Одним из проявлений К. п. в родильном обряде выступает обычай давать новорождённому имя деда, умершего брата, бабушки, тёти и др. родственников. Этот обычай сохранился до наст. времени (см. *Детские обряды и мифология*).

По поводу рождения ребёнка мордва и удмурты устраивали моление хлеба (кши ознома). Во время него зажигали свечу, клали на стол каравай хлеба, соль и молились Богу и предкам, к-рых просили, чтобы ребёнок остался живым и здоровым.

В наст. время К. п. в обрядах свадебного и родильного циклов проявляется в значительно меньшей степени, чем в похоронном и поминальном. Причинами, способствовавшими этому обстоятельству, стали быстрое распространение правосл. свадебного обряда и близкое соседство мордвы и русских, в результате чего произошло смешение обычаев и обрядов обоих народов.

Почитание предков как хранителей традиц. образа жизни этноса, так или иначе наказывающих потомков за нарушение установл. обычаев, у мордвы является весьма устойчивым ритуалом. При этом он тесно связан со мн. сторонами жизнедеятельности народа, переплетаясь, напр., с аграрным культом, религ.-магич. практикой, знахар-

ством и этномедициной, что объясняет сохранение его элементов в быту мордвы до сегодняшнего дня. Процесс трансформации К. п. был обусловлен не только изменением этноконфессиональной ситуации, в частности принятием христианства, но и социально-экон. и культурными преобразованиями. В наст. время элементы К. п. бытуют у мордвы как в изнач. виде, так и в синкретич.

Лит.: **Шишло Б. П.** Истоки культа предков. Л., 1972 ; **Токарев С. А.** Религия в истории народов мира. М., 1976 ; **Его же.** Ранние формы религии. М., 1990 ; **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М., 1981 ; **Пучков П. И.** Интегрирующая и дезинтегрирующая роль религии в этническом процессе // Расы и народы. М., 1991 ; **Басилов В. Н.** Предков культ // Религиозные верования : Свод этногр. понятий и терминов. М., 1993 ; Народы России : энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М., 1994 ; **Иллюстров М.** Обряды мордвы при погребении и поминовении умерших и вероучение их о загробной жизни // Пенз. епарх. ведомости. 1866. № 3 ; **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Беляева Н. Ф.** Родильные обряды мордвы-мокши Атюрьевского района Мордовской АССР (конец XIX — начало XX в.) // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 71) ; **Федянович Т. П.** Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1990. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 100) ; **Её же.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы). М., 1997 ; **Зинкина М. С.** Культ предков как одна из форм религиозных верований мордвы // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы : материалы I Сафаргалиев. науч. чте-

ний. Саранск, 1997 ; **Волкова М. С.** Почитание предков в поминальном обряде народов Поволжья и Приуралья // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П. Д. Степанова. Саранск, 1998 ; **Её же.** Проявления культа предков при проведении внеочередных поминок у мордвы // Культурная целостность и толерантность поволжской этничности в современном цивилизационном пространстве. Самара, 2000 ; **Её же.** Культ предков в религиозных верованиях мордвы : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2001 ; **Её же.** Религиозно-магические действия в похоронном обряде мордвы // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2005 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000.

М. С. Волкова.*

КУ́РИЦА (м., э. **Сараз**), домашняя птица, почитаемая мордвой. Является одним из персонажей мифа об *Анге Патяй* в работе «Остатки мордовской мифологии» В. Н. Майнова. Согласно этому мифу Анге Патяй всем домашним животным предпочитала К., т. к. только она подчинилась приказу богини плодоносить каждый день, чем заслужила её особое расположение. Чтобы вознаградить К. за послушание, Анге Патяй разрешила ей нести яйца без ограничения. Своим кудахтаньем,

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013).

к-рое всегда сопровождает кладку яиц, К. как бы сообщает богине, что она исполняет свой долг и скоро снесёт очередное яйцо. Считают, что К. и яйца — самая приятная жертва Анге Патяй, поэтому, чтобы получить её расположение и покровительство, жертвуют именно их.

В крест. хоз-ве большая польза от К., поэтому её любят и оберегают. Существуют особые приметы, связ. с её поведением: «Курица сбросила хвост — нестись больше не будет», «Принесёшь с поля камешки — куры перестанут нестись», «Курица весь день кудахчет — клушкой готовится стать».

В сказках народ наз. эту птицу ласково — «курочка», в песнях так именуют самую скромную и трудолюбивую девушку.

Реконструкция мифол. представлений мордвы о К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Народные приметы мордвы-мокши / сост. Т. П. Девяткина. Саранск, 1992.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

Н. Г. Юрчёнкова.

КУРНИК (м., э.), свадебный пирог. Начинкой обычно являлись пшённая каша, свар. на молоке, яйца и курица. Сверху пирог украшали фигурками из птиц и завитками из теста, веткой дерева — сосны, ели или берёзы, а также лентами и бумажными

цветами. Назв. заимствовано у русских. Начинка — курица представлялась носительницей жен., материнского начала. В свадебном обряде и фольклоре мордвы К. бытовал наряд с лув кши. Долгое время они практически не дифференцировались и понимались как многослойный пирог. К 50-м гг. 20 в. сохранился только К. Верх., украш. часть К. — сюрмень (плодоносящая ветка), заключавшую в себе по поверьям силу хлеба, будущее плодородие, сваха после свадьбы прикрепляла к изголовью новобрачных как залог семейного счастья и деторождения. Сегодня К. по-прежнему встречается на мордов. свадьбе, однако начинка чаще всего бывает из творога, а его обрядово-символич. функции утрачены.

Лит.: Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

КШНИНЬ А́ТЯ (м., э. кшни «железо», атя «старик»; букв.: железный старик), мифол. персонаж, фигурирующий в осн. в *заговорах от ведунов*. Обитает где-то за морем. Описание его внеш. облика достаточно детально: «...кшнинь карть пильгсэнзэ, / Кшнинь карькст карьсэнзэ, / Кшнинь одёжа лангсонзо, / Кшнинь прясо черензэ, / Кшнинь кургсо сакалонзо...» — «...железные лапти у него на ногах, / Железные оборы у него в лаптях, / Железная одежда на нём, / Железные на голове волосы, / Железная у него борода...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 259 — 260). К нему обращались с просьбой снять порчу, к-рую он смахивал «железной палкой», сметал «железным

веником» и загонял в «большую воду». Образ К. а. аналогичен образу серебряного старика, также фигурирующего в *заговорах*. Попытки нек-рых исследователей трактовать его как божество железа и кузнечного дела лишены оснований.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Н. Г. Юрчёнкова.

Л

ЛАРИО́НОВ Семён Арсентьевич (предположит. кон. 19 в., с. Нов. Тепловка Бузулукского у. Самарской губ. — дата и место смерти неизв.), мордов. крест. литератор и сказитель, соавт. Т. Е. *Завражнова*. Он характеризовал Л. как человека очень грамотного и с хорошей памятью, нек-рое время работавшего писарем. В 1907 Л. было ок. 35 лет.

Соч.: Мордовская история ; Мордовская земля // Живая старина. СПб., 1909. № 2 — 3 (в соавт.) ; Мокшэрзянь литературань антология: XVIII — XX векне. Саранск, 2003 (в соавт.).

Лит.: **Шахматов А. А.** Из области новейшего народного творчества // Живая старина. СПб., 1909. № 2 — 3 ; **Алёшкина С. А.** Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект — 1990 : Исследования по мордов. лит.-ре. Саранск, 1991 ; Мокшэрзянь литературань антология...

И. И. Шеянова.

ЛЭБЕДЬ (м. **Локсти**, э. **Локсей**), любимая птица Нишкепаза, исполнительница его поручений. Являясь по-

сланницей неба, регулирует отношения между божествами и людьми. По представлениям древней мордвы, «...когда лебедь поднимается в небо, складывает крылья и падает на землю, он сливается с землёй и увеличивает плодородие. Убийство лебеда... являлось тяжким преступлением», т. к. эта птица рассматривалась «в неразрывной связи с родом людей» (Шуляев А. Д., *Жизнь и песня*, Саранск, 1986, с. 110).

Народ с любовью воспел образ Л. в песнях, подчёркивая связь этой птицы как с землёй, так и с небом: «Нармунесь паро — лебедесь, / Нармунесь вадря — лебедесь. / Пазонь вечкема нармунесь...» — «Птица хорошая — лебедь, / Птица прекрасная — лебедь. / Богом любимая птица...» (Евсеев М. Е., *Избр. тр.*, Саранск, 1961, т. 1, с. 209, 211). При описании внешности Л. мокшане и эрзяне свои симпатии к этой птице передали через яркие, выразительные сравнения: «пижень турба кирьгазо» — «словно медная труба... шея», «пижень яндава тутмазо» — «словно медная братина, зоб», «сияс навазь нерь пезэ, / Сырнесэ оложазь нерь пезэ» — «как серебряный, клюв... / Кончик клюва... позоло-

ченный», «раужос навазь пильгензэ» — «словно в чёрных чулках... ноги» (УПТМН, т. 1, с. 39, 41). Во всех произв. мордов. фольклора Л. показан в белом оперении — «ашо ловне нармуненть сёлмонзо...» — «белоснежные у птицы крылья...» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., т. 1, с. 209, 211). В этом заключается глубокий символич. смысл: белый цвет ассоциируется с чистотой, святостью. Внеш. описание образа Л. является отображением его внутр. мира — мудрости и доброты.

В свадебной поэзии в образе Л. показаны невеста и её подруги. Кудава (сваха) в величальных песнях наз. девушек лебединой стаей — «адя мольтянок, уредев, ашо лебедь полкостень», а невесту — помеч. лебедушкой — «адя вансынек, уредев, кона лебеденть тарадс чалгазь пильгензе» (Евсевьев М. Е., Мордовская свадьба, Саранск, 2012, с. 191). Здесь также подчёркиваются необычность, исключительность птицы, связ. со светлым, чистым началом.

В эпич. и лирич. произв. широко изв. образ девы-Л. Происхождение её необычно: она — дочь лесного колдуна. Дева-Л. становится возлюбл. юноши, похитившего во время купания её лебединую одежду. В эпич. традиции чудесно рожд. дева-Л. вступает с человеком в брачный союз только после похищения её лебединого оперения. Такой способ овладения оперением (одеждой) имеет символич. смысл — девушка покоряется жениху. Этот мотив звучит в мокш. песне «Алдась эшеляй вирень рощасо» («Авдотья купается в лесу, в роще»), в эрз. — «Дон-дон» и др. В лирич. песнях данная ситуация трактуется иначе: кража или прятанье одежды рассматривается как откровенное объяснение в любви.

Реконструкция мифол. образа Л. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

См. также *Ашо Локсей*.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1 ; 1966. Т. 5 ; **Его же.** Мордовская свадьба. Саранск, 2012 ; **Шуляев А. Д.** Жизнь и песня. Саранск, 1986.

М. Н. Салаева.

ЛЕГЕНДА, форма сказочной прозы фольк. творчества мордвы, мифол. или фантастич. рассказ о к.-л. событии. В рус. дорев. и сов. науке о фольклоре термин «легенда» применялся в большинстве случаев к произв. христ., библич. тематики, иногда к сюжету о персонаже, не связ. непосредств. с религ. культурами и существованием к-рого не подтверждается ист. док-тами. В иссл. мордов. фольклористов, историков и философов 20 в. (Л. С. Кавтаськин, К. Т. Самородов, Л. В. Седова, Н. Ф. Мокшин, В. А. Юрчёнков, Н. Г. Юрчёнкова и др.) выделяются наиболее крупные тематич. группы Л.: космогонич. — о сотворении мира, вселенной и взаимоотношениях *богов* и людей, с переплетением языч. и христ. мотивов; Л. о происхождении животного и растительного мира и их свойствах; ист. — о событии или конкретном человеке. В целом мордов. Л. представляют собой короткие и несложные по структуре рассказы, отличающиеся, как и др. произв. сказочной прозы (предание, *быличка*), нечёткими жанровыми границами, тем не менее отражающие достаточно явств. признаки индивидуально-личностного и

как следствие — обществ. отношения к конкретным мифол. персонажам, бытующим в большинстве образов устно-поэтич. творчества народа. Важная функция Л. состоит в фиксации морально-этич. образа богов, их деяний, несущих созидательное начало и являющихся примером для земного существования, дающего возможность разнопланового ист., культурологич. и филос. осмысления духовного пространства мордвы.

Несмотря на сложившуюся традицию восприятия самим рассказчиком и слушателем Л. как достоверного в достаточной степени источника информации, гл. героями в них часто выступают сверхъестеств. персонажи. Они предстают либо пом. человека-труженика, либо наказующей силой для злых и недобросовестных людей или *животных*, отражая тем самым определённые черты характера данного персонажа, ставшие частью его образно-мифол. восприятия. Так, в одной из Л. возникает спор между змеей, стремящейся ужалить, навредить человеку, и Ангелом, пытающимся отвести беду. В развязке Л. появляется противоядие — змеиная трава (э. гуй тикше), к-рую в реальной жизни мордва применяла для лечения от укусов змеи. Сходный положительный образ высших сил создаётся в Л. «Колмоце спас» («Третий спас»), где в качестве гл. действующих лиц выступают христ. *Илья-пророк* и старший Бог, к к-рым обращаются слепни, прося у них «плату» за то, что всё лето гоняли коров и лошадей — осн. пом. в жизни простого человека. В «награду» слепни получают приговор — с наступлением третьего Спаса они должны исчезнуть.

Др. отличительная черта мордов. Л. — основа, в качестве к-рой берутся частично заимствов. из фольклора

рус. либо др. народов религ. сюжеты, являющиеся апокрифич. по своему характеру, дополняется элементами традиц. мифол., космогонич. представлений. Так, в мокш. варианте распростран. у фин.-угор. народов Л. о появлении первого человека Бог ходил по земле, где был чудо-пень, стоявший тридцать лет без рук, без ног и без глаз. Подойдя к нему, Бог увидел, что пенёк похож на человека. Обратившись к нему, он сказал: «— Дашь немного водички? — Я не могу ни ходить, ни брать. Бог говорит: — Ты попробуй, попробуй! Встань! Пенёк стал шевелиться, у него появились руки, ноги, глаза, и он смог принести воды» (НА НИИГН, ф. Л-415, л. 106). В Л. о создании *звёзд* Верховный бог предстаёт не только *демиургом*, но и положительной, рациональной субстанцией — он рассеял их по небу так, что получился Млечный путь, по к-рому сверяют свой полёт птицы.

Для мордов. Л. характерно наличие комментариев бытового, реалистич., геогр. и биограф. характера, способствующих усилению эффекта правдоподобия повествования. Такие заостряющие внимание на истинности Л. вставки располагаются в начале рассказа: «Одна старушка рассказывала...», «Рассказывают так...», «Там, где Сура делает поворот, есть глубокий-преглубокий омут...» или в середине, в качестве подтверждения отд. эпизодов: «И бабушка моя рассказывала: когда она была маленькой, сосна такой же большой была. Хотели срубить, да из сосны кровь начинала течь. Так и оставили несрубленной» (УПТМН, т. 10, с. 42). Доп. комментарием «правдивого» текста, отражением собств. отношения к нему рассказчика служит также послесловие к Л., часто не имеющее прямой связи с её сюжетом и ста-

вящее точку в повествовании: «Так и получилось», «Так моя мать рассказывала», «Такая легенда живёт давно, её знает любой человек» и др.

В худож. лит-ре Мордовии жанр Л. представлен в осн. переработ. произв. Ф. С. Атянина, В. К. Абрамова, В. И. Мишаниной и др.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-415, Л-915 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Из глубины веков : легенды, предания, былички и устные рассказы мордов. края / [сост. Л. В. Седова]. Саранск, 2011.

Лит.: Атянин Ф. С. Серебряное озеро : рассказы, сказки, легенды, повести. Саранск, 1970 ; 1986 ; Мордовское устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975 ; Мишанина В. И. Серебряная ракушка : легенда // Мордовская литература. Саранск, 1990. Ч. 2 ; Абрамов В. К. Легенда о серебряном всаднике : поэма. Саранск, 1996 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. В. Зубов.

ЛЕПЁХИН Иван Иванович (10(21). 9.1740, г. С.-Петербург — 6(18).4.1802, там же), рус. путешественник, натуралист. Академик Петерб. АН (1771). Учился в ун-те при АН (1760 — 62). Окончил Страсбургский ун-т (1767), где был удостоен степени д-ра медицины. По возвращении в Россию участвовал в академич. экспедициях, имевших целью изучение Урала, Зап. Сибири, Поволжья (1768 — 72), сев.-зап. и зап. земель России (1773). Рук. 2-й академич. (Оренбургской) эксп. (1768 — 69), маршрут к-рой включал

терр. Поволжья (Муром — Арзамас — бассейны р. Пьяна, Сура — Симбирск — Черемшанская крепость — Саратов — Царицын). В 1774 — 1802 — директор Ботанич. сада АН, одновр. в 1777 — 94 — директор Академич. гимназии. В 1783 — 1802 — непр. секретарь Рос. академии.

Материалы экспедиций, представляющие собой дневниковые записи Л., содержат разнообразные сведения о мордве. Говоря о её религ. воззрениях, он констатировал, что народ верит во «... всевышнее существо, обитающее на небе, которое надо всем земным господствует» и от к-рого «... происходят вся благая помощь и защита людям» (Лепёхин И., Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, СПб., 1771, с. 167). В то же время, отмечал Л., мордва опасалась злых духов, к-рые «... живут в водах и единственно стараются о вреде людям...» (Там же, с. 168).

Исследователь дал детальное описание места — керемети и ритуала *жертвоприношения* у мордвы. По его словам, кереметь представляет собой «...четвероугольную площадь, тыном или пряслами огороженную, и имеет трой ворота: с востока, запада и севера. С восточной стороны вводят... жертвенной... скот, в западные ворота входят люди, а через северные приносят воду. <...> Неподалёку от восточных ворот вкапывают три столба, из которых к одному привязывают жертвенную лошадь, к другому быка или корову, а к третьему овец... При западных воротах врывают ещё три столба... По введении жертвенного скота привязывают оной прежде к восточным столбам, потом закалают при западных. По заклатьи жертвы кожи животных развешива-

ют на восточных столбах, на которых кожи мелких животных исчезают, а крупных... продают и покупают на оные деньги соль для будущего богомолия. В сторону от западных ворот поставляют калду или повет, посредине которой врывают два столбика с поперешником, дабы удобно можно было навешивать котлы для варения закланых животных... У северных ворот сделан полок или широкая лавка, на которой они разрезают сваренное мясо на столько кусков, сколько богомольцев...» (Там же, с. 162 — 164). Л. отмечал, что керемети сооружали в лесу, рядом с ручьём, и объяснял это следующим: «...для возбуждения потомков своих к люблению лесов, дабы тем удовлетворить их сохранению... а не для сокращения себя от иноверцев, как некоторые пишут: ибо кому не известно, что уже в самую глубокую древность язычники чрез такой набожности предмет сохраняли свои леса...» (Там же, с. 162). Тем самым Л. подчёркивал важную роль леса в системе духовных воззрений мордов. народа.

Л. зафиксировал традиц. моления мордвы и привёл неск. молитв, запис. им по-мордовски. Они содержали просьбы о хорошем урожае, увеличении рода, а также поголовья скота, ниспослании здоровья и благополучия.

Характеризуя комплекс мордов. обрядности, исследователь отмечал, что календарные обществ. моления совершали «...во время недороду хлеба... также в изобильные годы в знак своей благодарности, когда уберутся с хлебом в ноябре... во время засухи, мокроты и поветрия» (Там же, с. 166).

Представляет интерес свидетельство Л. о поклонении мордвы наряду с языч. божествами солнцу и луне: «Они солнце и луну не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу

в начале весны, когда хлеб сеют, а луне в новолуние, с той только разностию, что сим своим божествам не самажнюю свою жертву, упитанного жеребца, приносили, но других животных, как то овец, гусей и прочая...» (Там же). При этом солнцу и луне морд-ва адресовала специальные молитвы.

Л. отметил влияние христианизации на религ. верования мордвы, вобравшие в себя элементы правосл. культуры. Это нашло проявление, напр., в почитании Николая Чудотворца, к к-рому обращались со специальными молитвами.

Довольно детально Л. описал обряды жизн. цикла мордвы. В них, по мнению исследователя, ключевую роль играли языч. воззрения и традиции мордов. народа. Л. свидетельствовал о бытовании в прошлом у мордвы левирата и сорората, кросскузенных брачных отношений, полигинии, умыкания, пережитков элементов матрилинейности не только в терминологии родства и нек-рых обрядовых чертах, но и в традиц. религ. воззрениях; в роли брата как покровителя *женщины* и до изв. степени хозяина её судьбы, к-рый передаёт её в новую семью.

Соч.: Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства... СПб., 1771 — 1800. Ч. 1 — 3 ; 1805. Ч. 4.

Лит.: **Фрадкин Н. Г.** Путешествия И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева. М., 1948 ; **Лукина Т. А.** Иван Иванович Лепёхин. М. ; Л., 1965 ; Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 14 ; **Мокшин Н. Ф.** Расселение и этнический состав мордвы в XVIII в. (по трудам участников Академических экспедиций 1768 — 1774 гг.) // Вопросы географии и этнографии Мордовской АССР. М., 1977 ; Большая Российская энциклопедия. М., 2010. Т. 17.

Н. О. Шкердина.

ЛЕС (м., э. **Вирь**), сакральное пространство, в к-ром обитают его божества — *Вирява* и *Вирятя*; место обществ. молений, где просили о помощи в частных случаях (охота, бесплодие, *болезнь* и др.).

Издавна мордва проживала на терр., изобиловавшей Л., что способствовало выработке специфич. отношения к данному пространству как к единому комплексу, объединяющему отголоски локально существовавших культов различных деревьев. Это позволяет предполагать наличие культа Л. у мордвы. Косв. подтверждения данной гипотезы можно обнаружить в языковом фонде народа, в к-ром закрепилось выражение «ознома вирь — ознома пель» (молельный Л. — место, или направление, где обычно происходит моление). Локализация обрядов поклонения деревьям, занимающим в жизни мордвы большое место, условно распределяется на два крупных ареала. В зап. р-нах Мордовии, в осн. засел. мокшей, были более развиты культы *липы*, *берёзы* и *рябины*, в вост. — преим. дуба и яблони. В целом отмечается единообразие в восприятии «чистых» и «нечистых» (способных нанести вред) деревьев у мокши и эрзи.

Представления мордвы о Л. непосредственно связаны с его божествами, обязанностью к-рых считалась защита внутр. пространства Л. со всеми населяющими его животными и растениями. Несмотря на то, что на празднествах и в обрядах Виряву и Вирятю обычно не упоминали либо упоминали в очень редких случаях, каждый, кто за чем-л. шёл в Л., непременно молился им, просил защиты от хищных зверей, всякого зла (см. *Добро и зло*), удачи в охоте или собирательстве ягод, орехов, а также милости для находящегося в Л. Виряве и Виряте принято было

оставлять пожертвования: хлеб, соль, деньги, куски материи, часть того, что удалось собрать человеку в Л. Существование вплоть до 20 в. традиции приносить некую жертву говорит о том, что мордва представляла Л. пространством, насел. влиятельными мифич. существами, не подвластными воле человека, оказывающегося в роли врем. гостя, к-рый должен соблюдать установл. в нём правила.

Чтобы не быть чужаком в Л., слиться с ним на какое-то время, человек, шедший туда с целью получения части его богатств, просил в молитв. обращении к Виряве, в редких случаях — к Виряте, доброго разума, чуткого слуха, зоркого зрения, чтобы можно было слушать в Л. его ушами и видеть его глазами.

При заболеваниях, источником к-рых по к.-л. причинам считался Л. (обида, нанес. лесному дереву; несостоявшаяся молитва Виряве или Виряте, непринесение им традиц. жертвы и т. д.), туда приходили виновники «конфликта», иногда в сопровождении знающих людей — ведунов, знахарей, чтобы попросить прощения и здоровья.

В фольк. текстах зафиксированы случаи, когда женщины, желавшие стать матерью и имевшие проблемы со здоровьем или с рождением детей, либо их близкие обращались за помощью к Виряве. Процесс получения испрашиваемого раскрывает представления народа о её возможностях, сравнимых с повивальной бабкой, дающей жизнь, что, вероятно, ассоциируется с продуцирующими функциями Л.

С терр., наиболее плотно покрытыми Л., связано появление празднично-обрядовых действ, направл. на стимулирование воспроизводящих сил природы, гл. действующими лицами к-рых становились мифол. лесные персонажи:

калинат, спужалат; вирь ломатть (см. *Лесные люди*) и овто (медведь). Считалось, что именно с их помощью можно побудить высшие силы обратить внимание или донести до них пожелания уберечься от возможных неприятностей и надежды людей на богатый урожай, от к-рого зависело благополучие семьи и рода.

Молельные роши и Л. не сохранились как таковые, видимо, в силу не только освоения терр., но и борьбы правосл. церкви с язычеством мордвы. Однако есть отд. воспоминания о таких местах, в к-рых мордва однозначно реконструирует заповедное, табуиров. пространство, где имелись строго определённые места совершения обрядов и соотв. запреты на нерачительную хоз. деятельность или праздное времяпребывание там.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Narva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ (м., э. **Вирь ломатть**), персонажи традиц. праздничного обрядового действия «Проводы весны». Олицетворяли набирающую силу природу, в частности *лес*, с его покровительницей *Вирявой*, в период перехода от *весны* к лету. Существовало неск. локальных разновидностей Л. л.

В нек-рых случаях в качестве Л. л. выступали дети, к-рые в день прове-

дения праздника заранее уходили в ближайший лес, где девушки наряжали их в костюмы из кленовых и берёзовых веток. После этого с песнями и плясками, постукивая суковатыми палками о землю, они возвращались в село через хлебное поле, разбрасывая по нему время от времени цветы и небольшие ветки деревьев. Эти действия Л. л. в соответствии с представлениями мордвы о защитных функциях леса должны были предохранить хлеба от неблагоприятного воздействия природы и гарантировать хороший урожай.

Роль Л. л. могли исполнять также взрослые, в нек-рых р-нах — юноши. Число участников определялось кол-вом улиц — по одному от каждой улицы. Взрослые стремились придать образу Л. л. как можно больше таинственности, загадочности, старались быть не узнанными, для чего кроме переодевания использовали вымысл. имена и меняли голос. Они разыгрывали те или иные сцены, связ. с мифол. представлениями народа, применяя при этом фольк. импровизации.

Л. л. — ряженые девушки, кроме песен и танцев разыгрывали в лесу драматизиров. эпизоды преим. любовной тематики, что должно было побудить природу к более активному воспроизводству урожая. Во время шествия из леса через хлебное поле они периодически срывали хлебные колосья и во время плясок подбрасывали вверх.

Юноши и девушки, принимавшие совм. участие в сценах с Л. л., в тайне от всех переодевались в одежду противоположного пола, сверху подвешивали разнообразные предметы, к-рые во время движения или плясок должны были греметь. На этот костюм доп. пришивали ветки папоротника. Лица ряженых закрывали маски, изображающие лесных существ, а головы

украшали зелёными ветками и листьями. Любовные сценки, танцы, короткие песни частушечного характера, исполняемые этими существами, должны были способствовать увеличению семьи, рода, поголовья скота, повышению урожайности.

Христианство наложило определённый отпечаток на отношение к Л. л. По завершении праздника «Проводы весны» его «лесные» персонажи должны были заново совершить обряд крещения, поскольку, меняя человек. облик, они якобы становились «нечистыми». Для защиты от преследования со стороны церкви исполнители роли Л. л. тщательно скрывали факт своего участия в представлениях.

В 70 — 80-х гг. 20 в. такие праздники фиксировались в Кочкуровском, Рузаевском, Зубово-Полянском, Старошайговском и Торбеевском р-нах Мордовии. Однако к этому времени они практически полностью утратили изнач. магиго-обрядовое значение.

См. также *Калинат*, *Спужалат*.

Лит.: **Брыжинский В. С.** Традиционные персонажи праздничных представлений в прошлом и современном быту мордовского народа // Современное песенное искусство мордвы. Саранск, 1984.

И. В. Зубов.

ЛИПА (м. **Пяше**, э. **Пекше**), дерево, почитаемое мордвой. Культ Л. у неё связан в осн. с *женщиной*. Так, в песне, запис. у мордвы с. Пермеево Большеболдинского р-на Нижегородской обл., поётся: «Ава вирись — / Пешавирь» («Женский лес — / Липовый лес»). В д. Вечкенино Наровчатского у. Пензенской губ. М. Е. *Евсевьевым* были отмечены свидетельства поклонения свящ. Л., к-рые местная мордва

наз. *прощёными*. Назв., вероятно, связано со стремлением вымолить у *богов* прощение за некую провинность. Считалось также, что *прощёные* Л. обладали магич. лечебными свойствами, поэтому к ним приходили лечиться от различных *болезней*. Наиболее почитаемыми они были среди женщин, страдавших бесплодием, а также среди тех, у к-рых часто умирали дети. Молитв. обращения к этим Л. сопровождалась обычно *жертвоприношением* в виде еды, одежды, украшений, кусков материи, нательных крестов. Согласно сведениям информаторов, к Л. приходили с просьбами о помощи в любое время года. В 20 в. культовыми являлись рощи Малютино Мольбище у д. Макраша и Мольбище у д. Кожлейка Дальнеконстантиновского р-на Нижегородской обл., состоявшие соотв. из тридцати пяти и восьми Л. высотой до 32 м, нередко чрезвычайно мощных у корня, их возраст насчитывал 200 — 250 лет. В недавнем прошлом такая Л. была изв. у с. Шандрово Лукояновского р-на. Сохранились воспоминания о том, что туда приносили подарки деревьям. У лукояновской мордвы существует поверье, указывающее на культ Л. как праматери: если ободрать кору таких деревьев, то дом покинут хранящие его духи (Кудонькирди и др.); с помощью слом. ветвей определённой Л. можно изгнать со двора чужого карданьзярко, пытающегося завладеть им и хозяйничать на новом месте. Вероятно, именно дереву, к-рое считалось матерью рода, обиталищем его жен. душ, было, по представлениям мордвы, под силу изгонять внедряющийся в хоз-во чужой дух.

Развитый культ Л. характерен для др. фин.-угор. народов. Нижегородские марийцы, напр., почитали старые деревья этого вида как «матерей»: в празд-

ничные дни их одаривали платками и кушаньями, к ним обращались женщины с просьбами о ниспослании здоровья, о сохранении скота и в этом случае дарили коровьи рога. Такие Л. 200-летнего возраста, отнес. ныне к памятникам природы, имеются возле д. Горинцы Тоншаевского р-на и д. Кузнец Воскресенского р-на Нижегородской обл.

Реконструкция мифол. представленный мордвы о Л. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Фрэйзер Д. Д.** Золотая ветвь. М., 1985 ; **Морохин Н. В.** Нижегородские марийцы. Йошкар-Ола, 1994 ; **Его же.** Фольклор в традиционной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. В. Морохин.

ЛИСА́ (м. **Келазь**, э. **Ривезь**), сказочно-мифол. персонаж, символ хитрости, лицемерия, злобы, фальшивости, в христианстве — аналог уловок дьявола. В рус. фольк. традиции Л. обычно является гл. героем сказок о животных. В мордов. фольклоре образ Л. совпадает с перечисл. характеристиками. При этом она нередко оказывается неудачницей, попадает впросак. В такой роли Л. выступает, напр., в сказке о Красивом Дамае. Повадилась Л. воровать масло в подполье у бедняка Дамаю. Он подкараулил её, поймал, стал хлестать кнутом. Л. попросила о пощаде, обещав за это сосватать ему дочь Царя-Грома. Дамаю согласился. Умом и хитростью Л. уговорила Царя-Грома отдать дочь за Дамаю, а также отобрала дом и всё богатство у семиглавого волшебника *Каряса* и поселила в этом

доме Дамаю, сделав его богатым и счастливым. В награду за свою «великую» услугу Л. попросила Дамаю резать для неё курочку, когда она придёт к нему в гости. Дамаю обещал исполнить просьбу Л., но когда она вышла во двор за курицей, на неё набросились собаки и растерзали.

Героико-эпич. воплощение эта сказка получила в сказании «Мазый Дамаю» («Красавец Дамаю») эпопеи «Масторава» А. М. Шаронова. Здесь повествование о Дамае дополняет онтологич. аспект миропонимания морально-психол. моментом: случай возносит бедняка Дамаю на вершину жизни, но он не благодарит свою помощницу Л., а уничтожает её, сознавая, что она может так же легко отнять у него то, что дала, ибо добро, добываемое коварством и обманом, несовершенно и нежизнеспособно, пока существуют причины, породившие его.

Тексты: Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Аникин С.** Плодная осень. Саранск, 1989 ; **Масторава.** Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010 ; **Его же.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Глушко Е. А., Медведев Ю. М.** Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995 ; **Тресиддер Д.** Словарь символов. М., 1999 ; **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007.

Е. А. Шаронова.

ЛИ́СЬМАВА (м., э. **Л и с ь м а н ь к и р д и, К о л о д ц а - а в а**; лисьма «колодец, источник», ава «женщина,

мать»), божество жен. рода, покровительница *колодца*. И. Н. Смирнов относил это божество к числу духов явлений окружающей мордвина природы, в частности *воды*. Он писал: «...реки, ручьи, колодцы, озёра... являются жилищем *Ведь-авы, Колодча-авы, Ведь-эрав'ов...*» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 184). В то же время исследователь отмечал переходность положения данного божества между «духами — хранителями человеческого жилища» и «духами — повелителями стихии» (Там же, с. 189). При описании представлений мордвы-мокши о колодце Смирнов указал на осн. принцип теологич. воззрений данного народа: «...видеть каждое явление во власти супружеской пары духов; она знает Колодца-ат'ю и Колодца-аву» (Там же). Обращает на себя внимание русифицированность назв. божеств — покровителей колодца.

У. Харва не выделял самостоят. божества воды *Ведяву*, Л., Рававу, полагая, что их культы являются производными от культа Ведявы и основаны на почитании особых свойств воды. Он писал: «Обращение *v'ed'-azəg* и *azəgava* мокшане употребляют, обращаясь как к богам реки или озера, так и колодца. Последние имели особые имена, как *äs-azəg* (хозяин источника) и *äs-azəgava* (хозяйка источника), но и эти названия были не что иное, как культовые эпитеты олицетворённых источников. Для обозначения божества воды эрзяне употребляют одно название *v'e-d'en kiřd'i* (хранитель воды), а также *l'is'man' kiřd'i* (хранитель источника)...» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 238). Вместе с тем исследователь констатировал распространённость как жен., так и муж. божества колодца, отмечая, однако, что последнее возникло в вообра-

жении «...гораздо позднее, чем сама *v'ed'ava*. То же самое можно сказать и относительно мужского божества колодца — *kolodtsa-at'a*» (Ibid., S. 237).

Образ Л. чаще всего встречается в причитаниях невесты, т. к. её включение и социализация в новом пространстве происходили у колодца. Наиболее детально это божество описано в причитаниях эрз. невесты, где оно предстаёт в образе молодой нарядной женщины в богато украш. костюме: «...Виде килей сэреть лангс, / Мазы умарь тусот лангс... / Паряк, чалгавкшнэнынъ / Котова таргазь палят лангс, / Кумажас пусось руцят лангс, / Матразь коцт ашко пильгеть лангс, / Сия ведьс навазь карь прят лангс...» — «На твой, как прямая берёза, рост, / На твоё, как яблоко, красивое лицо... / Быть может, наступала я / На твою рубашку, в шесть полос вышитую, / На твою руку, до колен украшенную, / На твои, как скатанные холсты, ноги, / На твои посеребрённые головки лаптей...» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 27). При обращении к Л. невеста использовала различные эпитеты, характеризующие её то как красивую девушку, то как заботливую мать: «Лисьмань кирди, тейтерь-эй! / Лисьмань кирди, кастарго!» — «Владычица колодца, девица! / Владычица колодца, красавица!», «Лисьмань кирди, матушка! / Лисьмань кирди, корьмакай!» — «Хранительница колодца, матушка! / Хранительница колодца, кормилица!» (Там же, с. 26, 169).

В окказиональной обрядности к божеству колодца обращались при длительной *засухе*. Так, эрзяне с. Сабанчева Алатырского у. Симбирской губ. в этих случаях молились у родников «водяному богу», прося у него дождя: «Лисьмань гирде паз, матушка, дай пи-

земе» (Изв. ОАИЭ, 1883, т. 11, вып. 4, с. 382). Следует отметить, что, несмотря на явное муж. назв. божества, обращение к нему «матушка» раскрывает его древнюю жен. природу.

В лечебной магии мокшане обращались к божествам с просьбой вернуть здоровье: «*Ās-azəg* (господин родника) и *ās-azəgava* (госпожа родника), я пришёл, чтобы пожертвовать вам хлеб, соль, мясо, может быть, я зло выругался, когда набирал воду или когда падал у источника, или вам причинил какую-нибудь неприятность, пощадите меня, дайте мне благополучия, пищи и здоровья» (цит по: *Harva U.*, *Op. cit.*, S. 249).

Лит.: **Бутузов Ф.** Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчеева Алатырского у. Симбирской губ. // Изв. ОАИЭ. 1883. Т. 11, вып. 4 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Мокшин Н. Ф.** Материальная культура мордвы : этногр. справ. Саранск, 2002 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. С. Святогорова.

ЛИТОВА (Л и т у в а, Л и т ю в а, Л и т у м а), персонаж мордов. мифов и др.-эпич. песен, земная девушка, сноха или жена Пурьгинепазы либо Нишкепазы. Образ Л., по мнению А. И. Маскаева, складывался в период разложения матриархата и нач. стадии патриархата. Он воплотил в себе обществ. и семейные противоречия, пород. рубежом двух эпох.

Говоря о возникновении имени героини, учёный отмечал: «Если второй компонент в слове Литова означает ава, т. е. женщина, мать, то первый компонент лит (Лита, Литэ, Литу)... мо-

жет восходить... к Ливти, Ливте, Лифти, в эрзянском языке означает... летящая, летающая. <...> Имя её могло восприниматься как человек-птица, летающая женщина» (Маскаев А. И., Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, с. 135). В результате Маскаев предположил, что «...имя героини Литовы... произошло от Ливтява, тем более что это имя давалось женщинам необычным, выделяющимся. Так, в предании о происхождении мордовских племён имя Лифта носит прародительница эрзян. Не исключена возможность, что имя Лифта имело когда-то общефинский элемент и означало не только „летающая“, но и „связующая“ (см. эстонское „Литума“), где героиня выделяется не только именем, но и своей необычностью» (Там же). Подтверждением этого, по мнению учёного, могут служить различные варианты песни о Л., где героиня не только поднимается, но и летит на небо и с неба на землю на туче, громовых конях мужа или на крыльях, а также превращается в птицу.

Песни о Л. составляют две самостоят. группы. Первая связана с древними дохрист. представлениями мокши и эрзи и приближается к героич. песням, но сюжет произв. носит бытовой характер: брачно-семейные отношения народа в разные периоды жизни. Маскаев считал, что в этих песнях «нарушение героиней родовых запретов, попытка налаживания связей между отдельными родовыми коллективами представляются как действия героические, направленные на преодоление пережитков в общении людей, на торжество нового» (Там же, с. 156). Варианты песен этой группы следующие: нелюбимую родителями или любимую, чудесным образом рожд. дочь похищает Пурьгинепаз, схватив её на

улице из девичьего весеннего хоровода или с праздничных *качелей*, и выдаёт замуж за своего сына. В небесной семье сноха скучает по земной жизни, родителям, подругам и часто плачет. Свекровь (свёкор) разрешает ей съездить на громовых конях в гости к родителям на один час, в течение к-рого героине не удаётся встретиться с ними. В эту группу входят также песни, в к-рых Пурьгинепаз или *Верепаз* поднимает на небо земную девушку в люльке, куда она садится случайно или намеренно.

Песни второй группы относятся к более позднему периоду и приближаются к бытовым балладам 17 — 18 вв., где раскрываются в осн. семейные конфликты. Они включают в качестве персонажа иноземца-ногайца — эпич. противника мордвы в ист. песнях 17 — 18 вв. Варианты этих песен следующие: нелюбимую дочь родители выдают замуж в далёкую страну за прохожего пастуха, ногайца или башкира. Став хозяйкой дома, она приезжает к родителям в гости с богатыми подарками, однако через час возвращается обратно, т. к. отца с матерью не оказывается дома или они прячутся, услышав о приезде нелюбимой дочери. Она оставляет им подарки. После отъезда дочери родители понимают, насколько она благородна и почтительна.

Большинство песен о Л. начинается с повествования о конфликте между родителями и дочерью без объяснения его причин: «Тейтересь паро Литова, / Тейтересь доброй Литова, / Тиринь тетянстэнь а вечкезь, / Шкинень аванстэнь а кельгезь» — «Девушка хорошая Литова, / Девушка добрая Литова, / Кормильцем батюшкой нелюбима, / Родной матери она ненавистна» (Там же, с. 117 — 118). Неприязнь родителей к дочери непонятна. Песня не

сообщает об отрицательных качествах героини, наоборот, восхваляются её красота, физич. и моральное совершенство: «Удалакшнось чачомдо, / Виде скрипкань рунгозо, / Мазы инзеень чамазо, / Сурксокс пуртнезь кудрянзо. / Велень-сядонь дивамо...» — «Удалась она рождением... / Как скрипка строен её стан, / Розовая малина — её лицо, / Кольцами вьются её кудри. / На диво всей деревне...» (Там же, с. 118). Между тем Л. нелюбима не только родителями. Она не нравится женихам и их родителям: «Вай, а вечкима, вай сон Литувась...» — «Ой, нелюбима она Литова...» (Там же, с. 119), но и сама девушка равнодушна к ним. Л. долгое время остаётся незамужней. Сельчане обходят её, пренебрегая ею: «Арась Литувань сондзы саизэ» — «Нет у Литувыв берущего (суженого. — М. С.)» (Там же). Антипатию родителей к дочери Маскаев объяснял «...своеобразным отзвуком былых... посвященных обрядов, многочисленных запретов, содержания молодёжи в известный период в специальных изолированных помещениях» (Там же, с. 122). Эти обряды нашли отражение в сказках мн. народов и в мордов. песнях данного цикла.

Л. понравилась только Пурьгинепазу. Он похищает не любую земную девушку, а прежде всего выделяющуюся, отличающуюся своим рождением, именем, поведением, отношением к родителям. Имя героини и нек-рые её поступки являются отражением матриархальных представлений. Так, Л. приходит с неба в гости к матери и, не застав её дома, оставляет ей памятный, а может быть, родовой знак: она касается ладонью стола и на его поверхности остаётся отпечаток её руки; привозит подарки матери, а не отцу и т. д.

Реконструкция мифол. образа Л. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Яркий, выразительный худож. образ Л. создал в одноим. ист. драме П. С. Кириллов. В ней автор показал события крест. войны под рук. Степана Разина. Прототипом Л. послужила молодая крестьянка Алёна, возглавившая освободительную борьбу среди мордов. народа. Сценич. воплощение драма получила в 1939 на эрз. яз. (реж.-пост. В. В. Сычов). Один из стихотворных вариантов «Л.» лёг в основу одноим. нац. муз. драмы (1943; либретто Кириллова, муз. Л. П. Кирюкова). Л. является также героиней нац. эпоса «Масторава», поэмы «Литува» А. В. Рогожина (1939). Сказка-легенда «Стада ванынь тейтерь» («Дочь пастуха») Ф. С. Атянина представляет собой переработ. миф о Л. К образу Л. обращались худ. И. С. Ефимов и Н. С. Макушкин. Существует нар. ансамбль песни «Л.».

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965 ; Масторава : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Масторава : эрзя-мокшонь раскенъ эпос. Саранск, 2011.

Лит.: Рогожин А. Литува : стихт ды поэма. Саранск, 1939 ; Кириллов П. С. Литува. Саранск, 1957 ; Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Атянин Ф. С. Серебряное озеро : рассказы, сказы, сказки, легенды, повести. Саранск, 1970 ; 1986 ; Алёшкин А. В. Единство традиций. Саранск, 1978 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010.

М. Н. Салаева.

ЛОМШИНА Елена Николаевна (1.7.1968, с. Поводимово Дубёнского р-на РМ), историк. Канд. филос. наук (1994), доцент (1997). Мордовка (эрзя). Окончила Мордов. гос. ун-т (1990). В 1995 — 2002 — зам. декана по уч. работе ф-та нац. культуры; 1999 — 2003 — зав. кафедрой иск-ва и культуры Мордовии; с 2007 — доцент, в 2008 — 10 — зав. кафедрой этнокультуры Мордовии; с 2010 — зав. Науч.-иссл. лабораторией фин.-угор. культуры Ин-та нац. культуры Мордов. ун-та. Исследует мифол. основания духовно-нравств. культуры мордов. этноса, рассматривает моральные концепты и образы в мифологии мордвы. Одним из осн. источников формирования нравств. ценностей мордов. народа Л. определяет мифологию, поскольку она служит первонач. формой духовной культуры, особой формой мироощущения и миропонимания. Мифы были связаны с заветными плем. традициями, утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, устанавливали и поддерживали определённые нормы поведения. *Время мифическое* не мыслилось в отрыве от деятельности людей. Оно воспринималось как нечто содержательное, соотнос. с соотв. ценностями, сосредоточ. в поступках предков и героев нар. эпосов, мифол. персонажей и в особенности в «нравах» предков. Категории *добра и зла* в мордов. мифологии, по мнению Л., тесно связаны с языч. божествами. Мн. боги мордвы являются амбивалентными и изображаются в мифологии то агрессивно, то доброжелательно настроенными по отношению к человеку. Источником добра у мордвы считалась *земля*, ибо она была основой жизни и благополучия.

Соч.: Добро и зло в мифологии мордвы. Саранск, 1992. Деп. в ИНИОН РАН

№ 468889 от 3.08.92 ; Нравственная культура мордовского этноса // Социально-культурные и этнические стереотипы : материалы науч. конф. молодых учёных и аспирантов (окт. 1996, Москва). М., 1998 ; К проблемам отеческих традиций в этноэтике мордвы // Культура и этноэтика. Этнические миры и культурные универсалии : материалы междунар. конф. Киев, 1994. Вып. 2 ; Некоторые аспекты ценностного восприятия времени в традиционной культуре мордовского этноса // Феникс. [Саранск]. 2010. № 11 ; Этноэтика // Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2012.

Лит.: Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

Т. М. Гусева.

ЛУГА́ВА (м., э. Л у г а з о р а в а, Л у г а н ь к и р д и, Н а р а з о р а в а; м. луга, э. луганар, нар «луг», м., э. ава «женщина, мать»), божество жен. рода, покровительница лугов. Луга, особенно заливные, находились на довольно большом расстоянии от селений и представляли собой неосвоенное пространство по сравнению с освоенным — полем и вспах. землёй. Поэтому, согласно пространств. воззрениям мордвы, луг являлся границей. Если Норовава и Паксява выступают как покровители освоенного, обработ. человеком пространства, то Л. — природного, обладающего при этом признаками чужого и рождающего чувство опасности. На это отчасти указывает ночной характер моления Л.

Божество луга впервые упоминается в «Памятниках мордовской старины» дьякона Шахмановской вол. Княгининского у. Нижегородской губ. Василия Орлова. Описывая древнюю

религию нижегородской мордвы, он перечислил имена божеств, встречающихся в сохранившихся молитвах, среди прочих были «Лугазар» и «Лугазарава». Однако кроме упоминания пары божеств никакой доп. информации о них автор не привёл. О божествах луга писал У. Харва, называя их «Наразор» и «Наразорава». Им молились во время заготовки сена, с просьбой оградить от зла, в т. ч. недобрых людей. На заливных лугах обычной практикой была кража заготовл. сена и, очевидно, просили божества луга защитить результаты труда. Наразору и Наразораве приносили в дар хлеб, соль и масляные блины, произнося при этом следующие слова: «Если я не помолилась вам во время уборки сена, если произнесла проклятье, когда упала на луг, если я подумала о вас нехорошо или чем другим провинилась перед вами, простите меня, дайте мне здоровье!» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 217). Харва констатировал также, что, согласно архим. Макарию, эти божества могли наз. «Лугазор» и «Лугазорава». Им молились при первом выго-не лошадей на пастбище и жертвовали хлеб, соль перед началом косьбы, обращали благодарств. молитвы. Н. Ф. Мокшин считает Наразораву искл. мокш. божеством, «...выступавшим в паре со своим мужем, которого в молитвенных формулах обычно именуют хозяином луга (Наразор), без обычного форманта атя (старик)» (Мокшин Н. Ф., Мифология мордвы, Саранск, 2004, с. 207).

Божество луга упоминается в устно-поэтич. творчестве мордвы. Так, Харва привёл предание мордвы-мокши Краснослободского у. Пензенской губ. о том, как Лугань кир-

ди по просьбе девушки, родившей внебрачного ребёнка, хранила и растила мальчика.

В религ.-мифол. представлениях, обрядовой практике и фольклоре мордвы образ Л. в отличие от Норовавы, Паксявы и Масторавы практически не сохранился. Возможно, он стёрся в результате индивидуализации быта и ослабления родовых отношений. Существование Л. также могло быть связано лишь с теми терр., на к-рых имелись заливные луга, поэтому данное божество было распространено не повсеместно и, вероятно, позднее слилось с образами Норовавы, Паксявы и Масторавы.

Лит.: Орлов В. Памятники мордовской старины // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1851. Ч. 33 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. С. Святогорова.

ЛУНАРНЫЕ МИФЫ, мифы о происхождении божеств. ночного светила, сохранившиеся в той или иной степени у фин.-угор. народов и классифицирующиеся в т. ч. по наличию взаимоотношения между луной и солнцем. Мифов о происхождении луны как божества у мордвы нет, но есть упоминания о том, что луна как светило является творением рук Верховного бога Шкая у мокшан и *Верепазы* у эрзян. Обращают на себя внимание также молитв. обращения к луне как светилу или божеству, способному в определённое время повлиять на жизнь человека. В связи с этим можно утверждать, что для мордвы была характерна мифологизация как самой луны, так и лунных циклов (особенно новолуния).

Согласно полевым наблюдениям, сдел. в 18 в. во время путешествия по местности, насел. мордвой, И. И. *Лепёхин*, вслед за Ф. И. Страленбергом, пришёл к выводу о том, что луна, как и солнце, является самостоят. божеством. Искаж. назв. этого божества автор привёл в запис. им короткой молитве — обращении к новой луне: «Кебеди Валюга каубапас тряда, пинда шибapas кубапас» (Лепёхин И., Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, СПб., 1771, с. 166).

Будучи объектом почитания, в обрядовой практике мордвы луна представлялась особым светилом, к-рое вращается по небу, знает небесные дороги и самого Верховного бога, в связи с чем у неё просили помощи и защиты. Образ луны антропоморфен — у неё есть глаза и уши, о чём свидетельствуют молитв. тексты, обращ. к ней. У неё нет своего дома — она живёт на небе, однако вхожа в дом Нишкепаза либо является его посланницей. В адресов. ей просьбах мордва, показывая принес. жертв. пищу — в осн. хлеб, просила здоровья себе и детям, желала самой луне стать такой же круглой, как каравай. В мордов. селе Нуйкино Бугурусланского у. Самарской губ. было замечено, что, если год прошёл без ущерба для здоровья, в молитве просили молодую луну рассказать о них Нишкепазу, чтобы тот дал им такое же здоровье при встрече следующего нового года.

Наряду с луной — божеством жен. рода (см. *Ковава*) встречаются и редкие упоминания божества муж. пола — Ковпаза, к-рый ассоциировался с молодой луной, её мужем или божеством — покровителем луны.

Просьбы к нему заключались в желании счастья и защите детей. По мнению П. И. Мельникова, существовал также некий «Назаром-Паз» — бог луны, ночи и зимы, принимавший души умерших, о наличии к-рого в мифол. представлениях мордвы вслед за Мельниковым упоминают др. исследователи. Однако в фольклоре и обрядах, связ. с луной, этот бог не упоминается.

Согласно наблюдениям 2-й пол. 19 в. новолуние по-прежнему считалось особым периодом, в к-рый часто приносили всевозможные жертвы, однако самой луне такого значения уже не придавали и особых жертвоприношений не совершали, что было связано с общей тенденцией нивелирования значения дохрист. веры народа. Характерным примером изменения восприятия луны как мифич. существа может служить ставшая обычной в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ. просьба, обращ. к впервые увид. молодому месяцу: «...тебе быть с здоровый хлеб, а мне — здоровье» или «...тебе серебряные рожки, а мне здоровье» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с.139).

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: Лепёхин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 2006 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ЛУША, мифол.-эпич. персонаж, чудеснорожд. девушка, жена Пурьгинепазы. В сюжетном плане миф о Л. близок к мифам о *Литове* и *Азравке*. Однако как худож. образ Л. принципиально отличается от них. Будучи прекрасной собой, она необыкновенно умна, обладает титанич. силой воли, а также магич., сверхъестеств. способностями демонич. характера: предрекает свою судьбу во чреве матери; оказывает вредоносное воздействие на людей и природу: там, где она появляется, умирают дети, у кормящих матерей пропадает молоко, сохнут реки, леса и т. д.

Подобно Азравке, Л. становится женой Пурьгинепазы: «Благой Пурьгине Лушань мирдезэ, / Кере ёндол Лушань ававтозо, / Раужо пель Лушань атявтозо» (НА НИИГН, ф. Л-86, л. 213) — «Грозный Пурьгине у Луши муж, / Жгучая молния у Луши свекровь, / Чёрная туча у Луши свёкор». Между тем Л. не соответствует образу избранницы Пурьгинепазы. Он берёт в жёны девушек, отвергнутых или не любимых родителями, отличающихся физич. и нравств. красотой, почитающих отца и мать, дорожащих устоями семейной жизни. Л. — полная противоположность им. Вместе с тем сверхъестественное в Л. обусловлено её связью с Пурьгинепазом. Разговор во чреве матери, угрозы в адрес родителей, демонич. сила — всё это качества, получ. от Пурьгинепазы, к-рый мог громом и огненными стрелами сжигать, убивать, наводить ужас, совершать враждебные человеку действия. Агрессивность и жестокость Л. служат проявлением её предназначённости быть женой Пурьгинепазы. Он охраняет её от нежелательного внеш. воздействия и посягательств на неё как на невесту. Непочтительное отноше-

ние Л. к родителям является выражением её чуждости им, отсутствия кровной связи с ними. Л. знает, что женщина, к-рая носит её во чреве, не настоящая мать, она только лоно для её выращивания, что зачата она Богом, а не отцом-матерью — людьми. Бог выбрал их по какой-то причине выполнять функцию родителей, не вложив в чудодейств. дитя чувства любви к ним.

Миф не всегда раскрывает мотивацию поведения и поступков персонажей, потому что они генерируются подсознанием и чувствами, причина к-рых порой не ясна. А. А. Шахматов приводит два варианта мифа о Л. В них героиня не возносится на небо и не становится женой Пурьгинепазы.

Подобно Л. во чреве матери заговаривает ребёнка в рус. балладе «Змей Горыныч и княгиня». Он обещает матери, когда ему исполнится пятнадцать лет, убить её оболыстителя змея, своего отца. Причина его гнева заключается в том, что змей не стал ей мужем, а ему отцом. Л. — качественно др. образ. Она не признаёт отца и мать по причине не обиды, а онтологич. несоответствия им.

А. И. Маскаев охарактеризовал миф о Л. как балладную песню, указав на древность её образа. Миф в процессе ист. эволюции может изменять свою форму и отчасти содержание, но заложен в нём функция и идея сохраняют изнач. сущность. Л. по своей природе мифол. персонаж, олицетворяющий антагонистич. брачную связь земли и неба, противопоставление божеств. и человек.: Бог — великое благо, но он отдаёт человеку только то, что ему предназначено, а себе берёт всё, что необходимо для бытия его сущности в беспредельной полноте свойств и отношений.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-86. Л. 212 — 213 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

Лит.: Русская баллада. Л., 1936 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.

А. М. Шаронов.

ЛЯГУШКА (м., э. **Ватракш**), хтонич. существо, неоднозначно воспринимающееся в образцах сохранившихся мифов. Гл. отличительная особенность Л. в мифологии фин.-угор. народов — возможность превращения в человека. Такой сюжет изв. у коми народа: в первозданном болоте находятся верховные божества Ён и Омоль в виде Л., к-рые позднее становятся людьми и начинают творить окружающий мир. Сходные представления о «человеческой основе» Л. есть в мифах о злом духе Оадзь у саамов; о Л.-прародительнице, духе — хранителе семьи или рода в виде Л. (сохранились зоо- и антропоморфные изображения) у манси и хантов, к-рые также считали, что женщина способна превращаться в Л. и наоборот. Иными словами, согласно мифол. представлениям, образ Л., с одной стороны, частично воспроизводит первичную модель развития человечества, с др. — приближается к космогонии (см. *Космогонические мифы*).

У мордвы не сохранились мифы, связ. с воззрениями на это существо и его функционирование в системе взаимоотношений *богов* и людей. Вместе с тем изв. запрет на убийство животных и рептилий у нижегородской мордвы, обусловл. убеждениями о возможности переселения душ умерших в Л. Кроме того, здесь считали, что голос Л. может быть похож на голос человека, в связи с чем ранее существовал обычай слушать голоса Л. В с. Мачкасы

Петровского у. Саратовской губ. в 1921 было описано моление о дожде, для вызывания к-рого местная мордва использовала Л. Сначала происходило ночное моление пожилых женщин на *кладбище*, после чего они вбивали на лугу колышек, к к-рому привязывали за лапку Л., вероятно, чтобы ускорить начало дождя.

Лит.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратовский этнографический

сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Кулемзин В. М., Лукина Н. В.** Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992 ; Мифология Коми. М. ; Сыктывкар, 1999 ; **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров. М., 2003 ; Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005 ; Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост. Н. В. Морозин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород, 2011.

И. В. Зубов.

В связи с подготовкой к изданию т. 1 энциклопедии «Мифология мордвы» публикация статей прекращается и будет возобновлена в 2014 г.

СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный
 авг. — август
 авт. — автор (в библиографии)
 автореф. — автореферат (в библиографии)
 акад. — академик (при имени)
 алт. — алтайский
 альм. — альманах (в библиографии)
 АН — Академия наук
 англ. — английский
 ансам. — ансамбль (муз.)
 антропол. — антропологический
 апр. — апрель
 араб. — арабский
 арм. — армянский
 арх. — архив (в библиографии)
 археол. — археологический
 архим. — архимандрит (в библиографии)
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 астрон. — астрономический

АХ — Академия художеств
 Б. — Большой (в топонимических названиях)
 балт. — балтийский
 библ. — библейский
 библиогр. — библиографический (в библиографии)
 биограф. — биография; биографический
 букв. — буквально
 быв. — бывший
 в. — век
 вв. — века
 Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
 вепс. — вепсский
 Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
 верх. — верхний
 Вестн. — Вестник (в библиографии)
 ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- внеш. — внешний
вод. — водский
вок. — вокальный (муз.)
вол. — волость (в названии)
вост. — восточный
вступ. — вступительный
в т. ч. — в том числе
ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт (1926 — 30)
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские (1921 — 26)
вып. — выпуск
г. — год
г. — город (при названии)
газ. — газета (при названии)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
гг. — годы
геогр. — географический
герм. — германский
гл. — главный
гл. обр. — главным образом
гол. — голландский
гос. — государственный
гос-во — государство
г. р. — год рождения
гр. — греческий
губ. — губерния (в названии)
д. — деревня (при названии)
дек. — декабрь
дерев. — деревянный
дет. — детский
дир. — директор
дис. на соиск. учён. степ. — диссертация на соискание учёной степени (в библиографии)
ДК — Дом культуры
док. — документальный
док-ты — документы
доп. — дополнительный
Др. — Древний (в названии)
др. — другой
д-р — доктор
драм. — драматический
др.-гр. — древнегреческий
др.-еврейск. — древнееврейский
др.-мордов. — древнемордовский
др.-рус. — древнерусский
др.-эпич. — древнеэпический
др.-эрз. — древнеэрзянский
д. чл. — действительный член
европ. — европейский
епарх. — епархиальный
ж. — журнал (при названии)
ж.-д. — железнодорожный
жен. — женский
жив. — живопись
зав. — заведующий
Зап. — Записки (в библиографии)
засл. — заслуженный
ижор. — ижорский
избр. — избранный (в библиографии)
Изв. — Известия (в библиографии)
изв. — известный; известен
изд. — издание
изобразит. — изобразительный
ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока
им. — имени
имп. — император; императорский
инструм. — инструментальный
ин-т — институт
иран. — иранский
иск-во — искусство
искл. — исключение; исключительный; исключительно
иссл. — исследование; исследовательский
ист. — исторический
итал. — итальянский
и т. д. — и так далее
канд. — кандидат; кандидатский
карел. — карельский
кирг. — киргизский
кл. — класс
к.-л. — кто-либо; какой-либо
км — километр
кн. — книга; книжный
кн. — князь; княгиня (при имени)
кол-во — количество
комм. — комментарий (в библиографии)
кон. — конец (в датах)
крест. — крестьянский
к-рый — который
КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» (М., 1939 —)
к-т — комитет
лат. — латинский язык
ленингр. — ленинградский
лингв. — лингвистический
лит. — литературный

- лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 м — метр
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 миним. — минимальный
 мифол. — мифологический
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 МРМИИ — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
 МРОКМ — Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название
 НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
 напр. — например
 нар. — народный
 нариц. — нарицательное (имя)
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах)
 нач. — начальный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
 ниж. — нижний
 Нов. — Новый (в топонимических названиях)
 нояб. — ноябрь
 н. э. — нашей эры
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 об-во — общество
 обл. — область (в названии)
 обзор. — обозрение (в библиографии)
 ОК — областной комитет
 ок. — около
 окр. — округ; окружной
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 пед. — педагогический
 пенз. — пензенский (в библиографии)
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 петерб. — петербургский
 ПМА — Полевой материал автора
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 под рук. — под руководством
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 предисл. — предисловие
 предположит. — предположительный, предположительно
 през. — президент
 преим. — преимущественно
 произв. — произведение
 произ-во — производство
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 проф. — профессор
 прп. — преподобный (при имени)
 психол. — психологический
 публиц. — публицистический
 р. — река (при названии)
 РАЕ — Российская академия естествознания
 РАО — Российская академия образования
 РГО — Русское географическое общество
 рев. — революция; революционный

- регион. — региональный
ред. — редактор
реж. — режиссёр; режиссёрский
религ. — религиозный
репр. — репринтный (в библиографии)
респ. — республиканский
рец. — рецензия (в библиографии)
рим. — римский
РМ — Республика Мордовия
р-н — район (в названии)
род. — родился
рос. — российский
РПЦ — Русская Православная Церковь
рук. — руководитель
рус. — русский
РФ — Российская Федерация
с. — село (при названии)
с. — страница (в библиографии)
самостоят. — самостоятельный
сб. — сборник
сб-ки — сборники
св. — святой (при имени)
свт. — святитель (при имени)
сев. — северный
сент. — сентябрь
сер. — середина (в датах)
сер. — серия
СЖ — Союз журналистов
сиб. — сибирский
СК — Союз композиторов
скульп. — скульптор (при имени)
слав. — славянский; славянские языки
слов. — словарь (в библиографии)
см — сантиметр
см. — смотри
соавт. — соавтор; соавторство
сов. — советский
совм. — совместный; совместно
совр. — современный
соотв. — соответствует; соответствующее;
соответственно
сост. — составитель; составление
сотр. — сотрудник
соч. — сочинение
СП — Союз писателей
СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
спорт. — спортивный
справ. — справочник (в библиографии)
Ср. — Средний (в топонимических названиях)
ср. — сравни
ср.-век. — средневековый
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
Ст. — Старый (в топонимических названиях)
ст. — станция (при названии)
ст. — статья
стат. — статистический
СТД — Союз театральных деятелей
стихотв. — стихотворный
стр-во — строительство
СХ — Союз художников
с. х. — сельское хозяйство
с.-х. — сельскохозяйственный
т. — текст
т. — том (в библиографии)
танц. — танцевальный
тат. — татарский
т. е. — то есть
театр. — театральный
терр. — территория; территориальный
тетр. — тетрадь (в библиографии)
техн. — технический
т. к. — так как
т. н. — так называемый
т. о. — таким образом
тр. — труды (в библиографии)
традиц. — традиционный
трансп. — транспортный
тыс. — тысяча
тыс. — тысячелетие
тюрк. — тюркский; тюркские языки
у. — уезд (в названии)
уг. — уголовный
удм. — удмуртский
указ. — указатель (в библиографии)
ун-т — университет
УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»
уч. — учебный
уч-ще — училище
февр. — февраль
филол. — филологический
филос. — философский
фин. — финский
фин.-угор. — финно-угорский
фольк. — фольклорный
франц. — французский
ф-т — факультет
хант. — хантыйский
хоз. — хозяйственный
хоз-во — хозяйство
христ. — христианский
худ. — художник (при имени)

- худож. — художественный
центр. — центральный
церк. — церковный
цит. — цитируется
ч — час
ч. — часть (в библиографии)
чел. — человек
четв. — четверть (при датах)
чл. — член
чл.-корр. — член-корреспондент
что-л. — что-либо
чуваш. — чувашский
шк. — школа
э. — эрзянское (слово)
экон. — экономический
эсп. — экспедиция
энц. — энциклопедический (в библиографии)
эрз. — эрзянский
- эст. — эстонский
этим. — этимологический
этногр. — этнографический
ювелир. — ювелирный
юж. — южный
ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций
по вопросам образования, науки и
культуры
яз. — язык; языки
январ. — январь
Bd. — Band (в библиографии)
H. — Heft (в библиографии)
S. — Seite (в библиографии)
Ibid. — Ibidem
j. — journal (в библиографии)
p. — page (в библиографии)
vol. — volume (в библиографии)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Марина Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: shnadejda@bk.ru

Градусова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета Северо-Западной Академии государственной службы, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Жаркова Лидия Михайловна — магистрант кафедры отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: lidazharkova@yandex.ru

Житаев Василий Леонтьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: lidazharkova@yandex.ru

Жулина Марина Александровна — кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и регионального туризма Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mzhulina@mail.ru

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Зеленев Юрий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, начальник Центра археолого-этнографических исследований Марийского государственного университета, e-mail: y_zeleneev@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кемаев Евгений Николаевич — младший научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кильдюшкина Анастасия Юрьевна — аспирантка Казанской государственной консерватории (Академии) им. Н. Г. Жиганова, e-mail: guniign@list.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кормишкина Людмила Александровна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: kormishkinala@mail.ru

Лаптун Александр Владимирович — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Малоземов Сергей Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: semalozemov@yandex.ru

Маслова Алина Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: al_mas@mail.ru

Морохин Николай Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: guniign@list.ru

Мочалова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: siluris@rambler.ru

Нехаева Наталья Евгеньевна — кандидат географических наук, доцент кафедры международного и регионального туризма Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: nne@bk.ru

Осовский Олег Ефимович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Панягин Алексей Анатольевич — аспирант кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: p.alexey2009@yandex.ru

Пивцайкина Ольга Александровна — научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Пронин Александр Сергеевич — младший научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Ручина Наталья Александровна — аспирантка отдела языкознания НИИГН, e-mail: natalia@bk.ru

Салаева Мария Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературы Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: guniign@list.ru

Святогорова Варвара Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mikardina@mail.ru

Синдянкин Николай Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права Мордовского гуманитарного института, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Степин Сергей Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: stepin.73@mail.ru

Тараканова Наталья Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Саранского

кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: ngtarakanova@mail.ru

Фадеев Вячеслав Юрьевич — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Фирстов Максим Иванович — аспирант кафедры международного и регионального туризма Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mst400@mail.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шаронова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрчёнков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрчёнков Роман Валерьевич — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрчёнкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Volkova Marina Semenovna — Candidate of History, Assistant Professor of Department of World History, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: shnadejda@bk.ru

Gradusova Valentina Nikolaevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Accountancy, North-West Academy of Public Service, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Guseva Tatyana Mikhaylovna — Doctor of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Zharkova Lidiya Mikhaylovna — Master Student of Department of National History and Ethnology, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: lidazharkova@yandex.ru

Zhitaev Vasily Leontyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History and Ethnology, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: lidazharkova@yandex.ru

Zhulina Marina Aleksandrovna — Candidate of Geography, Associate Professor, Head of Department of International and Regional Tourism, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mzhulina@mail.ru

Zadkova Tatyana Yuryevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Zelenev Yury Anatolyevich — Candidate of History, Associate Professor, Head of Center for Archaeological and Ethnographic Studies, Mari State University, e-mail: y_zelenev@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kemaev Evgeny Nikolaevich — Junior Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Kildyushkina Anastasiya Yuryevna — Postgraduate Student, Kazan State Conservatory (Academy) named after N. G. Zhiganov, e-mail: guniign@list.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kormishkina Lyudmila Aleksandrovna — Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Economic Theory, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: kormishkinala@mail.ru

Laptun Aleksandr Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Lipatova Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Sociology, Professor of Department of Economics and Business, Saransk Cooperative Institute (Affiliate Branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Malozemov Sergey Ivanovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of World History and World Political Process, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: semalozemov@yandex.ru

Maslova Alina Yuryevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: al_mas@mail.ru

Morokhin Nikolay Vladimirovich — Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, e-mail: guniign@list.ru

Mochalova Tatyana Ivanovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Russian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: siluris@rambler.ru

Nekhaeva Natalya Evgenyevna — Candidate of Geography, Assistant Professor of Department of International and Regional Tourism, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: nne@bk.ru

Osovskiy Oleg Efimovich — Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Panyagin Aleksey Anatolyevich — Postgraduate Student of Department of Foreign Languages for Humanitarian Specialties, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: p.alexey2009@yandex.ru

Pivtsaykina Olga Aleksandrovna — Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Pronin Aleksandr Sergeevich — Junior Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Ruchina Natalya Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: natalia@bk.ru

Salaeva Maria Nikolaevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: guniign@list.ru

Svyatogorova Varvara Sergeevna — Candidate of Culture, Assistant Professor of Department of Culture Studies, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mikardina@mail.ru

Sindyankin Nikolay Nikolaevich — Candidate of Law, Assistant Professor of Department of State and Administrative Law, Mordovian Humanitarian Institute, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Stepin Sergey Nikolaevich — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: stepin.73@mail.ru

Tarakanova Natalya Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Head of Department of State and Law Disciplines, Saransk Cooperative Insti-

tute (Affiliate Branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: ngarakanova@mail.ru

Fadeev Vyacheslav Yuryevich — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Firstov Maksim Ivanovich — Postgraduate Student of Department of International and Regional Tourism, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mst400@mail.ru

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Professor, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna — Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkov Roman Valeryevich — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgievna — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ИА РАН — Исторический архив Российской академии наук

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я
Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124.
Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 2 (26) 2013

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 05.06.2013. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.